

Лаури Мьялксоо

**Советская аннексия и
государственный континуитет:
международно-правовой статус
Эстонии, Латвии и Литвы
в 1940–1991 гг. и после 1991 г.**

Исследование конфликта между нормативностью и
силой в международном праве

Лаури Мялксоо

**Советская аннексия и
государственный континуитет:
международно-правовой статус
Эстонии, Латвии и Литвы
в 1940–1991 гг. и после 1991 г.**

Исследование конфликта между нормативностью
и силой в международном праве

Перевод выполнен по изданию:
Lauri Mälksoo. *Illegal Annexation and State Continuity:
The Case of the Incorporation of the Baltic States by the USSR.*
Martinus Nijhoff Publishers Leiden/Boston, 2003
ISBN 90-411-2177-3
© 2003 Koninklijke Brill NV, Leiden, The Netherlands

Перевод:
А. Крашевский

Оформление обложки:
К. Паалитс

Оригинал-макет:
А. Оттен

Издание книги поддержали
Эстонское целевое учреждение им. Кистлера-Ритсо
Министерство юстиции Эстонской Республики

ISBN 9949-11-144-7

Авторские права на перевод:
Издательство Тартуского университета (Tartu Ülikooli Kirjastus), 2005

Издательство Тартуского университета
www.tyk.ee

СОДЕРЖАНИЕ

Перечень используемых сокращений.....	11
Предисловие к эстонскому изданию	14
1. Введение	17
ЧАСТЬ I. EX INJURIA IUS NON ORITUR	27
Глава 1. Незаконная аннексия, государственный континуитет и идентичность правосубъектности государства: понятия и противоречия	29
1. Меняющийся статус государственности в современном международном праве и сообществе: исходный пункт для анализа	29
2. Восстановленные государства в практике международных отношений: историческая перспектива	31
3. Континуитет, идентичность правосубъектности и прекращение существования государств в доктрине международного права ..	36
4. Вопросы, возникшие в правовой доктрине, в связи с прецедентами аннексий во время Второй мировой войны	43
(A) Следует ли из идентичности правосубъектности государства его континуитет по определению?.....	44
(B) Каковы нормативные следствия идентичности правосубъектности государства?.....	50
(C) Основания для правосубъектности в международном праве государств в прецедентах аннексии периода Второй мировой войны	52
(i) <i>Occupatio quasi bellica</i> и другие вспомогательные теории	52
(ii) Незаконность аннексии ввиду применения силы	53
(iii) Релевантность народа при определении незаконности и континуитета государственности	61
5. Следствия, вытекающие из незаконности аннексии, для правосубъектности государства	66

Глава 2. Правовой статус стран Балтии в международном праве после 1991 года: правопритязания и ответная реакция	73
1. Позиция стран Балтии.....	73
(A) Эстонская Республика	75
(B) Латвийская Республика.....	77
(C) Литовская республика	78
2. Ответная реакция на тезис о континуитете стран Балтии в практике международного сообщества	79
(A) Восстановление дипломатических отношений с западными странами в 1991 году	79
(B) Последующая практика договоров: многосторонние договоры.....	82
(C) Практика в отношении двусторонних договоров	85
(D) Прочие следствия идентичности правосубъектности в отношениях с западными странами	88
(E) Практика в отношении членства в международных организациях	90
(F) Тезис о континуитете стран Балтии и Российская Федерация.....	92
3. Правовой статус стран Балтии: точки зрения в научной литературе.....	101
Глава 3. Страны балтии между 1940 и 1991 гг.: незаконность и/или право давности	107
1. Введение	107
2. Незаконность советской аннексии	109
(A) Оккупация и аннексия стран Балтии Советским Союзом в 1940 году: факты	109
(B) Советская оккупация и аннексия стран Балтии: применяемое право	115
(C) Правовая оценка советской политики в отношении стран Балтии в 1939–1940 гг.	122
(D) Незаконность аннексии в международном праве: советские позиции.....	133
(E) Незаконность советской аннексии: общие выводы	136

3. Право давности и советское правление в незаконно аннексированных странах Балтии.....	136
(A) Понятие права давности в международном праве.....	136
(i) Временной фактор как объективный элемент в анализе права давности?.....	138
(ii) Критерии анализа права давности.....	141
(B) Непризнание советской аннексии стран Балтии: право и политика.....	142
(i) Понятие непризнания в истории.....	142
(ii) Доктрина Стимсона.....	143
(iii) Непризнание советской аннексии на примере стран Балтии.....	146
(iv) Правовая обязанность непризнания незаконных аннексий после 1970 года.....	150
(v) Хельсинкский заключительный акт: признание Западом фактической ситуации?.....	151
(vi) Правовое значение непоследовательности и противоречивых аспектов политики непризнания на примере стран Балтии.....	153
(vii) Непризнание и право давности на примере стран Балтии: выводы.....	164
(viii) Статус прибалтийских Советских Социалистических Республик с точки зрения международного права.....	165
(C) Сохранение государственных органов стран Балтии в изгнании.....	170
(i) Функционирование дипломатических миссий стран Балтии в 1940–1991 гг.	171
(ii) Специфика эстонского случая: правительство(-а) в изгнании.....	178
(iii) Дипломатические миссии стран Балтии и правительство Эстонии в изгнании: оценка с точки зрения государственного континуитета и права давности.....	183
(D) Народы стран Балтии и право давности.....	185
4. Право давности? Выводы.....	194
Глава 4. “Оккупация” стран Балтии (1940–1991 гг.)?.....	195
1. Тезис о советской оккупации (1940–1941, 1944–1991 годы), выдвинутый странами Балтии.....	195
2. Реакция на тезис стран Балтии о советской “оккупации”.....	196
3. Эволюция понятия “оккупация” в международном праве.....	199

(A) Были ли применим/применимы Гаагские нормы 1907 года вне строгих рамок “войны”?	202
(B) Оккупация в сравнении с аннексией.....	205
(C) Основные требования к оккупирующей державе по Гаагскому положению 1907 года и практика во время Второй мировой войны.....	212
4. Оценка примера стран Балтии: фикция и действительность в теории оккупации.....	215
(A) Советский Союз и Гаагское положение	215
(B) Какие нормы оккупационного права были юридически применимы на примере стран Балтии?	217
(C) Выводы: международно-правовые нормы, обязательные для СССР в период его оккупации (незаконной аннексии) стран Балтии	219
5. Выводы: страны Балтии в 1940–1991 гг. — континуитет или прекращение существования?	224
ЧАСТЬ II. EX FACTIS ORITUR IUS	233
1. Введение	235
Глава 5. Конфликтные правопритязания на восстановление законных прав на примере стран Балтии	237
1. Доминирующая в доктрине интерпретация “государственного континуитета”.....	237
2. Особые обстоятельства стран Балтии.....	241
3. Спор о принципе континуитета гражданства и политических правах советских переселенцев.....	244
(A) Введение.....	244
(B) Миграционная политика советских властей	245
(C) Конгрессы граждан в Эстонии и Латвии в 1990 году	250
(D) Дебаты в странах Балтии о политических правах русскоговорящих переселенцев в начале 1990-х гг.....	251
(E) Законы о гражданстве и натурализации в странах Балтии..	254
(i) Эстония	254
(ii) Латвия	255
(iii) Литва	256
(F) Реакция международного сообщества на принцип континуитета гражданства в “Законах о гражданстве” Эстонии и Латвии.....	257

(G) Вывод: отсутствие “неограниченного” восстановления гражданства на примере стран Балтии	263
4. Изменения в отношении государственной территории: приграничные споры после восстановления независимости стран Балтии	265
(A) Эстония.....	267
(i) Односторонние “исправления” государственной границы, проведенные СССР	267
(ii) Эстонско-российские переговоры о границе после 1991 года	269
(B) Латвия.....	273
(i) Односторонние изменения государственной границы, проведенные СССР	273
(ii) Латвийско-российский пограничный спор после 1991 года	274
(C) Границы Литвы	275
(D) Спор о границе: правовые аспекты	277
(E) Спор о границе: выводы	280
5. Вопрос об ответственности государства за ущерб, причиненный во время незаконной советской аннексии	281
(A) Введение.....	281
(B) Основные принципы права международной ответственности	283
(C) Об условиях ответственности государства в ситуации со странами Балтии: вопрос о возможности приписывания ответственности (международно-правовой статус современной России).....	285
(D) Проблема возмещения ущерба после восстановления независимости стран Балтии.....	289
(E) Проблема возмещения ущерба: выводы.....	292
6. Общий вывод из практики: различие между статусом и правами	293
Глава 6. Государственный континуитет в случаях длительной незаконной аннексии: статус и/или права?.....	297
1. Введение	297
2. Критика международного права с позиций реализма	298
3. Нью-хэйвенский подход и новое направление: политика в международном праве	310

4. Доктринальный тезис: понятие статуса шире юридических прав и обязанностей.....	314
5. Внутригосударственная аналогия восстановления стран Балтии: отсутствие <i>restitutio in integrum</i>	319
6. Выводы.....	322

**ЧАСТЬ III. МЕЖДУ НОРМАТИВНОСТЬЮ И СИЛОЙ:
ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
НА ПРИМЕРЕ СТРАН БАЛТИИ** 325

Глава 7. Пример стран Балтии и уроки, вынесенные из других прецедентов	327
1. Введение	327
2. Незаконная аннексия и государственный континуитет	328
(А) Аннексия Восточного Тимора и моменты неопределенности в практике государств в вопросе о непризнании	330
(В) Государственный континуитет как обязательное следствие незаконной аннексии.....	333
(С) Иные существенные факторы помимо незаконности? Воздействие прецедентов	337
(i) Грузия в 1921–1991: непризнанное правопритязание на государственный континуитет	340
(ii) Статус непризнанных правопритязаний на государственный континуитет.....	344
(iii) Чечня: пример вне рамок балтийского прецедента	347
3. Отступления от принципа соответствия действительности и страх несбывшихся фикций.....	349
(А) Законность и действительность в Тибете.....	354
4. Итоговые замечания.....	359
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	365
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	367
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	369
ПРИЛОЖЕНИЕ 4	371
БИБЛИОГРАФИЯ.....	375

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

A.D.	Annual Digest
AFDI	Annuaire français de droit international
AJIL	American Journal of International Law
Art.	Article
ASIL	American Society of International Law
ASIL Proc.	Proceedings of the American Society of International Law
Aufl.	Auflage
AVL	Archiv des Völkerrecht
Bd.	Band
BDGV	Berichte der Deutschen Gesellschaft für Völkerrecht
BverfG	Bundesverfassungsgericht
BYBIL	British Yearbook of International Law
ch.	chapter
CP	Communist Party
CSCE	Conference for Security and Co-operation in Europe
EC	European Communities
ed.	editor
EJIL	European Journal of International Law
EPIL	Encyclopedia of Public International Law
EU	European Union
EÜS	Eesti Üliõpilaste Selts (Эстонское студенческое общество)
FAO	Food and Agriculture Organization of the United Nations
FRG	Federal Republic of Germany
FRUS	Foreign Relations of the United States of America
FS	Festschrift
FYROM	Former Yugoslav Republic of Macedonia
GA	General Assembly
GYBIL	German Yearbook of International Law
Hrsg.	Herausgeber
IAEA	International Atomic Energy Agency

IBRD	International Bank for Reconstruction and Development (World Bank)
ICAO	International Civil Aviation Organization
ICJ	International Court of Justice
ICLQ	International and Comparative Law Quarterly
ICRC	International Committee of the Red Cross
ILA	International Law Association
ILC	International Law Commission
ILJ	International Law Journal
ILM	International Law Materials
ILO	International Labor Organization
ILR	International Law Reports
IMF	International Monetary Fund
IMO	International Maritime Organization
Inst.	Instalment
Int'l Aff.	International Affairs
ITU	International Telecommunication Union
JBS	Journal of Baltic Studies
JIL	Journal of International Law
JTL	Journal of Transnational Law
LNOJ.	League of Nations Official Journal
LNTS	League of Nations Treaty Series
Loy.L.A.Int'l&Comp.L.J.	Loyola Los Angeles International and Comparative Law Journal
MDR	Monatsschrift für Deutsches Recht
MP	Member of Parliament
mtg.	meeting
NATO	North Atlantic Treaty Organization
NGO	Non-governmental organization
NY	New York
N.Y.L.Sch.J.Int'l&Comp.L.	New York University Law School's Journal of International and Comparative Law
OJ	Official Journal
ÖJZ	Österreichische Juristenzeitung
orig.	original
OSCE	Organization for Security and Co-operation in Europe
Parl. Deb.	Parliamentary Debates
PCIJ	Permanent Court of International Justice

RBDI	Revue belge de droit internationale
RCADI	Recueil des Cours de l'Académie de droit international de la Haye
Rdnr.	Randnummer
Res.	resolution
RGDIP	Revue générale de droit international public
RIAA	Reports of International Arbitral Awards
RSFSR	Russian Soviet Federative Socialist Republic
SCOR	Official Records
Ser.	Series
SIPRI	Stockholm International Peace Research Institute
SSR	Soviet Socialist Republic
t.	tome
transl.	Translated
TRNC	Turkish Republic of Northern Cyprus
UK	United Kingdom
UKTS	United Kingdom Treaty Series
UN	United Nations
UNCIO	United Nations Conference on International Organization
UNESCO	United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization
UNIDO	United Nations Industrial Development Organization
UNTS	United Nations Treaty Series
UP	University Press
UPU	Universal Postal Union
U.S.	United States of America
USSR	Union of Soviet Socialist Republics
Va.J.Int'l L.	Virginia Journal of International Law
vol.	volume
WHO	World Health Organization
WIPO	World Intellectual Property Organization
WMO	World Meteorological Organization
WTO	World Trade Organization
YBEL	Yearbook of European Law
YBIL	Yearbook of International Law
ZaöRV	Zeitschrift für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht
Z für VR	Zeitschrift für Völkerrecht
ZÖR	Zeitschrift für öffentliches Recht
ZvglRWiss	Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЭСТОНСКОМУ ИЗДАНИЮ*

Настоящая книга является переводом написанной на английском языке докторской диссертации, которую я защитил с отличием в июле 2002 года на юридическом факультете Гумбольдского университета в Берлине и которая вышла в 2003 году отдельной книгой в издательстве Martinus Nijhoff (Brill). В 2003 году за эту книгу мне также была присуждена почетная награда Клуба друзей юридической библиотеки Гумбольдского университета.

Разумеется, все это представляется довольно необычным: эстонец пишет в Германии докторскую диссертацию на английском языке, которая издается в Голландии в серии, редактируемой профессором из Финляндии, чтобы в итоге “вновь” перевести ее на эстонский язык. Впрочем, это демонстрирует то, что разговоры о глобализации не лишены оснований. (Разумеется, международное право по своей природе всегда было “глобализированной” дисциплиной). Я, конечно, очень рад тому, что благодаря поддержке министерства юстиции Эстонии теперь эта книга выйдет также на эстонском и русском языках. Рассматриваемые в книге юридические проблемы в первую очередь представляют для международной (англоязычной) читательской аудитории академический интерес, но непосредственно они должны интересовать читателей в Эстонии и России. Поэтому книга на русском и эстонском языках принесет, возможно, больше пользы.

После выхода книги в 2003 году на английском языке рассматриваемые в ней проблемы вновь попали в поле зрения общественности в связи с подписанием договора о границе между Эстонией и Россией и переговорами о границе между Латвией и Россией весной-летом 2005

* Настоящая книга выходит в Эстонии параллельно на русском и эстонском языках. Данное предисловие написано автором к эстонскому переводу книги — прим. пер.

года. При написании диссертации я не ставил перед собой цель предоставить “текущий” комментарий правовых проблем в отношениях между странами Балтии и Россией. Поэтому я не стал вносить существенные изменения в текст книги, вышедшей в 2003 году, ограничившись в этом смысле кратким упоминанием о новых фактах, появившихся в связи с ратификацией договоров о границе.

По случаю выхода эстонского издания книги я бы хотел поблагодарить тех людей и институты, которые помогли ее публикации. Каждая докторская работа получает начало дома и ее написание становится возможным благодаря семье. Поэтому я хотел бы поблагодарить своих родителей, Юрье и Сильвию Мьялсоо, а также моих сестер Марию и Эва-Лизу, которые мне очень дороги.

Академическим руководителем диссертации, “отцом доктора” (нем. *Doktorvater*) был профессор международного права Гумбольдского университета Кристиан Томушат, который поощрял меня в работе над сложной темой и чьи широкие познания, острое юридическое чутье и благожелательная поддержка служили мне источником вдохновения. Институт международного права Гумбольдского университета стал для меня академическим домом на три года (1999–2002). Сотрудники института д-р Бардо Фасбендер, Кристиан Фулда, Карола Вольпрехт и Эдгар Ленски благожелательно приняли меня в свой круг и оказали мне большую помощь при написании работы, больше всего своей дружбой. Вторую академическую оценку моей работе (наряду с профессором Томушатом) дал профессор Герд Зейдель, которого я благодарю за комментарии и позитивную критику.

Я не смог бы закончить работу без поддержки немецких стипендиальных фондов. В первый год обучения в докторантуре я был стипендиатом городского собрания Берлина (*Abgeordnetenhaus Berlin*), во второй и третий год меня поддержал фонд Конрада Аденауэра. Данные фонды не ограничиваются только денежной поддержкой, они помогают стипендиатам путем организации научных конференций и т.п. мероприятий через свои “сетевые контакты”. Поэтому моя благодарность академическим координаторам обоих фондов — профессору Арнульф Барингу и д-ру Детлев Прейшу — далеко выходит за рамки финансовой поддержки.

Мне довелось работать в Берлине над диссертацией в то самое время, когда обязанности посла Эстонской Республики в Германии выполняли сначала Маргус Лайдре а, впоследствии, Рийна Кионка. Оба посла имели докторскую степень (один по истории, другая по политологии) и были не только превосходными собеседниками, но и про-

водили замечательную работу с местными эстонцами и, тем самым, «несут ответственность» за несколько запоминающихся встреч.

Я также благодарен профессору международного права Хельсинкского университета Мартти Коскенниemi за его готовность опубликовать мою диссертацию в серии книг Института Эрика Кастрена, издаваемую в издательстве Martinus Nijhoff, и за ценные замечания по устранению последних недоделок в работе.

Я благодарю переводчика книги Андрея Крашевского и директора Издательства Тартуского университета Вайко Тиганэ за их ответственную работу и вклад в подготовку книги к изданию.

Я посвящаю эстонское издание настоящей книги памяти двух выдающихся профессоров международного права остзейского происхождения Бориса Мейсснера и Дитриха Андре Лобера. Работая над диссертацией, я лично познакомился с обоими учеными, не особенно, при этом, задумываясь о том, что жизнь профессоров Мейсснера и Лобера, поставивших себе целью рассмотрение проблем XX века с международно-правовой перспективы, уже подходила к закату. Борис Мейсснер, выросший в Пярну, закончивший юридический факультет Тартуского университета и работавший профессором Кельнского университета, покинул нас 10 сентября 2003 года и родившийся в Риге профессор Гамбургского университета Дитрих Андре Лобер — 24 июня 2004 года.

Д-р Лаури Мялксоо,

июль 2005 года

Suum cuique.

Международное право не может пребывать только в высших сферах чистой теории, оно должно спуститься на уровень реальной жизни для того, чтобы занять почетное место в отношениях между государствами и в жизни народов (...)

Фридрих фон (также Федор или Фредерик де) Мартенс
(1845–1909)

1. ВВЕДЕНИЕ

В одной из сказок братьев Гримм завистливая королева предлагает Белоснежке (*Schneewittchen*) отравленное яблоко. Белоснежка откусывает от яблока и впадает на долгие годы в глубокий сон. Хотя многие с тех пор считали ее мертвой, поцелуй Принца вновь пробуждает Белоснежку к жизни. Эстония, Латвия и Литва утверждали, что их история во многом повторяет историю Белоснежки. Их силой стерли с политической карты мира в 1940 году, но в 1991 году они пробудились, словно бы от долгого коматозного сна, в результате “поцелуев” трех государств, признавших идентичность своей правосубъектности с Эстонией, Латвией и Литвой, существовавшими до 1940 года. Признание “тождества” стран Балтии спустя 51 год после прекращения их существования де-факто стало уникальным прецедентом в международных отношениях, своеобразным “мировым рекордом”.

Тем не менее, для многих специалистов по международному праву такой результат в практике государств оказался совершенно неожиданным. Уже в 1940 году специалисты по международному публичному праву начали прощаться со странами Балтии. Один ученый писал в 1957 г., что “в 1917 году страны Балтии словно бы вышли из тени, чтобы занять место в семье европейских народов, где их до этого момента практически полностью игнорировали. Сейчас они вновь теряются в тумане легенды”. Таким образом, балтийских *Schneewittchen*, сродни Атлантиде, уже начали рассматривать как затерянных в “тумане легенды” (лишенных, впрочем, того интереса, который выпал на долю “затерянного континента”). В сознании правоведов не осталось и следа от существования стран Балтии к тому моменту, когда Мартти Коскенниemi писал в начале 1991 года, имея в виду аннексию Кувейта Ираком, что “война началась в [Персидском] заливе

и Советский Союз усилил военное давление на балтийские республики. Оба кризиса связаны с государственностью: в первом случае с попыткой ее восстановления, а в последнем с усилиями сохранить границы, на которые претендует одно государство и предотвратить создание нового государства”¹.

Таким образом, возникают очевидные научные вопросы. Что произошло на самом деле? Какую роль сыграло международное право? Что могло быть известно специалистам по международному праву или могло быть ими предсказано на основе имеющейся информации? Были ли это первый прецедент, когда государства оказались на практике более “прогрессивными”, чем ученые-юристы, или же государства всего лишь лицемерили, “надували” ученых, утверждая *ex post* юридическую и политическую фикцию? Были ли адекватными юридические понятия, использовавшиеся в доктрине международного права? Не оставили ли мы без внимания в случае стран Балтии какие-либо старые правовые нормы или же наблюдали появление новых норм, на которые нам следовало бы обратить внимание для использования в будущем? Цель настоящего исследования и состоит в том, чтобы найти ответы на эти вопросы.

В той мере, в какой случай стран Балтии можно анализировать в рамках дилеммы “юридическая фикция в сравнении с действительностью”, возникает следующий вопрос: было ли “правильно” признать идентичность их правосубъектности? Разумеется, отравленное яблоко злой королевы было достойно осуждения, но давало ли оно достаточно оснований утверждать, что пробудившаяся дама была той же самой *Schneewittchen*, которая “отсутствовала” так долго? Ссылаясь на долгий период фактического несуществования стран Балтии, ряд ученых в области международного права скептически оценили идею подтверждения континуитета/идентичности правосубъектности этих государств как “проблематичную”² или “догматически спорную”³. Другие юристы-международники настаивали, что признание континуитета стран Балтии было символическим или политическим решением, отнюдь не обязательно вытекавшим из обоснованного применения норм между-

¹ M. Koskenniemi. The Future of Statehood // 32 Harvard ILJ 1991, p. 410.

² A. Zimmermann. Staatennachfolge in völkerrechtliche Verträge. Zugleich ein Beitrag zu den Möglichkeiten und Grenzen völkerrechtlicher Kodifikation. — Berlin: Springer, 2000, p. 50.

³ O. Dörr. Die Incorporation als Tatbestand der Staatsukzession. Berlin: Duncker & Humblot, 1995, p. 49.

народного права⁴. Приведенный в замешательство Оливер Дерр даже заключил, что “данная политически мотивированная фикция не может быть объяснена в рамках норм позитивного международного права”⁵. В таких интерпретациях признание идентичности перестает быть волшебной сказкой о Белоснежке. Скорее, оно приобретает некоторые сходные черты с еврейским мифом о големе — искусственной глиняной фигуре, которая, хотя и была наделена жизнью с лучшими намерениями, выходит из повиновения своему человеческому создателю⁶.

Таким образом, по поводу случая стран Балтии существует широкий разброс противоречивых научных взглядов и интерпретаций. Среди возникающих вопросов наиболее трудным для ответа вполне может оказаться следующий: в какой мере практика государств и, следовательно, “решение” вопроса о странах Балтии определялись правом, а в какой — политикой? Насколько важную роль играло международное право или же, в данном контексте, *что такое* международное право? Случай аннексии стран Балтии затрагивает самые основы международного права, его природу, пределы и возможности. Во время советской аннексии ведущие политологи, в том числе и Раймон Арон, ссылались на данный случай как на иллюстрацию пределов международного права в ситуациях, когда оно противопоставляется таким факторам, как сила⁷.

⁴ См., например: M. Koskenniemi and M. Lehto. *La succession d'états dans l'ex-URSS, en ce qui concerne particulièrement les relations avec la Finlande* // 38 AFDI 1992, pp. 197–8 (“В данном случае притязание на континуитет означает юридическую фикцию. Как сами страны Балтии, так и окружающий их мир уже не “те же самые”, что в 1940 году. (...) Можно усомниться в необходимости вновь возвращаться к фикции континуитета для достижения юридических результатов, которые и так вытекают из признания противоправности оккупации”).

⁵ См.: Dörr. *Op. cit.*, p. 355.

⁶ В этой связи: Якоб Гримм, один из создателей Белоснежки, закончил в 1808 году исследование о феномене големов.

⁷ R. Aron. *Peace and War: A Theory of International Relations*. Transl. R. Howard and A. Baker Fox, Garden City, NY: Doubleday, 1966, p. 108: “Те основные исторические события, в силу которых государства рождаются и умирают, происходят вне юридической системы. Страны Балтии прекратили существовать, они больше не являются субъектами международного права; ничто из того, что делает Советский Союз на территориях, суверенные права на которые в 1939 году принадлежали Эстонии или Литве, больше не относится к международному праву, по крайней мере с точки зрения тех государств, которые прекратили “признавать” Эстонию, Литву и Латвию (то есть, почти всех государств). Когда государство вычеркивается с карты мира, оно становится жертвой нарушения

В ходе настоящего исследования будет не лишним напомнить себе слова Фридриха Бербера о “месте, совершаемой политикой по отношению к международному праву”, то есть о превалирующей роли политики при решении сильно политизированных проблем⁸. Юристы-международники всегда с большим опасением относились к возможности такой “месты”. Луи Хенкин однажды сделал критическое замечание о том, что “ученые в области международного права (...) склонны начинать [свой анализ] с международного права и, зачастую, им же и ограничиваться (...)”⁹. Автор настоящей книги стремился исследовать свой предмет в традиции профессора Хенкина, который считает неоправданным сведение международно-правового анализа к формальному обсуждению “чистых” юридических норм. Случай правового статуса стран Балтии не может быть адекватно оценен в рамках столь узкого подхода. Знать то, что “гласит норма” не менее важно, чем знать “контекст применения (или неприменения) правовых норм”. Более того, просто чтобы познать содержание правовых норм, юристам следует усвоить “манеру поведения государств”, какой бы запутанной и лишенной цельности не была эта манера в ряде случаев.

Тем не менее, в настоящей работе автор исходит из базовой посылки, согласно которой международное право и международная политика остаются самостоятельными, хотя и непременно взаимосвязанными, феноменами и областями исследования. Следовательно, юридические интерпретации случая стран Балтии не только возможны, но и неизбежны и необходимы. Различия в интерпретациях этого случая специалистами всего лишь свидетельствуют о (зачастую скрытой) важности ценностей и политики. Очевидно, что сомнения и вопросы, высказываемые специалистами по международному праву, относятся не столько к данному отдельно взятому случаю — юридическому статусу стран Балтии — сколько к ряду наиболее фундаментальных концепций международного права, к изменениям и дилеммам, с которыми сталкивалось и продолжает сталкиваться международное со-

международного права. Если никто не придет ему на помощь, то вскоре оно будет позабыто и то государство, которое нанесло ему *coup de grace* (смертельный удар (*фр.*) — прим. пер.), будет с не меньшей радушностью принято на встречах так называемых миролюбивых наций”.

⁸ Цит. по: B. Simma. Comments on Global Governance, the United Nations Reform and the Place of Law, in: 9 Finnish YBIL 1998, p. 64.

⁹ L. Henkin. How Nations Behave. Law and Foreign Policy. New York et al: Frederick A. Praeger, 1968, p. 5.

общество. На какие ценности опирается и должно опираться международное право, когда такие изменения происходят? Юристам не следует обманываться по поводу того факта, что международное право основано на ценностях и что определение этих ценностей и выбор между ними в процессе создания и применения норм международного права никогда не бывает чисто “юридическим”, но также представляет из себя предмет этики, морали¹⁰ и, следовательно, неизбежно и “политики”.

Один из фундаментальных выборов между противоречивыми ценностями был известен международному сообществу с момента зарождения *ius gentium*: какой вес следует придавать принципу законности (*ex injuria ius non oritur*¹¹), а какой — принципу соответствия действительности (*ex factis oritur ius*¹²)? Международное право должно учитывать оба эти принципа, чтобы быть *правом* и быть *эффективным*, но оно также должно решить, какой из двух принципов предпочесть в случае частного конфликта. В убедительной формулировке Томаса М. Франка “вопросы, к ответу на которые должен быть подготовлен юрист-международник в нашу пост-онтологическую эпоху, отличаются от вопроса традиционного исследования: является ли международное право правом? Вместо этого у нас теперь спрашивают: эффективно ли международное право? (...) И, наконец, самый важный вопрос: справедливо ли международное право?”¹³

По поводу ценностей в начале работы должно быть сказано несколько слов о том, что дает автору право писать на выбранную тему. Он происходит из одной из стран Балтии — Эстонии — и намеревается писать об этих государствах. Можно ли сохранить “объективность” в такой ситуации? В 1995 году Борис Мейсснер сожалел о том, что нет “ни одной действительно объективной работы о случае стран Балтии, написанной российскими специалистами по международному праву”¹⁴. Если на это не были способны русские, то как к этому могут быть способны балты? И может ли в принципе существовать “действительно объективный” ответ и как его можно

¹⁰ Общие вопросы о взаимодействии права и морали см. в: С. Tomuschat. *Ethos, Ethics and Morality in International Relations* // EPIL 9, 1986, pp. 127–134.

¹¹ Незаконное деяние не создает права (*лат.*) — прим. пер.

¹² Факты создают право (*лат.*) — прим. пер.

¹³ Т.М. Franck. *Fairness in International Law and Institutions*. Oxford UP, 1995, p. 6.

¹⁴ См. замечание профессора Мейсснера в: BDGV, Bd. 35. *Das Recht der Staatensukzession. Referate und Thesen von U. Fastenrath etc.* Heidelberg, 1996, p. 359.

найти? Йозеф Кунц поднял проблему возможной предвзятости авторов, пишущих об особо противоречивых случаях в сфере государственности, указав, что “политическим влияниям подчинены многие из тех, кто пишет на данную тему, в результате чего они подходят к проблеме с заранее готовыми ответами, соответствующими их политическим предпочтениям”¹⁵. Альфред Вердросс явно столкнулся с той же проблемой “легитимности”, когда, выступая со своими тезисами о правовом статусе Австрии в 1938–1945 гг. как последствии нацистского управления, он подчеркнул почти извиняющимся тоном, что намеревается сделать это *sine ira et studio*^{16**}. Кристина Марек более откровенно обозначила свою позицию как ученой, посвятив свое выдающееся исследование идентичности правосубъектности и континуитета государств, в котором рассматривалась и Польша, *manibus Patris mei*¹⁷.

Автор данной работы считает, что личные особенности биографии любого исследователя волей-неволей оказывают воздействие на его мышление и восприятие¹⁸. Единственная возможность добиться объективности — это, как сказал шведский экономист и нобелевский лауреат Гуннар Мюрдаль, раскрыть свой собственный субъективизм¹⁹. Таким образом, поиск объективности приобретает более реалистичный смысл в духе Ричарда Рорти, утверждавшего, что “желание достичь объективности не означает желания выйти за пределы ограничений, действующих в том или ином сообществе, а всего лишь желание добиться как можно более широкого интерсубъективного согласия, желание расширить понятие “мы” до максимально возможных пределов”²⁰.

¹⁵ J.L. Kunz. Identity of States under International Law // 49 ASIL 1955, p. 70.

¹⁶ A. Verdross. Die völkerrechtliche Identität der Staaten, in: Festschrift H. Klang, Wien: Springer Verlag, 1950, p. 18 at 20.

** непредвзято, букв. “без гнева и предубеждений” — прим. пер.

¹⁷ (руками моего отца (*лат.*) — прим. пер.) K. Marek. Identity and Continuity of States in International Law. Genève: E. Dros, 1954.

¹⁸ Подробнее см.: O. Korhonen. International Law Situated. An Analysis of the Lawyer’s Stance Towards Culture, History and Community. The Hague: Kluwer, 2000. В этой книге, среди прочего, анализируются российско-финские отношения в момент появления финской государственности.

¹⁹ Цит. по: A. Cassese and J.H.H. Weiler (eds.). Change and Stability in International Law-Making. Berlin: de Gruyter, 1988, p. 152 (из замечаний Джорджа Аби-Сааба).

²⁰ R. Rorty. Objectivity, Relativism, and Truth. Cambridge University Press, 1996, p. 23.

Единственный отказ от притязаний автора настоящей работы на соответствие формуле *sine ira et studio* заключается в оговоре, что встречающаяся в ряде мест критику официальной российской позиции по ряду вопросов в период после 1991 года не следует ошибочно рассматривать как свидетельство “антироссийского” отношения. Эта книга не нападает на “страны”; она лишь выступает против определенных аргументов и подходов. Жаловаться на то, что прямой разговор о прошлом свидетельствует о недружественном отношении, означало бы наложение неоправданно жестких ограничений на научное исследование: *amicus Plato, sed magis amica veritas*²¹. Автор полностью согласен с нетрадиционной интерпретацией дружбы, сформулированной Александром Солженициным: “друг станет с тобой спорить”. Представляется, что реальная основа для доверия и дружеских отношений — как между людьми, так и между народами — возникает тогда, когда различия во мнениях не скрываются под занавесом молчания, а открыто высказываются и обсуждаются. В конечном счете как народы Российской Федерации, так и народы стран Балтии имеют общий важный интерес в том, чтобы преступления советской эпохи никогда не повторились.

Необходимость следующего пояснения связана с терминами “страны Балтии” или “балтийские республики”. Само понятие “стран Балтии” менялось в зависимости от особенностей исторической эпохи. Изначально определение балтийский (нем. *das Baltikum*)²² относилось только к современным Эстонии и Латвии (в то время провинции Эстония, Ливония и Курляндия). В начале XX века к “странам Балтии”, помимо Эстонии, Латвии и Литвы, относили также Финляндию, а иногда даже и Польшу. В настоящее время сходные вопросы ставит определение геополитической идентичности Калининградской области. Тем не менее, на современном этапе термин “страны Балтии” стал обозначать Эстонскую, Латвийскую и Литовскую республики. В этом значении он используется и в настоящей книге.

Хотя у трех балтийских наций есть немало общего, каждая из них все же обладает отдельной историей, идентичностью, национальной и политической культурой²³. К сожалению, до сих пор представляется

²¹ Платон мне друг, но истина дороже (*лат.*) — прим. пер.

²² “Das Baltikum” не следует путать с “Baltland”, одной из северных провинций Пакистана.

²³ К лучшим современным вводным работам по истории, культуре и политике стран Балтии относятся: R. Misiunas, R. Taagepera. *The Baltic States. Years of*

верным следующее замечание британского ученого Анатоля Ливена: "...на Западе очень мало известно о странах Балтии. В работах о других странах Восточной Европы определенный культурный и исторический контекст может считаться само собой разумеющимся, но со странами Балтии ситуация иная. В частности, для Запада и, в действительности, для западной дипломатии характерно отнесение стран Балтии к одной категории и рассмотрение их как тождественных (...) на самом же деле они сильно различаются между собой и их последующая судьба может также сложиться совсем по-разному. По крайней мере в этом смысле, балтийский регион не существует"²⁴. Таким образом, общий исторический опыт оккупации и аннексии Советским Союзом не означает "одинаковости" балтийских республик, их политики и идентичности. То, что верно в случае Литвы, может быть, а может и не быть верным в случае Эстонии, и наоборот. Общая черта всех трех государств — это очень небольшие размеры территории и населения, заметно уступающие размерам населения больших метрополий²⁵. Этнические латыши и литовцы говорят на языках, принадлежащих к балтской языковой группе; эстонцы говорят на одном из финно-угорских языков. В Литве доминирует католицизм, в то время как население Латвии и Эстонии в основном исповедует протестантизм.

Помимо работ, написанных на основных языках, в том числе и на русском, автор старался привлечь как можно больше источников из стран Балтии. Тем не менее, не владея латышским и литовским языками, он не смог воспользоваться некоторыми юридическими работами, опубликованными в Латвии и Литве.

Данное исследование включает в себя три основные части. В первой части, озаглавленной "*Ex injuria ius non oritur*", мы подробно рассматриваем современный правовой статус стран Балтии. В первой главе дается введение в историю используемых юридических понятий, а

Dependence 1940–1980. 2nd ed., Berkeley: University of California Press, 1993 и A. Lieven. *The Baltic Revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence*. New Haven and London: Yale University Press, 2nd ed., 1994. Более ранние работы включают: G. von Rauch. *Geschichte der baltischen Staaten*. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1970; E. Uustalu. *The History of Estonian People*. London: Boreas Publishing, 1952. Качественные сжатые обзоры см. также в: Boris Meissner. *Baltic States // EPIL 1*, p. 328 et seq и Z. Kiaupa, A. Mäesalu, A. Pajur, G. Sträube. *The History of the Baltic Countries*. Tallinn: Avita, 1999.

²⁴ См.: A. Lieven. *The Baltic Revolution*, p. XXXV.

²⁵ В 2001 году население Эстонии составляло 1,4 миллиона, Латвии 2,5 миллиона и Литвы 3,5 миллиона человек.

также рассматриваются более ранние случаи восстановления независимых государств. Это наиболее теоретическая глава во всей книге, устанавливающая концептуальную схему юридической дискуссии по вопросу о государственном континуитете и/или правопреемстве. С помощью изложенных в первой главе теоретических и терминологических сведений мы рассматриваем вопрос о применимости существующих базовых понятий международного права, таких как агрессия, незаконность аннексии, право давности, оккупация и государственный континуитет, к фактам из случая балтийских республик. Поскольку анализ идет от общего к частному, то основной используемый здесь аналитический метод — дедуктивный. Цель второй главы состоит в том, чтобы при помощи существующих юридических понятий внести ясность в природу фикции об “идентичности правосубъектности” стран Балтии. Поддерживает ли практика государств и существующие понятия фикцию непрерывного существования этих государств (государственный континуитет)? Случай стран Балтии очевидно показывает, что данная дилемма, на первый взгляд исключительно метафизическая, имеет огромное практическое значение, вызывая, среди прочего, вопросы об ответственности государств за период “сна”.

Во второй части настоящего исследования, озаглавленной “*Ex factis oritur ius*”, мы обсуждаем юридические следствия из несоответствия между правовым статусом стран Балтии с одной стороны и их отчасти неудавшимися попытками восстановить юридические отношения (права) по состоянию до аннексии с другой стороны. В заключительной третьей части мы рассматриваем следствия, вытекающие из случая стран Балтии для международного права и юридической доктрины. В данном случае в основном используется индуктивный метод. Свидетельствует ли практика государств в случае стран Балтии, рассмотренная в совокупности с происходившим параллельно развитием в практике международного права, об изменениях или развитии международного права в вопросе о государственности? Потенциальную прецедентную важность случая стран Балтии можно усмотреть уже в том факте, что Джеймс Кроуфорд в своей классической работе “Образование государств в международном праве” не смог, вследствие недостаточности практики государств, прийти к каким-либо определенным выводам касательно государственного континуитета или прекращения существования государств в случае продолжительных

незаконных аннексий²⁶. Какие выводы о “государственном континуитете” могут быть сделаны на основании случая стран Балтии в рамках международно-правовой доктрины? Данный спорный вопрос касается не просто проблемы применимости определенных абстрактных понятий (таких как государственный континуитет) в случае стран Балтии, но также и *самого содержания* этих понятий. Таким образом, анализируя факты частного и редкого прецедента, автор стремится внести большую ясность в некоторые фундаментальные доктринальные вопросы и понятия, относящиеся к “существованию” и восстановлению государств в случаях незаконной аннексии.

²⁶ “Едва ли стоит сожалеть об отсутствии недавней и более эксплицитной практики государств; в то же время, это мешает нам дать более убедительную оценку воздействия эффекта, оказываемого на государственность незаконной, но продолжающейся аннексией”. J. Crawford. *The Creation of States in International Law*. Oxford: Clarendon Press, 1979, p. 420.

ЧАСТЬ I. EX INJURIA IUS NON ORITUR

ГЛАВА 1. НЕЗАКОННАЯ АННЕКСИЯ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТИНУИТЕТ И ИДЕНТИЧНОСТЬ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВА: ПОНЯТИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

1. Меняющийся статус государственности в современном международном праве и сообществе: исходный пункт для анализа

Изучение государств в международном праве представляет в настоящее время интерес ввиду широко распространенного убеждения, что и во внутренних делах, и в международных отношениях роль (национальных) государств уменьшается или, по крайней мере, претерпевает изменения. Но сейчас часто забывают, что предсказания “конца государства” далеко не новы. В ходе XX века возможность “исчезновения государства” предполагалась как марксистами, так и консервативными юристами. Уже в 1907 году Эдуард Берт (Edouard Berth) провозгласил: “L’etat est mort”¹. В. И. Ленин в 1917 году предсказывал “отмирание” государства². Карл Шмитт в 1963 году писал, что “остается мало сомнений” в приближающемся конце эпохи государственности³. В настоящее время подобные апокалиптические предсказания выглядят не просто результатом научного анализа неопровержимой

¹ (Государство умерло (*фр.*) — прим. пер.). Цит. по: W. Rudolf. Wandel des Staatsbegriffs im Völkerrecht? Bonn: Europa Union Verlag, 1986, p. 45.

² Ленин В.И., Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Москва: Издательство политической литературы, 1952 (ориг. 1917 г.).

³ C. Schmitt. Der Begriff des Politischen. Text von 1952 mit einem Vorwort und drei Corollarien. Berlin: Duncker & Humblot, 1963, p. 40.

тенденции к все большей глобализации, но также и определенного *Zeitgeist*⁴, порожденного этим процессом.

Очевидно, что ученые в области международного права столкнулись в данном вопросе с концептуальными трудностями, поскольку весь предмет “классического” международного права выстроен вокруг принципа “государство *есть* (основной) субъект международного права”. Несмотря на это, юристы-международники включились в обсуждение темы “упадка” государства⁵, хотя, наряду с этим, модный тезис об “исчезновении государства” был также подвергнут некоторыми из них резкой критике⁶.

В любом случае очевидно, что государственность не относится к числу статичных феноменов. По мере того, как отдельные личности и народы, вопросы легитимности и даже демократии начали вторгаться в сферу международного права, социальное восприятие государств в современную эпоху становилось все менее и менее “независимым от ценностей”. Такие изменения в восприятии понятия «государство» поставили под сомнение и, вероятно, бросят в будущем еще больший вызов традиционной концепции международного права, в которой существование государств “слепо” принимается как социальный факт, не нуждающийся в дополнительных вопросах о том, является ли конкретный существующий субъект демократией или диктатурой, каким образом данное государство было создано или что именно угрожает его существованию.

Анализируя последние изменения в практике и социальном восприятии, ученым-юристам следует подвергнуть переоценке обоснованность использования ряда традиционных аналитических техник. По

⁴ Дух времени (*нем.*) — прим. пер.

⁵ См., например: L. Ali Khan. *The Extinction of Nation-States. A World without Borders*. The Hague: Kluwer, 1998; C. Schreuer. *The Waning of the Sovereign State: Towards a New Paradigm for International Law?* // 4 EJIL 1993, pp. 447–471; S. Sur. *The State between Fragmentation and Globalization* // 8 EJIL 1997, pp. 421–432; O. Schachter. *The Decline of the Nation-State and its Implications for International Law* in: J.I. Charney, D.K. Anton, M.E. O’Connell (eds.). *Politics, Values and Functions. International Law in the 21st Century. Essays in Honor of Professor Louis Henkin*. The Hague: Nijhoff, 1997; A.-M. Slaughter. *Governing the Global Economy through Government Networks* in: Byers M. (ed.) *The Role of Law in International Politics*, 2000, pp. 177–205.

⁶ См., например, M. Koskeniemi. *The Wonderful Artificiality of States* in: 88 ASIL Proc. 1994, p. 29; B. Stern. *How to Regulate Globalization?* in: M. Byers (ed.) *The Role of Law in International Politics*. Oxford UP, 2000, pp. 247–268.

своей природе государство — это абстракция, понятие⁷; вопрос же заключается в том, до какого предела с нормативной точки зрения абстрактная государственность может функционировать, не согласуясь при этом с принципом соответствия действительности? Проблема незаконно аннексированных государств может анализироваться в рамках данной парадигмы изменений и неопределенностей в вопросе о государственности. Связанные с восстановлением государств исторические события, прежде всего, характеризуются переменами в международных отношениях. Именно из-за трудностей, связанных с классификацией таких изменений, ученые-юристы традиционно характеризовали международное право, регулирующее вопросы правопреемства и континуитета государств, как “неопределенное”, “непригодное для кодификации” и т.д.

2. Восстановленные государства в практике международных отношений: историческая перспектива

Феномен восстановленных государств имеет сравнительно долгую историю. Уже Эмер де Ваттель приводит в качестве примера случай Португалии⁸. В 1580 году правящая Португалией династия прервалась и страна была включена в состав Испанского королевства. Тем не менее, в результате восстания 1640 года независимость Португалии была восстановлена. По всей вероятности, в международных отношениях это первый случай “воскресшего” государства⁹, происшедший еще до установления Вестфальской системы. Другой исторический прецедент, упоминаемый в данном контексте, это “воскрешение” Генуэзской республики¹⁰.

Венский конгресс 1815 года восстановил независимость ряда германских и итальянских государств, проведя реставрации “легитимных” династий, изгнанных Наполеоном. Среди восстановленных государств

⁷ См.: L. Henkin. *International Law: Politics, Values and Functions*. General Course on Public International Law, in: 216 RCADI 1989, p. 23.

⁸ E. de Vattel. *Droit des Gens*. 1758, Book III, Chapter XIV, para. 213.

⁹ См.: V-D. Degan. *Création et disparition de l'État (à la lumière du démembrement de trois fédérations multiethniques en Europe)* // 279 RCADI 1999, p. 293.

¹⁰ См.: W.E. Hall. *A Treatise on International Law*, 8th ed., ed. by A.P. Higgins. Oxford, 1924, pp. 580–581.

оказались и Нидерланды, включенные в состав Французской империи в 1810 году¹¹.

Пример Польши, утратившей независимость в результате третьего раздела страны в 1795 году и вновь получившей ее в 1918 году после окончания Первой мировой войны, представляет собой первый “современный” прецедент восстановления государства. Польша стала первым государством, которое в современных юридических терминах заявило, что, вне зависимости от факта своего “физического” несуществования на протяжении 123 лет, в качестве субъекта международного права оно идентично ранее существовавшему государству¹². Несмотря на выдвинутые польскими юристами аргументы¹³, правопритязание Польши все же не получило признания за пределами самой страны¹⁴. Подобным образом, на международном уровне даже не обсуждались выдвинутые Литвой после 1918 года правопритязания на то, что она является “тем же самым” государством, которое составляло литовскую часть Речи Посполитой до 1795 года¹⁵.

Существенные изменения в этом вопросе произошли накануне и в ходе Второй мировой войны. 5 октября 1935 года итальянские войска вторглись в Эфиопию; аннексия была оформлена 9 мая 1936 года. После краткого периода колебаний другие государства признали эту насильственную аннексию. Их отношение к правовому статусу Эфиопии изменилось после объявления Италией войны союзникам 11 июня 1940 года. После освобождения Эфиопии британскими войсками была признана непрерывность и идентичность ее правосубъектности с государством, существовавшим до аннексии. 10 февраля 1947 года союзные и соединенные державы подписали с Италией мирный дого-

¹¹ V.-D. Degan. *Op. cit.*, p. 294.

¹² Польские суды подтвердили идентичность в следующих процессах: *Republic v. Felsenstadt* (1922), I AD No. 16; *Republic v. Weisholc* (1919), *ibid*, No. 17; *Republic v. Pantol* (1922), *ibid*, No 18. Подробнее об этих процессах см.: A. Uschakow. *Die Wiederherstellung Polens im Lichte des Völkerrechts*, in: B. Meissner, G. Zieger (Hg.). *Staatliche Kontinuität unter besonderer Berücksichtigung der Rechtslage Deutschlands*. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1983, p. 107 at 113.

¹³ См., например: S. Cybichowski. *Das völkerrechtliche Okkupationsrecht* // 18 Z. für VR 1934, p. 318.

¹⁴ Crawford. *Op. cit.*, p. 408. См. также: Kunz. *Op. cit.*, p. 71; Marek. *Op. cit.*, p. 581 и W. Fiedler. *Das Kontinuitätsproblem im Völkerrecht. Zum funktionalen Zusammenhang zwischen Völkerrecht, Staatsrecht und Politik*. Freiburg: Karl Alber, 1978, p. 36.

¹⁵ См.: I. Ziemele. *State Continuity and Nationality in the Baltic States: International and Constitutional Law Issues*. PhD Dissertation, Cambridge, 1998, p. 40.

вор, согласно которому действия Италии в Эфиопии провозглашались утратившими законную силу *ex tunc*¹⁶, то есть, применили обратную силу ко всем событиям с самого начала итальянской агрессии¹⁷. Таким образом, послевоенная Эфиопия признавалась в качестве того же самого государства, которое существовало до 1936 г. Более того, подразумевалось, что итальянская аннексия не означала исчезновения Эфиопии в этот период.

Другой прецедент мы видим на примере Чехословакии, оккупированной германской армией 16 марта 1939 года уже после того, как Чехословакия была вынуждена уступить Германии “Sudetenland” в 1938 году. Днем ранее Гитлер и Геринг предъявили президенту Чехословакии Гаха (Hacha) ультиматум с угрозой начать бомбежки Праги, если Чехословакия не уступит германскому требованию оккупации Богемии и Моравии. Президент Гаха принял ультиматум. Соединенные Штаты никогда не признавали за Богемией и Моравией статус протектората Германии и продолжали признавать государственность Чехословакии. Напротив, большая часть международного сообщества в прямой или косвенной форме признала прекращение существования Чехословакии¹⁸. В ходе Второй мировой войны бывший президент Чехословакии Эдуард Бенеш основал чехословацкое правительство в изгнании. В мирных договорах, подписанных 10 февраля 1947 года, была полностью подтверждена идентичность правосубъектности послевоенной Чехословацкой Республики той Чехословацкой Республике, которая существовала до 1939 г¹⁹.

Подобная ситуация имела место в Албании. Итальянская армия атаковала Албанию 7 апреля 1939 года. Корона Албании была “предложена” королю Италии и 14 апреля 1939 года была провозглашена “личная уния между двумя королевствами”. Другими словами, Италия аннексировала Албанию. Большинство государств, за исключением США и некоторых других стран, признали результаты совершенных Италией насильственных действий. Поскольку албанское правительство в изгнании не было образовано, то Албания выглядела прекратившей существование в качестве государства. Несмотря на это, в мирном договоре от 10 февраля 1947 года итальянские действия в

¹⁶ С момента принятия (*lat.*) — прим. перев.

¹⁷ См.: Marek. Op. cit., p. 177.

¹⁸ Marek. Op. cit., p. 290.

¹⁹ См.: Marek. Op. cit., pp. 318–9; См. также: G. Cansacchi. Identité et continuité des sujets internationaux. RCADI 1970, p. 55.

отношении Албании были квалифицированы как агрессия и был однозначно подтвержден континуитет албанского государства от Албании, существовавшей до 1939 года. Международная практика в других вопросах поддерживала точку зрения, согласно которой Албания была восстановлена на основе континуитета.

Наконец, существует прецедент Австрии — последний в перечне, но не по значению — возможно, наиболее “знаменитый” или, по меньшей мере, наиболее широко обсуждавшийся. 11 марта 1938 года Германия предъявила правительству Австрии ультиматум, в котором потребовала отмены Австрией планируемого плебисцита по вопросу о выборе между сохранением независимости страны или присоединением к Германии²⁰. После принятия Австрией ультиматума последовало следующее германское требование, согласно которому в Австрии должно было быть сформировано “дружественно настроенное по отношению к Германии” правительство под руководством лидера австрийских нацистов Артура Зейсс-Инкварта. Австрия приняла и этот ультиматум, хотя уходящий в отставку канцлер успел выступить по радио с речью, в которой заявил, что Австрия “уступает силе”. Новый канцлер Австрии Зейсс-Инкварт немедленно обратился к Германии с просьбой ввести в страну войска “для избежания кровопролития”. Германия выполнила эту “просьбу”. 10 апреля 1938 года в Австрии был организован плебисцит, в котором население страны должно было высказаться по вопросу о включении Австрии в состав Германии. Согласно официальным данным, из 4284795 голосовавших 4273884 человека высказались в пользу инкорпорации²¹.

Австрийское правительство в изгнании сформировано не было; австрийские дипломатические представительства за границей полностью прекратили свою деятельность. Казалось, что международное сообщество сочло прекращение существования Австрии доказанным. Даже Соединенные Штаты, наиболее ревностный сторонник принципа непризнания, признали прекращение существования Австрии²².

²⁰ См.: Marek. Op. cit., pp. 340–1.

²¹ Дам (Dahm) указывает, что настроения среди населения Австрии могли поддерживать *Anschluss*, хотя с точки зрения международного права это не лишает действий Германии незаконного характера: “В силу этого данное событие, которое действительно соответствовало настроениям народа в тот период, осталось незаконным по международному праву”. См.: G. Dahm. *Völkerrecht*. Band I, Stuttgart, 1958, p. 592.

²² Ср.: D.P. O’Connell. *State Succession*. Vol. II, 1967, pp. 38–39.

Тем не менее, с началом Второй мировой войны точки зрения изменились. 1 ноября 1943 года Великобритания, США и Советский Союз приняли Московскую декларацию, в которой аннексия Австрии провозглашалась не имеющей юридической силы. В апреле 1945 года советские войска заняли Вену и австрийские политики объявили о восстановлении Австрийской республики. Вместо признания Австрии в качестве нового государства, союзники признали новое правительство Австрии.

Как следствие восстановления австрийского государства, союзные державы согласились на Потсдамской конференции 1945 года, что “с Австрии не должны взиматься репарации”. Наконец, континуитет Австрийской республики был признан в Австрийском Государственном Договоре от 15 мая 1955 г.²³. Следовательно, можно заключить, что тезис о континуитете Австрии был принят в практике государств²⁴.

И все же далеко не все притязания на “тождество” с историческими государствами были признаны в практике государств в период после Второй мировой войны. Например, после получения Алжиром независимости в 1958 году, это государство заявило об идентичности своей международной правосубъектности с Алжиром, покоренным Францией в 1830 г.²⁵ Хотя “старый” Алжир исчез с политической карты мира 130 лет назад, Алжир заявил, что произошло “правовое восстановление ранее существовавшего государства” (*résurrection légale d'un état préexistant*)²⁶. Таким образом, правительство Алжира выдвинуло предположение, что нет необходимости в признании нового государства²⁷. Несмотря на это, притязания Алжира на “тождество” с государством, существовавшим 130 лет назад, не получили признания в

²³ См.: Австрийский Государственный Договор (Staatsvertrag), Вена (Belvedere), 15.5.1955, BGBl 1955/ 152, Статьи 1 и 21.

²⁴ Ср. также с: R.E. Clute. The International Legal Status of Austria, 1038–1055. The Hague: Nijhoff, 1962, p. III. Недавний краткий обзор см. в: P. Oberhammer/A. Reinisch. Restitution of Jewish Property in Austria // *ZaöRV* 2000 60/3–4, p. 739 et seq.

²⁵ Общий обзор см. в: J.A. Frowein. Die Abmachung von Evian und die Entstehung des algerischen Staates, in: 23 *ZaöRV* 1963, pp. 20–48. См. также: I. Seidl-Hohenveldern, T. Stein. *Völkerrecht*. C. Heimann Verlag, 2000, p. 254.

²⁶ См. также: M. Bedjaoui. *La Révolution algérienne et le droit*. Bruxelles: Association internationale des juristes démocrates, 1961, p. 18 et seq., где автор доказывает, что суверенитет Алжира никогда не прерывался на законных основаниях и был возобновлен с наступлением состояния войны.

²⁷ O. Dörr, *Inkorporation...*, p. 48.

практике государств. Сходным образом, Республика Корея утверждала, что осуществленная Японией в 1910 году аннексия Кореи была незаконной, поскольку Соглашение об аннексии 1910 года было заключено под принуждением. На этом основании Корея утверждала, что она не прекращала существовать как государство и идентична старой Корейской империи. Эта точка зрения не нашла признания в практике государств.

Уже из первого знакомства с этим сжатым обзором становится ясно, что притязания на идентичность правосубъектности государства не “гарантируют” признания такой идентичности как субъекта международного права. Очевидно, что действовали существенные юридические и политические факторы, в силу которых идентичность правосубъектности государств подтверждалась в одних случаях и отрицалась в других. Причины, лежащие в основе этих факторов, нуждаются в изучении. Почему так по-разному трактовались случаи Польши (1795–1918) и Алжира (1830–1958) с одной стороны и примеры Эфиопии, Чехословакии, Албании и Австрии с другой? И каков был действительный правовой статус Эфиопии, Чехословакии, Албании и Австрии в период, когда они де-факто не существовали? Каким образом доктрина международного права истолковывала и классифицировала эти прецеденты, и какие выводы из них были сделаны в отношении понятия государственности в международном праве?

3. Континуитет, идентичность правосубъектности и прекращение существования государств в доктрине международного права

К фундаментальным интересам любой правовой системы относится установление правил, при помощи которых можно определить субъекты данной правовой системы, способ их создания и условия, при которых они прекращают свое существование. Идентичность правосубъектности субъектов международного права имеет прямое отношение к их правам и обязательствам, соблюдение или несоблюдение которых прямо влияет на стабильность международных отношений. Исходя из этого, в международном праве традиционно проводилось различие между двумя разными, возможно даже противоречивыми понятиями: правопреемство государств и континуитет государств (идентичность правосубъектности). В случае государственного правопреемства государство-

предшественник прекращает свое существование, а вопрос о переходе его правовых отношений к государству-преемнику еще подлежит определению сторонами в соответствии с нормами международного права²⁸. Напротив, при идентичности международной правосубъектности государства предшествующий субъект права продолжает существовать независимо от тех или иных изменений и непрерывность его правовых отношений обычно подразумевается. Поскольку международное право стремится к сохранению стабильности международных отношений, то вполне естественно, что в практике государств присутствует четкая презумпция в пользу континуитета существующих государств²⁹. Специалисты по международному публичному праву писали о принципе “максимально возможного континуитета государств”³⁰.

Но что такое государство с точки зрения международного права? Ответы на этот вопрос более или менее прямо определяют условия, при которых государство прекращает свое существование. Юристам в области международного права неизбежно приходится соглашаться с тем, что даваемые ими ответы на вопрос “что такое государство?” основываются на разных системах взглядов. Известно два различных подхода к “действительности” государственности, оба из которых смогли сочетаться в философии Георга Вильгельма Фридриха Гегеля. Одна научная школа принимает существование государственных общностей “как они есть”, а другая устанавливает нормативные критерии их существования. С одной стороны, Гегель постулировал, что каждый действительно существующий объект разумен: “что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно”³¹. С другой стороны, по Гегелю, только то может быть названо действительным, что соответствует своей сущности. Не все то, что существует (*die Existenz*), соответствует своей сущности (*das Wesen*): не соответствующее своей сущности существование (*wesens-*

²⁸ См.: Венская Конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров. August 23, 1978, UN Doc. A/CONF. 80/31 (1978); ILM, Vol. 17 (1978), pp. 1488–1517 и Венская Конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, архивов и долгов. April 8, 1983, UN Doc. A/CONF. 117/14 (1983).

²⁹ Marek. Op. cit., p. 548; Crawford. Op. cit., p. 417; W. Czaplinski. La continuité, l'identité et la succession d'états — évaluation de cas récents // 26 RBDI 1993, p. 375.

³⁰ Нем.: Grundsatz der größtmöglichen Kontinuität des Staates. См.: G. Dahm. Völkerrecht, Bd. 1, Stuttgart, 1958, p. 85.

³¹ G.W.F. Hegel. Grundlinien der Philosophie des Rechts. 1821, 1967, Frankfurt: Suhrkamp, p. 14.

fremde Existenz) нереально³². Только тогда, когда сущность государства обнаруживает себя (erscheint) в действительно существующем государстве, можно говорить о реальном государстве³³.

Теоретические объяснения классического понятия государственности в международном праве происходят из немецкой теории государственного права XIX века. Немецкий юрист Георг Еллинек выделял три конститутивных элемента государственности: территория, население и правительство³⁴. Тем не менее, часто упускается из виду то обстоятельство, что концепция государства (“Verbandstheorie”) у Еллинека заключала в себе тот же дуализм, который был характерен для философии Гегеля. Еллинек проводит различие между двумя аспектами государства: социально-фактическим и нормативно-идеальным³⁵. Хотя он утверждал, что рождение и прекращение существования государств представляют из себя мета-юридические феномены, находящиеся за пределами юридических построений, он также связывал идентичность правосубъектности государства с его “социальным аспектом”, с “историко-политическими фактами”. Это позволило ему утверждать, что возможно восстановление того же самого государства, “когда составные элементы государственности вновь соединятся”³⁶.

В то же время юристы-международники спорили, по крайней мере, поверхностно, и по менее метафизическим и более практическим аспектам государственности. Начиная по крайней мере с XIX века, в доктрине международного права было две конкурирующих научных школы по проблеме создания и существования государств: одна утверждала, что существование государств есть вопрос их существования в действительности, другая же настаивала, что государства становятся субъектами права только путем их принятия, признания международным сообществом — “декларативная” и “конститутивная” теории признания. В случаях прекращения существования государства между этими школами также возникали противоречия в вопросе о той важности, которая должна при этом придаваться признанию другими государствами-членами международного сообщества.

³² G.W.F. Hegel. Wissenschaft der Logik. Bd 2, 1813, Leipzig: Reclam, 1963, p. 102 et seq.

³³ G.W.F. Hegel. Wissenschaft der Logik. Bd. 2, 1813, 1963, p. 122 et seq.

³⁴ См.: G. Jellinek. Allgemeine Staatslehre. 3rd ed., 1920, pp. 394–434.

³⁵ G. Jellinek. Allgemeine Staatslehre. 3. Aufl., 1920, p. 281. Критику см. в: H. Herz. Beiträge zum Problem der Identität des Staates // 15 ZÖR 1935, p. 247.

³⁶ G. Jellinek. Allgemeine Staatslehre. 3. Aufl., 1920, p. 286.

Определенную победу “декларативной” теории признания государств можно усмотреть в Конвенции о правах и обязанностях государств, заключенной в Монтевидео в 1933 г.³⁷ В Конвенции Монтевидео “теория трех элементов” была адаптирована для использования в международном праве в виде “теории четырех элементов”. Статья 1 Конвенции гласит: “Государство как субъект международного права должно обладать следующими характеристиками: (a) постоянное население; (b) определенная территория; (c) правительство; и (d) правоспособность вступать в международные отношения с другими государствами”. Различие между третьим и четвертым элементами критиковалось как избыточное, поскольку эффективное правительство автоматически обладает правоспособностью вступать в международные отношения с другими государствами³⁸. Тем не менее, среди юристов того времени в целом выработалось определенное согласие в том, что элементы, перечисленные в Конвенции Монтевидео, отражают состояние обычного международного права³⁹.

В критериях Монтевидео отразилась точка зрения, согласно которой государство — это в первую очередь социологическая реальность; оно не создается и не уничтожается международным правом — государство просто “существует”⁴⁰. Ганс Кельзен был наиболее известным сторонником этой позиции среди ученых-юристов:

“Если где бы то ни было и в какой бы то ни было форме устанавливается власть, способная обеспечить постоянное повиновение своей системе принуждения со стороны индивидуумов, чье поведение регулируется этой системой, то сообщество, образуемое этой системой принуждения, является государством с точки зрения международного права. Сфера, в рамках которой данная система принуждения постоянно эффективна, определяет территорию государства; индивидуумы, живущие на этой территории, составляют народ данного государства с точки зрения позитивного международного права”⁴¹.

³⁷ 165 LNTS 19.

³⁸ См.: С. Tomuschat. *General Course on Public International Law* // 281 RCADI 2001, p. 96.

³⁹ Н. Lauterpacht, Л. Oppenheim. *International Law. A Treatise*. 5th ed., London: Longmans, Green, vol. 1, 1935, p. 121.

⁴⁰ Марти Коскенниemi называет такой подход к государственности “точкой зрения, основанной на голом факте” (“pure fact view”). См.: М. Koskeniemi. *The Politics of International Law* // 1 EJIL 1990, p. 14.

⁴¹ Н. Kelsen. *The Pure Theory of Law and Analytical Jurisprudence* // 55 *Harvard L. Rev.* 1941–42, p. 44 at 64–65.

Удивительно, до какой степени на мышление Кельзена о государственности в международном праве повлияла социологическая концепция государства. Из-за этого подчеркивания социологической действительности так и напрашивается вопрос об очевидном противоречии с различием, в остальных случаях характерным для теории государства Кельзена: различия между социальной и юридической концепциями государства с приоритетом последней для юриста⁴². Если с точки зрения юриста государство — это чистая форма, нормативная система, своего рода фикция, то с какой стати социологическая реальность должна определять юридическую концепцию государства?

Современные ученые-юристы также предполагали, что определение государства, использованное в Конвенции Монтевидео, отражает концепцию государственности в международном праве⁴³. Это определение обычно включается в большинство учебников по международному праву в качестве “общепринятого” (по крайней мере, единственного существующего) определения государственности⁴⁴.

Исходя из элементов государственности Конвенции Монтевидео, было бы только логично утверждать, что исчезновение хотя бы одного из этих конститутивных элементов приводит к прекращению существования и самого государства⁴⁵. Например, если бы территория островного государства исчезла во время наводнения, вызванного изменением климата или каким-либо иным природным катаклизмом, то и само это государство прекратило бы свое существование⁴⁶. Согласно другой теоретической конструкции, полное уничтожение населения (к примеру, в результате акта геноцида или террористического акта) также означало бы прекращение существования соответствующего государства.

⁴² Н. Kelsen. *Der soziologische und der juristische Staatsbegriff. Kritische Untersuchung des Verhältnisses von Staat und Recht*. 2. Aufl., Tübingen: Mohr, 1928.

⁴³ См., например: S.V. Tchernichenko. *State as a Personality, Subject of International Law and Bearer of Sovereignty* // *Russian YBIL* 1993–1994, p. 15 et seq.

⁴⁴ См., например: Dahm/Delbrück/Wolfrum. *Völkerrecht*, Bd. I/1, 2. Aufl., 1989, Berlin, pp. 125–137, особ. стр. 133; Hailbronner in Vitzthum (ed.). *Völkerrecht*, Berlin, 1997, 3. chapter, Rdnr. 63–68.

⁴⁵ См., например: U. Fastenrath. *States, Extinction*, in: *EPIL* 1987, Vol. 10, p. 465 и Cansacchi. *Op. cit.*, p. 9–10. Но также см.: A. Verdross. *Untergang von Staaten*, in: K. Strupp, H.-J. Schlochauer (eds.). *Wörterbuch des Völkerrechts*. Band III, Berlin: Springer, 1962, p. 479.

⁴⁶ См., например: K. Doehring. *Völkerrecht*, 1999, p. 70.

Наиболее актуальные и сложные прецеденты в международной практике относятся к изменениям или даже к полному исчезновению независимой и эффективной государственной власти. Некоторые нормы обычного международного права, определяющие последствия изменений в правительстве государства для его правосубъектности, существуют довольно давно и прочно установились. Согласно первой норме, на сохранение правосубъектности государства как таковой не оказывают влияния территориальные изменения, приобретения или потери территории⁴⁷. После Первой мировой войны за Турецкой республикой было признано сохранение правосубъектности Турецкой империи, хотя территория государства существенно сократилась. Аналогично, завоевания и территориальные приобретения Российской империи в XV–XX вв. не внесли изменений в международную правосубъектность этого государства⁴⁸.

Согласно второй прочно утвердившейся норме обычного международного права, изменения в правительстве, будь то изменения конституционного или революционного характера, сами по себе не влияют на континуитет соответствующего государства⁴⁹. Таким образом, изменения во внутренней политике не дают оснований для отмены международных обязательств. Эта норма была поставлена под сомнение, когда коммунистическое правительство России после Октябрьской революции 1917 года заявило об отказе стать правопреемником царской России, в особенности в отношении принятых ею на себя финансовых обязательств. Другие государства не согласились с этим и, хотя вопрос о долгах царской России остался нерешенным, РСФСР рассматривалась как государство-продолжатель царской России⁵⁰.

Третья прочно установившаяся норма обычного международного права представляет собой наибольший интерес с догматической точки зрения, поскольку она уже свидетельствует об определенном отходе от критериев государственности Монтевидео. Она гласит, что в условиях временной военной оккупации (*occupatio bellica*) государство не прекращает свое существование и, тем самым, сохраняет свой континуитет⁵¹. Ограничения на применение этой нормы устанавливаются

⁴⁷ См.: Fiedler. *Das Kontinuitätsproblem*, p. 52–54.

⁴⁸ См.: Crawford. *Op. cit.*, p. 404 et seq.

⁴⁹ Cansacchi. *Op. cit.*, p. 22 et seq; Fiedler. *Das Kontinuitätsproblem*, pp. 46–51.

⁵⁰ См., например: Cansacchi. *Op. cit.*, p. 22 et seq.

⁵¹ См.: Marek. *Op. cit.*, p. 15; Cansacchi. *Op. cit.*, pp. 26–7; Fiedler, p. 55 et seq; Ipsen. *Völkerrecht*, p. 59.

принципом соответствия действительности. Согласно классической точке зрения, правовой институт военной оккупации сам по себе имеет временные ограничения или же носит временный характер⁵². Военная оккупация заканчивается после юридического оформления инкорпорации территории оккупированного государства (например, в виде мирного договора) или же с восстановлением легитимного суверенного управления⁵³.

Хотя из этого следует, что правовой режим оккупации по определению оставался временным режимом на переходный период, его существование демонстрировало, что государство может выжить в течение определенного времени, даже не обладая третьим конститутивным элементом государственности: наличием эффективного управления населением, проживающим на его территории (в условиях оккупации). Аннексия завоеванной территории *durante bello*⁵⁴, следовательно, не оказывала влияния на правовой статус оккупированной территории. С точки зрения строгого соблюдения критериев государственности Монтевидео, фикции в вопросе о прекращении существования или выживании правосубъектности государства были впервые признаны в обычном международном праве⁵⁵.

Таковы были на тот момент три нормы обычного международного права, защищавшие сообщество государств и предотвращавшие прекращение существования отдельно взятого государства, когда прецеденты Эфиопии, Чехословакии, Австрии и Албании поставили под сомнение исключительный характер этих норм.

⁵² Общий обзор см. в: A. Gerson. War, Conquered Territory, and Military Occupation in the Contemporary International Legal System, in: 18 Harvard ILJ 1977, p. 525 et seq; E. Benvenisti. The International Law of Occupation. Princeton: Princeton University Press, 1993, p. 3 et seq. См. также: N. Ando. Surrender, Occupation, and Private Property in International Law. An Evaluation of US Practice in Japan. Oxford: Clarendon Press, 1991, p. 34 et seq.

⁵³ См.: Sir A.D. McNair. Legal Effects of War. 2nd ed., Cambridge: University Press, 1944, pp. 318–320.

⁵⁴ В ходе военных действий (*лат.*) — прим. пер.

⁵⁵ Хотя государственный континуитет и признается в обычном международном праве, он остается подобным же образом “фиктивным” при анархии или восстаниях, т.е. в случаях, когда правительство государства отсутствует или неэффективно. См.: Cansacchi, p. 40 et seq. См. также: Marek, p. 365. Например, в настоящее время широко признано, что государство Сомали не прекратило существования несмотря на ситуацию анархии в этой стране.

4. Вопросы, возникшие в правовой доктрине, в связи с прецедентами аннексий во время Второй мировой войны

Признание континуитета государств на примере Эфиопии, Чехословакии, Австрии и Албании стало подлинным вызовом для специалистов по международному праву. При строгом применении критериев Монтевидео и принципа соответствия действительности эти аннексированные государства должны были считаться прекратившими существование с момента аннексии; с точки зрения международного права их “восстановление” после освобождения могло привести только к созданию новых государств⁵⁶. В ситуации Австрии и Чехословакии нельзя было даже говорить о “военной оккупации” в буквальном смысле слова, потому что там не произошло никаких военных столкновений. Все перечисленные государства были де-юре или де-факто аннексированы после оккупации; более того, после некоторых колебаний их аннексия была признана почти всеми государствами, составлявшими международное сообщество того периода. Убедительное объяснение статуса таких государств как субъектов международного права представляло собой непростую задачу.

Естественно, возникли различные юридические мнения. Обсуждение носило наиболее оживленный характер в ситуации с Австрией, где были представлены две противоположные теории: “теория оккупации” и “теория аннексии”. Одна группа авторов, возглавляемая Гансом Кельзенем, настаивала на прекращении Австрией существования после германской аннексии и на том, что после Второй мировой войны Австрия была возрождена в качестве нового государства (“теория аннексии”). Согласно “теории оккупации” Австрия, напротив, подверглась незаконной оккупации в 1938 году и, следовательно, не прекращала существования в качестве субъекта международного права, а в 1945 году была просто восстановлена дееспособность этого государства⁵⁷.

“Теория аннексии” очевидным образом расходилась с окончательным “результатом” в практике государств, поскольку восстановленная

⁵⁶ См., например: Kunz. Op. cit., p. 75.

⁵⁷ Сжатое изложение см. в: W. Hummer. Der internationale Status und die völkerrechtliche Stellung Österreichs seit dem Ersten Weltkrieg, in: H. Neuhold et al. Österreichisches Handbuch des Völkerrechts, 3. Aufl., Wien, 1997, p. 500. См. также: H. Miehsler/C. Schreuer. Austria, in: EPIL 12, 1990, pp. 28–33.

Австрия притязала на идентичность правосубъектности с государством, существовавшим до аншлюса, и данное правопритязание *получило* всеобщее признание в международном сообществе⁵⁸. Следовательно, научный дискурс сконцентрировался на трех основных вопросах: во-первых, следовал ли столь неоспоримо из признания идентичности правосубъектности Австрии, Чехословакии и т.д. их *континуитет*; во-вторых, каковы нормативные следствия идентичности правосубъектности государства; и, в-третьих, на каких юридических основаниях идентичность правосубъектности/континуитет в этих случаях были сохранены? Эти теоретические вопросы все еще остаются открытыми в доктрине международного права. Мы обсудим каждый из них по отдельности, поскольку они имеют важнейшее значение на примере стран Балтии.

(А) Следует ли из идентичности правосубъектности государства его континуитет по определению?

Следует заметить, что сама формулировка данного вопроса была новой в доктрине международного права. Континуитет и идентичность правосубъектности государства были в принципе одним и тем же понятием, служили синонимами⁵⁹. Кристина Марек определяет идентичность правосубъектности государства как идентичность правосубъектности его международных прав и обязательств, а континуитет как “динамический предикат идентичности правосубъектности государства”⁶⁰. По Марек, без идентичности правосубъектности нельзя

⁵⁸ Ульрих Шенер, имевший “серьезные сомнения” относительно такого “расширения” государственного континуитета, признавал, что “несомненно, в данных случаях в международной практике континуитет признавался расширительно” ([u]nzweifelhaft hat in den genannten Fällen die internationale Praxis die Kontinuität weitgehend anerkannt). См. его рецензию на книгу Марек в: 17 ZaöRV1956/57, pp. 174–5.

⁵⁹ Бернхардт: “Согласно доминирующей в доктрине международного права точке зрения, значение обоих понятий одинаково”. Bernhardt. Kontinuität, p. 295. См. также: Thum. Die Kontinuitätsfrage..., p. 30.

⁶⁰ Marek. Op. cit., p. 5–6. Кельзен придерживается той же точки зрения, называя континуитет “идентичностью правосубъектности во времени”. См.: H. Kelsen. Principles of International Law. 2nd ed., New York, 1967, p. 384.

говорить о континуитете (и наоборот) “до тех пор, пока мы не согласимся с возможностью чудес в сфере права”⁶¹. Государство либо существует непрерывно, либо прекращает существование. Согласно этой точке зрения, которая, вероятно, превалирует и в настоящее время, государство не может временно исчезнуть и затем вновь появиться в качестве “того же самого” государства. По крайней мере, это невозможно юридически.

В написанных позднее работах эта точка зрения была оспорена⁶². В отличие от Марек, данная группа авторов доказывала, что в практике государств действительно были случаи, когда идентичность правосубъектности государства признавалась после события, поставившего эту идентичность под сомнение (и в результате данная идентичность сохранялась), хотя *непрерывность* существования государства в этот критический период необходимо отрицать. Джеймс Кроуфорд предположил, к примеру, что в международном праве действительно возможна “идентичная правосубъектность без континуитета”, разновидность “воскрешения” тождественных субъектов права⁶³. Очень сходный подход мы наблюдаем и у профессора Йана Браунли, по мнению которого в ситуации с Эфиопией, Албанией, Австрией и Чехословакей был применен “функциональный подход”⁶⁴, поскольку “утверждение о континуитете [носило] в этих случаях теоретический характер: события после освобождения данных государств представляли собой реставрацию, восстановление прежних государств”⁶⁵. Тем самым, Браунли говорит об “условном континуитете”⁶⁶. Уилфрид Фидлер⁶⁷ и Джорджи Кансаччи⁶⁸ выдвигают предположение, согласно которому с прекращением существования фактически аннексированного государства следует все же согласиться в случае, когда аннексия была признана сообществом государств, как это произошло с Австрией. Из немецких авторов Ульрих Шенер с резкой критикой отнесся к теории непрерывной правосубъектности Австрии и предложил ввести вместо нее

⁶¹ Marek. Op. cit., p. 6.

⁶² См.: Cansacchi. Op. cit., p. 9 et seq. и 59 et seq.; Fiedler. Das Kontinuitätsproblem..., p. 35 et seq.

⁶³ Crawford. The Creation..., pp. 402–3 и 407–8.

⁶⁴ Brownlie. Principles of Public International Law. Oxford: Clarendon Press, p. 81.

⁶⁵ Brownlie. Principles..., p. 82.

⁶⁶ Brownlie. Principles..., p. 82.

⁶⁷ Fiedler. Das Kontinuitätsproblem..., p. 105.

⁶⁸ Cansacchi. Op. cit., p. 47 et seq.

новый юридический институт: “восстановление государств”⁶⁹. Эта юридическая теория недавно повторно была выдвинута Ульрихом Фастенратом, предположившим, что “прекратившие однажды свое существование государства могут быть восстановлены в качестве того же самого субъекта права и, тем самым, вновь обрести положение в отношении их прежних прав и обязательств, если фактическое прекращение существования было вызвано незаконным актом и, следовательно, юридически опровержимо”⁷⁰. Следует, впрочем, отметить, что положение, вводящее институт восстановления государств⁷¹, было вычеркнуто из окончательного варианта подготовленного Комиссией международного права проекта Конвенции о правопреемстве государств⁷².

Видоизмененная теория “идентичной правосубъектности без континуитета”, выдвинутая Вернером Якушем⁷³, ссылаясь на древнеримское юридическое понятие *postliminium*. В Древнем Риме *postliminium* обозначало юридическую процедуру восстановления военнопленным их прежнего статуса после возвращения домой⁷⁴. Хотя с юридической точки зрения такое лицо считалось погибшим во время его отсутствия или плена, после возвращения оно могло восстановить свой прежний правовой статус. Таким образом, Якуш отрицает фикцию непрерывного юридического существования Австрии между 1938 и 1945 гг., поскольку три элемента или “минимальных критерия” государства — население, территория и государственная власть — отсутствовали в этот период⁷⁵. Тем не менее, параллельно с понятием *ius postliminii* Якуш считает прекращение существования Австрии в 1938

⁶⁹ См.: U. Scheuner. Die Funktionsnachfolge und das Problem der staatsrechtlichen Kontinuität, in: FS Nawiasky. 1956, p. 9–48 at 19 et seq. and in: Marek’s book review, ZaöRV 17 (57), 1956/p. 173–4.

⁷⁰ U. Fastenrath. States, Extinction, in: EPIL 10, 1987, pp. 465–467 at 465.

⁷¹ См.: Art. 7, ILC Yearbook 1973, vol. I, p. 137.

⁷² ILC Yearbook 1973, vol. 1, 1239th mtg., para. 21.

⁷³ См.: W. Jakusch. Okkupationstheorie, Annexionstheorie und das ius postliminii // 25 ÖJZ 1970, pp. 258–263.

⁷⁴ См.: P. Kunig. Postliminium // EPIL 4, 1982, p. 140. Дальнейшее обсуждение см. в: G. von Glahn. The Occupation of Enemy Territory. A Commentary on the Law and Practice of Belligerent Occupation. Minneapolis: The University of Minnesota Press, 1957, p. 257 et seq; G. Cansacchi. Op. cit., p. 50–51.

⁷⁵ См.: Jakusch. Op. cit., p. 262.

году, и в то же время признает Австрию после 1945 года в качестве того же самого государства⁷⁶.

Обе противоречащие друг другу теории Марек и Кроуфорда (или Якуша) содержат в себе фикции, но это фикции различного рода. У Марек “юридическое чудо” происходит, когда она позволяет государству существовать в случае фактической аннексии, т.е. когда не выполняются требования теории трех элементов, поскольку не существует эффективного правительства. Хотя теория “идентичной правосубъектности без континуитета” более реалистична с “эмпирической” точки зрения (Австрия *не существовала* в 1938–1945 гг. в социально-политическом смысле, но она *была* признана позднее в качестве того же самого государства), она, тем не менее, позволяет случиться другому “чуду”, признавая “тождество” с государством, которое однажды прекратило свое существование⁷⁷.

Логическое следствие теории “идентичной правосубъектности без континуитета” состоит в том, что признание “тождества” восстановленного государства начинает зависеть от статуса признания, предоставленного третьими государствами⁷⁸. Непреодолимая проблема в данном случае связана с тем, что признание другими государствами может быть произвольным и “политическим” актом и далеко не всегда бывает единогласным. Право в данном случае просто следует государственной практике и, возможно, утрачивает свое независимое значение. Марек, опирающаяся на “чистый” правовой принцип (или фикцию), очень критична по отношению к акту признания третьими государствами как теста для правосубъектности государства.

Кроуфорд использует случай Сирии (1958–1961) как пример “идентичной правосубъектности без континуитета”⁷⁹. Это был неудавшийся

⁷⁶ См.: *ibid.*

⁷⁷ Якуш в прямой форме подчеркивает элемент фикции в применяемом им *ius postliminii*: “Ценой служит откровенное признание в том, что используется фикция — отнюдь не чуждый для юридической науки образ мышления!”, p. 263.

⁷⁸ Кроуфорд, по-видимому, признает эту проблему, когда он утверждает, что “в случае, если существование государства прекращается с согласия заинтересованных общностей... или в рамках процедуры, законной по международному праву данного времени, любые последующие притязания на “идентичность правосубъектности” приобретают откровенно фиктивный подтекст и, весьма вероятно, могут оказаться не имеющими силы”. См.: Crawford. *The Creation...*, p. 408.

⁷⁹ См.: Crawford. *The Creation...*, p. 407–8.

пример добровольного, но недолговечного объединения. 1 ноября 1958 года Сирия объединилась с Египтом, образовав государство под названием «Объединенная Арабская Республика». 28 сентября 1961 года Сирия вновь отделилась от Египта после происшедшего в ней военного переворота. Сирия исчезла из международного сообщества более чем на три года, в которые существовала Объединенная Арабская Республика; в этот период она не была членом ООН⁸⁰. Несмотря на это, после 1961 года сообщество государств рассматривало Сирию как тот же самый субъект права, который существовал до объединения страны с Египтом (например, членство Сирии в ООН было “возобновлено” 19 октября 1962 года)⁸¹.

Поскольку никто всерьез не сомневался, что Сирия как государство не существовала в 1958–1961 гг., то ее случай демонстрирует, что “идентичная правосубъектность без континуитета” в государственной практике действительно возможна в качестве, вероятно, политической фикции. Два обстоятельства имели ключевое значение при принятии этой фикции: во-первых, с момента прекращения существования Сирии в 1958 году прошло очень мало времени и, во-вторых, признание фикции идентичной правосубъектности Сирии не вызвало разногласий по правовым или политическим вопросам между заинтересованными государствами. Именно по этой причине другие государства “проголосовали” в пользу признания фикции идентичной правосубъектности Сирии, придав тем самым политической фикции юридический статус. В позиции председателя Генеральной Ассамблеи ООН, изложенной на соответствующем пленарном заседании, подчеркиваются “особые обстоятельства” этого случая:

“По данному вопросу я консультировался со многими делегациями, и консенсус склоняется в пользу предоставления Сирии, первоначальному государству-члену Организации Объединенных Наций, ввиду особых обстоятельств, представительства в Генеральной Ассамблее, о чем Сирия направила соответствующий запрос”⁸².

Признание идентичности правосубъектности посредством “юридического чуда”, если цитировать Марек, по-видимому, не вызвало

⁸⁰ См.: Cansacchi. *Op. cit.*, p. 56. См.: R. Young. *The State of Syria: Old or New?* // 56 ASIL 1962, p. 482.

⁸¹ Ср.: Crawford. *The Creation...*, p. 407. См. также: Cansacchi. *Op. cit.*, p. 57 и С. Rousseau. *Syrie* // 33 RGDIP 1962, p. 413 et seq.

⁸² Цит. по: Young. *Op. cit.*, p. 486.

озабоченности ни у кого, кроме, может быть, юридических пуристов, и предложило выход из политически деликатной и даже стеснительной ситуации. Несмотря на это, следует провести четкую границу между ситуацией с Сирией и примерами Австрии, Чехословакии и т.д. Поскольку спорная утрата соответствия критериям государственности Монтевидео произошла в этих случаях по весьма разным причинам (добровольное объединение в случае Сирии и применение силы или угроза силой в остальных случаях), то во время признания “идентичности правосубъектности” защищаемые ценности и использованные фикции были совершенно разного рода. Согласно Джо Верховену, фикция “приостановки существования” Сирии не нашла, “несмотря на это, какого-либо основания в праве; она относится либо к сфере фантазии, либо к сфере политики”⁸³.

Кроме того, в защиту позиции Марек о неизбежном следствии идентичной правосубъектности континуитета можно привести такое суждение, что из фикции идентичной правосубъектности Сирии также следует фикция ее континуитета, в особенности с учетом того обстоятельства, что вопрос о последнем практически даже не возникал. Конрад Бюлер, проанализировав соответствующую практику государств, пришел к выводу, что даже после объединения Сирия рассматривалась как продолжающая свое существование в качестве субъекта международного права с ограниченной правоспособностью⁸⁴. Случай Сирии с весьма значительными трудностями можно согласовать с превалирующим положением, согласно которому “из идентичной правосубъектности следует континуитет”, но с непреложностью еще не следует, что случай Сирии должен привести к созданию новой нормы или что концепция Марек неверна в принципе.

Все же представляется, что спор вокруг проблемы “тождественна ли идентичная правосубъектность континуитету?” по своей сути не является чисто терминологическим или метафизическим, а связан со следующим вопросом: когда государства прекращают свое существование и при каких условиях они продолжают/могут продолжить существовать “фиктивно”? С точки зрения анализа примера стран Балтии, неопределенность может быть в основном терминологической:

⁸³ J. Verhoeven. *La reconnaissance internationale dans la pratique contemporaine*. Paris: Pedone, 1975, p. 32.

⁸⁴ K. Bühler. *State Succession and Membership in International Organizations. Legal Theories versus Political Pragmatism*. The Hague: Kluwer, 2001, p. 101. См. также: pp. 57–61, 97–102, 295–297.

как использовать оба этих слова — “идентичность правосубъектности” и “континуитет”? Основываясь на единстве двух понятий, многие авторы предпочитали использовать слово “континуитет” для одновременного обозначения обоих явлений. Для целей последующего анализа такое отождествление не может быть принято. Следовательно, возможное различие между “идентичной правосубъектностью” и “континуитетом” будет лежать в самом центре данного исследования ситуации стран Балтии. Поэтому мы принимаем терминологический подход, предложенный Кроуфордом, и говорим об “идентичности правосубъектности” государства — до прихода к каким-либо последующим выводам — в контекстах, из которых не следует с полной определенностью, имеется ли в виду “идентичность правосубъектности без континуитета” или идентичность правосубъектности и континуитет.

(В) Каковы нормативные следствия идентичности правосубъектности государства?

Обсуждение тонкостей дебата “идентичность правосубъектности и/или континуитет” может, на первый взгляд, показаться весьма метафизическим. Тем не менее, это напрямую относится к фундаментальному вопросу: каковы нормативные следствия идентичности правосубъектности государства и континуитета или правопреемства? Что значит быть “тем же самым” государством? Рудольф Бернхардт сформулировал замыкающееся в самом себе определение континуитета, написав, что континуитет государства это продолжение существования государства как субъекта международного права, невзирая на перемены во внешней и внутренней обстановке⁸⁵. В этом определении континуитет государства становится *das Ding an sich*⁸⁶, его нормативные следствия не открываются. С другой стороны, Кристина Марек определяет идентичность правосубъектности государства как идентичность совокупности международных прав и обязательств этого

⁸⁵ См.: R. Bernhardt. *Kontinuität*, in: K. Strupp, H.-J. Schlochauer (Hg.). *Wörterbuch des Völkerrechts*. 1961, pp. 295–297 at 295 (“Международно-правовой континуитет означает продолжение существования субъекта международного права несмотря на внешние или внутренние изменения”).

⁸⁶ Вещь в себе (нем.) — прим. пер.

государства до и после события, поставившего данную идентичность под сомнение⁸⁷. Другими словами, когда бы не существовала идентичность правосубъектности государства, существует и идентичность совокупности его юридических прав и обязательств и наоборот. Хотя Марек, разумеется, соглашается с тем, что на практике должны делаться определенные отступления от этого положения, она уверена в базовом принципе: идентичность правосубъектности означает идентичность прав и обязанностей.

Кроуфорд полемизирует с этой точкой зрения, утверждая, что отдельные права, обязанности и полномочия представляют собой скорее следствия государственности: существование государства отделено от правовых отношений этого государства⁸⁸.

Различия данных точек зрения могут иметь важные следствия в случаях восстановленных государств. Если следовать позиции Марек, возникает сильная нормативная презумпция восстановления прежних правовых отношений, прав и обязанностей. С другой стороны, аргументация Кроуфорда представляется в меньшей степени предопределяющей ответы на вопрос о прежних правах и обязанностях. Идентичность правосубъектности могла бы существовать независимо от восстановления прежних правовых отношений.

В соответствии с международным правом становится очевидным, что с точки зрения прав и обязанностей только то государство, которое существовало “реально” или фиктивно в определенный момент времени, может иметь права и обязанности. Пример этого оккупированная или незаконно аннексированная страна. В зависимости от того, считается ли государство “внешне мертвым” или же только прекратившим существование, оно соответственно может или не может стать объектом незаконных по международному праву действий в период его несуществования де-факто. Другой возможный подход заключается в приравнивании “существования” к юридической действительности прав и обязанностей.

⁸⁷ Marek. Op. cit., p. 14.

⁸⁸ Crawford. The Creation..., pp. 401–2.

**(С) Основания для правосубъектности
в международном праве государств в прецедентах
аннексии периода Второй мировой войны**

**(i) *Occupatio quasi bellica* и другие вспомогательные
теории**

Выдвигая юридические объяснения случаев континуитета/идентичной правосубъектности государств, имевших место во время Второй мировой войны, специалисты по международному праву пытались, среди прочего, “адаптировать” аргументы, вытекавшие из установившихся норм обычного международного права, защищавших идентичность правосубъектности государств. Альфред Вердросс, в рамках обсуждения австрийского случая, выдвинул термин *occupatio quasi bellica*⁸⁹. Он утверждал, что норма, защищавшая государства от прекращения их существования в ситуации *occupatio bellica*, также распространяется на насильственные, квази-военные оккупации, даже если соответствующие государства и не находились в состоянии войны⁹⁰. Уилфред Фидлер последовательно возражал против распространения нормы “континуитета в условиях оккупации” на случаи квази-военных оккупаций⁹¹. Тем не менее, поздние тенденции в сфере международного гуманитарного права свидетельствуют скорее в пользу проведенной Вердроссом аналогии, по меньшей мере в ретроспективе⁹².

⁸⁹ квази-военная оккупация (*лат.*) — прим. пер.

⁹⁰ См.: A. Verdross. Die völkerrechtliche Identität von Staaten, in: FS H. Klang, Wien: Springer-Verlag, 195, p. 20.

⁹¹ См.: Fiedler. Das Kontinuitätsproblem..., p. 57 и Fiedler. Continuity // EPIL, 1987, pp. 806–809 at 808. См. также: Fiedler. Staatskontinuität und Verfassungsrechtsprechung. Zum Begriff der Kontinuität..., p. 53: “Такое расширительное толкование все же в целом не утвердилось. Оно должно быть отвергнуто в том смысле, что приводятся и провозглашаются юридически существенными чисто субъективные соображения, намерения и планы отдельных государственных деятелей и правительств, так что отсутствует непосредственная связь с вовлечением в фактическое военное подчинение”.

⁹² См. общий Параграф 2 Статьи 2 четырех Женевских конвенций Красного креста 1949 года: “Конвенция будет применяться также во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если эта оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления”. В силу этого условия проведение дальнейшего различия между “военными” и

И все же основная трудность в австрийском случае заключалась не в том, была ли Австрия оккупирована “военной силой” или нет, а в том, что Австрия была “фактически” аннексирована. Норма “континуитет в условиях оккупации” в том виде, в каком она установилась в более ранней практике и доктрине, не использовалась для регулирования случаев, при которых оккупированная страна была фактически также инкорпорирована.

(ii) Незаконность аннексии ввиду применения силы

Неизбежно складывается впечатление, что юридическая сущность примеров Эфиопии, Австрии, Албании и Чехословакии заключается в чем-то ином и, очевидно, так или иначе связана с незаконностью аннексий, осуществленных державами оси. (?) В 1928 году и в последующие годы международное право пережило настоящую нормативную революцию, когда странам было запрещено прибегать к войне во всех случаях, кроме тех, которые продиктованы самообороной. До 1928 года использование военной силы никогда не считалось незаконным в международном праве: подлинное “продолжение политики иными средствами”, по словам прусского генерала Карла фон Клаузевица. Поскольку суть войны заключается в уничтожении врага и завоевании его территории, то было вполне естественно, что международное право, признавая законность войны, признавало и законность результатов войны, т.е. территориальных захватов и аннексии. Даже в такой поздний период как 1896 год специалист по международному праву Альфонс Ривье заявлял: “Территориальный захват оправдывает себя самим фактом своего существования, подобно войне, естественным следствием которой он является. Международное право опирается на позитивный источник и ограничено необходимостью принимать в расчет то, что существует”⁹³. Все это изменилось после 1928 года и воздействие этой перемены на человеческую цивилизацию и международное право по своей революционной природе сопоставимо только с введением после Второй мировой войны понятия прав человека в

“квази-военными” оккупациями становится нелогичным. Нет никаких причин, по которым такое различие следует проводить в области государственного континуитета.

⁹³ A. Rivier. *Principes du droit des gens*. 1896, I Tome, Paris: A. Rousseau, p. 181.

качестве составной части международного права, выходящей за пределы внутренней компетенции государств⁹⁴.

27 августа 1928 года в Париже был принят так называемый пакт Бриана-Келлога: международный договор, по которому государства запрещали “войну как инструмент национальной политики”⁹⁵. Пакт вступил в силу 24 июля 1929 года. На конец 1938 года 63 государства, т.е. почти все существовавшие в тот момент страны, присоединились к этому пакту. Пример пакта Бриана-Келлога был повторен в ряде региональных соглашений, в частности, в Пакте Сааведра Ламаса, подписанном латиноамериканскими странами 10 октября 1933 года⁹⁶.

Несмотря на эти события, в литературе по международному праву шли большие споры по вопросу о том, когда именно запрет на применение военной силы стал признанной частью общего международного права. Некоторые авторы предполагали, что период между принятием Пакта Бриана-Келлога в 1928 году и принятием Устава ООН в 1945 году⁹⁷ оставался в этом отношении разновидностью ничейной территории. Эти ученые утверждали, что, несмотря на юридические обязательства, подобные Пакту Бриана-Келлога 1928 года, практика государств и обзор опубликованных в то время руководств по международному праву подтверждают, что общее международное право не запрещало прибегать к военной силе в конце 1930-х гг. и во время Второй мировой войны в целом⁹⁸.

Это, несомненно, точка зрения меньшинства, которая выглядит убедительно отвергнутой в практике государств периода после Второй мировой войны и в юридических решениях, вынесенных, например, во время Нюрнбергского трибунала над военными преступниками. Данное положение убедительно аргументировано Йаном Браунли⁹⁹. Закон-

⁹⁴ Недавнюю положительную оценку запрета на применение силы см. также в: G. Seidel. *Die Völkerrechtsordnung an der Schwelle zum 21. Jahrhundert* // 38 AVR 2000, p. 23.

⁹⁵ *General Treaty for Renunciation of War as an Instrument of National Policy* // LNTS, Vol. 94 (1929), pp. 57–64.

⁹⁶ *Anti-war Treaty of Non-Aggression and Conciliation (Saavedra Lamas Treaty)*; October 10, 1933; 49 Stat. 3363; Treaty Series 906.

⁹⁷ Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 года, XV UNCIO, 355.

⁹⁸ См., например: G.-H. Gornig. *Der Hitler-Stalin-Pakt. Eine völkerrechtliche Studie*. Frankfurt: Peter Lang, 1990, pp. 65–6.

⁹⁹ I. Brownlie. *The Use of Force in International Law*. Oxford: Clarendon Press, 1963, pp. 107–111, но также pp. 84–88, 88–89—на которых автор приводит

ный характер международно-правовой нормы нельзя отрицать на том основании, что данная норма нарушалась, даже если нарушения Пакта Бриана-Келлога во время Второй мировой войны не только нанесли определенный удар по этой недавно созданной норме, но и поставили под сомнение значение международного права как такового.

Законность аннексии зависит от того, насколько юридически законным представляется применение силы¹⁰⁰. Хотя, согласно господствующей точке зрения, применение военной силы было незаконным согласно общему международному праву после 1928 года, тем не менее шли споры о том, столь ли стара норма, однозначно запрещающая насильственные аннексии¹⁰¹. Относительно недавно Оливер Дерр опубликовал детальное обсуждение тезиса, согласно которому насильственные аннексии до 1945 года по международному праву все еще могли быть законными и, тем самым, могли создать правовой титул на завоеванные территории¹⁰². Такая точка зрения на аннексию может быть логически обоснованной только в том случае, если считать закон-

доказательства, что такие меры, как война и угроза силой были запрещены в 1939 году. Из недавних авторов, пишущих по проблемам континуитета и правопреимства государств, Владимир-Джуро Деган исходит из предпосылки, что “после пакта Бриана-Келлога 1928 года” аннексия путем завоевания была незаконной. См.: V.-D. Degan. *Création et disparition de l'État (À la lumière du démembrement de trois fédérations multiethniques en Europe)* // 279 RCADI 1999, p. 283.

¹⁰⁰ См.: R.L. Bindschedler. *Annexation*, in: EPIL, 1992, Inst. I, p. 169. Общий обзор см.: G. Schulz. *Die Entwicklung des völkerrechtlichen Annexionsverbots*, in: *Jahrbuch der Albertus-Universität zu Königsberg/Preußen*. Band XII, 1962.

¹⁰¹ См.: Langer. *Op. cit.*, p. 95 et seq.

¹⁰² См.: O. Dörr. *Inkorporation als Tatbestandsmerkmal der Staatensukzession*. 1995, p. 350–355 and p. 67: “С точки зрения периода следует исходить из того, что до 1945 года (невоенные) аннексии еще не были незаконными *eo ipso*, т.е. в силу имманентного им элемента насилия”. p. 82: “Право на завоевание и аннексию, происходящее из т.н. классического периода международного права, еще не было по-настоящему преодолено к концу Второй мировой войны как часть обычного международного права, хотя в локальном договорном праве уже имелись широкие ограничения, а вступление в силу Устава Лиги Наций и Пакта Бриана-Келлога означало его как правовое, так и морально-этическое осуждение”. p. 94: “юридическое убеждение о недопустимости каких-либо аннексий еще не укрепилось по-настоящему в судебной практике сразу по окончании войны — во всяком случае, не в такой степени, в какой под вопросом были события, предшествовавшие началу Второй мировой войны”.

ным, согласно общему международному праву, применение силы в конце 1930-х гг. Иначе, словами сэра Херша Лаутерпахта:

“...подтвердить, что противоправное деяние или его последствия или непосредственные проявления могли бы стать источником юридических прав. Для правонарушителя означало бы привести в юридическую систему противоречие, которое было бы невозможно разрешить иным способом, кроме как отрицанием ее юридической природы”¹⁰³.

Ситуация, при которой применение военной силы считается незаконным, но инкорпорация завоеванной территории агрессором (аннексия) может приобрести законный характер, нелогична в полном смысле слова. К чему беспокоиться о запрете агрессии, если агрессору известно, что конечная цель его агрессии — приобретение чужой территории — все же может обрести законный характер?¹⁰⁴ Какой вообще смысл неслы бы в себе норма международного права, запрещающая применение силы, но позволяющая пользоваться ее результатами? Лишенный “санкции” в виде признания безусловной незаконности аннексии, запрет на применение силы не смог бы выполнить свою превентивную функцию по устрашению будущих агрессоров.

Уже сразу после принятия Устава Лиги Наций Вальтер Шетцель с интуицией истинного пионера юриспруденции, хотя и несколько опережая свое время, утверждал, что аннексии стали незаконными по международному праву и единственный способ превратить аннексию в правовой титул — это признание незаконности ситуации международным сообществом¹⁰⁵. Но почему другие государства должны вообще признавать эту незаконную ситуацию? Борис Мейсснер доказывал, что принятие Пакта Бриана-Келлога в 1928 году еще не означало одновременного принятия нормы, по которой аннексия рассматривается как не имеющая законной силы при любых обстоятельствах. По крайней мере в годы, непосредственно последовавшие за принятием запрета на применение силы в 1928 году (т.е.

¹⁰³ H. Lauterpacht. Règles générales du droit de la paix, 62 RCADI 1937, p. 291.

¹⁰⁴ Ср.: Jennings. The Acquisition of Territory..., p. 54 и M.M. McMahon. Conquest in Modern International Law. Washington, DC: Catholic University of America Press, 1940, p. 13.

¹⁰⁵ См.: W. Schätzel. Völkerbund und Gebietserwerb. Berlin, 1919, pp. 11–34; W. Schätzel. Die Annexion im Völkerrecht. Berlin, 1920, pp. 91, 143, 164. Обе работы цит. по переизданию: W. Schätzel. Das Recht des völkerrechtlichen Gebietserwerbs. Bonn: Ludwig Röhrscheid Verlag, 1959.

прежде чем в международном праве окончательно оформилась норма, *eo ipso* запрещающая аннексию), право принимать окончательные решения по юридическим последствиям было оставлено сообществу государств¹⁰⁶. Признание насильственного захвата сообществом государств могло “исправить” изначальную незаконность завоевания и привести к возникновению у завоевателя законного права. Из этого логически следует, что признание аннексии сообществом государств означало прекращение существования аннексированного государства¹⁰⁷. И *наоборот* — отказ в существенной части практики государств полностью признать аннексию убедительно свидетельствовал о ее незаконности, подтверждая, что завоеватель не смог приобрести правовой титул на завоеванную территорию и, кроме того, что завоеванное государство не прекратило своего существования с точки зрения международного права¹⁰⁸.

Сэр Херш Лаутерпахт также придавал значение акту непризнания со стороны сообщества государств:

“Когда данные акты совершаются в нарушение общего международного права, такое признание ... приобретает характер квази-законодательной меры, принимаемой в общих интересах международного сообщества и международного мира”¹⁰⁹.

Роберт Дженнингс даже в 1963 году не исключал полностью возможности признания территориального захвата сообществом государств:

“... международное сообщество может (...) в конечном счете выразить согласие с новой ситуацией и тем самым создать правовой титул путем признания. Такая возможность ни в коей мере не противоречит

¹⁰⁶ См.: В. Meissner. Die Sowjetunion, die baltischen Staaten und das Völkerrecht. Köln: Verlag Politik und Wirtschaft, 1956, p. 288–289.

¹⁰⁷ См.: Репе́чка. *Op. cit.*, p. 255.

¹⁰⁸ Арнольд Рэстад доказывал в 1939 году, что государство может существовать в международном праве двояко: “по-настоящему” или же “собственными средствами”, а также посредством воли третьих государств, не желающих признать дебелияцию, прекращение существования государства в результате его завоевания”. См.: А. Raestad. La cession des Etats d’après le Droit des Gens. 66 *Revue de Droit International et de législation comparée*. 1939, p. 449. (Даже когда “existence effective” (фактическое существование) уничтожено, “existence actualisée” (действительное существование) может продолжиться).

¹⁰⁹ Н. Lauterpacht. *Recognition in International Law*. Cambridge, 1947, p. 412. См. также: p. 429.

основному положению, согласно которому сила сама по себе не создает права, потому что с этой точки зрения международное сообщество выполняло бы квази-законодательную функцию”¹¹⁰.

Приписать определенную “правообразующую силу” признанию незаконной ситуации третьими государствами было бы, вероятно, разумно и реалистично, по крайней мере в период, непосредственно последовавший за 1928 годом. Тем не менее, это не вносит изменений в базовое допущение: *prima facie*¹¹¹ незаконность аннексии после 1928 года. Несколько известных правоведов, включая Ганса Веберга, еще в условиях кануна Второй мировой войны доказывали, что аннексия не имеет законной силы *ipso iure*¹¹² и что даже признание третьими странами не изменяет ее юридической ничтожности¹¹³.

Подводя итог, мы можем сказать, что незаконность аннексий с применением силы была презумпцией в международном праве после практически универсального принятия Пакта Бриана-Келлога в 1928 году. Несмотря на это, в течение “переходного периода” после принятия пакта все еще сохранялась юридическая возможность признания территориального захвата сообществом государств. В то время еще не существовало *opinio iuris*¹¹⁴, согласно которому противоправно само по себе признание ситуации, созданной незаконными средствами. Признание насильственной аннексии *всеми* членами сообщества государств действительно обладало способностью “исправить” ее изначальную незаконность. Таким образом, аннексия могла приобрести законный характер только в том случае, если она имела устойчивый характер и не оспаривалась¹¹⁵. Если же аннексия оспаривалась другими

¹¹⁰ Jennings. The Acquisition..., p. 62.

¹¹¹ При отсутствии доказательств в пользу противного (*лат.*) — прим. пер.

¹¹² В силу самого закона (*лат.*) — прим. пер.

¹¹³ H. Wehberg. Krieg und Eroberung im Wandel des Völkerrechts. Frankfurt a.M.: Alfred Metzner Verlag, 1953, pp. 105–107 (писал о том, что аннексия Италией Эфиопии была незаконной и что 12 мая 1938 года, день, когда Лига Наций отказалась от своей политики непризнания, знаменует собой “один из самых печальных моментов Лиги Наций”, p. 107.)

¹¹⁴ Убеденность в правомерности (*лат.*) — прим. пер.

¹¹⁵ Verdross. Die völkerrechtliche Identität..., p. 20. См. также: Репе́чка. *Op. cit.*, p. 94 и Marek, p. 329 (“Действительность незаконного акта не должна оставлять никаких сомнений и должна быть исключена любая разумная возможность *restitutio ad integrum*”).

державами, она не была “прочно утвердившейся”¹¹⁶ и, следовательно, не могла создать правовой титул по нормам международного права. В 1939 году в пользу этой позиции убедительно высказался Арнольд Рэстад, согласно которому

“для принятия решения о том, прекратилось ли существование государства, следует ознакомиться с мнением сообщества государств — того самого коллектива, который признает появление нового государства”¹¹⁷.

Тем не менее очевидно, что непризнание незаконных актов само по себе не делало эти акты незаконными; оно служило только дополнительным подтверждением их незаконности, вытекавшей из международного права. Следовательно, при установлении незаконности насильственной аннексии политика непризнания, проводимая сообществом государств, играла только вспомогательную роль, дополнительно *подтверждая* незаконность обсуждаемых актов. Из этой точки зрения следует, что даже политически мотивированные признания незаконной ситуации (в международном праве на момент 1939 года не существовало обязательства непризнания¹¹⁸) не могли создать соответствующее право у осуществившего аннексию государства, кроме тех случаев, когда признание предоставлялось всеми членами сообщества государств.

Незаконность аннексии представляет собой ее решающий аспект, который объясняет, к примеру, почему идентичность международной правосубъектности не была признана в случае Алжира. Поскольку незаконность аннексии служила ключевым элементом в подтверждении идентичности правосубъектности и континуитета “воскрешенных

¹¹⁶ Согласно Кельзену, для приобретения аннексией законного характера последняя должна быть “прочно установившейся”. См.: Н. Kelsen. *General Theory of State and Law*. 1946, p. 214 et seq. Вердросс использует данный аргумент в защиту собственной позиции, указывая, что аннексия только тогда может считаться “прочно установившейся”, когда она больше не оспаривается другими державами. См.: Verdross. *Op. cit.*, p. 20.

¹¹⁷ Raestad. *La cession des Etats...*, p. 447.

¹¹⁸ Ульрих Шенер писал в 1951 году, что поскольку в международном праве “отсутствует высшая международная власть, то каждое государство может само решать, хочет ли оно признать аннексию одного государства другим и если да, то когда”. См.: Scheuner. *Entstehung, Altersstufen...* // *Kölner ZfSoz* 1951/1952, p. 210.

государств”, то попытки распространить “воскрешение” того же субъекта на случаи получения колониями независимости были отвергнуты и в практике государств, и в юридической литературе¹¹⁹. В юриспруденции эта концепция была использована только в особом мнении судьи Морено Квинтана при рассмотрении индо-португальского спора в Международном суде (ООН)¹²⁰. Обсуждая эту концепцию, Чарльз Х. Александровиц предположил, что Цейлон (современная Шри-Ланка), Бирма (современная Мьянма), Индия или Индонезия не стали новыми субъектами в сообществе государств, а просто “вернули себе суверенные права” в процессе деколонизации, последовавшем после Второй мировой войны¹²¹. По Александровицу, такой “возврат суверенных прав” создает специальную презумпцию в пользу получившего обратно эти права государства, которая не возникла бы в случае обычного правопреемства: “возвращающееся к прежнему юридическому состоянию государство может основываться на презумпции возврата суверенитета в том же объеме и в той же мере, как и тот, от которого государство было вынуждено отказаться в прошлом в момент его исключения из семьи наций”¹²². Вопреки позиции Александровица, в практике государств нет никаких свидетельств о том, что колонии, бывшие независимыми до колонизации, пользовались какими-либо преференциями по сравнению с колониальными народами, не имевшими истории государственности до колонизации. В общем и целом, все такие государства могли начать свое пост-колониальное существование с “чистого листа”: не происходило какого-либо автоматического правопреемства в отношении юридических обязательств колониального периода. Тем самым мы, впрочем, не стремимся отрицать, что понятие “новых государств” для

¹¹⁹ См.: Crawford. *The Creation....* См. также: I. Seidl-Hohenveldern. *Völkerrecht*. 9. Aufl., 1997, Rdnr. 1394 и H. Krieger. *Das Effektivitätsprinzip....*, p. 173.

¹²⁰ “Индия не произвела каких-либо фундаментальных изменений в сложившейся системе... Мы не должны забывать о том, что Индия в качестве правопреемника территории приобрела ее не впервые, а возвратила себе независимость (суверенитет), утраченные в отдаленном прошлом. Ее правовое положение разом возвратилось к тому состоянию, в котором оно пребывало более 100 лет назад, так, словно бы британская оккупация не имела никакого значения”. См.: *Case Concerning Right of Passage over Indian Territory (Merits)*, Judgment of 17.4.1969 // *ICJ Reports 1960*, p. 6 at 95.

¹²¹ C.H. Alexandrowicz. *New and Original States. The Issue of Reversion to Sovereignty* // *45 Int'l Aff.* 1969, p. 471.

¹²² См.: Alexandrowicz. *Op. cit.*, p. 478.

обозначения неевропейских государств с доколониальной историей государственности несет в себе семантически неверный и покровительственный оттенок¹²³.

(iii) Релевантность народа при определении незаконности и континуитета государственности

В анализируемых случаях периода Второй мировой войны незаконность аннексии была связана с нарушением прав затронутых аннексией народов. Некоторые авторы, в основном из Австрии, объясняли континуитет незаконно аннексированного государства при помощи вспомогательного аспекта: континуитета его народа (населения). Альфред Вердросс доказывал, что не правительство, а народ, в первую очередь, образует государство¹²⁴. Интересно отметить, что в советской доктрине международного права принималась особая роль народа в государстве: так, Р. Л. Борбов утверждал, что народ государства это “сущность международной правосубъектности данного государства”¹²⁵. С точки зрения истории важнейших юридических и политических идей, на эту теорию в ее различных формах повлияла, по-видимому, идея национального государства в понимании XIX века, в особенности юридическая доктрина *Volksgeist* (“духа нации”) в формулировке Исторической школы, в особенности Савиньи и Пухта.

Альфред Вердросс, тем не менее, прослеживает это понятие вплоть до Гуго Гроция, который подчеркивал континуитет международно-правовой ответственности в силу континуитета народа. Для Вердросса именно по этой причине “согласно международному праву идентичность правосубъектности государства зависит не от тождества его конституции, а от континуитета его населения, постоянно обновляю-

¹²³ См. также: J.J.G. Syatow. Old and New States—a Misleading Distinction for Future International Law and International Relations, in: *Le droit international de demain*. Université de Neuchatel, Série juridique No. 8, Neuchatel: Éditions Ides et Calendes, 1974.

¹²⁴ A. Verdross. *Die völkerrechtliche Identität von Staaten...*, p. 19. (“Напротив, современное международное право при установлении идентичности правосубъектности государств исходит из их населения. (...) не правительство, а население государства образует его как субъект международного права”).

¹²⁵ Р.Л. Борбов. Основные проблемы теории международного права. Москва: Международные отношения, 1968, p. 64.

щегося в силу смены поколений” (“*warum nach Völkerrecht die Identität des Staates nicht von der Identität seiner Verfassung, sondern von der Kontinuität seiner sich ständig in der Geschlechterfolge erneuernden Personengemeinschaft abhängt.*”)¹²⁶ Подобные доводы приводил и Стефан Вероста¹²⁷. Ульрих Шенер подверг эту позицию критике, указывая, что “реальная идентичность правосубъектности” населения сохранилась бы и в случае (законной) аннексии; необходимо иметь в виду (по Вероста) континуитет воли к сохранению национального единства (*Fortbestand eines nationalen Einheitswillens*). Теория, согласно которой народ это “опекун” незаконно аннексированного государства, происходит из нетрадиционной теории государства, по которой ключевой элемент последнего это “существующее духовно-политическое единство народа в значении национального сознания”¹²⁸. Шенер утверждает, что подобная “воля к духовному континуитету” должна быть подтверждена действиями населения (акты сопротивления, вооруженное сопротивление), чтобы перестать считаться простой фикцией¹²⁹.

Влияние народа и его права на самоопределение и государственность подробно обсуждалось в контексте правового статуса Германии

¹²⁶ Verdross. Op. cit., p. 19. См. также: Verdross/Simma. *Universelles Völkerrecht*, 3. Auflage, Berlin: Ducker & Humblot, 1984, § 390 et seq., p. 231.

¹²⁷ См.: Verosta. *Die internationale Stellung Österreichs 1938–1947*. Wien, 1947, p. 9.

¹²⁸ Как, например, теория Николая Гартманна об “объективном общем духе, живущем в Государстве” (*im Staate lebendiger objektiver Gemeingeist*). Ссылки и критику см. в: U. Scheuner. *Die Funktionsnachfolge...*, in: F.S. Nawiasky, p. 21. Одним из исторических примеров радикального использования данного аргумента служит объяснение С. Цибичовским континуитета польского государства в период 1775–1918 гг., представляющее собой сомнительную попытку представить аргументы в пользу континуитета Польши национал-социалистам на “их собственном языке”: “Это становится особенно понятным, если исходить из национал-социалистического понимания права и государства, где народу дается преимущество перед государством. (...) Элементарной единицей в развитии международного права является не государство, а народ. (...) Создатель международного права Гроций еще не знал этого принципа (...) Следует подчеркнуть, что польский народ в качестве политической, моральной и правовой единицы никогда не прекращал своего существования. Польский народ это не только политическая и моральная, но и правовая единица, причем слово “право” означает не сумму формальных норм, а правила существования, зависящие от страны, крови и расы и основанные на глубоких моральных началах (...)”. См.: S. Cybichowski. *Das völkerrechtliche Okkupationsrecht // 18 Z. für VR 1934*, pp. 318–319.

¹²⁹ Scheuner. *Die Funktionsnachfolge...*, in: FS Nawiasky, 1956, p. 21.

после ее поражения во Второй мировой войне. В частности, обсуждался вопрос о том, прекратилось или продолжается существование германского государства. По крайней мере, с точки зрения “теории трех элементов” отсутствие в Германии правительства после ареста членов правительства Деница в мае 1945 года свидетельствовало против продолжения существования германского государства. Ганс Кельзен наряду с другими учеными доказывал, что Германия прекратила существование¹³⁰. В соответствии с решениями союзников на Потсдамской конференции восточные территории Германии в границах 1938 года были аннексированы Польшей и СССР. В то же время, победоносные союзники не намеревались аннексировать всю территорию потерпевшего поражение рейха и, таким образом, отсутствовало *намерение*, которое могло бы стать предпосылкой для фактической аннексии.

В 1949 году в оккупационных зонах, занимаемых соответственно западными союзниками и СССР, было провозглашено создание двух немецких государств — одного на западе, другого на востоке. Это стало еще одним фактором, свидетельствовавшим в пользу прекращения существования германского государства. Федеративная Республика Германии это отрицала и утверждала, что правосубъектность германского рейха продолжилась в ФРГ¹³¹. Притязание на государственный континуитет, выдвигаемое учеными в области международного права из Западной Германии, основывалось главным образом на том аргументе, что раздел Германии был осуществлен с нарушением права германского народа на самоопределение¹³². Вплоть до принятия обоих немецких государств в ООН в 1973 году западные страны продолжали доказывать, что ГДР была создана и поддержи-

¹³⁰ См. уже в: Н. Kelsen. The Legal Status of Germany to be Established Immediately upon Termination of War // 38 AJIL 1944, p. 680 et seq. и, в особенности, The Legal Status of Germany According to the Declaration of Berlin // 39 AJIL 1945, p. 518 et seq.

¹³¹ *GLV-Urteil*, BVerfGE 36, 1973,1, 15–16; *Teso-Urteil*, BVerfGE 77, 137. Обзор соответствующих вопросов доктрины см. в: G. Ress. Die Rechtslage Deutschlands nach dem Grundlagenvertrag vom 21. Dezember 1972. Berlin: Springer, 1978 и D. Blumenwitz. What is Germany? Exploring Germany's Status after World War II. Bonn: Kulturstiftung der dt. Vertriebenen, 1989.

¹³² См., например: С. Tomuschat. Staatsvolk ohne Staat? Zum Teso-Urteil des Bundesverfassungsgerichts (BVerfGE 77, 137), in: FS Karl Doehring. Heidelberg: Springer, p. 1000 и E. Klein. Das Selbstbestimmungsrecht der Völker und die deutsche Frage, 1990.

вается советским оккупационным режимом и, тем самым, не обладает конститутивными элементами государства¹³³. Более того, в юриспруденции и правовой науке Западной Германии появились различные теоретические интерпретации данного притязания на идентичность правосубъектности и континуитет.

В течение последующих десятилетий утверждение о континуитете германского государства включало в себя значительный элемент юридической фикции, поскольку ФРГ контролировала только часть бывшей территории рейха, второе немецкое государство — ГДР — было принято в ООН и признано самой ФРГ и другими странами в качестве суверенного государства¹³⁴. Так или иначе, но основанные на практике Конституционного суда аргументы, сформулированные Георгом Рессом, согласно которым ФРГ, с одной стороны, “признает ГДР на международном уровне в качестве государства точно так же, как сама Федеративная Республика является государством по международному праву”, но, с другой стороны, “отношения между ФРГ и ГДР основаны не исключительно на международном праве, а на комбинации государственного (внутреннего) и международного права”, представляли собой весьма неортодоксальную доктрину¹³⁵. Советские и восточно-германские правоведы также критиковали “империалистическую” доктрину единой и неделимой Германии с позиций действительности¹³⁶.

Тем не менее, притязания на континуитет Германии позднее нашли признание в практике государств и сегодняшняя объединенная Германия, с точки зрения международной правосубъектности, рассматривается как идентичная германскому рейху. На элементы фикции в данном правопритязании уже было указано; но, невзирая на эти элементы, она была признана. В данном случае можно говорить о том, что история в некотором роде признала правоту (западно-)германской точки зрения.

Можно сделать двоякие выводы из обсуждения правового статуса Германии. С одной стороны, успех притязаний на государственность в трудноразрешимых случаях во многом зависит от политической ситуации. Притязание на континуитет германского государства было

¹³³ См., например: C. Tomuschat. *General Course...*, 2000, p. 97.

¹³⁴ См.: C. Tomuschat. *Staatsvolk ohne Staat?...* 1990, p. 998.

¹³⁵ См.: G. Ress. *Germany, Legal Status after World War II* // 10 EPIL 1987, p. 199.

¹³⁶ См., например: D.I. Feldman. *Illegality of the Hallstein Doctrine* // *Soviet YBIL* 1962, pp. 158–165.

не просто чисто юридическим, но также и политическим требованием, поскольку оно имело своей целью воссоединение Германии. Данная теория обязана своим успехом в том числе и успеху требования объединения Германии, а не просто неотъемлемому превосходству ее юридических доводов над доктриной соответствия действительности. Также не вызывает сомнений, что объединение Германии было мета-юридическим явлением. В этом смысле юридические теории зачастую “догоняют” политические требования и перемены.

С другой стороны, принятие юридической позиции Германии в практике государств также демонстрирует, что после Второй мировой войны в международно-правовой практике стали признаваться определенные “фиктивные” притязания на государственность, если они были подкреплены какими-либо фундаментальными нормами международного права, как, например, право народов на самоопределение¹³⁷.

Уилфрид Фидлер также подчеркивает релевантность народа и отход от формального применения критериев Монтевидео, даже если в остальном он и относится весьма критично к притязаниям на “фиктивный” континуитет:

“Недавние события в международном праве свидетельствуют о выдвигании на первый план материальных элементов. Уже в XIX веке в международном праве часто признавалось существование наций или народов, несмотря на иностранную оккупацию, а сейчас этот аспект приобрел дополнительное значение ввиду развития права на самоопределение в XX веке. Отход от формальных критериев был подкреплен запретом на применение силы и аннексию. Эта общая тенденция в международном праве, которая также стала отчетливо видна в деятельности ООН, оправдывает придание приоритета праву на самоопределение при решении проблем с континуитетом, при условии, что использование этого права действительно прослеживается на международном уровне”¹³⁸.

¹³⁷ Согласно Кристиану Томушату: “На первый взгляд выглядит неловкой ситуация, при которой граждане одного государства рассматриваются в то же время другим государством как и его собственные граждане. Тем не менее, существовал один существенный фактор, связывающий западных и восточных немцев друг с другом, а именно право на самоопределение”. См.: *General Course*. 2000, p. 99.

¹³⁸ Fiedler. *Continuity // EPIL*, p. 808 et seq. Схожие идеи Фидлер высказывал уже в 1970 году (“*Staatskontinuität und...*”): “Согласно действующему международному праву, народ является важнейшим носителем государственного континуитета (...) Все же нельзя не упомянуть критически о том факте, что

5. Следствия, вытекающие из незаконности аннексии, для правосубъектности государства

Опираясь на случаи незаконных аннексий, юристы-международники стали доказывать, что незаконность аннексии предотвращает прекращение существования государства¹³⁹. Исходя из незаконности осуществленных странами оси аннексий в случаях Эфиопии, Австрии, Албании и Чехословакии, Кристина Марек вывела юридическое объяснение выживания этих государств: *ex injuria ius non oritur*¹⁴⁰.

“С учетом всех изменений, происходивших в отношении третьих государств, только этот принцип может предоставить юридическое объяснение выживания данных государств, делая его *действительным* правовым выживанием, а не случайной политической фикцией”¹⁴¹.

Марек указывает, что если бы решающим критерием было только признание со стороны других государств, то мы были бы вынуждены согласиться с прекращением существования этих государств в силу “смертного приговора”, произнесенного третьими государствами, когда они поначалу признали прекращение существования Австрии и Чехословакии в 1938–1939 гг.¹⁴². В противном случае,

“... из этого бы следовало, что международный статус Чехословацкой республики пережил несколько действительно странных перемен: государство существовало в течение некоторого времени после 15

действующее международное право в рамках проблемы идентичности правосубъектности делает излишне большой упор на сохранение населения государства — не в последнюю очередь по причинам, связанным с ответственностью, — и ставит принятие решения об идентичности в зависимость от этого”, р. 67.

¹³⁹ См., например: G. Scelle. Die Annexion Abessiniens durch Italien und der Völkerbund, in: 3 Völkerbund und Völkerrecht 1936/37, pp. 167–172.

¹⁴⁰ См.: Marek. Op. cit., по вопросу об Эфиопии р. 279, о Чехословакии р. 328 et seq., об Албании р. 337, об Австрии р. 367–368.

¹⁴¹ Marek. Op. cit., р. 329.

¹⁴² По вопросу о (не)релевантности признания другими государствами см.: Marek. Op. cit., в целом pp. 130–161, и в частности pp. 279–281 (Эфиопия), р. 327 (Чехословакия). Противоположную точку зрения, согласно которой всеобщее признание, к примеру, инкорпорации Австрии Германией действительно означало прекращение существования Австрии, см. в: Cansacchi. Op. cit., р. 48.

марта 1939 года, затем оно прекратило существование, затем начало снова существовать, причем, что в высшей степени загадочно, в качестве не нового, а именно прежнего государства. Более того, оно существовало в отношении союзных держав даже в тот период, когда оно не существовало в отношении держав оси и некоторых нейтральных стран (например, Швейцария)”¹⁴³.

Но не слишком ли “абстрактен” принцип *ex injuria ius non oritur* для того, чтобы предотвратить прекращение существования государства в случае незаконной аннексии? Многие ученые в области международного права после Второй мировой войны сохранили скептическое отношение к объяснениям и обоснованиям, примененным к континуитету Австрии, Чехословакии и т.д. Ганс Кельзен зашел даже так далеко, что вообще отрицал юридическую ценность принципа *ex injuria ius non oritur* в международном праве¹⁴⁴. По иронии судьбы принцип “*ex injuria*” точно так же отрицался, среди прочего, итальянскими правоведами во время фашистского периода¹⁴⁵. В данном случае было бы допустимо задаться вопросом, были ли такие отрицания принципа “*ex injuria*” обусловлены гнетущим опытом 1930-х и 1940-х гг., одним из самых ужасных периодов с точки зрения несоблюдения международного права, или же проявленный ведущими учеными-юристами пессимизм помог создать интеллектуальный базис для беспрецедентных нарушений международного права?

Полемика по вопросу о применении и юридических следствиях из принципа *ex injuria ius non oritur* ведется до сих пор. Большинство ученых склонно соглашаться с тем, что принцип соответствия действительности сохраняет центральное значение в системе международного

¹⁴³ Marek. Op. cit., p. 328.

¹⁴⁴ “Согласно обычному международному праву, государства обязаны уважать территориальную целостность других государств; тем не менее, нарушение этого обязательства не исключает возможности изменений в правовой ситуации. Отстаиваемый некоторыми авторами принцип *ex injuria ius non oritur* (“незаконное деяние не может привести к возникновению права”) неприменим в международном праве, или же применим только с существенными оговорками. См.: H. Kelsen. Principles of International Law. 2nd edn., rev. and ed. by R. W. Tucker, New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1967, p. 316 et seq.

¹⁴⁵ См., например: G. Ottolenghi. Il principio di effettività e la sua funzione nell'ordinamento internazionale. 15 Rivista di diritto internazionale 1936, esp. pp. 3–33 и Condorelli. Ex facto jus oritur. Rivista internazionale di filosofia del diritto, 1931, pp. 115–139.

права¹⁴⁶. Вальтер Рудольф писал в 1986 году, что “отказ от принципа *ius ad bellum* и использования какого бы то ни было насилия мало затрагивает понятие государства.”¹⁴⁷ Уилфрид Фидлер критиковал юридическую действительность принципа *ex injuria ius non oritur* в контексте идентичности правосубъектности и континуитета в случае с Австрией:

“Из решения о незаконности (...) еще не следует безусловно непрерываемое продолжение существования государства как субъекта международного права. (...) Поэтому использованный Марек принцип *ex injuria ius non oritur* не может служить подтверждением идентичности правосубъектности австрийского государства, хотя незаконность аншлюса была мотивом и политическим стимулом восстановления государства”¹⁴⁸.

В данном случае становится очевидным основное концептуальное несогласие между юристами-международниками: может ли незаконность аннексии компенсировать отсутствие действительности, понимаемой как “существование” государств в качестве “социальных реальностей”¹⁴⁹? Следует ли игнорировать или придавать только второстепенное значение критериям государственности Монтевидео, если акт аннексии незаконен? Достаточно ли влиятельно международное право для поддержания такой фикции? При каких обстоятельствах и в течение какого срока? Ульрих Шенер суммирует критические замечания с позиции “сторонников Монтевидео”: “Но, поскольку продолжение существования государства является фактом, основанным на социологической действительности, это [незаконность агрессии] не меняет того, что государство исчезло”¹⁵⁰. Презумпцией классической доктрины всегда оставалось положение, согласно которому право не регулирует ни создание, ни исчезновение государств.

И все же, в общем и целом, фикция идентичной правосубъектности Австрии и других незаконно аннексированных государств “наличество-

¹⁴⁶ См.: J. Stone. What Price Effectiveness? // 50 ASIL Proc. 1956, pp. 198–206 at 198.

¹⁴⁷ См.: W. Rudolf. Wandel des Staatsbegriffs im Völkerrecht? Bonn: Europa Union Verlag, 1986, p. 40.

¹⁴⁸ W. Fiedler. Das Kontinuitätsproblem..., p. 100–101.

¹⁴⁹ U. Scheuner. Entstehung, Altersstufen und Untergang von Staaten im Lichte des Rechts, in: 4 Kölner Zeitschrift für Soziologie 1951/52, pp. 108–221 at 209.

¹⁵⁰ U. Scheuner. Die Funktionsnachfolge und das Problem der... FS Nawiasky, 1956, p. 20.

вала” (в практике государств) и традиционная теория не смогла объяснить этот феномен в юридических терминах. Консервативное крыло правовой доктрины, по-видимому, оставалось в плену наследия Монтевидео, слишком буквально применяя три конститутивных элемента государственности. Оно с подозрением относилось к случаям, когда идентичность правосубъектности государства признавалась независимо от фактической аннексии, рассматривала их как неудобные и странные аномалии, продукты “политики фиктивности”. С точки зрения догмы, эта часть научного сообщества была более озабочена случаями, когда идентичность правосубъектности государства признавалась независимо от временного исчезновения правительства этого государства, чем случаями, когда государство аннексировалось с помощью незаконного применения силы. Вальтер Рудольф в недавнем прошлом даже заявил, что “понятие государства в международном праве не претерпело существенных изменений”¹⁵¹ и что здесь мы начинаем осознавать, *по какой причине* специалисты в области международного права должны защищать существующее определение государственности, практически уподобляясь средневековым рыцарям, защищающим замок от неверных — “понятие государства определяет продолжение или прекращение существования международно-правового порядка”¹⁵².

Для тех специалистов по международному праву, которые не рассматривали введение оговорок к критериям Монтевидео как ересь, вопрос звучал по-иному: каково содержание новых норм международного права; как далеко международное право зашло — и как далеко оно может зайти — в защите законности и в отрицании довода фактической ситуации. В современной практике поддерживается положение, согласно которому государство не должно во всех без исключения случаях приравниваться к действительности; государственность уже не просто “фактическая ситуация, а юридически определенная ссылка на право, а именно на правомочность управлять определенной территорией”¹⁵³. Это означает не только то, что в практике государств стали применяться существенные оговорки к критериям Монтевидео, но, к сожалению, и то, что в международном праве “(...) отсутствует

¹⁵¹ W. Rudolf. Wandel des Staatsbegriffs im Völkerrecht? Bonn: Europa Union Verlag, 1986, p. 48.

¹⁵² См.: *ibid*, at 48.

¹⁵³ См.: Crawford. The Criteria for Statehood in International Law // 48 BYBIL 1976/77, pp. 119 and 144.

общепринятое и удовлетворительное определение государственности”¹⁵⁴, хотя большинство юристов склонны соглашаться, что критерии Монтевидео остаются “отправным пунктом” для анализа государственности.

В советской правовой доктрине никогда не возникало проблем с фикцией непрерывности существования незаконно аннексированных государств. Так, Н.В. Захарова четко поддержала континуитет Австрии (несмотря на германскую аннексию 1938–1945 гг.):

“Известно, что наличие международного договора, предусматривающего создание или имеющего целью “оформить” создание той или иной “фактической ситуации”, ни в коей мере еще не свидетельствует о ее законности, правомерности. Среди таких договоров немало юридически недействительных (пример — Мюнхенское соглашение 1938 г.). Никаких прав преемника государство-агрессор, естественно, не имеет. Его действия, направленные на присвоение себе “права” на захваченную территорию, а также любых прав государства, которому эта территория принадлежит, являются юридически ничтожными... только законные, правомерные фактические ситуации могут предопределять правопреемство... Это — бесспорное в доктрине положение. Из него следует, что захват агрессором территории государства юридически ни в коей мере не только не лишает это государство принадлежащих ему международных прав, но и не прерывает их принадлежности ему. Поэтому после освобождения территории проблема правопреемства для него не встает — оно продолжает владеть правами, ранее приобретенными... Из противозаконности, преступности агрессии следует также, что все договоры, распространенные агрессором на захваченную территорию, прекращают свое действие с восстановлением независимости государства”¹⁵⁵.

Таким образом, несмотря на все разногласия в правовой доктрине, Джеймс Кроуфорд, вероятно, высказал мнение большинства, когда в 1978 году на основе анализа практики государств в период Второй мировой войны он сформулировал следующий вывод: “В практике государств в период после 1930 года утвердилось, хоть и не лишенное доли неопределенности, положение о том, что аннексия территории государства в результате незаконного применения силы не приводит к

¹⁵⁴ См.: Crawford. The Criteria..., pp. 107 and 111.

¹⁵⁵ Н.В. Захарова. Правопреемство государств. Москва: Международные отношения, 1973, с. 9–10.

прекращению существования данного государства”¹⁵⁶. Значительная доля той неопределенности, на которую ссылается профессор Кроуфорд, была связана с нерешенной ситуацией стран Балтии. Подпадал или нет данный случай под постулированную норму и если да, то каковы были юридические следствия того факта, что решение балтийской проблемы все еще оставалось “замороженным” в ледяных ветрах “холодной войны”? Как долго международное право и международное сообщество могут поддерживать юридическую фикцию, отрицаемую реальностью? Со временем вся правовая дискуссия приобрела некоторую “метафизичность” и “сфокусировалась на парадигмах ученых, а не на поведении международных акторов, которое ученым следовало бы анализировать”¹⁵⁷.

В конце концов балтийский вопрос, один из последних реликтов Второй мировой войны, нашел свое мирное разрешение в августе 1991 года. Способ, посредством которого это произошло, еще раз подтвердил несколько “нормативных” предположений, отодвинув на задний план одни старые сомнения и неопределенности и возродив другие.

¹⁵⁶ Crawford, *The Creation...*, p. 407.

¹⁵⁷ Так Энтони Кларк Арэнд характеризует заблуждения ученых в области международного права после Второй мировой войны. См.: A.C. Arend. *Legal Rules and International Society*. New York: Oxford University Press, 1999, p. 7.

ГЛАВА 2. ПРАВОВОЙ СТАТУС СТРАН БАЛТИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ ПОСЛЕ 1991 года: ПРАВОПРИТЯЗАНИЯ И ОТВЕТНАЯ РЕАКЦИЯ

1. Позиция стран Балтии

Цитируя характеристику чехословацкого прецедента в течение и по окончании Второй мировой войны, данную Кристиной Марек, позиция стран Балтии, утверждающая непрерывный континуитет этих республик, была не только правовой теорией, но и “программой политической борьбы”¹⁵⁸. Сказанное президентом Эстонии (1992–2001) Леннартом Мери об Эстонии *mutatis mutandis*¹⁵⁹ относится и к двум другим балтийским республикам: “Государственная власть в Эстонии или эстонская концепция государства — или же, если угодно, философия государства — основывается на континуитете эстонского государства”¹⁶⁰.

Во время полувекового советского правления в Эстонии, Латвии и Литве доктрина континуитета подрывала законность и легитимность этого правления и поддерживала требования о независимости, выдвигаемые беженцами из этих стран на Западе и диссидентами¹⁶¹ в

¹⁵⁸ К. Marek. Op. cit., p. 311.

¹⁵⁹ С соответствующими изменениями (лат.) — прим. пер.

¹⁶⁰ См.: A. Oplata. Lennart Meri. Ein Leben für Estland. Dialog mit dem Präsidenten. Zürich: Verlag Neue Zürcher Zeitung, 1999. (Цит. по эстонскому изданию: Tartu, Ilmamaa, 2000, p. 58).

¹⁶¹ Энн Сарв возражал против использования понятия “диссиденты” в случае стран Балтии, поскольку люди, борющиеся за свободу в оккупированной стране, сражаются не с “собственным” режимом и не могут называться “диссидентами”, т.е. “инакомыслящими личностями”. См.: E. Sarv, Õiguse vastu

самих странах Балтии. Когда советское руководство попыталось диктовать балтийским республикам условия их “выхода из состава” Советского Союза¹⁶², политики Эстонии, Латвии и Литвы выступили с утверждением, что принудительно вступившая в незаконный брак сторона не может обсуждать условия развода, заявив простыми словами, что период незаконного пребывания в заложниках у СССР должен быть прекращен¹⁶³.

Согласно выдвинутой странами Балтии точке зрения, в 1940 году Советский Союз совершил акты агрессии против Эстонской, Латвийской и Литовской Республик. Поскольку советская агрессия нарушила действующие дву- и многосторонние договоры между этими странами, то оккупация Красной Армией Эстонии, Латвии и Литвы 17 июня 1940 года, последовавшее за этим установление коммунистического режима и аннексия стран Балтии Советским Союзом в августе 1940 года должны расцениваться как незаконные акты и, следовательно, юридически недействительны *ab initio*¹⁶⁴. Хотя аннексия стран Балтии Советским Союзом прекратила независимость этих стран де-факто, они не утратили своей международной правосубъект-

ei saa ükski (Никто не устоит против закона). Tartu, 1997, p. 75. Семантическая дилемма использования понятий “диссидент” и “борец за свободу (или: борец сопротивления)” иллюстрирует трудности, возникающие при попытке адекватно охарактеризовать незаконно созданную ситуацию такой продолжительности, как советский режим в балтийских республиках.

¹⁶² См.: С. Gray. Self-Determination and the Breakup of the Soviet Union // 12 YBEL 1992, p. 466. Согласно советскому закону о выходе из состава государства от 7 апреля 1990 года, выход союзной республики из состава СССР требовал одобрения большинством в две трети голосов. Латвия и Эстония, в большей степени пострадавшие в результате советской миграционной политики, могли столкнуться с трудностями с точки зрения требований данного закона. См. также: А. Cassese. Self-determination of Peoples. A Legal Reappraisal. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, p. 261.

¹⁶³ Среди совместных усилий того периода следует обратить внимание на декларацию министров иностранных дел трех стран Балтии, подписанную в Риге 26 мая 1990 г., в которой провозглашалось, что “Эстонская Республика, Латвийская Республика и Литовская Республика все еще продолжают существовать”. Основная часть декларации была дополнена следующей апелляцией к символизму: “Данная декларация подписана в Риге в соответствии с трехсторонним соглашением, подписанном в Женеве в 1934 году, зарегистрированным в Лиге Наций и возобновленном в Таллинне 12 мая 1990 года”. Цит. по: Jaakson. Eestile, p. 274–275.

¹⁶⁴ С самого начала (*лат.*) — прим. пер.

ности и продолжали существовать де-юре. Во время существования советской власти страны Балтии “были мертвыми только по виду”¹⁶⁵. Большинство стран Запада никогда не признавали законность советской аннексии, по крайней мере, де-юре. Следовательно, Советский Союз никогда не приобретал суверенных прав на страны Балтии и, таким образом, оставался исключительно оккупирующим государством до тех пор, пока в 1991 году не была восстановлена де-факто независимость существовавших де-юре стран Балтии.

Соответственно, современная Литовская Республика отмечает свою независимость 16 февраля, в тот день, когда ее независимость была провозглашена в 1918 году. Дни независимости Эстонской и Латвийской Республик — это дни провозглашения их независимости: соответственно 24 февраля и 18 ноября 1918 года¹⁶⁶. Последующее провозглашение отделения от Советского Союза, о котором было заявлено парламентом Литвы 11 марта 1990 года и парламентами Эстонии и Латвии 20 августа 1991 года, рассматривается как акт восстановления независимости уже существующих государств. Из вышесказанного следует, что страны Балтии не считают себя государствами-преемниками Советского Союза.

Ниже приводится более детальное рассмотрение правоприятий на континуитет, выдвинутых каждой из стран Балтии.

(А) Эстонская Республика

2 февраля 1990 года, в 70-ю годовщину подписания Тартуского мирного договора, по которому Советская Россия признала независимость Эстонской Республики, на внеочередном съезде народных депутатов Эстонской Советской Социалистической Республики (ССР) было провозглашено, “что демократическая государственность, основанная на континуитете Эстонской Республики, по сей день остается неоспо-

¹⁶⁵ В немецком юридическом языке этому соответствует понятие “scheintot”. См., например: Neuhold/ Hummer/Schreuer. *Österreichisches Handbuch des Völkerrechts*. Band 1: Textteil, 2. Auflage, 1991, p. 152.

¹⁶⁶ По вопросу создания и признания стран Балтии международным сообществом см.: С. Hillgruber. *Die Aufnahme neuer Staaten in die Völkerrechtsgemeinschaft. Das völkerrechtliche Institut der Anerkennung von Neustaaten in der Praxis des 19. und 20. Jahrhunderts*. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1997, p. 236 et seq.

римым политическим идеалом эстонского народа”¹⁶⁷. В марте 1990 года, когда Эстония все еще контролировалась Советским Союзом, гражданами Эстонии (т.е. имевшими гражданство Эстонской республики до 1940 года и их потомками) был избран Эстонский Конгресс, что ясно продемонстрировало волю эстонского народа к восстановлению независимости на основе принципа континуитета государства.

Верховный Совет Эстонской ССР, законодательный орган, избранный в соответствии с Конституцией Эстонской ССР 1978 года, 30 марта 1990 года принял Постановление о государственном статусе Эстонии. В этом документе, провозглашенном законодательным органом, который, с технической точки зрения и по своей внутренней логике, был всего лишь одной из структур оккупационной власти, утверждалось, “что оккупация Эстонской Республики Советским Союзом 17 июня 1940 года не прекратила существования Эстонской Республики де-юре. Территория Эстонской Республики оккупирована по сей день”. Кроме того, Верховный Совет заявил, что “государственная власть СССР в Эстонии незаконна с самого момента ее установления” и провозгласил “восстановление Эстонской Республики (*restitutio in integrum*¹⁶⁸)”. Было объявлено о начале переходного периода, который “должен закончиться с образованием конституционных органов государственной власти Эстонской Республики”¹⁶⁹.

Постановление о национальной независимости Эстонии было принято Верховным Советом 20 августа 1991 года в связи с попыткой коммунистического переворота в Москве. Этот документ явно исходил из предпосылки континуитета Эстонской Республики как субъекта международного права. В нем содержалась ссылка на референдум 3 марта 1991 года, в котором народ Эстонии подавляющим большинством высказался в поддержку идеи “восстановления национальной независимости Эстонской Республики”, подтвердил национальную независимость Эстонской Республики и инициировал “восстановление дипломатических отношений”¹⁷⁰.

¹⁶⁷ Текст декларации см. в: A. Kiris. Restoration of the Independence of the Republic of Estonia. Selection of Legal Acts (1988–1991). Tallinn: Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Estonia and Estonian Institute for Information, 1991, p. 19.

¹⁶⁸ Восстановление к прежнему состоянию (*лат.*) — прим. пер.

¹⁶⁹ Текст см. в: A. Kiris. *Op. cit.*, p. 22–23. Эстонский оригинал текста см. в: 12 Eesti Vabariigi Ülemnõukogu ja Valitsuse Teataja, p. 269.

¹⁷⁰ Текст см. в: A. Kiris. *Op. cit.*, p. 101.

28 июня 1992 года новая Конституция Эстонской Республики была принята на референдуме, проведенном на основании статьи 1 Конституции Эстонии 1938 года. В преамбуле Конституции 1992 года подчеркивается, что современное эстонское государство было провозглашено 24 февраля 1918 года¹⁷¹. В статье 122 Конституции 1992 года содержалось еще одно ссылающееся на континуитет положение, согласно которому “сухопутные границы Эстонии определяются Тартуским мирным договором 2 февраля 1920 года и другими межгосударственными договорами о границе”.

Наконец, когда по Конституции 1992 года был избран и созван седьмой (*sic*) состав парламента Эстонской Республики (*Riigikogu*), 7 октября 1992 года им была принята следующая декларация:

“Современная Эстонская Республика в качестве субъекта международного права идентична Эстонской Республике, провозглашенной 24 февраля 1918 года, павшей жертвой агрессии Советского Союза в 1940 году и незаконно включенной в состав Советского Союза.

Рийгигогу выражает свою признательность тем государствам, которые продолжали признавать Эстонскую Республику во время трудных лет оккупации. Это дало возможность восстановить независимость де-факто 20 августа 1991 года”¹⁷².

(В) Латвийская Республика

4 мая 1990 года Верховный Совет Латвийской ССР принял “Декларацию о восстановлении независимости Латвийской Республики”. В ней заявлялось, что включение Латвийской Республики в состав СССР никогда не приобретало законной силы, что Латвийская Республика продолжала существовать де-юре как субъект международного права — факт, “признававшийся более чем 50 государствами”¹⁷³. В соот-

¹⁷¹ Преамбула Конституции 1992 года гласит: “С нерушимой верой и непоколебимой волей защищать и развивать государство, основанное на неустранимом праве эстонского народа на национальное самоопределение и провозглашенное 24 февраля 1918 года... на основе статьи 1 Конституции, вступившей в силу в 1938 году и референдума, проведенного 28 июня 1992 года, эстонский народ принял следующую Конституцию:...” См.: *Eesti Vabariigi Põhiseadus* // RT 1992, 26, 349; 36.

¹⁷² *Riigi Teataja* (Официальный государственный печатный орган) 1992/40/533.

¹⁷³ См. французский перевод этого текста в: A. Reinhardts (ed.). *Lettonie-Russie. Traités et documents de base in extenso*. Lausanne, 1998, p. 202.

ветствии с данной декларацией, юридическая сущность процесса провозглашения независимости заключалась в восстановлении независимости Латвийской Республики де-факто. Действие Конституции 1922 года было вновь введено на всей территории Латвии. В статье 5 Декларации оговаривался переходный период до момента, когда контроль органов власти латвийского государства будет де-факто установлен на всей территории страны. Тем не менее, состояние незаконной оккупации и аннексии Латвии продолжалось, поскольку в Латвии находились советские войска, а функционирующие государственные институты того периода, включая и Верховный Совет, не имели законных полномочий с точки зрения Конституции Латвии 1922 года¹⁷⁴.

12 августа 1991 года, в связи с направленным против М. Горбачева реакционным переворотом в Москве, был принят Конституционный закон о государственном статусе Латвии. В законе устанавливалось, что “статус Латвии как суверенного государства определяется Конституцией Латвийской Республики от 15 февраля 1922 года”¹⁷⁵.

В 1993 году в Латвии был избран пятый (sic) состав Saeima (парламента) и конституционные органы Латвийской Республики возобновили свою деятельность.

(С) Литовская республика

История Литвы существенно отличалась от истории ее северных соседей — Латвии и Эстонии¹⁷⁶. В то время как территории Эстонии и Латвии в начале XIII века были завоеваны немецкими и датскими рыцарями, литовцы смогли устоять против иноземных атак и в 1263 году образовали собственное государство. В средние века Литовское государство, заключившее позже личную унию с Польшей, было одним из самых сильных в Центральной и Восточной Европе, и его территория достигала Черного моря. Таким образом, государственность Литвы может быть прослежена на многие столетия в прошлое.

¹⁷⁴ I. Ziemele. *The Role of State Continuity and Human Rights in Matters of Nationality of the Baltic States*, p. 252–253.

¹⁷⁵ См. Конституционный закон Латвийской Республики “О государственном статусе Латвийской Республики” от 21 августа 1991 года в: *Human Rights Issues* (5th Saeima Human Rights Committee eds). Riga, 1993, p. 65.

¹⁷⁶ Сжатый обзор см. в: V. Meissner. *Baltic States // EPIL* 1, p. 328 et seq.

11 марта 1990 года Верховный Совет Литовской Республики принял “Акт о восстановлении литовского государства”. В Акте провозглашалось, что правительство Литвы снова приняло на себя полный контроль над литовской территорией в исторических границах государства и подчеркивалось, что “Акт о независимости 1918 года” и “Декрет о восстановлении демократического литовского государства” 1920 года никогда не теряли юридической силы¹⁷⁷. В тот же день Верховный Совет Литовской Республики принял “Закон о восстановлении Конституции Литвы 12 мая 1938 года” на основании того, что действие Конституции было незаконно прекращено. В то же время, из-за авторитарного характера некоторых статей Конституции 1938 года, регулирующих статус и полномочия политических институтов, их действие было приостановлено¹⁷⁸.

Новая Конституция Литвы 1992 года была принята исходя из континуитета Литовского государства на протяжении многих веков, достигая периода Польско-литовского королевства¹⁷⁹.

Из указанных выше законов и деклараций явствует, что современные Эстония, Латвия и Литва притязали на сохранение правосубъектности, идентичной той, которой обладали эти балтийские республики до Второй мировой войны. Латвия сохранила действие своей довоенной Конституции. Хотя в Эстонии и Литве были приняты новые Конституции, при внесении поправок в свои конституционные системы обе страны четко следовали тезису о континуитете.

2. Ответная реакция на тезис о континуитете стран Балтии в практике международного сообщества

(А) Восстановление дипломатических отношений с западными странами в 1991 году

Исландия стала первым государством, признавшим восстановление независимости стран Балтии на основе принципа идентичной право-

¹⁷⁷ Настоящий Акт Верховного Совета Литвы переведен на английский язык и опубликован. См.: *Lithuanian Foreign Policy Review* 1999/4, p. 179.

¹⁷⁸ См.: I. Ziemele. *The Role of State Continuity...*, p. 253.

¹⁷⁹ См.: I. Ziemele. *Op. cit.*, p. 253.

субъектности. Уже 11 февраля 1991 года исландский Alting (парламент) принял резолюцию, в которой подтверждалось, что признание Исландией в 1922 году независимости Литовской Республики по-прежнему сохраняет силу¹⁸⁰. Исландия придерживалась той же позиции и в отношении Эстонии и Латвии, после того как эти страны в августе 1991 года объявили о восстановлении своей независимости¹⁸¹.

Остальные западные страны выразили свою поддержку и признание идеи идентичной международной правосубъектности, когда в августе и сентябре 1991 года объявили о намерении возобновить дипломатические отношения с Эстонией, Латвией и Литвой¹⁸². Фактически, термин “признание” даже не был использован в формулировках деклараций, сделанных государствами-членами Европейского Сообщества и США¹⁸³. На внеочередном заседании министров иностранных дел государств-членов ЕС 27 августа 1991 года тепло приветствовалось “восстановление суверенитета и независимости стран Балтии, утраченных ими в 1940 году” и было подтверждено решение участников заседания “установить дипломатические отношения (...) безотлагательно”¹⁸⁴.

¹⁸⁰ См.: D. Zalimas. Legal and Political Issues on the Continuity of the Republic of Lithuania, in: *Lithuanian Foreign Policy Review* 1999 No. 4, p. 107 at 114.

¹⁸¹ См. информацию, размещенную на интернет-сайте Министерства иностранных дел Эстонской Республики: <http://www.vm.ee/eng/estoday/2000/Eesti-Island.htm>, посещено 20 ноября 2000 года. По вопросу о возобновлении дипломатических отношений между Исландией и Латвией см.: Reinhard. *Op. cit.*, p. 240.

¹⁸² См.: R. Müllerson. *International Law, Rights and Politics. Developments in Eastern Europe and the CIS*. London: Routledge, 1994, p. 120. Сравнительный анализ см. в: J.A. Trapans. *The West and the Recognition of the Baltic States: 1919 and 1991. A Study of the Politics of the Major Powers* // 25 *JBS*, 2, pp. 153–173.

¹⁸³ См., например, практику в отношении Франции: 40 *AFDI* 1091 (1994) и P. Daillier, A. Pellet, Nguyen Quoc Dinh. *Droit international public*. Paris: L.G.D.J., 1999, p. 559; в отношении Австрии: H. Tichy. *Two Recent Cases of State Succession — An Austrian Perspective* // 44 *Austrian JPIL* 1992, p. 117 at 127; в отношении Германии: O. Dörr. *Die Inkorporation...*, p. 354. См. также декларацию правительства Бельгии от 29 марта 1990 года: *RBDI* 1991, p. 262; Норвегия: см.: 65 *Nordic JIL* 289, at 290 (1996). В отношении других западных государств, см. об Австралии: 13 *Australian YIL* 223SS (1992).

¹⁸⁴ Declaration of European Community Foreign Ministers on the Baltic States, Brussels, August 27, 1991. EPC Press Release, P. 81/91. Интересно отметить, впрочем, что для Голландии и Испании данная декларация в конечном счете означала (вторичное) признание стран Балтии, поскольку оба государства

Президент США Джордж Буш заявил 2 сентября 1991 года, что “Соединенные Штаты всегда поддерживали независимость стран Балтии и сейчас готовы немедленно установить дипломатические отношения с их правительствами”¹⁸⁵. По словам Буша, это знаменовало собой “кульминацию 52-летней истории отказа Соединенных Штатов признавать насильственное включение независимых стран Балтии в состав СССР”¹⁸⁶.

Только небольшое число западных стран заново признало страны Балтии и установило с ними дипломатические отношения, поскольку ранее этими государствами было де-юре признано включение прибалтийских государств в состав Советского Союза¹⁸⁷. Некоторые другие страны, в частности Япония, признали страны Балтии в качестве новых государств в 1991 году¹⁸⁸.

Интересно также отметить, что входившие ранее в “социалистический блок” государства (Чехословакия, Польша, Румыния и Венгрия) безоговорочно признали независимость стран Балтии на основе принципа идентичной правосубъектности¹⁸⁹.

признали включение балтийских государств в СССР. См.: 23 *Netherl. YBIL XXIII* (1992), p. 298. Еще больший интерес представляет позиция Великобритании: “Правительство Великобритании, в отличие от ряда других государств-членов, рассматривает данное заявление как акт признания”. См. заявление м-ра Дугласа Хогга, государственного министра, министерство иностранных дел и по делам Содружества: “Вслед за признанием правительством независимости стран Балтии 27 августа 1991 года, я незамедлительно посетил три этих государства...” См.: 63 *BYBIL* 1992, p. 258, fn. 154.

¹⁸⁵ Цит. по: R. Yakemtchouk. *Les républiques Balttes en droit international. Echec d'une annexion opérée en violation du droit des gens* // 37 *AFDI* 1991, p. 281.

¹⁸⁶ Заявление для прессы Государственного департамента. Вашингтон, округ Колумбия, 2 сентября 1991.

¹⁸⁷ См.: Голландия: 13 *NYIL* 298 (1992) и Испания: 1 *Spanish YIL* 48S (1991). Швеция также признала инкорпорацию балтийских государств Советским Союзом. Полный перечень признаний см. в: R. Pullat. *The Restauration of the Independence of Estonia* // 2 *Finnish YBIL* 1991, p. 529.

¹⁸⁸ См.: Satkasuskas. *Master's thesis*, p. 64, 75.

¹⁸⁹ Дальнейшие ссылки см. в: I. Ziemele. *State Continuity and...*, p. 188 и D.A. Loeber. *Consequences of the Molotov-Ribbentrop Pact for Lithuania of Today International Law Aspects. Lithuanian Foreign Policy Review* 1999 No. 4, p. 95 at 99. В отношении позиции Польши см.: R. Szafarz. *The Practice of Poland as the “Other State Party” and as a Depositary—as Regards Succession of Recently Established States in Respect of Treaties (a Case Study)* // 22 *Polish YBIL* 1995–1996, pp. 221–235 at 222–224.

В заключение: в 1991 году не все, но большинство государств признали притязания стран Балтии на идентичность их правосубъектности с правосубъектностью государств, существовавших до 1940 года.

(В) Последующая практика договоров: многосторонние договоры

Первоначальное признание идентичной правосубъектности стран Балтии западными странами получило дальнейшее подтверждение в практике договоров. Эта та область, в которой свое практическое выражение получили проблемы, относящиеся к правосубъектности этих государств. Поскольку под правосубъектностью государства, если не оговорено иное, понимается правосубъектность совокупности его прав и обязательств как по обычному, так и договорному международному праву¹⁹⁰, то следовало определить, какие обязательства связывают страны Балтии и их партнеров по договорам.

Была принята следующая общая формула: обязательства по договорам, в которые вступил Советский Союз, не рассматривались автоматически как юридически обязательные для Эстонской, Латвийской и Литовской Республик¹⁹¹. Правительства Эстонии, Латвии и Литвы официально уведомили Генерального Секретаря ООН о том, что они не рассматривают себя связанными через процедуру правопреемства любыми договорами, заключенными Советским Союзом:

¹⁹⁰ К. Marek. *Op. cit.*, p. 3; Ср., например, с: D.P. O' Connell. *International Law. Volume One*. London: Stevens & Sons Limited, 1965, p. 128. См. также: Н.В. Захарова. *Правопреемство государств*. Москва: Международные отношения, 1973, с. 35.

¹⁹¹ См. свидетельства в: ILA, Helsinki Conference, *Rapport preliminaire sur la succession d'Etats en matiere de traites*, 1996, в отношении Германии p. 25, в отношении Австрии p. 26, в отношении Финляндии p. 28, в отношении Польши p. 29, в отношении Голландии p. 29. Из практики Великобритании см., например, Договор о торговом судоходстве между СССР и Великобританией, который не рассматривался как обязательный к исполнению по отношению к странам Балтии. См.: BYBIL 69 (1998), p. 457. См. также: L. Love. *International Agreement Obligations After the Soviet Union's Break-up: Current United States Practice and Its Consistency with International Law* // *Vanderbilt JTL*, vol. 26, 1993, no. 2, p. 198.

“Эстония [Латвия] не рассматривает себя в качестве стороны любого двустороннего или многостороннего договора, в который вступил СССР, посредством доктрины правопреемства в отношении договоров”¹⁹².

Соответствующая декларация Литвы имела следующая формулировку:

“Восстановив свою независимость 11 марта 1990 года, Литовская Республика не является и не может являться государством-правопреемником бывшего СССР. Литовская Республика не может принять на себя ответственность за договоры, заключенные бывшим СССР, поскольку она не участвовала в составлении этих договоров и не оказывала на них какого-либо влияния”¹⁹³.

На практике это означало применение политики “чистого листа” или принципа *tabula rasa* по отношению к многосторонним договорам, заключенным в ходе десятилетий несуществования независимых Литвы, Латвии и Эстонии де-факто¹⁹⁴. На практике стало ясно, что страны Балтии, хотя и утверждали в принципе свое право не принимать любой “советский” договор автоматически, в то же время не намеревались отвергать определенные договоры как таковые.

В особенности по отношению к основным договорам в области прав человека (в которые СССР входил, в том числе, и по положению на 1991 год) трудно было ожидать одобрительной реакции международного сообщества, если бы страны Балтии оставили неопределенным вопрос о своих обязательствах по таким договорам. Практически этот вопрос был решен еще до того, как могло бы начаться его серьезное обсуждение. Верховный Совет Латвийской Республики провозгласил присоединение Латвии к основным международным догово-

¹⁹² Multilateral Treaties Deposited with the Secretary General (Status as of 31 Dec. 1994), p. 9. Более того, сделанная Эстонией декларация продолжается следующим образом: “Эстонская Республика приступила к внимательному изучению многосторонних договоров с целью определить, участником каких из них она намеревается стать. Осуществляя свое собственное суверенное право от имени Эстонской Республики, она будет действовать в этом отношении, подходя к каждому случаю в отдельности”, *ibid*.

¹⁹³ Multilateral treaties Deposited with the Secretary General (Status as of 31 Dec. 1995), p. 9.

¹⁹⁴ Ср.: M. Kaljurand. Some Aspects of Succession of Estonia to the International Treaties Concluded in 1918–1940. Master’s Thesis at The Fletcher School of Law and Diplomacy, 1995 (текст имеется у автора), p. 37.

рам в области прав человека 4 мая 1990 года, т.е. еще до того, как могла быть установлена независимость страны де-факто¹⁹⁵. Эстония дождалась восстановления своей независимости де-факто и 21 октября 1991 года присоединилась к 28 международным конвенциям в области договорного права, мирного разрешения конфликтов, прав человека, дипломатических и консульских сношений¹⁹⁶.

С точки зрения идентичности правосубъектности существенное значение имела, впрочем, та практика государств, которая заключалась в возобновлении действия многосторонних договоров, стороной в которых балтийские республики выступали до 1940 года¹⁹⁷. В декларации, подписанной 26 июня 1992 года и адресованной Генеральному Секретарю ООН, министр иностранных дел Эстонии объявил, что Эстония рассматривает себя связанной условиями Конвенции о неукреплении и нейтрализации Аландских островов¹⁹⁸. (И Эстония, и Литва входили в число стран, первоначально подписавших конвенцию в 1921 году). В 1993 году Эстония, Латвия и Литва восстановили свое участие в Женевском протоколе 1925 года о запрещении применения ядовитых или других подобных газов с оговоркой, что в отношении данных стран протокол вступил в силу соответственно 28 марта 1931 года, 3 июня 1931 года и 15 июня 1933 года¹⁹⁹. Помимо этого, Эстония зарегистрировалась в Секретариате ООН как член Конвенции об использовании радио для содействия миру с 18 августа 1938 года и Конвенции о мерах, направленных против подделок с 22 февраля 1931 года²⁰⁰. В дополнение к этому Эстония и Латвия заявили, не встретив при этом возражений, о продолжении своего членства в ряде конвенций МОТ, по которым они несли обязательства до 1940 года²⁰¹. По-

¹⁹⁵ Текст соответствующей декларации см. в: Reinhardts. Op. cit., p. 206 et seq. В это время было провозглашено присоединение к 51 многостороннему договору.

¹⁹⁶ 35 Riigi Teataja (Официальный государственный печатный орган), Art. 428 (1991).

¹⁹⁷ См. многосторонние договоры Лиги Наций в: Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General (1996) 921–980.

¹⁹⁸ Декларация континуитета Эстонской Республики в отношении Конвенции о неукреплении и нейтрализации Аландских островов, подписанной в Женеве 20 октября 1921 года. Литва приняла декларацию сходного содержания.

¹⁹⁹ См. факты в: Dörr. Op. cit., p. 164.

²⁰⁰ См.: E. Mattisen. Searching for a Dignified..., p. 95.

²⁰¹ См.: K. Ipsen. Völkerrecht, 4. Auflage, München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1999, p. 60.

добным образом, Латвия продолжила свое довоенное участие в Варшавской конвенции 1929 года об унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок²⁰².

(С) Практика в отношении двусторонних договоров

Государства, признавшие правопритязания стран Балтии на идентичность их международной правосубъектности, исходили из общей посылки, что заключенные с этими странами до Второй мировой войны договоры продолжают действовать²⁰³. Тем не менее, во многих случаях оказалось необходимо с точностью установить, какие именно из упомянутых договоров продолжают сохранять силу²⁰⁴. Например, по положению на 31 декабря 1939 года в случае Эстонии действовало 199 двусторонних соглашений²⁰⁵. По прошествии полувека многое в мире изменилось до такой степени, что в ряде случаев действие таких договоров было прекращено после 1991 года *ex nunc*²⁰⁶. Существовало

²⁰² См.: R. Szafarz. *Op. cit.*, p. 233.

²⁰³ См. факты, касающиеся Франции, Германии и Норвегии в: A. Zimmermann. *Staatennachfolge in völkerrechtliche...*, p. 55.

²⁰⁴ В отношении Эстонии см.: T. Kerikmäe, H. Vallikivi. *State Continuity in the Light of Estonian Treaties Concluded before World War II // 5 Juridica International (Tartu University Law Review) 2000*, p. 30.

²⁰⁵ См.: M. Kaljurand. *Some Aspects of Succession...* 1995, p. 4 et seq.

²⁰⁶ См.: J. Klabbers, M. Koskenniemi, O. Ribbelink and A. Zimmermann (eds). *State Practice Regarding State Succession and Issues of Recognition: the Pilot Project of the Council of Europe. The Hague: Kluwer Law International, 1999*, p. 96. В ряде случаев выработка новых договоров (и имплицитное применение договоров, заключенных до 1940 года) продолжались в течение нескольких лет после 1991 года. Например, действие Соглашения о торговле и мореплавании, заключенного между Эстонией и Турцией 19 сентября 1929 года (Riigi Teataja 1930, 56, 377) и других соглашений по экономическим вопросам было прекращено с заключением между Эстонией и Турцией Соглашения о торговом и экономическом сотрудничестве от 28 августа 1995 года (Riigi Teataja II 1995, 42, 188). Статья XIII Соглашения 1995 года гласит: “Действие договоров, протоколов и клиринговых соглашений по вопросам торгового и экономического сотрудничества, заключенных между двумя государствами до 1940 года, прекращается с вступлением в силу настоящего соглашения”. В таком же стиле в преамбуле турецко-эстонского Договора о дружбе и

несколько довоенных договоров о консульских сношениях, предмет которых очевидно подпадал под компетенцию Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года. Эти договоры, таким образом, утрачивали практический смысл после присоединения стран Балтии к Венской конвенции в 1991 году²⁰⁷. Подобным образом, большинство соглашений в области морского судоходства регулировало вопросы взаимного признания размеров судов. К 1991 году соответствующие системы мер, существовавшие до 1940 года, более не использовались и связанные с ними двусторонние соглашения стран Балтии не были “возобновлены”. Напротив, после вступления стран Балтии в Международную морскую организацию к ним стали применяться многосторонние конвенции, заключенные под эгидой ММО²⁰⁸. В связи с изменениями в национальном законодательстве и международном праве довоенные договоры о взаимопомощи²⁰⁹, хотя они и действовали в течение короткого времени после 1991 года, были заменены новыми договорами о взаимопомощи²¹⁰.

И все же некоторые двусторонние договоры, заключенные до Второй мировой войны, были “возобновлены” после восстановления независимости балтийских республик. Так, Великобритания и Эстония возобновили безвизовый режим, установленный между двумя странами до включения Эстонии в состав Советского Союза, но не при-

сотрудничестве 1993 года заявляется, что “... Стороны подтверждают свои обязательства по Договору о дружбе от 1 декабря 1924 года...” Ср.: 3 Riigi Teataja II (1994) и Договор о дружбе, 1 декабря 1924 года, Эстония-Турция, 115/116 Riigi Teataja, Art. 77 (1925).

²⁰⁷ Kaljurand. *Some Aspects of Succession...*, p. 30.

²⁰⁸ Kaljurand. *Some Aspects...*, p. 30.

²⁰⁹ Некоторые из этих договоров были заключены на трехсторонней основе, например, Конвенция об оказании помощи по гражданским делам между Эстонией, Латвией и Литвой от 10 декабря 1935 года (Официальный источник в Эстонии: 109 Riigi Teataja, Art. 908 (1935)), Конвенция о разрешении некоторых вопросов в области международного частного права между Эстонией, Латвией и Литвой от 26 июня 1924 года (в Эстонии: 60 Riigi Teataja, Art. 71 (1923)), Конвенция о взаимном признании судебных решений по гражданским делам между Эстонией, Латвией и Литвой от 10 января 1936 года (108 Riigi Teataja, Art. 896 (1935)). См. также: Kaljurand. *Op. cit.*, p. 32 et seq.

²¹⁰ См., например, Договор между Эстонией, Латвией и Литвой о помощи по правовым вопросам и о правоотношениях, 11 октября 1992 года, в силе с 3 апреля 1994 года // 6 Riigi Teataja (1993).

менявшийся в течение полувека²¹¹. Кроме того, посредством обмена письмами Финляндия и Эстония возобновили действие Соглашения о культурном сотрудничестве²¹². Австрия “возобновила” действие договоров об экстрадиции и о правовой помощи в области уголовных преступлений, которые были ею заключены с Эстонией и Латвией соответственно в 1928 и 1932 гг., а также действие консульской конвенции 1926 года с Эстонией²¹³. Подобные шаги были также предприняты Францией²¹⁴, Норвегией²¹⁵ и другими государствами.

В практических целях и по соглашению обеих сторон временно продолжалось действие некоторых двусторонних договоров Советского Союза. Некоторые договоры, заключенные между СССР и Финляндией и распространявшиеся на территорию Эстонии, применялись в течение ограниченного времени правительствами Финляндии и Эстонии. Посредством обмена нотами было согласовано, что права и обязательства по советско-финским двусторонним соглашениям применяются к двусторонним отношениям между Финляндией и Эстонией в той мере, в какой это диктуется сущностью определенных договоров и соответствующих политических интересов²¹⁶. Действие договоров было ограничено трехлетним сроком и правительства обеих стран пообещали ускорить процесс переговоров по заключению новых договоров в соответствующих областях²¹⁷. Заключенные с СССР дого-

²¹¹ См.: R. Müllerson. *The Continuity of States by Reference to the Former USSR and Yugoslavia* // 42 ICLQ1993, p. 482.

²¹² Обмен нотами между Послом Финляндской Республики в Эстонии и заместителем министра иностранных дел Эстонской Республики, 5 февраля 1992 года. См. также Соглашение о культурном сотрудничестве, 1 декабря 1937 года, Эстония-Финляндия // *Riigi Teataja*, Art. 2 (1938).

²¹³ См.: Tichy. *Op. cit.*, p. 127.

²¹⁴ См.: *Liste des Traités et Accords de la France (Status as of October 1992)*, vol. II, p. 681, 741 and 744.

²¹⁵ См.: Klabbbers et al. (eds.). *The Pilot Project of the Council of Europe*. 1999, p. 96.

²¹⁶ См.: Kaljurand. *Op. cit.*, p. 38. См. также: M. Lehto. *Succession of...* // *FYBIL*, pp. 214–217.

²¹⁷ Соответствующие вопросы касались юрисдикции и морской границы в Финском заливе и в северо-восточной части Балтийского моря, окружающей среды, таможи, спасения на море, атомных электростанций и т.д. См.: Kaljurand. *Op. cit.*, p. 38 et seq. Эстония не продолжила эту практику с другими государствами, хотя некоторые из них, по практическим причинам, предпочли бы пойти по этому пути.

воры использовались как основа для делимитации определенных морских зон²¹⁸.

Ханна Бокор-Сеге подвергла критике договорную практику стран Балтии с Италией, а именно, что притязания на государственный континуитет во время советской оккупации не помешали этим государствам также получать преимущества от выгодных договоров, заключенных между СССР и Италией²¹⁹. Она пришла к заключению, что балтийские республики принимали решения “о будущем международных договоров в соответствии со своими текущими интересами и не проводя в этом смысле различия между договорами, заключенными до и после 1940 года”²²⁰. Первая часть утверждения Бокор-Сеге, касающаяся ведущей роли “текущего интереса”, верна в том смысле, что далеко не все довоенные договоры были возобновлены, в то время как некоторые “советские” договоры продолжали применяться как самими странами Балтии, так и по отношению к ним. В то же время некорректным является утверждение, что между такими договорами не проводилось какого-либо формального различия. По крайней мере, с формальной точки зрения, балтийские республики “автоматически” никогда не выступали правопреемницами в отношении договоров СССР. Если практика и была отчасти непоследовательна, то это частично объясняется недостаточностью ресурсов, имевшихся в распоряжении министерств иностранных дел стран Балтии в начале 1990-х гг.

(D) Прочие следствия идентичности правосубъектности в отношениях с западными странами

Признание идентичности правосубъектности стран Балтии имело также и другие последствия в их двусторонних отношениях с западными странами. Например, здание бывшего посольства Эстонии в берлинском Тиргартен было возвращено прежнему владельцу. После

²¹⁸ См.: Klabbers et al. (eds.). *The Pilot Project of the Council of Europe*, p. 96.

²¹⁹ H. Bokor-Szegö. *Questions of State Identity and State Succession in Eastern and Central Europe*, in: M. Mrak (ed.). *Succession of States*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1999, p. 95 at 100.

²²⁰ *Ibid*, p. 100 et seq.

восстановления независимости Эстонской Республики берлинский суд вынес решение о снятии с собственности опеки и возвращении ее Эстонии²²¹. В то же время, правительства некоторых западных стран ранее успели передать здания бывших посольств и консульств стран Балтии Советскому Союзу. Представительство Латвии в Лиге Наций в Женеве представляло собой казус в том смысле, что оно было передано СССР, но числилось в женевском реестре недвижимости как собственность правительства Латвии²²². Хотя Швейцария сначала настаивала на том, что вопрос должен быть решен между Латвией и Россией, она в конце концов решила выплатить Латвии согласованную сумму за здание посольства с прилегающей территорией в июне 1994 года²²³. Правительства стран Балтии пришли к аналогичным соглашениям с Францией в 2001 году²²⁴. Несколько связанных с собственностью вопросов все еще ждут решения²²⁵; для некоторых из них найти такое будет весьма сложно²²⁶.

С Великобританией и Швецией были урегулированы вопросы, связанные с золотом балтийских республик, размещенным для хранения в банках этих стран еще до Второй мировой войны²²⁷. 14 февраля

²²¹ См.: *Beschluß des Amtsgerichts Berlin Tiergarten, FRG, Distr. Ct. Berlin (Судья Финк) (Решение от 23 сентября 1991 года)*. См. также: J. Klabbers et al. (eds). *State Practice Regarding State Succession and Issues of Recognition: the Pilot Project of the Council of Europe*, p. 126.

²²² См.: Ziemele. *State Continuity*, p. 195.

²²³ См.: *ibid*, p. 195.

²²⁴ См.: *Postimees*, 07.08.2001.

²²⁵ При принятии Российской Федерации в Совет Европы Парламентская Ассамблея отметила, что “недвижимость (здания посольств в третьих странах), а также собственность культурного и исторического значения, принудительно отчужденная Советским Союзом в 1940 году и в последующие годы, по-прежнему не возвращена странам Балтии. Ассамблее следует выразить свою поддержку и, по возможности, оказать содействие скорейшему урегулированию данного вопроса”. См.: Mühlmann. *Explanatory memorandum on Russia’s request for membership // January 2, 1996, the Council of Europe Parliamentary Assembly Doc. 7443, 22, para. 99.*

²²⁶ По вопросу о конфликте различных “прав” на бывшее литовское посольство в Риме (“*Villa Maria Luisa*”), в настоящее время используемое Российской Федерацией, см.: Satkauskas, 2000, p. 69.

²²⁷ В ходе 1930-х гг. центральные банки Эстонии, Латвии и Литвы аккумулировали золотые депозиты в Английском банке. В 1940 году Эстония хранила там 4,48 тонны, Литва 2,96 тонны и Латвия 6,58 тонн золота. По

1992 года Франция возвратила Литве литовские золотые резервы (стоимостью около 25 миллионов долларов), отвергнув требования СССР по тому же предмету, выдвигавшиеся последним до конца 1980-х гг. Швейцария также возвратила странам Балтии их золотые резервы, размещенные до 1940 года²²⁸.

(Е) Практика в отношении членства в международных организациях

Наиболее существенная международная организация — ООН — была создана уже после аннексии стран Балтии Советским Союзом. Лига Наций, ее предшественница, прекратила свое существование в 1946 году. Следовательно, Эстония, Латвия и Литва были приняты в ООН

вопросу о возвращении золота балтийских государств см. заявление британского министерства иностранных дел от 26 мая 1992 года:

“После выдвижения Правительством 22 января 1992 года наших предложений по урегулированию с Эстонией вопросов, связанных с золотом и прочими притязаниями, Правительство и Эстонское Правительство заключили сегодня в Таллинне окончательное соглашение по этим вопросам.

Посол Ее Величества в Эстонии Боб Лоу и заместитель министра иностранных дел Эстонии Энн Лийметс обменялись дипломатическими нотами, представляющими собой соглашение, по которому Правительство 31 марта переведет в Банк Эстонии 154,754.859 унций чистого золота, каковой объем соответствует размеру вклада Банка Эстонии в Английском банке до 1940 года. В дополнение к этому, Правительство и Эстонское Правительство отказались от всех прочих притязаний”. На тот момент это золото стоило около 30,5 миллионов английских фунтов. См.: Brit. YBIL 1991, p. 616; 1992, p. 779–781. Схожее соглашение было заключено с Литвой в марте 1992 года. 19 марта 1993 года министерство иностранных дел Великобритании сделало заявления, в котором, среди прочего, провозглашалось: “Посол Ее Величества в Латвии м-р Ричард Самуэль и министр иностранных дел Латвии м-р Георгс Андреевс обменялись дипломатическими нотами, представляющими из себя соглашение, согласно которому Правительство 31 марта переведет в Банк Латвии 210,719.919 унций чистого золота, каковой объем соответствует размеру вклада Банка Латвии в Английском банке до 1940 года”. На момент заключения соглашения стоимость латвийского золота составляла 48,2 миллиона английских фунтов. См.: 64 YBIL (1993), p. 693.

²²⁸ См.: R. Satkauskas. *États baltes: succession ou identité*. Master's thesis at Sorbonne, 2000, p. 67.

17 сентября 1991 года в соответствии со статьей 4 Устава²²⁹. Президент Совета Безопасности ООН отметил в кратком выступлении по случаю принятия стран Балтии в ООН, что эти страны “восстановили” свою независимость²³⁰. Тем не менее, ООН определила величину членских взносов стран Балтии на основе данных, ранее предоставляемых СССР (а не странами Балтии)²³¹. Таким образом, с точки зрения практических (финансовых) целей, страны Балтии рассматривались как государства, выделившиеся из состава СССР, а не восстановившие свою независимость²³². Тем не менее представляется, что в период существенных финансовых затруднений основной и вполне обоснованной заботой ООН было обеспечить свой бюджет, а не сформулировать четкую позицию касательно правового статуса балтийских республик.

Следуя процедуре, сходной с их принятием в ООН, Эстония, Латвия и Литва стали новыми членами разнообразных специализированных агентств ООН²³³.

Балтийские республики стали новыми, с технической точки зрения, членами Международной организации труда (МОТ), что выглядит несколько непоследовательно, поскольку они были членами этой организации с момента ее создания в 1921 году и оставались ими до 1940 года. Была использована процедура “принятия”, а не “возобновления

²²⁹ Эстония: UN GA-Res. 46/4 (1991), 17 сентября 1991 года; Латвия: UN GA-Res. 46/5 (1991), 17 сентября 1991 года; Литва: UN GA-Res. 46/6 (1991), 17 сентября 1991 года; все резолюции переизданы в: 45 UNYB 97S (1991). См. также: K. Bühler. *Op. cit.*, p. 196.

²³⁰ U.N.S.C. Official Records, 46th year, September 12, 1991, in UN Doc. S/INF/47, 1991, 48–9.

²³¹ U.N.G.A. Res. 46/221A гласит, что “данные по определению размеров взносов будут вычисляться исходя из соответствующих данных, применяемых к [СССР]...” Report of the Committee on Contributions, UN Doc. A/49/11, 1994, para. 28.

²³² D.A. Loeber. *Consequences of the Molotov-Ribbentrop...*, p. 99.

²³³ МАГАТЭ: см.: 46 UNYB 1093 (1992) (Эстония), 47 UNYB 1245 (1993) (Литва); ФАО: см.: 45 UNYB 941 (1991); ЮНЕСКО: см.: *ibid.*, at 947; ВОЗ, см.: *ibid.*, at 953 (Латвия, Литва), 47 UNYB 1265 (1993) (Эстония); МБРР и МВФ: см.: 46 UNYB 1123, 1140 (1992); ИКАО: см.: *ibid.*, at 1145; Всемирный почтовый союз: см.: *ibid.*, at 1149; ВМО: см.: *ibid.*, at 1156; ВОИС: см.: *ibid.*, at 1165 (Литва), 47 UNYB 1313 (1993) (Латвия, Эстония); Международный союз телекоммуникаций: см.: 45 UNYB 987 (1991) (Латвия, Литва), 46 UNYB 1152 (1992) (Эстония). По этим вопросам, а также относительно практики Международной морской организации и Организации объединенных наций по промышленному развитию см.: K. Bühler. *Op. cit.*, p. 197 fn. 805.

членства”²³⁴. Остаются неясными правовые и политические причины, лежавшие в основе принятия стран Балтии в МОТ в качестве новых государств-членов²³⁵. Бригитта Стерн предположила, что в случае восстановления их старого членства МОТ могла бы получить право взыскать со стран Балтии членские взносы за весь период их “спячки”²³⁶. Решение МОТ критиковалось учеными в области международного права стран Балтии²³⁷. Тем не менее, страны Балтии по крайней мере формально подтвердили свое правопритязание на континуитет, хотя и стали членами МОТ повторно²³⁸. Таким же образом, Эстония и Латвия должны были заново присоединиться к “Парижскому союзу”, хотя в обоих случаях в списках статуса было добавлено следующее подстрочное примечание: “Эстония [Латвия] присоединилась к Парижской конвенции (Вашингтонский акт 1911), вступившей в силу 12 февраля 1924 г. Она утратила свою независимость 6 августа [5 августа] 1940 года и восстановила ее 20 августа [21 августа] 1991 года”²³⁹.

(F) Тезис о континуитете стран Балтии и Российская Федерация

Российская Федерация оставалась единственным государством, выступившим решительно против тезиса об идентичности современных независимых стран Балтии как субъектов международного права с тремя балтийскими республиками, аннексированными Советским

²³⁴ МОТ просто отметил, что балтийские государства были членами организации до 1940 года. См.: *Official Bulletin*, 1991, vol. LXXV, 23, 25.

²³⁵ Символическим напоминанием о позиции стран Балтии служит могучий дуб, растущий на заднем дворе бывшего здания МОТ (теперь принадлежащего ВТО) в Женеве, посаженный латвийской делегацией в начале 1910-х гг, когда начались работы по строительству здания.

²³⁶ В. Stern. *La Succession d'États* // 262 RCADI 1996, The Hague, 2000, p. 222.

²³⁷ См., например: I. Ziemele. *State Continuity and Nationality...*, p. 184.

²³⁸ Литва провозгласила, что ее заявка на вступление “никоим образом не влияет на правовые следствия, вытекающие из [первоначального] членства Литовской Республики”. См.: ILA, Taipei Conference, *Rapport interimaire sur la succession en matiere de traites constitutifs d'organisations internationales et de traites adoptes au sein des organisations internationales*, (Brigitte Stern). London, 1998, p. 9 and 625 et seq.

²³⁹ См.: K. Bühler. *Op. cit.*, p. 197.

Союзом в 1940 году²⁴⁰. Анализ правовых отношений России и стран Балтии после 1989 года осложняется тем обстоятельством, что в течение короткого периода до 1991 года Российская Федерация и СССР сосуществовали как два “суверенных государства”²⁴¹. Более того, в связи с изменениями в политике российская позиция по правовому статусу стран Балтии не всегда излагалась последовательно.

24 декабря 1989 года Съезд народных депутатов СССР принял, не в последнюю очередь из-за оказываемого депутатами из балтийских республик политического нажима, резолюцию под названием “О политико-правовой оценке советско-германского договора о ненападении 1939 года”²⁴². Проект текста резолюции был подготовлен специальной комиссией из 26 членов под председательством Александра Яковлева²⁴³. Съезд отметил, что до 1939 года “отношения между СССР и Латвией, Литвой и Эстонией регулировались системой договоров. В соответствии с мирными договорами 1920 года и пактами о ненападении, подписанными в 1926–1933 гг., стороны обязались, при любых обстоятельствах, взаимно уважать суверенитет, территориальную целостность и неприкосновенность друг друга”²⁴⁴.

В конечном счете, съезд народных депутатов СССР провозгласил “факт подписания “секретных дополнительных протоколов” 23 августа 1939 года и других секретных протоколов юридически ничтожным с момента их подписания”²⁴⁵. Съезд заключил, что “протоколы не создали какой-либо новой правовой основы для отношений между Советским Союзом и этими странами, но были тем не менее использованы Сталиным и его сторонниками для выдвижения ультиматумов и применения силы в отношении других государств, в нарушение ранее

²⁴⁰ См., например: Декларация министерства иностранных дел России от 4 июля 1994 года // Дипломатический вестник, № 13–14, 52.

²⁴¹ 12 июня 1990 года первый Съезд народных депутатов Российской республики принял декларацию, провозглашающую суверенитет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики на всей ее территории. См.: Бюллетень Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, № 2, 1990, статья 22.

²⁴² Материалы Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, № 29, 27 декабря 1989 года, статья 579, с. 833–834.

²⁴³ Политическую подоплеку принятия этого документа см. в интервью с А. Яковлевым в: Postimees, 09.07.2001.

²⁴⁴ См.: Материалы Съезда, *ibid*, § 5.

²⁴⁵ См.: *ibid*, § 7.

взятых на себя правовых обязательств”²⁴⁶. И все же, хотя съезд народных депутатов СССР осудил “секретные протоколы” к пакту Гитлера-Сталина, он не указал прямо на следствия из этих протоколов для правового статуса балтийских республик, особенно в контексте отношений между СССР и странами Балтии в 1940 году. Таким образом, в резолюции съезда не содержалось прямого подтверждения незаконности аннексии 1940 года.

В 1991 году Москва превратилась в настоящее “поле битвы” двух сосуществующих и конкурирующих держав: Советского Союза во главе с Генеральным секретарем Коммунистической партии Михаилом Горбачевым и Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой, основной составляющей СССР, во главе с Борисом Ельциным. В то время как большинство считало Горбачева ответственным за экономический и политический хаос, признаки которого были заметны в уже разваливающемся Советском Союзе, Ельцин претендовал на то, что он является лидером, фактически представляющим Россию.

Политическая ситуация в балтийских республиках резко обострилась в январе 1991 года, когда специальные части советских сил безопасности ОМОН (“черные береты”) атаковали при поддержке танков, выступавших с лозунгами независимости, демонстрантов в Вильнюсе и Риге, убив в первом случае 14 и во втором 4 человека. Во время этих событий между ельцинской Россией и странами Балтии был заключен политический альянс. Российская Федерация, руководимая Ельциным, заключила т.н. Договоры об основах межгосударственных отношений с Эстонской Республикой (12 января 1991 года), Латвийской Республикой (13 января 1991 года) и Литовской Республикой (29 июля 1991 года). Верховный Совет Российской Федерации ратифицировал соответствующий договор с Эстонией 26 декабря 1991 года²⁴⁷ и с Литвой 17 января 1992 года. Договор с Латвией все еще остается нератифицированным, как утверждает, из-за различий во взглядах на права этнических русских в Латвии²⁴⁸.

В каждом из трех договоров “об основах” стороны “признают друг друга суверенными государствами и субъектами международного

²⁴⁶ См.: *ibid*, § 7.

²⁴⁷ Российско-эстонский “Договор об основах...” вступил в силу 14 января 1992 года. Эстонский текст документа см. в: Riigi Teataja 1991,2, 19.

²⁴⁸ Ср.: В. Meissner. Die Russische Politik gegenüber der Baltischen Region als Prüfstein für das Verhältnis Russlands zu Europa, p. 291.

права”. Текст договоров с Эстонской и Латвийской Республиками гласит:

“Принимая во внимание исторический опыт своих взаимоотношений и, намереваясь строить их на принципах добрососедства, Стороны берут на себя взаимные обязательства не нарушать в своих межгосударственных отношениях ... общепризнанных международно-правовых норм”. В преамбуле Договора об основах отношений с Литовской Республикой подчеркивается, “что устранение Союзом ССР нарушающих суверенитет Литвы последствий аннексии 1940 года создаст дополнительные условия доверия между Высокими Договаривающимися Сторонами и их народами”²⁴⁹.

Следовательно, Россия признавала Литовскую Республику субъектом международного права и суверенным государством согласно государственному статусу Литвы, определенному в основных актах 11 марта 1990 года. Тем самым необходимо признать, что в договоре об основах отношений, который по-прежнему действует в отношении России и Литвы, Россия признает восстановление независимости Литвы на основе принципа идентичности международной правосубъектности последней²⁵⁰. Те же аргументы могут быть использованы исходя из договора об основах отношений между Россией и Эстонией, в котором содержится ссылка на решение, содержащееся в Декларации Верховного Совета Эстонской Республики от 30 марта 1990 года, т.е. в документе, провозгласившем восстановление Эстонской Республики на основе государственного континуитета²⁵¹. Представляется, что противоположные точки зрения возникли только вместе с дебатами о следствиях из идентичности правосубъектности. К примеру, Борис Ельцин, (бывший) президент Российской Федерации, позднее утверждал, что формулировка в договоре об основах отношений (“РСФСР и Эстонская Республика признают друг друга суверенными государствами”) свидетельствует о том, что страны Балтии были признаны только в качестве новых государств²⁵².

²⁴⁹ Цит. по: Meissner. Die Russische Politik..., p. 292–193.

²⁵⁰ D. Zhalimas. Legal and Political..., p. 115.

²⁵¹ Подробнее см.: E. Sarv. Õiguse vastu ei saa ükski: Eesti taotlused ja rahvusvaheline õigus (Никто не устоит против закона: притязания Эстонии и международное право). Tartu, 1997, p. 185.

²⁵² Президент Ельцин использовал этот аргумент в письме Президенту США Клинтону. См. перевод письма, опубликованный в эстонской газете Postimees, 11 июля 1996 года.

Россия под руководством Б. Ельцина признала независимость Литовской Республики уже 29 июня 1991 года. Эстонская и Латвийская Республики были признаны РСФСР 24 августа 1991 года. И только 6 сентября 1991 года, после того как независимость стран Балтии была признана большинством государств мира, последовало признание со стороны Советского Союза (руководимого Генеральным секретарем М. Горбачевым). 9 октября 1991 года были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Эстонской и Литовской республиками. Между Латвией и СССР дипломатические отношения были установлены 15 октября 1991 года. СССР признал страны Балтии в качестве новых государств и, следовательно, рассматривал процесс обретения ими независимости как отделение.

Интересно отметить, что, по крайней мере, в одном существенном вопросе, а именно в вопросе о финансовом наследии СССР, Российская Федерация и другие республики бывшего СССР согласились де-факто с особым статусом стран Балтии. Уже ставшие независимыми страны Балтии не стали членами Договора о правопреемстве в отношении внешнего государственного долга и активов Союза ССР, подписанного в Минске 4 декабря 1991 года. Соответственно, балтийские республики не приняли на себя ни какой-либо части внешнего долга, ни зарубежных активов СССР. Позднее, в Соглашении об отсрочке платежей по долгам бывшего СССР и его правопреемников иностранным кредиторам, подписанном в Париже в январе 1992 года, Российская Федерация приняла на себя ответственность за весь внешний долг бывшего СССР и, в виде компенсации, получила все бывшие советские зарубежные активы²⁵³.

²⁵³ См., например: Дипломатическая Академия МИД РФ и др. (соз.). *Международное право*. Издание 2-е, Москва: Международные Отношения, 1998, с. 82. См. также: J. Klabbers et al. (eds.). *The Pilot Project of the Council of Europe*. 1999, p. 130. Детальный анализ см. в: A. Reinisch, G. Hafner. *Staatensukzession und Schuldenübernahme beim "Zerfall" der Sowjetunion*, 1995. См. также: D. Grashoff. *Staatensukzessionbedingter Schuldnerwechsel. Die Teilung öffentlicher Schulden unter Nachfolgestaaten im Dismembrationsfall*. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1995, p. 186 et seq. и C.T. Ebenroth and D. Grashoff. *Öffentliche Schulden im Prozeß desintegrierender Staatensukzession — die Zuordnung von Staatsschulden auf Nachfolgestaaten // ZVglRWiss 92 (1993), pp. 1–28; H. Beemelmans. Die Staatennachfolge in Staatsvermögen in Drittstaaten, Auslandsschulden, gebietsbezogene rechtliche Regelungen und Staatsangehörigkeit — eine Problemskizze // 41 Osteuropa Recht 1995, pp. 73–98; D.A. Loeber. Die baltischen Staaten vor völkerrechtlichen Problemen: Kontinuität oder Staatennachfolge in*

Тем не менее, после того как в декабре 1991 года Советский Союз прекратил свое существование, Российская Федерация во многом переняла бывшую советскую позицию во внешней политике. С этих пор официальная российская позиция была не только против тезиса о континуитете стран Балтии, но и время от времени отрицала незаконность советской аннексии 1940 года.

Здесь можно привести несколько примеров. В мае 1992 года министр иностранных дел Российской Федерации Андрей Козырев заявил в меморандуме, представленном Совету Европы:

“Нельзя однозначно интерпретировать события 1940 года и ситуацию, которая возникла в последующие годы в Латвии, Литве и Эстонии. Как известно, на этот счет существуют различные политические оценки”²⁵⁴.

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации Виталий Чуркин высказался более откровенно в интервью латвийской газете *Diena*:

“Россия ни в коей мере не согласна с точкой зрения Латвии и Эстонии о том, что страны Балтии были оккупированы”²⁵⁵. По мнению Министерства иностранных дел РФ, балтийские республики прекратили существовать как субъекты международного права после их включения в состав Советского Союза в 1940 году. Один высокопоставленный чиновник российского МИД согласился с насильственным характером советской инкорпорации в 1940 году, но утверждал, что такая аннексия была “законной” по международному праву того времени²⁵⁶.

bezug auf Staatsverträge, Staatseigentum und Staatsschulden, in: B. Meissner, D.A. Loeber, E. Levits (eds.). *Die Wirtschaft der baltischen Staaten im Umbruch*. Köln, 1993, p. 29 et seq; G. Burdeau. *Money and State Succession in Eastern Europe*, in: B. Stern (ed.). *Dissolution, Continuation and Succession in Eastern Europe*. The Hague, 1998, pp. 35–66 и P. Juillard. *The Foreign Debt of the Former Soviet Union: Succession or Continuation?*, *ibid.*, pp. 67–86. Общие вопросы см. также в: V.D. Degan. *Equity in Matters of State Succession*, in: *Essays in Honour of Wang Tieya* (R.St.J. Macdonald ed.). Nijhoff, 1993, pp. 201–210.

²⁵⁴ B. Meissner. *The Occupation of the Baltic States from a Present-Day Perspective*, p. 473.

²⁵⁵ Цит. по: B. Meissner. *Op. cit.*, 1998, p. 473.

²⁵⁶ Интервью с заместителем главы департамента А. Удальцовым. *Eesti Päevaleht*, 1 февраля 1996 года.

В частности, Москва отрицала любое сохранение юридической силы за мирными договорами 1920 года, заключенными между Советской Россией и Эстонской, Латвийской и Литовской республиками. В ноте от 17 ноября 1992 года, направленной в министерство иностранных дел Латвии, российский МИД пояснил:

“Каковы бы ни были обстоятельства вхождения Латвии в состав СССР в 1940 году, мы не можем отрицать, что фактически и юридически Латвия в течение 50 лет обладала статусом одной из республик Советского Союза. Как известно, включение одного государства в состав другого государства приводит к прекращению действия любых двусторонних договоров, заключенных между ними как независимыми государствами”²⁵⁷.

Российская официальная позиция в отношении Эстонии была подробно изложена в письме заместителя министра иностранных дел А. Авдеева от 8 января 1998 года в Государственную Думу Российской Федерации. Согласно этому письму, советская армия в 1939 году находилась на территории Эстонии в ответ на сделанное самой Эстонией “приглашение” и, следовательно, в данном случае нельзя говорить о военном вторжении, оккупации и аннексии в 1940 году. Представительные органы балтийских республик сами направили в Верховный Совет СССР просьбу о включении их в состав СССР. Согласно заявлению заместителя министра иностранных дел России, до принятия Устава ООН в 1945 году в международном праве была неизвестна норма, запрещающая угрозу применения военной силы²⁵⁸.

2 февраля 2000 года, во время празднования в Эстонии 80-й годовщины подписания Тартуского мирного договора, посол России в Эстонии объяснил, что, согласно российской точке зрения, мирный договор 1920 года утратил какое-либо юридическое значение в отношениях между Российской Федерацией и Эстонской Республикой. На современном этапе Тартускому мирному договору между Россией и Эстонией может придаваться только “историческое” значение²⁵⁹.

Эта точка зрения России относительно юридической силы заключенных Советской Россией в 1920 году мирных договоров была выдвиг-

²⁵⁷ Meissner. Die Russische Politik..., p. 303.

²⁵⁸ Postimees, 19 января 1998 года. См. также: V.J. Riismanidel. Nõukogude Liit oli agressor (Советский Союз был агрессором) in: Vaba Eesti Sõna (Свободное слово Эстонии), 26 февраля 1998 года.

²⁵⁹ См.: Postimees, 2.02.2000 и 3.02.2000.

нута ранее, во время 1990-х гг. Например, 5 февраля 1993 года чиновник МИД России заявил:

“Представители Российской Федерации неоднократно объясняли эстонской стороне, что Тартуский мирный договор между Советской Россией и Эстонской Республикой, заключенный 2 февраля 1920 года, утратил свою силу в связи с прекращением существования Эстонии как независимого субъекта международного права и независимо от обстоятельств и причин, по которым это произошло. Начиная с 1940 года отношения между Эстонией и Советским Союзом основывались исключительно на законодательстве федеративного государства, а не на договорах и соглашениях, заключенных ранее между Эстонией и Россией как между независимыми субъектами международного права, которые впоследствии утратили силу”²⁶⁰.

Наконец, в ответ на законопроект о выдвижении России репарационных требований, обсуждавшийся в литовском Seimas (парламенте)²⁶¹, МИД России 9 июня 2000 года выступил со следующим заявлением:

“Ввод вооруженных сил СССР в 1940 году был осуществлен с согласия высшего руководства этой страны, которое было получено в рамках практики международного права того времени. Властные/компетентные функции во время советского периода осуществлялись здесь национальными органами власти. Решению Верховного Совета СССР от 3 августа 1940 года касательно принятия Литвы в состав Советского Союза предшествовали соответствующие обращения высших представительных органов прибалтийских государств.

В этом смысле неправомерно квалифицировать вхождение Литвы в состав СССР как результат односторонних действий последнего”²⁶².

Как видно из вышесказанного, между позициями данных государств присутствует фундаментальное различие в вопросе о том, кто были фактическими *dramatis personae*²⁶³ в соответствующей исторической ситуации. В то время как страны Балтии утверждали, что их государственный континуитет не прерывался в течение продолжительной советской “оккупации”, Российская Федерация, утвердившая свой

²⁶⁰ Meissner. Die Russische Politik..., p. 304–305.

²⁶¹ См. Приложение 4.

²⁶² Переведено и цит. по: A.E. Senn. What Happened in Lithuania in 1940?, in: Lithuanian Foreign Policy Review 2000, pp. 179–195 at 179–180.

²⁶³ Действующие лица (лат.) — прим. пер.

статус государства-продолжателя СССР²⁶⁴, отрицала эту точку зрения. Как было иронически замечено, Российская Федерация только однажды (косвенно) признала правопритязания стран Балтии на континуитет: когда она потребовала возвращения зданий своих довоенных посольств в столицах стран Балтии.

В практике большинства других государств была признана идентичность правосубъектности стран Балтии с балтийскими республиками, существовавшими до 1940 года²⁶⁵. В Хартии о партнерстве между Соединенными Штатами Америки и Эстонской, Латвийской и Литовской Республиками, подписанной 16 января 1998 года, прямо заявляется, что дружественные отношения между этими государствами “поддерживались постоянно ... с 1922 года”, и что США рассматривают государственность стран Балтии, “как не прерывавшуюся с момента установления ими независимости; политика, верность которой Соединенные Штаты неоднократно подтверждали на протяжении 50 лет”. Несмотря на это, практика остальных государств не вполне свободна от нерешенных вопросов и непоследовательностей. Следовательно, нельзя установить *prima facie*, продолжали ли страны Балтии “существовать” в период советской аннексии или же они прекратили свое существование в 1940 году или позднее, а идентичность их правосубъектности была признана в 1991 году другими государствами просто в виде фикции. Более того, из практики государств нельзя сделать однозначный вывод о том, имеет ли правовой статус стран Балтии — идентичность их правосубъектности с довоенными республиками — характер *ergo omnes*. Эта ситуация создает неудобства, поскольку в случае, когда некое государство рассматривается как “старое” одними государствами и как “новое” другими, нарушается стабильность международных отношений.

В международных отношениях не так уж редки случаи, когда вопросы, связанные с континуитетом и правопреемством государств, остаются неурегулированными окончательно в течение долгого пе-

²⁶⁴ Среди прочего, см.: ILA, Helsinki Conference (1996), Rapport preliminaire sur la succession d'Etats en matiere de traites. London, pp. 13–14 and 18; ILA, Taipei Conference (1998), Rapport..., p. 620–622. См. также схожую позицию, выдвигаемую российским ученым: А. Kolodkin. Russia and International Law: New Approaches // RBDI 1993, No. 2, p. 554.

²⁶⁵ Мартти Коскенниemi говорит о “преобладающем международном принятии тезиса о континуитете, выдвинутого странами Балтии”. См.: М. Koskeniemi. The Wonderful Artificiality of States, in: The ASIL Proceedings of the 88th Annual Meeting. April 6–9, 1994, p. 24.

риода²⁶⁶. Некоторые такие вопросы вошли в историю как “неурегулированные”. Но здесь возникает вопрос о том, каким образом ученые-юристы интерпретировали практику государств, относящуюся к правовому статусу стран Балтии?

3. Правовой статус стран Балтии: точки зрения в научной литературе

Точка зрения, согласно которой страны Балтии как субъекты международного права идентичны существовавшим до Второй мировой войны балтийским республикам, в целом получила поддержку среди ученых в области международного права²⁶⁷. Это выглядит не слишком неожиданным, поскольку практика государств в общем и целом диктовала такой результат. Для многих авторов, подтверждающих идентичность правосубъектности в случае современных стран Балтии, отправной точкой служит, по-видимому, единство понятий идентичности правосубъектности и континуитета²⁶⁸.

²⁶⁶ См.: И. Клапсас. Правопреемство и континуитет в международном праве // *Moscow JIL* 1992, No. 4, pp. 22–35 at 33; Б. Клименко. Проблемы правопреемства на территории бывшего Союза ССР // *Moscow JIL* 1992, No. 1, pp. 3–24 at 24.

²⁶⁷ См., например: T. Schweisfurth. *Soviet Union, Dissolution* // *EPIL*, Vol. 4, 2000, pp. 529–547 at 541; R. Müllerson. *The Continuity and Succession...* // *ICLQ*, p. 482; A. Peters. *Das Gebietsreferendum im Völkerrecht. Seine Bedeutung im Licht der Staatenpraxis nach 1989*. Baden-Baden: Nomos, 1995, p. 150 et seq; M. Silagi. *Staatsuntergang und Staatennachfolge mit besonderer Berücksichtigung des Endes der DDR*. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1996, p. 260; S. Talmon. *Recognition of Governments in International Law. With Particular Reference to Governments in Exile*. Oxford: Clarendon Press, 1998, p. 50; I. Ziemele. *The Application of International Law in the Baltic States* // 40 *GYIL* 1997, pp. 243–279 at 243; K. Bühler. *State Succession and Membership in International Organizations. Legal Theories versus Political Pragmatism*. Dissertation, Vienna, 1999, p. 195; G. Hafner and E. Kornfeind. *The Recent Austrian Practice of State Succession: Does the Clean Slate Rule Still Exist?* // 1 *Austrian RIEL* 1996, pp. 1–49 at 11; E. Sciso. *Dissoluzione di stati e problemi di successione nei trattati*, in: 49 *La comunità internazionale* 1994, pp. 83–4; J. Huntzinger. *La renaissance des Etats Baltes*, in: *Colloque de Nancy, Paris, 1994*, p. 51; M. Bothe et C. Schmidt. *Sur quelques questions de succession posees par la dissolution de l'URSS et celle de la Yougoslavie* // 96 *RGDIP* 1992, p. 831.

²⁶⁸ См. выше и, например: I.A. Shearer (ed.). *Starke's International Law*. 11thed., London: Butterworths, 1994, p. 88 и H. Beemelmans. *State Succession in International Law: Remarks on Recent Theory and State Praxis* // 15 *Boston UILJ* 1997, p. 81.

Но при более внимательном рассмотрении позиций, выдвинутых учеными, становится очевидным наличие существенных сомнений и различий. Ульрих Фастенрат, к примеру, рассматривает правопритязания стран Балтии на идентичность их правосубъектности как обоснованные, но в то же время относит случай этих стран (аналогично историческим прецедентам Австрии и Чехословакии) к категории “восстановления”²⁶⁹. Соледад Торрекварада также утверждает, что возрождение стран Балтии в 1991 году представляет собой случай идентичной правосубъектности без континуитета²⁷⁰. Владислав Чаплинский²⁷¹ и Владимир-Джуро Деган²⁷² недавно сослались на концепцию *postliminium* при обсуждении правового статуса балтийских республик после 1991 года. Рейн Мюллерсон, помимо прочего, применяет понятие “возврата к суверенитету” для объяснения случая стран Балтии²⁷³. Многие авторы высказывают определенные сомнения в вопросе о фикции *непрерывного существования* стран Балтии²⁷⁴. Некоторые ученые в области международного права прямо указывают, что балтийские республики *действительно* прекратили существование после их аннексии

²⁶⁹ U. Fastenrath. Das Recht der Staatensukzession, in: Berichte der Deutschen Gesellschaft für VR. 1996, p. 15–16 (“Это не обязательно означает, что временно несуществовавшее государство можно было бы считать юридически существующим, но это означает, что международно-правовые отношения можно будет продолжить после того, как отпадет временное препятствие к действиям”). Подобную точку зрения также см. в: Wilfried Fiedler. Der Zeitfaktor im Recht der Staatensukzession, in: Staat und Recht. Festschrift für Günther Winkler. Wien: Springer, 1997, p. 232.

²⁷⁰ S. Torrecuadrada. Le rôle du consentement dans la succession d'Etats aux traités // 23 Polish YBIL, p. 127 at p. 134.

²⁷¹ См.: W. Czaplinski. International Legal Aspects of Polish-Lithuanian Relations // 19 Polish YBIL 1991–1992, pp. 31 at 41.

²⁷² См.: V.-D. Degan. Op. cit. (RCADI 1999), p. 295.

²⁷³ См.: R. Müllerson. New Developments in the Former USSR and Yugoslavia // 33 Va. JIL. 1993, 299 at 311.

²⁷⁴ См., например: A. Reinisch and G. Hafner. Staatensukzession und Schuldübernahme beim “Zerfall” der Sowjetunion, p. 107: “Согласно доминирующей доктрине, только “относительно краткосрочное” прерывание территориального суверенитета государства может воспрепятствовать нормативным последствиям утраты государственной власти, а именно потере государственности. Тот факт, что незаконная аннексия стран Балтии продолжалась два раза дольше, чем период их независимости, подводит к выводу, что здесь “нормативная сила фактического” “исправила” первоначальную незаконность”.

в 1940 году²⁷⁵. По словам Кристины Грэй: “Хотя страны Балтии выдвигали правопритязания на государственность во время периода их аннексии, они фактически не соответствовали критериям, предъявляемым к государствам в международном праве. В этом отношении их ситуация напоминает ситуацию современной Палестины”²⁷⁶.

Некоторые юристы-международники доказывали, что мировая политика сыграла определенную роль в признании идентичности правосубъектности в случае стран Балтии, тем самым, ставя под сомнение тезис Марек о том, что континуитет государства это “не оценка за хорошее поведение”²⁷⁷. Согласно Коскенниemi и Лехти, континуитет стран Балтии был признан по причинам “политического символизма”, а не в силу международного права²⁷⁸. Рональд Рих указал на несколько очевидно политических причин, объясняющих признание континуитета балтийских республик. По мнению этого австрийского ученого, в 1991 году было важно провести юридическое различие между странами Балтии и другими республиками, выходящими из состава, как СССР, так и СФРЮ²⁷⁹. Ссылка “всего лишь” на право народов на самоопределение не могла оправдать создание отдельных государств, в то время как к восстановлению независимости незаконно

²⁷⁵ Оливер Дерр пишет, что “фактическая практика государств в постсоветский период пытается игнорировать прекращение существования стран Балтии при помощи того, что этим государствам дается возможность (например, в отношении международно-правовых договорных отношений) вновь вступить в тот суверенитет, которым они обладали до 1940 года. Данную политически мотивированную фикцию невозможно объяснить нормами позитивного международного права”. См.: Dörr. *Op. cit.*, p. 355. См. также: L. Antonowicz. *The Disintegration of the USSR from the Point of View of International Law* // 19 Polish YBIL 1991–1992, p. 7 at 14–15: “Хотя аннексия балтийских государств со стороны СССР была незаконной, период времени, дважды превосходящий по продолжительности период их существования как независимых государств, в сочетании с инерцией международного сообщества привел к легализации первоначального незаконного деяния. Такие решения нередки в международных отношениях”. Ср.: J. Verhoeven. *La reconnaissance internationale: déclin ou renouveau?*, in: 39 AFDI 1993, pp. 7–40 at p. 13 and 36 et seq.

²⁷⁶ C. Gray. *Self-Determination and the Breakup of the Soviet Union* // 12 YBEL 1992, pp. 483–4.

²⁷⁷ См.: Marek. *Op. cit.*, p. 366.

²⁷⁸ Koskenniemi and Lehto. *La succession...*, p. 198.

²⁷⁹ R. Rich. *Recognition of States: The Collapse of Yugoslavia and the Soviet Union* // 4 EJIL 1993, p. 38. См. также: Verhoeven. *Reconnaissance*, p. 13.

окупированных и аннексированных территорий следовало отнести более благожелательно²⁸⁰.

В общем и целом, ученые-юристы склоняются к консенсусу в том, что континуитет и/или идентичность правосубъектности в случае стран Балтии связаны с юридической фикцией. Различия в позициях ученых связаны с отношением к этой фикции — некоторым она нравится, другим нет. Элемент фикции особенно интересен с перспективы международного права. В философии “фикция” понимается как созданная в сознании логическая или воображаемая конструкция, которая не имеет какого-либо соответствия в реальности²⁸¹. В праве “фикция” может обладать несколькими значениями²⁸². Во-первых, любое правовое

²⁸⁰ В пользу гипотезы Риха свидетельствует по крайней мере одно письмо, озаглавленное “Признание стран Балтии” и отправленное 30 августа 1991 года Парламенту министром иностранных дел Голландии. В этом письме под заголовком “Следствия из прецедента” заявляется: “Учитывая особое историческое и международно-правовое положение стран Балтии, *их признание не включает в себе прецедента для признания других территорий, которые провозгласили себя независимыми или сделают это в будущем, в той мере, в какой это касается Двенадцати* (курсив автора). В конечном счете, балтийские государства были полностью независимыми в период между 1920 и 1940 годами, являлись членами Лиги Наций и пользовались международным признанием, в том числе со стороны Советского Союза. Как было отмечено ранее, их включение в состав Советского Союза в 1940 году произошло вопреки воле их населения и никогда не признавалось де-юре большинством государств. Это условие не имеет силы в отношении остальных частей Советского Союза, каждая из которых обладает собственной различной историей. “Независимость”, стремление к которой в настоящее время высказывают некоторые республики Советского Союза, определена во многих случаях недостаточно ясно и необязательно означает, что эти республики отвергнут любые формы объединения в рамках какого-либо менее обязывающего Союзного Договора. (...) Если возникнет вопрос о признании и установлении дипломатических отношений, то он может быть отвечен только на основе отдельного подхода к каждому конкретному случаю, исходя из существующих международных критериев признания государств”. См.: Netherl. YBIL XXIII (1992), pp. 299–300.

²⁸¹ От лат. *factio*, от *ingere*, т.е. придумывать (to devise) или создавать (to form). См.: D.D. Runes (ed.). Dictionary of Philosophy. Ames, Iowa: Littlefield, Adams & Co., 1958, p. 109.

²⁸² Кансаччи приводит следующее определение юридической фикции: “Юридическая фикция представляет собой использование права, при помощи которого некая ситуация рассматривается как существующая в то самое время, когда действительные факты говорят об ином; это делается для реализации

понятие содержит элементы “фикции” ввиду неустранимой потребности в абстрагировании. В этом смысле “фикции” представляют собой повседневные инструменты правовой жизни и анализа. Юридические фикции подвергаются критике главным образом в тех случаях, когда “они не имеют какого-либо соответствия в реальности”.

Практика государств в вопросе о государственности демонстрирует, что в международных отношениях возможны различные виды фикций: политические фикции, поддержанные произвольными решениями, и юридические фикции, имеющие своей целью подкрепить юридически установленные права. Юридические фикции могут использоваться в целях интерпретации сложной реальности “pour accéder d’une réalité inférieure à une réalité supérieure.”²⁸³ Как отмечалось критиками²⁸⁴, некоторые фундаментальные принципы международного права, такие как принцип суверенного равенства государств, содержат существенные элементы фикции в духе комментария Оруэлла о том, что “одни государства равнее других”. Элемент фикции в случае континуитета Сирии обладал характером, отличным от прецедента Чехословакии. С какой разновидностью фикции мы сталкиваемся на примере стран Балтии — политической, юридической или же с политической фикцией, имеющей юридические последствия?

Нам следует более детально рассмотреть вопрос о том, существовали ли страны Балтии непрерывно как субъекты международного права в 1940–1991 гг. Как было показано, ученые в области международного права уже выражали серьезные сомнения на этот счет. Некоторые ученые основывают свои возражения на фактах, другие на доктринальных положениях. Четкие выводы о правовом статусе балтийских республик могут быть сделаны нами путем изучения, как фактов, так и доктрины или, более точно, путем применения последней к первым.

правовых и политических последствий, которые вытекают из фиктивной ситуации и которые нельзя было бы вывести из реальной ситуации”. См.: Cansacchi. *Op. cit.*, p. 40, а также p. 10 and 47 et seq. См. также: M. Chemillier-Gendreau. *Origine et rôle de la fiction en droit international public*, in: 32 *Archives de Philosophie du Droit* 1987, pp. 153–162 и L.L. Fuller. *Legal Fictions* // 25 *Illinois Law Review* 1930–1931, p. 513.

²⁸³ J. Touscoz. *Le principe d’effectivité dans l’ordre international*. 1964, p. 177–8.

²⁸⁴ См., например: R.W. Tucker. *The Inequality of Nations*. New York: Basic Books, 1977. Филип Эллотт (Philip Allott) даже критиковал “опасную фикцию ответственности государства” в: *State Responsibility and the Unmaking of International Law* // 29 *Harvard JIL* 1988, pp. 1–26 at 13 et seq.

ГЛАВА 3. СТРАНЫ БАЛТИИ МЕЖДУ 1940 И 1991 ГГ.: НЕЗАКОННОСТЬ И/ИЛИ ПРАВО ДАВНОСТИ

1. Введение

Независимые Эстонская, Латвийская и Литовская Республики были, как утверждается, фактически инкорпорированы в состав СССР на срок около 50 лет. В течение этого периода (и за исключением германской оккупации в 1941–1944 гг.) на территории бывших независимых стран Балтии действовали Эстонская, Латвийская и Литовская Советские Социалистические Республики. Согласно советской точке зрения, независимые “буржуазные” страны Балтии прекратили свое существование и их правопреемницами стали новые прибалтийские советские республики в составе СССР. С перспективы других государств эта точка зрения может быть принята если и не в связи с легитимным характером “социалистических революций”, которые, по утверждению СССР, произошли в странах Балтии в 1940 году, то, по крайней мере, ввиду длительного фактического советского правления в этих государствах.

Действительно, с точки зрения “чистой” теории трех элементов, за которой следует признать реалистическую основу с позиции здравого смысла, не могло не показаться странным утверждение, что страны Балтии продолжали “существовать” (как субъекты международного права) после конца Второй мировой войны. Очевидно, что как минимум в материальном смысле эти государства больше не существовали. Следовательно, не может вызвать удивления то обстоятельство, что несколько пользующихся высокой репутацией авторитетов в юридической литературе признали прекращение существования этих государств как *fait accompli*¹. Тем не менее, несмотря на всю

¹ См., например: W. Grewe. Völkerrechtliche Umschau—Europa nach dem Waffenstillstand, in: 7 Monatshefte für Auswärtige Politik 1940, p. 686 (“Страны

effectivité долгого советского правления, далеко не все государства и ученые-юристы считали страны Балтии прекратившими существование в качестве субъектов права.

Страны Балтии основывали свои правопритязания на государственный континуитет главным образом на противоправности советской аннексии. Это положение было оспорено с различных позиций советской и, позднее, российской дипломатии и рассматривалось как сомнительное рядом западных ученых. Следовательно, нам необходимо внимательно изучить правовые аспекты событий, происходивших в этих государствах в 1939–1940 гг. Проблема (не)законности советской аннексии находится в самом центре спора о правовом статусе стран Балтии.

Балтии (после их принятия в состав СССР) прекратили существование в качестве независимых субъектов международного права. Они стали союзными республиками СССР (Литовская советская республика имеет теперь столицу в Вильнюсе) и в этом качестве они больше не обладают международным статусом”). См. также: E.J. Castrén. *Aspects récents de la succession d'états* // 78 RCADI 1951, p. 419; A. Baade. *Baltische Staaten*, in: K. Strupp and H.-J. Schlochauer. *Wörterbuch des Völkerrechts*. 2. Ausg., Band I, 1960, p. 148: “С формальной точки зрения, страны Балтии путем присоединения к СССР прекратили существование в качестве независимых субъектов международного права”; G. Cansacchi. *Op. cit.*, p. 20 (“Если теряется независимость в результате аннексии государства иностранным государством, то прекращается и международная правосубъектность такого государства... Так прекратилось существование в качестве международных субъектов... стран Балтии, оказавшихся в 1940 г. в составе СССР”). См. также: R.W.G. De Murlalt. *The Problem of State Succession with Regard to Treaties*. The Hague: W.P. van Stockum & Zoon, 1954, p. 40. Вывод де Мюрала “в той мере, в какой аннексия была законной, случай стран Балтии сравним со случаем Техаса” на с. 40 основывался на ошибочном фактическом допущении, а именно, что страны Балтии добровольно вступили в состав Советского Союза. См. также: D.P. O'Connell. *Recent Problems of State Succession in Relation to New States* // RCADI 1971- II, p. 150.

2. Незаконность советской аннексии

(А) Оккупация и аннексия стран Балтии Советским Союзом в 1940 году: факты

Аннексия стран Балтии Советским Союзом в 1940 году не раз становилась предметом рассмотрения в различных исследованиях в области истории и права². Было бы излишне снова останавливаться на ее изложении, если бы этот важный аспект иной раз не упускался из виду или не игнорировался аналитиками. Исследователи правовых аспектов “балтийского вопроса”, более позднего периода в особенности, полагались на изыскания, результаты которых приводятся в классических работах Кристины Марек и Бориса Мейсснера³. Еще раньше, в 1949 году, литовский ученый-юрист Юзас Репечка подготовил интересную диссертацию по этому вопросу, включавшую и существенную историческую часть⁴. Таким образом, нет необходимости приводить здесь подробно те факты и аргументы, которые были опубликованы в более ранних работах. Тем не менее, историками были недавно обнаружены документы, которые дополняют картину политики, проводимой советским правительством в 1939–1940 гг.

Подчинение Советским Союзом стран Балтии в 1939–1940 гг. происходило “поэтапно”⁵. Политическая почва была подготовлена в виде секретных советско-германских протоколов, подписанных Молотовым и Риббентропом в Москве 23 августа 1939 года (так называемый

² См., например: J.A. Swettenham. *The Tragedy of the Baltic States. A Report compiled from Official Documents and Eyewitnesses' Stories*. London: Holli and Carter, 1952; I.J. Vizulis. *Nations Under Duress. The Baltic States*. Port Washington: Associated Faculty Press, Inc., 1985; B.J. Kaslas. *The USSR-German Aggression against Lithuania*. New York: Robert Speller & Sons, 1973; M. Rosenbusch, H. Schützler, S. Striegnitz (Hg.). *Schauplatz Baltikum: Szenarium einer Okkupation und Angliederung: Dokumente 1939/1940*. Berlin: Dietz Verlag, 1991.

³ См.: K. Marek. *Identity and Continuity of States in Public International Law*, 1954; B. Meissner. *Die Sowjetunion, die baltischen Staaten und das Völkerrecht*, 1956.

⁴ J. Repečka. *Der gegenwärtige völkerrechtliche Status der baltischen Staaten, unter besonderer Berücksichtigung der diplomatischen Vorgeschichte der Eingliederung dieser Staaten in die Sowjetunion*. Dissertation, Göttingen, 1950.

⁵ См.: J.-B. Duroselle. *Histoire diplomatique de 1919 à nos jours*. IIe édition, Paris, 1993, pp. 261 et seq.

пакт Молотова-Риббентропа или Гитлера-Сталина)⁶. В соответствии с этим соглашением Сталин давал Гитлеру возможность напасть на Польшу, не рискуя одновременным противодействием этому со стороны западных демократий или Советского Союза, а также *quid pro quo*⁷ “оставлял” Финляндию, Восточную Польшу, Бессарабию (современную Молдову) и страны Балтии в советской “сфере интересов”. Изначально Литва была отнесена к германской “сфере интересов”, но несколько позднее, 28 сентября 1939 года, был заключен дополнительный секретный протокол, по которому Германия “обменяла” Литву на некоторые польские территории. Кроме того, в начале 1941 года СССР передал Германии золото стоимостью 7,5 миллионов американских долларов в виде компенсации за часть Литвы, которая была приписана к германской сфере влияния, но, несмотря на это, оккупирована и включена в состав Советского Союза наряду с остальной Литвой.

После нападения национал-социалистической Германии на Польшу 1 сентября 1939 года, ознаменовавшем начало Второй мировой войны, представители стран Балтии и Финляндии были по отдельности вызваны в Москву, где советские лидеры предъявили им требование о размещении военных баз на территории этих государств⁸. Характеризуя атмосферу, ожидавшую министра иностранных дел Эстонии в Москве, посол Эстонии А. Рей привел следующее свидетельство: “[министр иностранных дел Советского Союза] Молотов многократно использовал выражения “я прошу вас не вынуждать советское правительство использовать другие, более радикальные методы для обеспечения своей безопасности” и “если правительство

⁶ Интересно отметить, что Сталин указал на свою готовность восстановить дружественные отношения с Гитлером, заменив Народного Комиссара Иностранных Дел Литвинова (еврея) на Вячеслава Молотова. Общую информацию, касающуюся дипломатических ходов, приведших к заключению советско-нацистского альянса и к развязыванию Второй мировой войны см. в: Н. Kissinger. *Diplomacy*, p. 332 et seq. and p. 350 et seq.

⁷ Услуга за услугу, в виде компенсации (лат.) — прим. пер.

⁸ Среди прочего, Евгений А. Коровин должен был иметь в виду и эти события, когда он писал в 1946 году: “Печальная история Лиги Наций и мрачные уроки Второй мировой войны красноречиво свидетельствуют о том, что пока существуют алчные империалистические страны, само существование малых государств, не говоря уже о вопросе равенства, зависит в первую очередь от готовности великой миролюбивой державы прийти им на помощь”. E. A. Korovin. *The Second World War and International Law* // 60 AJIL 1946, p. 746.

Эстонии отклонит предложение Советского Союза, то СССР добьется своих целей, прибегнув к другим средствам". Особенно в контексте ситуации, сложившейся перед этим разговором, было невозможно интерпретировать выражения Молотова иначе, чем угрозу применить военную силу для навязывания советских требований"⁹. Подобная атмосфера была создана и во время переговоров с представителями правительств Латвии и Литвы.

Правительства стран Балтии уступили советским требованиям и заключили Договоры о взаимопомощи с СССР¹⁰. Под советские гарантии, что военные базы будут установлены только на время войны и что будет непременно уважаться суверенитет стран Балтии (статья V Договоров), на территории стран Балтии был размещен советский военный контингент (25000 солдат в Эстонии, 30000 в Латвии и 20000 в Литве).

Правительство Финляндии отклонило аналогичные требования о размещении военных баз, предъявленные ей Советским Союзом. В результате Советский Союз 1 декабря 1939 года напал на Финляндию, начав так называемую советско-финскую зимнюю войну. В результате этой войны Финляндия потеряла часть своей территории, что было зафиксировано в советско-финском мирном договоре от 13 марта 1940 года. Финляндия, тем не менее, сохранила свою независимость. В связи с агрессией против Финляндии Советский Союз был исключен из Лиги Наций 14 декабря 1939 года¹¹.

В течение полугода складывалось впечатление, что Советский Союз, разместив военные базы в странах Балтии, нашел определенный *modus vivendi*¹² с независимостью этих государств. Страны Балтии строго соблюдали правила нейтралитета во время советско-финского конфликта и советские лидеры и газеты одобрительно характеризовали советско-балтийские отношения как образцовые.

Но 14 и 16 июня 1940 года, одновременно с падением Франции, советское правительство предъявило правительствам Эстонии, Латвии и Литвы ультиматумы, в которых выдвигались требования полной

⁹ A. Rei. Nazi-Soviet Conspiracy and the Baltic States. p. 41.

¹⁰ Договор о взаимопомощи был заключен с Эстонией 28 сентября 1939 года (198 LNTS 381), с Латвией 5 декабря 1939 года и с Литвой 10 октября 1939 года.

¹¹ Решение Совета Лиги Наций, LNOJ 1939, pp. 505–508. Подробнее см.: A.M. Rifaat. International Aggression. A Study of the Legal Concept: Its Development and Definition in International Law. Stockholm, 1979, pp. 98–99.

¹² Способ существования (лат.) — прим.перев.

оккупации этих стран и создания “дружественных по отношению к Советскому Союзу” правительств¹³. Ультиматумы сопровождалась предупреждениями, что военное сопротивление будет подавлено. Во время передачи ультиматума министру иностранных дел Литвы Урбшису народный комиссар иностранных дел Молотов заявил: “Независимо от вашего ответа, наши войска в любом случае завтра войдут в Литву”¹⁴. Считаясь с тем, что советские войска уже были размещены на их территориях, правительства стран Балтии капитулировали¹⁵. Приблизительно через 10 часов после предъявления ультиматумов советские войска вторглись в эти государства и оккупировали их 15–17 июня 1940 года¹⁶.

Поскольку правительства стран Балтии уступили советским требованиям, то в ходе оккупации этих стран 15–17 июня 1940 года не произошло военных столкновений. Тем не менее, советскому ультиматуму Эстонии предшествовала оккупация Красной Армией острова Найссаар, расположение которого позволяло контролировать морские подходы к столице Эстонии Таллинну¹⁷. С целью гарантировать принятие предъявленных Москвой ультиматумов советский военно-морской флот 14 июня 1940 года установил блокаду побережья Балтийского моря (см. приложения 1,2 и 3).

Первыми жертвами советских репрессий стали, по всей видимости, члены работавшей на президента Эстонии судовой команды, которые 15–16 июня 1940 года направлялись морем из эстонской столицы Таллинна в летнюю резиденцию президента в Тойла, вероятно с целью попытаться эвакуировать президента из страны. Команда была арестована советским военно-морским флотом и переправлена в Ленинград, где ее члены были позднее отданы под суд по обвинению в

¹³ См.: Repečka. *Op. cit.*, p. 57–63.

¹⁴ По вопросу о литовских архивных источниках см.: V. Vadapalas, V. Žalys. Secret Protocols to the Soviet-German Treaties of 1939 and the Problem of Prescription in International Law, in: Proceedings of the Estonian Academy of Sciences. Social Sciences. 1990, 39/2, p. 128.

¹⁵ По вопросу о дебатах в правительстве Литвы, приведших к принятию советских требований, см.: A. Eidintas. The Meeting of the Lithuanian Cabinet, 15 June 1940, in: J. Hiden and T. Lane (eds.). The Baltic and the Outbreak of the Second World War. Cambridge, 1992, pp. 165–173.

¹⁶ См.: Repečka. *Ibid.*

¹⁷ См.: E. Sarv. *Õiguse vastu ei saa ükski*. 1997, p. 36.

“измене родине”¹⁸. Кроме того, 14 июня 1940 года, во время советской военной блокады, советской армией был сбит финский гражданский самолет (“Калева”), совершавший перелет из Таллинна в столицу Финляндии Хельсинки.

После оккупации стран Балтии советской армией Сталин направил своих эмиссаров Андрея Жданова, Андрея Вышинского и Владимира Деканозова для руководства захватом власти соответственно в Эстонии, Латвии и Литве. Списки членов новых правительств были представлены президентам стран Балтии советскими посольствами в Таллинне, Риге и Каунасе¹⁹. Даже после оккупации этих стран Красной армией президентов Эстонии и Латвии, находившихся теперь под домашним арестом, заверяли в том, что независимость их государств и структура правительств останутся неприкосновенными²⁰. Президент Литвы Антанас Сметона спасся бегством в Германию и в это время находился в Восточной Пруссии. Президенты Эстонии и Латвии были изолированы советскими эмиссарами и в обстановке, вероятно сопровождавшейся запугиванием, назначили новые, “дружественные по отношению к Советскому Союзу” правительства.

Новые правительства немедленно объявили о проведении в июле 1940 года парламентских выборов. Постановка дальнейших событий свидетельствовала о доле театрального таланта и продемонстрировала ту важность, которую советское руководство придавало видимости демократической легитимации. Парламентские выборы 1940 года играли важнейшую роль в советских попытках придать законный характер советизации стран Балтии, поскольку Советы ссылались на волю народа(-ов). Несмотря на это, первые нарушения этой воли произошли во время организации демонстраций рабочих в столицах стран Балтии: многие участники демонстраций были привезены из

¹⁸ Архивные документы цитируются по дополнительному выпуску эстонского журнала “Kultuur ja Elu”, посвященного первой волне советских депортаций в 1940–1941 гг. // Kultuur ja Elu 3 (453) 1998, p. 2.

¹⁹ О развитии событий в Литве см. в: A.E. Senn. What Happened in Lithuania in 1940?, p. 184 et seq.

²⁰ Подобное впечатление было произведено и на широкую общественность. 21 июля 1940 года недавно прибывший в Ригу советский эмиссар Андрей Вышинский в конце своей речи, произнесенной с балкона советского посольства, провозгласил на латышском языке: “Да здравствует свободная Латвия!” и “Да здравствует дружба между Латвийской Республикой и Советским Союзом!” См.: Lettland unter sowjetischer und nationalsozialistischer Herrschaft. Eine Darstellung des lettischen Okkupationsmuseums. Riga, 1998, p. 23.

Советской России, а демонстрации шли в сопровождении советских танков.

Схожие нарушения принципа законности произошли и в связи с парламентскими выборами в июле 1940 года. Эти выборы оказались фарсом, причем не только из-за того, что каждая их деталь тщательно контролировалась советской армией: были проигнорированы даты, предусмотренные избирательными законами стран Балтии, кандидатам от демократической оппозиции запретили участие в выборах, а их результаты не могли быть подтверждены в конституционном порядке. Верхняя палата эстонского парламента даже не была созвана. В предвыборных платформах, выдвинутых кандидатами от “списков рабочего народа”, не было никакого упоминания об изменениях в системе государственного устройства. Напротив, в официальных программах “списков рабочего народа” подтверждалось, что они “выступают за дружественные отношения между *независимыми* странами Балтии и могучим СССР”(курсив автора)²¹. Результаты выборов были объявлены советским государственным новостным агентством ТАСС за 12 часов до закрытия избирательных участков²². Согласно Генри Киссинджеру, не более 20 процентов населения приняло участие в этих мнимых советских выборах, если заимствовать использованную им формулировку²³.

Трудно не согласиться с выводом Репечки, что “выборы в странах Балтии в 1940 году не только не были *свободными* выборами, но и, вообще говоря, не были *выборами* в обычном смысле этого слова”²⁴. Солдаты Красной Армии сидели между депутатами, часть которых

²¹ См.: Репечка, р. 74 et seq.

²² См., например: The Baltic States 1940–1972. Documentary Background and Survey of Developments Presented to the European security and Cooperation Conference. Stockholm: The Baltic Committee in Scandinavia, 1972.

²³ См.: Н. Kissinger. Diplomacy, р. 355. Тем не менее, согласно официальным советским данным, в выборах участвовало 95,51% обладающих правом голоса литовцев и 99,2% голосовало за кандидатов из “списка рабочего народа”. В Латвии зафиксировали участие в выборах 94,8% и 97,6% голосовало за официальных кандидатов; в Эстонии участвовало в выборах 92,9%, из которых 96,8% голосовали за официальных кандидатов.

²⁴ Репечка. Op. cit., р. 160. По иронии судьбы, советские выборы в стран Балтии в 1940 году даже привели к появлению в политологической литературе специального понятия “балтийские выборы”, означающего нечестные и сдиржированные выборы.

была избраны против их воли²⁵. Несмотря на это, новые “парламенты” немедленно провозгласили создание советских Эстонской, Латвийской и Литовской Республик и обратились с просьбой о включении их в состав СССР²⁶. Согласно Конституциям стран Балтии, для изменений в системе государственного устройства требовалась организация референдумов.

Как и ожидалось, Верховный Совет Советского Союза быстро удовлетворил просьбы об инкорпорации. 3 августа 1940 года в состав Советского Союза была принята Литовская ССР. Аналогичные решения были приняты в отношении Латвийской ССР 5 августа 1940 года и Эстонской ССР 6 августа 1940 года. Президенты и главнокомандующие Эстонской и Латвийской Республик были депортированы в Советскую Россию еще до формального включения этих государств в состав СССР²⁷.

Страны Балтии — Эстонская, Латвийская и Литовская Республики — прекратили существование как независимые государства. Но какую роль с точки зрения международного права играл способ, при помощи которого их независимость была поставлена под удар?

(В) Советская оккупация и аннексия стран Балтии: применяемое право

Законность включения стран Балтии в состав Советского Союза в 1940 году следует оценивать, исходя как из международных договоров, так и из обычного права, действовавшего в этом году. Это норма интер-

²⁵ См.: R.A. Vitas. *The United States and Lithuania. The Stimson Doctrine of Non-recognition*, p. 12.

²⁶ Позднее некоторые члены этих парламентов дали свидетельство, согласно которому директива Москвы голосовать за присоединение к Советскому Союзу явилась даже для них сюрпризом и сопровождалась угрозами для жизни для тех, кто станет голосовать “против”. Об атмосфере, созданной в парламенте Литвы, см.: Репе́чка. *Op. cit.*, p. 78 (где цитируются показания депутатов парламента Литвы 1940 года А. Гармуса и Л. Довиденаса).

²⁷ Так, например, Президент Латвийской Республики Карлис Ульманис был депортирован на юг России 22 июля 1940 года. Он умер предположительно в 1942 году. См.: Reinhardt (ed.). *Lettonie-Russie*, p. 132. Президент Эстонии многие годы содержался в психиатрической клинике; он умер в 1956 году.

темпорального права, на которую ссылается судья Макс Хубер в его классическом вердикте, произнесенном в деле о мысе Пальмас²⁸:

“...юридический факт необходимо оценивать в свете современного ему права, а не с точки зрения права, действующего на момент возникновения спора относительно данного факта”²⁹.

Впрочем, интересно отметить, что данный принцип оспаривался в судебной практике и в доктрине международного права. Сам судья Хубер в том же решении уравнивал свое предыдущее высказывание другим, а именно:

“Тот же самый принцип, который подчиняет создавший некое право акт той правовой системе, которая действовала на момент возникновения данного права, означает, что существование данного права, иными словами, его дальнейшие проявления, должны соответствовать условиям, требуемым эволюцией правовой системы”³⁰.

Ближе к нашему времени, судебная практика по-прежнему оставалась довольно двусмысленной, что хорошо иллюстрируется делом Юго-Западной Африки (1966 год) и Намибии (1971 год), которые рассматривались в Международном суде³¹. В первом случае Международный суд постановил, что

“... Суд должен поместить себя в тот момент времени, когда была установлена мандатная система... Суд должен учесть ситуацию, существовавшую в то время...”³²

В случае Намибии, напротив, Международный суд использовал противоположные аргументы в поддержку своего нового решения:

²⁸ Общий обзор см. в: W.-D. Krause-Ablaß. *Intertemporales Völkerrecht. Der zeitliche Anwendungsbereich von Völkerrechtsnormen.* Hamburg: A. Metzner Verlag, 1970 и T.O. Elias. *The Doctrine of Intertemporal Law* // 74 AJIL 1980, pp. 285–307; G.Y. Barsegov. *On the Criticism of the ‘Inter-Temporal Law’ Doctrine* // Soviet YBIL 1985, pp. 202–205.

²⁹ *Island of Palmas Case*, II UNRIAA, p. 845.

³⁰ *Ibid*, p. 839.

³¹ Обсуждение см. в: M. Koskeniemi. *The Normative Force of Habit: International Custom and Social Theory* // I Finnish YBIL 1990, pp. 77–153 at 132 et seq.

³² *South West Africa Case*, ICJ Reports 1966, p. 23 (§ 16).

“Суд должен принять во внимание те изменения, которые произошли в последующие полвека и на его трактовку не могут не повлиять последующие изменения в праве”³³.

В свете постановления Международного суда в деле Намибии было выдвинуто предположение, согласно которому изменения в международном праве после 1940 года, касающиеся запрета на применение силы (и угрозы силой), не могут полностью игнорироваться в правовых оценках случая стран Балтии, особенно в период консолидации ситуации, созданной в 1940 году. Несмотря на это, принцип интертемпорального права должен соблюдаться как минимум в виде избежания ссылок на Устав ООН при обсуждении законности событий 1939–1940 гг.

Применяемое право, в особенности договоры, действовавшие между странами Балтии и Советским Союзом, было двояким: общего и частного плана. Наиболее важный аспект здесь состоит в том, что нормы, предписываемые отдельными действующими международными соглашениями между двумя странами, имели высший характер по отношению к общеприменимым договорам того времени.

Поскольку Советский Союз был исключен из Лиги Наций в декабре 1939 года, то Устав Лиги Наций, в особенности его статья 10, более не был обязательным для Советского правительства³⁴. Согласно статье 10 Устава, Лига Наций обязывалась “уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги”³⁵. Тем не менее, статья 10 Устава Лиги Наций все еще была обязательной для Советского Союза, когда последний заключил пакт Гитлера-Сталина вместе с секретными протоколами³⁶. Таким образом, секретные протоколы к пакту Гитлера-Сталина 1939 года нарушали общее международное право того времени.

³³ Namibia Case, ICJ Reports 1971, p. 31 (§ 53).

³⁴ Ср.: Y. Dinstein. War, Aggression and Self-Defence. 2nd ed., Cambridge, 1994, p. 80.

³⁵ League of Nations Covenant, printed in: W. Schücking, H. Wehberg. Die Satzung des Völkerbundes. 2. Aufl., Berlin: Franz Vahlen, 1924. См. также статьи 12, 13, 15 и 16. Хотя в тексте статьи 10 прямо не упоминается непризнание, Лангер в 1947 году писал, что статья 10 подразумевала обязанность непризнания насильственного захвата. См.: R. Langer. Seizure of Territory. The Stimson Doctrine and Related Principles in Legal Theory and Diplomatic Practice. 1947, p. 96. См. также: L. Hannikainen. Peremptory Norms (Jus Cogens) in International Law. Historical Development, Criteria, Present Status. Helsinki, 1988, p. 134 et seq.

³⁶ См. также: Repečka. Op. cit., p. 98.

После принятия в 1928 году пакта Бриана-Келлога, в котором государства запретили “войну как инструмент национальной политики”, запрет на ведение агрессивных войн стал частью общего международного права³⁷. Тем не менее, представляется спорным вопрос о том, была ли в общем международном праве подвергнута такому же запрету *угроза* военной силой до того, как такой запрет был прямо сформулирован в Уставе ООН, принятом в 1945 году³⁸. Согласно консервативной точке зрения, по-видимому, разделяемой большинством ученых в области международного права, до вступления в силу Устава ООН *общее* международное право не запрещало прямо *угрозу* военной силой³⁹, хотя и запрещало, вне всяких сомнений, применение такой силы. Исходя из этого, некоторые современные авторы предположили, что политика, проводимая СССР в отношении стран Балтии в 1939–1940 гг., не нарушала общих норм обычного международного права⁴⁰. Хотя такая точка зрения была подвергнута выше весомой критике, нам следует обратиться к дополнительным правовым обязательствам, связывавшим СССР и страны Балтии.

С правовой точки зрения, отношения между Советским Союзом и странами Балтии в первую очередь регулировались двусторонними или региональными (т.е. “не-универсальными”) договорами. В истории международных отношений редки случаи, когда договаривающиеся стороны брали бы на себя столь обширные обязательства в отношении прав и интересов соседнего государства. Основание для межгосударственных отношений было положено заключенными в 1920 году мирными договорами между Советской Россией и странами Балтии после успешных войн за отделение, которые вели эти страны. В этих договорах Россия признала неотъемлемое право народов стран

³⁷ См.: N. Maim. *Völkerbund und Staat. Ein Beitrag zur Ausarbeitung eines allgemeinen öffentlichen Rechts.* Tartu: K. Mattiesen, 1932, p. 196 et seq. Исключения см. в: Y. Dinstein. *War, Aggression...* pp. 81–83. См. также: A.M. Rifaat. *International Aggression*, p. 69 et seq.

³⁸ См.: L. Hannikainen. *Peremptory Norms (Jus Cogens) in International Law.* p. 135 et seq. Ср.: A. Randelzhofer. *Commentary to Article 2(4)*, in: B. Simma (ed.). *The Charter of the United Nations. A Commentary.* Oxford: University Press, 1994, p. 111.

³⁹ Отметим, впрочем, что в этом случае мы были бы вынуждены заключить, что захват Германией Чехословакии и Австрии не был незаконным. В то же время такой вывод противоречил бы нюрнбергской практике.

⁴⁰ См.: H. Krieger. *Das Effektivitätsprinzip im Völkerrecht.* 2000, p. 440; O. Dörr. *Inkorporation...*, p. 352.

Балтии на самоопределение — принцип, провозглашенный Лениным. Это представляло собой очень прогрессивный шаг и, как часть регионального международного права, шло впереди общего развития в 1920 году⁴¹. Например, статья 2 Тартуского мирного договора между Советской Россией и Эстонской Республикой гласит:

“Исходя из провозглашенного Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой права всех народов на свободное самоопределение вплоть до полного отделения от государства, в состав которого они входят, Россия признает безоговорочно независимость и самостоятельность Эстонского Государства и отказывается добровольно и на вечные времена от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к Эстонскому народу и земле в силу существовавшего государственно-правового порядка, а равно на основании международных договоров, которые в указанном здесь смысле теряют силу на будущие времена. Из прежней принадлежности к России для Эстонского народа и земли не возникает никаких обязательств в отношении к России”⁴².

Советские мирные договоры с Латвией и Литвой содержали, *mutatis mutandis*, сходные формулировки⁴³. Исходя из этого, автор данной работы утверждает, что с подписанием и ратификацией мирных договоров между Советской Россией и странами Балтии в 1920 году юридически обязательный характер принципа самоопределения был признан в виде локальной нормы международного права⁴⁴.

⁴¹ Подробнее о праве народов на самоопределение см.: С. Tomuschat (ed.). *Modern Law of Self-Determination*. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1993.

⁴² LNTS, Vol. II, p. 29.

⁴³ См. Рижский мирный договор, подписанный Россией и Латвией 11 августа 1920 года в: LNTS, Vol. 2, p. 195 и Московский мирный договор, подписанный Литвой и Россией 12 июля 1920 года в: LNTS, Vol. III, p. 105. A. Reinhardts. *Lettonie-Russie. Traités et documents de base in extenso*. Lausanne, 1998. (Также доступно в сети интернет. См.: <http://www.tbw.ch/letton>).

⁴⁴ Юрий Барсегов очень высоко оценивает данные положения о самоопределении в ранних советских договорах: “Анализ договорных отношений первых лет существования Советского государства показывает, что уже тогда многие государства формально обязались соблюдать право народов на самоопределение. Договорная практика СССР подготовила почву для всеобщего признания права на самоопределение в качестве одного из основных принципов международного права. Окончательное и полное признание принцип самоопределения наций получил с исторической победой демократических

Кроме того, 9 февраля 1929 года Эстония, Латвия, Румыния и СССР по инициативе Народного комиссара по иностранным делам СССР Литвинова подписали протокол, который получил известность как протокол Литвинова⁴⁵. Согласно этому протоколу, пакт Бриана-Келлога об отказе от войны как инструмента национальной политики вступал в действие между подписавшими протокол сторонами еще до того, как сам пакт вступил в силу для первоначально подписавших его государств. Литва подписала протокол Литвинова 5 апреля 1929 года.

Советское правительство также заключило *договоры о ненападении*⁴⁶ со всеми тремя странами Балтии: с Литвой 18 сентября 1926 года⁴⁷, с Латвией 8 февраля 1932 года⁴⁸ и с Эстонией 4 мая 1932 года⁴⁹. Статья 1 договора о ненападении между Советским Союзом и Латвией гласила:

“Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон гарантирует другой Стороне неприкосновенность существующих между ними границ, определенных в мирном договоре от 11 августа 1920 года, и обязуется воздерживаться от какого-либо акта агрессии или иных насильственных действий, направленных против целостности и неприкосновенности территории или политической независимости другой Договаривающейся Стороны, будь такой акт агрессии или иное насильственное действие совершены отдельно или в союзе с другими державами, с объявлением войны или без него”.

Советские договоры о ненападении с Эстонией и Литвой включали тождественные положения. Договоры о ненападении с Эстонией и Латвией были дополнены соглашениями об арбитраже, заключенными соответственно 16 июня 1932 года и 18 июня 1932 года⁵⁰. Данные соглашения об арбитраже дополняли положения договоров о ненапа-

народов во главе с Советским Союзом над силами фашизма и империализма в годы Второй мировой войны”. Ю. Г. Барсегов. Территория в международном праве. Юридическая природа территориального верховенства и правовые основания распоряжения территориями. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1958, с. 73.

⁴⁵ LNTS, Vol. 89, p. 369.

⁴⁶ Общие вопросы см. в: J.M. Mössner. Non-Aggression Pacts // EPIL III, 1997, pp. 596–600.

⁴⁷ LNTS, Vol. 60, p. 146.

⁴⁸ LNTS, Vol. 148, p. 126.

⁴⁹ LNTS, Vol. 131, p. 297.

⁵⁰ LNTS, Vol. 131, p. 309 и Vol. 148, p. 129, соответственно.

дении (см. статью 4 советско-эстонского договора о ненападении) в том, что стороны обязывались представлять все споры между ними к “примирительной процедуре в рамках смешанной Примирительной комиссии”.

Существовал еще один существенный договор, действовавший между Советским Союзом и странами Балтии. По инициативе Советского Союза 3 июля 1933 года Эстония, Латвия, Польша, Турция, Иран, Афганистан и СССР подписали в Лондоне Конвенцию об определении агрессии⁵¹. Положения этой конвенции были позднее распространены на Литву по условиям специального договора, подписанного между СССР и Литвой⁵².

“По предложению Советской делегации” договаривающиеся стороны обязались принять в отношениях между ними определение агрессии, выработанное Комитетом по вопросам безопасности Конференции по сокращению и ограничению вооружений (см. статью 1 Конвенции)⁵³.

Статья 2 Конвенции об определении агрессии гласила:

“Соответственно, агрессором в международном конфликте, при условии действующих между участниками спора соглашений, следует рассматривать то государство, которое первым совершило одно из нижеперечисленных действий:

⁵¹ LNTS, Vol. 147, p. 69. Сопутствующую информацию по данной конвенции см. в: J.F. Triska, R.M. Slusser. *The Theory, Law, and Policy of Soviet Treaties*. Stanford: Stanford University Press, 1962, p. 262 et seq. и C. Rousseau. *Le droit de conflits armés*. 1983, p. 581.

⁵² LNTS, Vol. 148, p. 79.

⁵³ Советские ученые в области международного права подчеркивали значение Конвенции об определении агрессии для развития публичного международного права. Так, Евгений Коровин приходит к следующему выводу при обсуждении уроков Второй мировой войны: “Но действительно огромное теоретическое и практическое значение имеет опыт международного права советского государства по внедрению новых демократических принципов в международную практику и борьбе за их признание. Некоторые стадии и вехи на этом славном пути: (...), советские договоры, касающиеся определения агрессии. (...) Где бы ни возникал вопрос (...) о суверенитете и независимости малых народов и государств — всегда и везде представители СССР были первыми борцами за демократию и международную справедливость, защищая священное дело свободы народов и мира между государствами (...)”. См.: Е.А. Korovin. *The Second World...*, p. 754.

- (1) Объявление войны другому государству;
- (2) Вторжение его вооруженных сил на территорию другого государства с объявлением войны или без него;
- (3) Нападение его сухопутных, военно-морских или военно-воздушных сил на территорию, суда или самолет другого государства с объявлением войны или без него;
- (4) Морская блокада побережья или портов другого государства;
- (5) Предоставление поддержки сформированным на его территории вооруженным группам, которые вторглись на территорию другого государства или отказ, несмотря на обращение другого государства, предпринять на своей территории все необходимые меры для лишения этих групп любой помощи или защиты”.

Кроме того, статья 3 Конвенции об определении агрессии включала следующее положение:

“Никакие политические, военные, экономические или иные соображения не могут служить предлогом или оправданием для агрессии, оговоренной в статье 2”.

В целом можно утверждать, что обязательства по международным договорам между Советским Союзом и странами Балтии запрещали “любую агрессию или насильственные меры”, направленные против любого из договаривающихся государств. Более того, определение агрессии было согласовано в юридически обязывающей форме, что было беспрецедентным для того времени шагом.

(С) Правовая оценка советской политики в отношении стран Балтии в 1939–1940 гг.

Угрозы силой к странам Балтии были впервые применены советским правительством осенью 1939 года, вскоре после подписания пакта Гитлера-Сталина вместе с секретными протоколами⁵⁴. Правительства

⁵⁴ Здесь нет необходимости проводить детальный правовой анализ секретных протоколов к пакту Гитлера-Сталина. Можно коротко указать на то, что с юридической точки зрения данный договор нарушал такие императивные нормы международного права, как независимость государств и запрет на интервенцию. Тем самым секретные протоколы были юридически ничтожны. См.: G.-H. Gornig. Der Hitler-Stalin Pakt: eine völkerrechtliche Studie. Frankfurt

этих государств под давлением уступили советским требованиям, после чего на их территориях были созданы советские военные базы⁵⁵. Некоторые авторы из стран Балтии доказывали, что данные договоры о взаимопомощи должны рассматриваться как юридически ничтожные, поскольку они были заключены под угрозой и даже с открытой демонстрацией военной силы. Согласно этим авторам, уже в 1939 году советская политика в отношении стран Балтии должна расцениваться как агрессия.

Борис Мейсснер возражал против этих доводов. По его мнению, хотя договоры о взаимопомощи и были заключены под давлением и даже в нарушение советско-прибалтийских договоров о ненападении, они все же не должны автоматически рассматриваться как недействительные⁵⁶. В любом случае, в договорах особо подчеркивалось, что сам суверенитет стран Балтии останется неприкосновенным. По мнению автора настоящей работы, позиция Мейсснера более обоснована с правовой точки зрения. Хотя и под давлением, правительства стран Балтии все же согласились с условиями договоров о взаимопомощи и эти договоры применялись на практике более чем полгода, поэтому говорить об их недействительности задним числом было бы фикцией. Кроме того, в то время доминировало мнение юристов, с упором на мирные договоры, согласно которому заключенные под принуждением договоры не были автоматически недействительными⁵⁷.

a.M.: Peter Lang, 1990, p. 86 и H. Lindpere. Evaluation of the Soviet-German Pacts of August 23 and September 28 1939 from the Standpoint of International Law // 1 FVBIL 1990, pp. 415–439. Кроме того, поскольку СССР во время заключения соглашения еще оставался членом Лиги Наций, то он нарушал свои обязательства по Уставу Лиги Наций (например, статью 10). См.: Репе́ска. *Op. cit.*, p. 98 et seq. Позднюю советскую позицию см. также в: Р.А. Мюллерсон. Советско-Германские договоренности в аспекте международного права в: Советское государство и право, № 9, 1989, с. 105–109.

⁵⁵ Юрий Барсегов, один из ведущих советских авторов, критиковал такую политику в контексте “империалистических государств”: “Под видом “сфер влияния”, “долгосрочной аренды”, “занятия и управления”, создания военных баз “в интересах взаимной обороны” империалистические государства с помощью силы добиваются признания за собой прав экстерриториальности в пределах границ формально равноправных и суверенных государств”. См.: Ю.Г. Барсегов. Территория в международном праве. 1958, с. 34.

⁵⁶ См.: Meissner. *Die Sowjetunion...*, 1956, pp. 188–9.

⁵⁷ См., например: H. Lauterpacht. *Private Law Sources and Analogies*. 1927, sections 73–74 at pp. 161–167.

Советские ультиматумы в июне 1940 года, несомненно, были предъявлены с угрозой военной силы⁵⁸. Очевидно, что такие угрозы ставили под удар дух и сущность всех основных договоров, действовавших в то время между Советским Союзом и странами Балтии. Используя такие угрозы, советское правительство нарушало свои обязательства по договорам о ненападении, заключенным им со странами Балтии. Мы можем *gratia argumentandi* согласиться с отчасти легалистской трактовкой действовавших между данными странами договоров, согласно которой *угроза* применения военной силы еще не была агрессией (т.е. вторжение советских вооруженных сил не было настоящим “вторжением”, поскольку правительства стран Балтии согласились с требованиями советских ультиматумов). В то же время невозможно отрицать, что советская политика в отношении стран Балтии летом 1940 года была “направлена против целостности и неприкосновенности территории или политической независимости” этих государств (см. выше формулировки в договорах о ненападении). Следовательно, советская оккупация этих государств летом 1940 года согласно общему международному праву должна быть определена как противоправная интервенция⁵⁹.

Кроме того, даже если по общему международному праву, действовавшему в 1940 году, вопрос о (не)законности применения *угрозы* силой остается спорным в последней инстанции, советская военная блокада июня 1940 года заслуживает недвусмысленной правовой оценки. Фактически, наилучший метод выработки этой оценки был предложен в 1933 году советским Народным комиссаром по иностранным делам Максимом Литвиновым, который представил советскую точку зрения о методе определения агрессора в связи с представлением в Лиге Наций советского определения агрессии. С этой целью следует, во-первых, установить факты и, во-вторых, применить к фактам соответствующее определение. Агрессор в международном конфликте — это государство, которое первым совершает любое из пяти точно

⁵⁸ Кроуфорд пишет, что страны Балтии были “оккупированы и противоправно аннексированы Советским Союзом при обстоятельствах, во время которых применялась сила и принуждение”. См.: J. Crawford. *State Practice and International Law in Relation to Secession* // 69 BYBIL 1998, p. 96.

⁵⁹ Реpečка. *Op. cit.*, p. 132.

определенных действий, список которых советское правительство предложило для принятия в Лиге Наций⁶⁰.

Как известно, представленные в Лиге Наций государства не заключили какого-либо общего договора по определению агрессии⁶¹. Тем не менее, по советской инициативе такое юридически обязательное определение агрессии было принято в 1933 году в Лондоне между СССР и странами так называемого *санитарного кордона*. Согласно этому договору (см. выше), прямое военное нападение было всего лишь одной из форм агрессии, хотя и, разумеется, наиболее существенной (см. подпункт 3 в договоре: агрессия как “нападение сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил”).

Репечка⁶² и Мейсснер⁶³ утверждали, что оккупация Эстонии, Латвии и Литвы Красной Армией в 1940 году нарушила, в частности, подпункт 3 данного договора (агрессия как “вторжение вооруженных сил на территорию другого государства с объявлением войны или без него”), в силу чего вторжение советских войск должно расцениваться как агрессия. Системная интерпретация данной статьи, а именно проводимого в ней различия между “вторжением вооруженных сил”(2) и “нападением сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил”(3), свидетельствует в пользу этого аргумента. Действительно, можно утверждать, что для придания логического смысла данному различию между “вторжением” и “нападением” “вторжение” вооруженных сил могло произойти и после получения согласия от соответствующего правительства, если такое согласие было получено путем угрозы войны.

Такое толкование представляется, тем не менее, спорным. Можно говорить о том, что в конвенции проводится различие между “нападением” (в значении “война”) и “вторжением”, означающем противоправный ввод войск без вооруженного сопротивления (войны). Несмотря на это, необходимое требование для признания такого вторжения “агрессией” заключалось, по-видимому, в наличии вооруженного сопротивления или, по крайней мере, в отсутствии согласия со стороны правительства государства-жертвы, какими бы средствами

⁶⁰ Цит. по: С.А. Pompe. *Aggressive War—an International Crime*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1953, p. 77.

⁶¹ См. также: В.В. Ferencz. *Aggression*, in: R. Bernhardt (ed.) // *EPIL*, Vol. I, pp. 58–65.

⁶² Репечка. *Op. cit.*, pp. 128–129.

⁶³ Meissner. *Die Sowjetunion...*, 1956, pp. 199–200.

оно не было получено. Любая другая интерпретация означала бы, что законную *occipatio pacifica* (ввод в страну советских вооруженных сил в гипотетическом случае подлинного приглашения) следовало бы квалифицировать как “вторжение” и, как неизбежное следствие из этого, как агрессию. Очевидно, договаривающиеся стороны не могли иметь в виду такую трактовку.

В соответствующих договорах не проводится прямо различие между подлинным согласием и “согласием”, достигнутым военной силой (если принятие ультиматума, как это произошло в случае стран Балтии, вообще можно квалифицировать как “согласие”⁶⁴). Разумеется, весь дух договоров, действовавших между Советским Союзом и странами Балтии, не допускает законности таких угроз. И все же запрет на их использование не был упомянут прямо. Один возможный подход к этой ситуации заключается в утверждении, что невключение запрета на угрозу подобными действиями свидетельствует о неполноте данных договоров, которая была в итоге исправлена на глобальном уровне статьей 2(4) Устава ООН. Другой подход заключается в том, что прямое упоминание всех аспектов, которые в нормальной ситуации считаются само собой разумеющимися, свидетельствует об окончательной победе взаимного недоверия между договаривающимися государствами. Так или иначе, но автор настоящей работы, как можно более полно стремясь учесть все возможные контраргументы, отвергает аргументацию Репечки и Мейсснера, согласно которой советское военное вторжение, несмотря на “согласие” правительств государств-жертв, должно быть квалифицировано как “агрессия” в значении, в котором определение этого понятия отразилось в подпункте 2 статьи 2 договора.

Тем не менее, советские военные операции против стран Балтии в июне 1940 года все же следует квалифицировать как агрессию — но по другой причине. Среди различных актов агрессии, перечисленных в Конвенции об определении агрессии, упоминалась, в частности,

⁶⁴ Николай Каасик, ученый в области международного права из Эстонии, отвергал аргумент, согласно которому советский ультиматум мог приобрести правомерный характер ввиду его принятия: “Перед лицом угрозы немедленного начала военных действий правительство Эстонии должно было уступить. Все же подчинение ультиматуму не означает его принятие, выражение согласия со сформулированными там обвинениями; это не придает ультиматуму правомерный характер. Принятый или отвергнутый, ультиматум остается противоправным исходя из находившихся в силе договоров, деликтом...” N. Kaasik. *L'Ultimatum Soviétique à l'Estonie*. 1946, p. 17.

морская блокада побережья и портов. Как было показано выше и в приложениях, существуют неоспоримые свидетельства об установлении Советским Союзом в июне 1940 года именно такой блокады против стран Балтии. Не встречая вооруженного сопротивления, советская армия еще до принятия правительствами этих государств ультиматума Москвы захватила определенные части территории стран Балтии, в частности, остров Найссаар в Эстонии. Следовательно, советская оккупация независимых стран Балтии должна быть квалифицирована как акт агрессии⁶⁵.

Кроме того, советская политика нарушала право на самоопределение народов Эстонии, Латвии и Литвы — права, признанного Советской Россией в мирных договорах с этими государствами и, следовательно, являвшегося частью регионального международного права⁶⁶.

Решение правительств стран Балтии уступить советским ультиматумам не придает законного характера советской оккупации этих государств. Определенная неясность здесь возникает в связи с тем фактом, что лидеры стран Балтии⁶⁷ не высказали публично решительного протеста против советской агрессии и в то время, когда их страны уже были оккупированы, формально одобрили новые “дружественные к СССР” правительства. Невозможно с точностью установить, что помешало президентам стран Балтии выступить с публичными протестами против советской агрессии (до того, как этот вопрос был разрешен путем их депортации в СССР) или какими методами было получено их формальное одобрение на создание “дружественных к СССР” правительств.

Даже оставив без внимания *gratia argumentandi* аспект, касающийся условий предъявления советских ультиматумов, формальное молчаливое согласие лидеров стран Балтии не придает законный характер резким политическим изменениям, осуществленным в первые месяцы советской оккупации. Полномочия президентов стран Балтии были ограничены соответствующими Конституциями и даже их собственное искреннее одобрение политических изменений при советском прав-

⁶⁵ Репе́чка, р. 130 et seq. and 142 et seq.

⁶⁶ См.: В. Meissner. The Occupation of the Baltic States from a Present-Day Perspective, р. 480.

⁶⁷ Как уже указывалось, Президент Литвы А. Сметона бежал из страны 15 июня 1940 года. Следовательно, последующие советские действия в Литве были незаконны даже с наиболее формалистской точки зрения, без учета факта агрессии или физических угроз. См.: Репе́чка, р. 66 et seq.

лении не могло легализовать нарушений конституционной системы⁶⁸. Подлинное согласие лидеров этих государств на изменения в конституционной системе оставалось бы *contra constitutionem*⁶⁹.

Кроме того, существуют серьезные сомнения в искренности воли президентов. Например, в Эстонии Президент Пятс сначала отказался назначить новый кабинет, состав которого был определен советским посольством. Он уступил требованиям только после того, как демонстрация дружественных Советской власти рабочих (частично из Эстонии, частично “импортированных” из СССР) при поддержке советских военных частей окружила президентский дворец в Таллинне 21 июня 1940 года⁷⁰. Очевидно, что после установления советской оккупации в странах Балтии ничто, сопоставимое с реально предпринятым действием, не могло, ни с точки зрения государственного, ни международного права, придать законный или легитимный характер шагам советских властей⁷¹.

С точки зрения международного права в отношении ответственности государств на примере стран Балтии нет никаких оснований говорить о юридически действительном согласии или иных обстоятельствах, устраняющих противоправность. Согласие должно иметь юридическую силу; согласие, данное под угрозой вторжения, не может устранить незаконность военной оккупации территории государства⁷². Противоправность советских действий также не может быть устранена и путем использования аргумента о необходимой самообороне⁷³.

⁶⁸ См. также: Репе́ка, pp. 141–143. Мейсснер выступает против этого аргумента в *Die Sowjetunion...*, 1956, p. 221.

⁶⁹ Неконституционный (*лат.*) — прим. пер.

⁷⁰ См., например: Репе́ка, p. 72.

⁷¹ Существуют также признаки того, что лидеры стран Балтии, пытаясь спасти независимую государственность своих республик, рассматривали свои страны как оккупированные. Когда главнокомандующий эстонской армии Й. Лайдонер направлялся в Нарву для подписания согласия на ввод “неограниченного контингента Красной Армии” на территорию Эстонии, он встретил наступающие советские войска еще по пути в Нарву. Как утверждается, он сказал: “Мы в оккупированной стране”.

⁷² См.: UK, *Judgement of the International Military Tribunal for the Trial of German Major War Criminals*. Cmd. 6964, (1946), p. 17 at pp. 18–19. Трибунал отрицал факт дачи Австрией согласия и указал, что аншлюс был незаконным. См.: *Ibid.* p. 17. См. также: J. Crawford (ed.). *Commentaries on the ILC Draft Articles on State Responsibility*, Article 20.

⁷³ Meissner. *Die Sowjetunion*, 1956, p. 205 et seq.

Единственное, что могло легитимировать действия советского правительства, это коммунистические революции в странах Балтии. Демонстрации рабочих в Риге, Каунасе и Таллинне были организованы под защитой и при прямом участии Красной Армии. Исторические исследования, в особенности мемуары участников событий, подтверждают, что эти демонстрации (типичные “поддельные революции”, по определению Марек⁷⁴) дирижировались Москвой. В странах Балтии едва ли можно было обнаружить какие-либо признаки “революционной ситуации” (определенной Лениным как положение, при котором низы *не хотят*, а верхи *не могут* жить по-старому). Коммунистическая партия Эстонии, к примеру, насчитывала в 1940 году 133 члена (при населении страны 1,5 миллиона человек). Согласно официальным советским данным, коммунистическая партия в Литве насчитывала 25 февраля 1941 года (приблизительно через полгода с начала оккупации) 1500 членов (0,05% населения страны)⁷⁵.

Не может не вызвать удивления, что советская оккупация стран Балтии в июне 1940 года не всегда квалифицировалась западными учеными в области международного права как “акт агрессии”⁷⁶. Для описания советского “поглощения” использовались разнообразные осторожные и двусмысленные эвфемизмы, такие как “инкорпорация” и “присоединение”. Отчасти это может быть связано с ошибочным представлением, согласно которому лидеры стран Балтии “дали согласие” на оккупацию и назначение новых правительств, продиктованных Москвой. После “присоединения” стран Балтии не осталось настоящих правительств (в изгнании), которые могли бы протестовать против советской политики, поэтому замечание Крылова касательно Конвенции об определении агрессии 1933 года (“не было никаких требований применения этих конвенций во время событий, приведших ко Второй

⁷⁴ См.: Marek. Op. cit., p. 64 et seq.

⁷⁵ Репе́чка. Op. cit., p. 155.

⁷⁶ Тем не менее, обратим внимание на вывод Комитета Керстена Палаты представителей Конгресса США в 1954 году: “(...) Советский Союз, не будучи на это спровоцированным, действительно вторгся в 1940 году в Литву, Латвию и Эстонию и установил над ними военный и политический контроль, совершив тем самым акт неспровоцированной агрессии”. См.: Report of the Select Committee to Investigate Communist Aggression and the Forced Incorporation of the Baltic States into the U.S.S.R. Third Interim Report, Washington, D.C., 1954, p. 7.

мировой войне”)⁷⁷ было, с технической точки зрения, столь же верным, сколь и циничным.

Несмотря на это, анализ практики Нюрнбергского трибунала по военным преступлениям дополнительно подтверждает точку зрения, согласно которой Советский Союз совершил агрессию против стран Балтии. Задача Нюрнбергского трибунала состояла в выработке четкой обоснованной юридической оценки агрессивной политики, проводимой лидерами нацистской Германии до и во время Второй мировой войны. К подпадавшим под юрисдикцию Нюрнбергского трибунала преступлениям относились военные преступления, преступления против человечества и, что наиболее важно в контексте данной работы, преступления против мира, которые были определены как “планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны, нарушающей условия международных договоров, соглашений или гарантий, или участие в совместном плане или заговоре с целью осуществления любого из вышеперечисленных действий”.

Хотя большинство германских захватов было несложно квалифицировать в Нюрнберге как “агрессивные войны” (например, против Польши или Советского Союза), другие пограничные случаи оказались более сложными с юридической точки зрения. Германия захватила несколько независимых государств (Австрию, Чехословакию и Данию, прибегая не к военным действиям, а путем угрозы военной силой. Так, президент Чехословакии Е. Гаха в конце концов уступил германским требованиям впустить в страну войска вермахта после угроз Г. Геринга отправить *люфтваффе* бомбить Прагу. До захвата Чехословакии Германия провела без военного конфликта аннексию Австрии в марте 1938 года после того, как канцлер Австрии Шушниг уступил германским угрозам и назначил местного нацистского лидера премьер-министром. В случае Дании вновь возникают небольшие отличия. Дания сдалась без вооруженного сопротивления (хотя некоторые части датской армии оказали сопротивление в первые часы после начала германского вторжения), но король Дании Христиан запретил оказывать сопротивление вторжению германской армии только после того, как вторжение фактически началось⁷⁸.

⁷⁷ С.Б. Крылов. Борьба СССР за мир, в: В.Н. Дурденевский, С.Б. Крылов. Международное право. Институт права Академии Наук СССР. Москва: Юридическое издательство, 1947, с. 578–79.

⁷⁸ Подробнее см.: A. Ross. Denmark's Legal Status during the Occupation. 1 *Jus Gentium* 1949, p. 3 et seq.

Согласно классической интерпретации международного права, захват Германией Австрии, Чехословакии и Дании не являлся “войной”. В этих случаях не было ни “военного конфликта”, ни “состояния войны”⁷⁹. В терминах классической дихотомии “военной” против “мирной” оккупации, чьи недостатки мы уже раскрыли выше, эти действия должны были технически квалифицироваться как “мирные оккупации”⁸⁰. Кроме того, между Германией и захваченными ею государствами не было действующих договоров об определении “агрессии”, которые существовали, к примеру, в случае СССР.

Отсутствие “войны” не рассматривалось Нюрнбергским трибуналом как основание для какой-либо иной трактовки этих случаев, отличной от “агрессивной войны”. Тем не менее, случаи Австрии и Чехословакии, с одной стороны, и Дании с другой, были отделены друг от друга в решении Нюрнбергского трибунала. Отчасти искусственно, случай Дании был оценен как “агрессивная война” (в первую очередь из-за того, что уступка Дании германским требованиям произошла уже после начала вторжения)⁸¹. Согласно решению Нюрнбергского трибунала, Германия совершила “акты агрессии” против Австрии и Чехословакии⁸². Хотя эти случаи не были квалифицированы как “агрессивная война”, соответствующие вторжения все же рассматривались как агрессия. В определенной мере из этого следует парадоксальный вывод, что некоторые оккупации в “мирное время” могут все же рассматриваться как преступления против мира, угрозы миру или даже как акты войны⁸³.

Логика данных юридических решений установить несложно: во всех перечисленных случаях против этих стран была бы развязана война, если бы “сотрудничества” с ними не удалось добиться с помощью устрашения⁸⁴. Для государства, подвергшегося атаке, ответные военные действия были бы неизбежны, если бы последнее попыталось

⁷⁹ Но см. также критику понятия “состояние войны” в: С.А. Pompe. *Op. cit.*, p. 3 and 34 et seq.

⁸⁰ Pompe. *Op. cit.*, p. 24.

⁸¹ См.: I. Brownlie. *International Law and the Use of Force by States*. Oxford: Clarendon Press, 1963, p. 211.

⁸² См.: Judgment, p. 17,19, 93,106. См. также: Brownlie. *Use of Force...*, p. 211.

⁸³ Roberts. *What Is a Military Occupation?* // *BYBIL* 1984, p. 273. См. также решение военного трибунала США от 14 апреля 1949 года в: *US v. Weizsäcker and Others* // *Annual Digest*, 16 (1949), Case No. 118, p. 347.

⁸⁴ Pompe. *Op. cit.*, p. 22.

защитить свою независимость и территориальную целостность⁸⁵. Следовательно, как объяснил К.А. Помп, для Нюрнбергского трибунала эти акты устрашения были равноценны войне или использованию силы на уровне войны⁸⁶. В заключение отметим следующее: практика Нюрнбергского трибунала продемонстрировала, что во время Второй мировой войны “агрессия” могла быть совершена и без начала реальных военных действий⁸⁷.

Нюрнбергские прецеденты имеют для случая стран Балтии только вспомогательное значение. Как было показано выше, советские действия против этих государств подпадают под определение “агрессии”, сформулированное в Конвенции об определении агрессии. Тем не менее, нюрнбергские прецеденты предоставляют важные свидетельства касательно интерпретации международного права в контексте Второй мировой войны. По аналогии с нюрнбергскими прецедентами вторжение СССР в страны Балтии было бы квалифицировано как “агрессия” даже в том случае, если бы в отношениях между ними не действовало юридически обязательное определение агрессии вместе с договорами о ненападении. Трудно не согласиться с логикой Дайниуса Жалимаса:

“Нет никаких оснований расценивать аналогичные действия Советского Союза в 1940 году каким-либо иным образом. Если бы мы встали на противоположную точку зрения, то мы отрицали бы правовую природу международного права. В любой системе права невозможно по-разному квалифицировать аналогичные акты, совершенные при одинаковых обстоятельствах, иными словами, мы не можем расценивать действие одного государства как преступление по международному праву и такое же действие другого государства как законный акт”⁸⁸.

В свете вышесказанного могут быть сделаны следующие выводы. В июне 1940 года Советский Союз совершил акты агрессии против стран Балтии. Несмотря на установленную советской армией воздушную и морскую блокаду, военные действия не начались и, с технической точки зрения, между СССР и этими государствами не было объявлено войны. Тем не менее, оккупация стран Балтии Красной Армией, по

⁸⁵ Pompe. *Op. cit.*, p. 50.

⁸⁶ Pompe. *Op. cit.*, p. 120.

⁸⁷ Критику касательно решения Нюрнбергского трибунала см. в: Marek. *Op. cit.*, p. 302 et seq.

⁸⁸ D. Zhalimas. *Legal and Political Issues...*, p. 110.

своему характеру, существенно ближе была к военной, чем к мирной, хотя и не представляла собой ни первую, ни вторую в чистом виде. Она являлась пограничным случаем между двумя видами оккупации, определенным Альфредом Вердросом как квази-военная оккупация (*occupatio quasi-bellica*) и создавала обязательства для оккупирующего государства по Гаагским конвенциям 1907 года⁸⁹. (Позднее в этом исследовании мы должны будем вернуться к сложному юридическому вопросу о последствиях *occupatio quasi-bellica*, особенно в контексте длительной оккупации и аннексии).

Особенность советской оккупации стран Балтии состоит в том, что оккупирующая держава ни разу не признавала себя таковой. Напротив, правительство СССР постоянно доказывало, что эти государства вступили “в дружественную семью советских республик” по собственной воле. Как было показано выше и во многих предшествовавших работах, данное заявление было попросту ложным. Включение Эстонии, Латвии и Литвы в состав Советского Союза в августе 1940 года после их оккупации в июне того же года не было добровольным актом и должно квалифицироваться как насильственный захват территории, т.е. аннексия. Кроме того, как мы покажем в следующем разделе, высказанные в советской правовой литературе позиции убедительно опровергают правомерность насильственной аннексии.

(D) Незаконность аннексии в международном праве: советские позиции

Мы утверждаем, что не следует игнорировать советскую правовую позицию по вопросу о законности аннексий, поскольку это наиболее справедливый способ установить, что является правомерным, а что запрещается при применении нормативных правил в том виде, в каком они воспринимаются самим данным государством. Советские ученые в области международного права, следуя позиции В.И.Ленина, устанавливали правомерность территориальных приобретений на основе принципа самоопределения народов, а не на праве государств на суверенитет⁹⁰. Согласно Ленину, аннексия это — “нарушение права

⁸⁹ См.: A. Verdross. *Völkerrechtliche Identität von Staaten...*, p. 20.

⁹⁰ Подробнее см.: P. Morre. *Die Änderung der staatlichen Gebietshoheit nach sowjetischer Völkerrechtslehre und Völkerrechtspraxis, mit besonderer Berücksichtigung des Annexionsverbots*. Dissertation, Münster, 1967, p. 147 et seq.

народов на самоопределение, установление границ государства против воли населения”⁹¹. 8 ноября 1917 года II Всероссийский съезд советов принял “Декрет о мире”, составленный Лениным. Аннексия была определена в следующем сложном абзаце:

“Под аннексией, или захватом, чужих земель Правительство понимает, сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет”⁹².

Логическое следствие из советской концепции аннексии заключалось в том, что решающим критерием правомерности территориальных изменений становилась воля населения соответствующих территорий. Такая концепция позволяла придать законный характер аннексиям, совершенным вопреки *государству* (правительству), но поддержанным *населением* соответствующего государства⁹³.

Доступные советские правовые источники подтверждают точку зрения, согласно которой уже в отношении периода Второй мировой войны насильственные захваты рассматривались советским правительством и учеными как противоправные, по крайней мере в случае, если эти захваты нарушали право народов на самоопределение⁹⁴. Как ни парадоксально, но эта позиция наблюдается в советской международно-правовой литературе, среди прочего, и в трактовке

⁹¹ См.: V. Lenin. Collected Works, Vol. XIX, p. 304. Цит. по: Morr , p. 147.

⁹² См., например: Документы внешней политики СССР. Том I, Москва, 1957, с. 12. Можно, разумеется, утверждать, что “Декрет о мире” был политическим, а не правовым документом. В то же время, формулировки Декрета свидетельствуют о глубокой нормативной убежденности советского правительства.

⁹³ См.: Morr . Op. cit., pp. 156, 165 and 176.

⁹⁴ См. также концепцию “этнического принципа” Барсегова, согласно которой нации устанавливают свои “национальные территории”, в результате чего их границы могут быть изменены только в соответствии с принципами права народов на самоопределение. См.: Ю.Г. Барсегов. Территория в международном праве, с. 128 и последующие.

случая стран Балтии. В рамках советской позиции никогда не делалось утверждений о законности аннексии (в 1940 году), а, напротив, что балтийские народы “добровольно обратились с просьбой” о присоединении к СССР, т.е. реализовали свое право на самоопределение. Следовательно, с правовой точки зрения, советская позиция была всегда основана на иной интерпретации фактов, а именно, что “социалистические революции” свергли “буржуазные” правительства стран Балтии, после чего новые “народные правительства” организовали выборы, в результате которых парламенты этих государств обратились с просьбой принять их в состав СССР. Эти запросы были удовлетворены⁹⁵.

Если мы отвергнем советскую трактовку фактов в случае стран Балтии, то советская позиция по правовому статусу аннексии определенно подчеркивает противоправность самой советской практики. Словами Юрия Барсегова:

“Завоевание и порабощение полностью противоречат нормам современного международного права. Основой завоевания, как и основой покорения, служит применение неприкрытого насилия. Следовательно, завоевание и покорение несовместимы со свободным самоопределением населения. Несовместимы они также и с принципами территориальной целостности и неприкосновенности государственной территории... В целом ряде международных актов... отрицается юридическая сила территориальных приобретений, полученных под угрозой войны или в результате завоевания с применением силы оружия. В частности, мирные договоры 1947 года, которыми завершилась Вторая мировая война, аннулировали территориальные изменения, совершенные державами оси”⁹⁶.

В случае стран Балтии территориальные изменения были совершены, впрочем, не державами оси, а одним из победителей во Второй мировой войне. Хотя это обстоятельство не имеет значения с точки зрения права, оно имело важные последствия с практической перспективы политики силы.

⁹⁵ См., например: Ю.Г. Барсегов, *Территория...*, с. 88 и последующие. Разрыв между советской правовой доктриной и практикой показан в: E. Kordt. *Ungleicher Vertrag und Annektion im sozialistischen Völkerrecht und in der Staatenpraxis sozialistischer Länder*. FS Hermann Jahrreiss, Köln: Carl Heymanns Verlag, 1964, pp. 201–220.

⁹⁶ Ю.Г. Барсегов, *Территория...*, с. 94.

(Е) Незаконность советской аннексии: общие выводы

На основе проведенного выше анализа автор приходит к заключению, что аннексия Советским Союзом стран Балтии в 1940 году была противоправным актом по международному праву. Эта аннексия произошла в нарушение как минимум двух фундаментальных норм международного права, регулировавших межгосударственные отношения СССР и стран Балтии: запрет на применение силы и право народов на самоопределение. Выше был раскрыт непоследовательный характер утверждения, согласно которому противоправность применения силы не означает незаконности аннексии.

В то же время, созданная этими противоправными актами ситуация длилась в случае стран Балтии в течение полувека. Следовательно, необходимо задаться вопросом о том, не была ли незаконность аннексии в известной мере “исправлена” за этот долгий период.

3. Право давности и советское правление в незаконно аннексированных странах Балтии

(А) Понятие права давности в международном праве

В международно-правовой литературе широко обсуждался вопрос о том, существует ли институт права давности — представленный в правовых системах практически всех стран — в сфере международного права. До какой степени изначально незаконный акт может быть “исправлен” с течением времени, например, может создать правооснование на владение территорией, приобретенной с применением силы? В какой момент времени международным правом признается *die normative Kraft des Faktischen*⁹⁷ и придается законная сила *fait accompli*⁹⁸?

⁹⁷ О начальном этапе этой доктрины см.: G. Jellinek. Allgemeine Staatslehre. 1914, p. 340 et seq.

⁹⁸ Обсуждение см. в: C. Bilfinger. Vollendete Tatsachen und Völkerrecht—Eine Studie. 15 ZaöRV 1953/54, pp. 453–481.

В ранних работах по международному праву таких авторов, как Гуго Гроций⁹⁹, Христиан Вольф и Эмер де Ваттель¹⁰⁰, а также в ранней версии англосаксонской доктрины, институт права давности признается с определенными оговорками¹⁰¹. В то же время, Иоганн Якоб Мозер сожалел о том, что, хотя юридическая доктрина права давности имеет первостепенное значение для международного мира и безопасности, международное право не содержит никаких указаний по поводу разрешения претензий, предъявляемых государствами на территории, занятые другими государствами¹⁰². Георг фон Мартенс также указывает, что европейские державы применяют принцип права давности непоследовательно и отсутствует какой-либо общепризнанный временной срок¹⁰³. Тем не менее, институт права давности признавался и применялся в XX веке при разбирательстве ряда споров в международном третейском суде¹⁰⁴. Поэтому данный принцип, хотя и толкуемый неоднозначно во все времена, оставался составной частью классического международного права¹⁰⁵. Доктрина права давности оставалась ключевым институтом международного права с точки зрения требований соответствия действительности. Если бы данный институт не существовал, то международное право само могло бы превратиться в неэффективный и несущественный институт из-за несоответствия в долгосрочной перспективе права и существующей действительности.

⁹⁹ Н. Grotius. *De iure belli ac pacis*, lib ii., Cap. 4, §§ 1, 7, 9.

¹⁰⁰ E. Vattel. *Le droit des gens ou principes de la loi naturelle*, liv. ii, chap. XI, § 147.

¹⁰¹ Дальнейшие ссылки см. в: В. Wiewiora. *Uznanie nabytków...* (The Recognition of the Territorial Acquisitions in International Law) 1961, p. 163.

¹⁰² См.: J.J. Moser. *Versuch des neuesten Europäischen Völkerrechts in Friedens- und Kriegszeiten*. Book I, Chapter 1, 1777, pp. 24–25.

¹⁰³ G. von Martens. *Précis du droit des gens moderne de l'Europe, fondé sur les traités et l'usage*. 2e ed., Göttingen: Henri Dietrich, 1801, pp. 64–67.

¹⁰⁴ См.: Chamizal, RIAA XI, 1911, p. 318; Grisbadarna (1909) in: Scott. *The Hague Court Reports* 1916, p. 487 et seq. См. также: Island of Paimas, RIAA II, p. 839 (“... непрерываемая и мирная демонстрация суверенитета над территорией (мирная в отношении других государств) эквивалентна правовому титулу”) и *Minquiers and Ecrehos*. ICJ Reports 1953, p. 47 et seq.

¹⁰⁵ Качественный обзор и критику доктринальных воззрений см. в: G. Zimmer. *Gewaltsame territoriale Veränderungen und ihre völkerrechtliche Legitimation*. Berlin, 1971, pp. 46–67; E.A. Belgrad. *The Theory and Practice of Prescriptive Acquisition in International Law*. Dissertation, Johns Hopkins U., Baltimore, 1967.

В то же время, после вступления в силу Устава ООН стали все громче раздаваться голоса, выступавшие против института приобретательской давности¹⁰⁶. Часть правовой доктрины все еще поддерживает точку зрения о том, что институт приобретательской давности является общим правовым принципом, по-прежнему признаваемым международно-правовой системой¹⁰⁷. Тем не менее, после отмены *droit de conquête*¹⁰⁸ стало весьма сомнительным, что право давности может применяться по отношению к территории, захваченной незаконно по Уставу ООН¹⁰⁹. И все же, поскольку аннексия стран Балтии произошла в 1940 году еще до вступления в силу Устава ООН, следует исходить из предположения, что институт права давности в принципе мог бы иметь значение в процессе рассмотрения ситуации стран Балтии.

(i) Временной фактор как объективный элемент в анализе права давности?

В международно-правовой литературе вызывал споры вопрос о том, имеет ли промежуток времени независимое, объективное значение, подкрепляющее право давности¹¹⁰. Укрепляется ли по прошествии ста лет ситуация из-за длительного периода времени или же из-за того, какое значение государства придают временному фактору? В странах Балтии советское правление длилось около 50 лет, т.е. очень долгий

¹⁰⁶ См., например: Langer. *Forcible Seizure...* и Verdross-Simma. *Universelles Völkerrecht*, p. 759, § 1163. О негативных точках зрения польских ученых в области международного права см.: Wiewiora, *Uznanie...*, 1961, p. 147 et seq. (“Право давности предполагает постоянство, ненарушаемость и неоспариваемость”).

¹⁰⁷ См., например: Dahm/Delbrück/Wolfrum. *Völkerrecht*, Bd. I/I, p. 365; Seidl-Hohenveldern, *Völkerrecht*, 1997, Rdnr. 1157; D.H.N. Johnson. *Acquisitive Prescription in International Law* // 27 *BYIL* 1950, p. 353; Doehring, *Effectiveness*, in: *EPIL* 7, 1984, p. 73.

¹⁰⁸ Право на завоевание (*франц.*) — прим. пер.

¹⁰⁹ Но см. также: С.А. Fleischhauer. *Prescription* // *EPIL* 10, 1987, p. 330.

¹¹⁰ Общие вопросы см. в: М. Kohen. *Le droit international et le temps*, in: *Société française pour le droit international. Colloque de Paris*, Paris: Pedone, 2001, pp. 129–157 и, в контексте правопреемства государств: W. Fiedler. *Der Zeitfaktor im Recht der Staatensukzession*, in: *Staat und Recht. Festschrift für Günther Winkler*. Wien: Springer, 1997, pp. 217–235.

срок, сопоставимый со средней продолжительностью жизни во многих странах мира.

Джо Верховен указывает на присутствие важного различия между случаем оккупации Кувейта Ираком в 1990 году и примером стран Балтии (1940–1991 гг.), а именно — на временной фактор. Оккупация Кувейта длилась 6 месяцев, стран Балтии — 50 лет¹¹¹. Для Шарля де Вишера время само по себе было принципиальным фактором, подкрепляющим право давности¹¹². Несколько других специалистов по международному праву вводили в дискуссию временной фактор, указывая, что прекращение существования государства происходит тогда, когда не остается разумной вероятности на восстановление независимости данного государства¹¹³. Доринг, используя данный аргумент среди прочих, объясняет таким образом продолжение существования германского государства после Второй мировой войны и случай аннексированной Германией Австрии¹¹⁴. Георг Дам утверждает, что протесты и формальное непризнание не могут предотвратить применения права давности, источник которого лежит скорее в самой *normative Kraft des Faktischen*¹¹⁵.

Исторически, когда запрет на применение силы и угрозу силой еще не был абсолютной нормой, временной фактор, несомненно, играл более важную роль в вопросе о прекращении существования/континуитете государства¹¹⁶. Тем не менее, уже в 1930-е гг. “временной фактор” интерпретировался более контекстуально, ввиду появляющегося аспекта противоправности. Народный комиссар иностранных дел СССР Максим Литвинов, к примеру, заявил в связи с оккупацией Австрии и Чехословакии: “Мы должны учесть не только вопрос о том,

¹¹¹ J. Verhoeven. *La reconnaissance...*, p. 37.

¹¹² См.: С. de Visscher. *Théories et réalités en droit international public*. 1967, p. 256 (“Время выступает фактором в юридическом укреплении”).

¹¹³ К. Doehring. *Völkerrecht*, p. 71. “Уничтожение государства в результате утраты им способности управлять государством (...) — признается всерьез только тогда, когда больше не существует рационального шанса на его восстановление в будущем”.

¹¹⁴ Ibid.

¹¹⁵ См.: G. Dahm. *Völkerrecht*, Stuttgart, 1958, I Band, pp. 593–595. Ср.: J. Charpentier. *La reconnaissance internationale et l'évolution du droit des gens*. Dissertation, Paris, 1956, p. 158.

¹¹⁶ Рассмотрение аспекта “временного фактора” в деле об аннексированных странах Балтии см. в решении Гражданского суда Германии: LG Göttingen of 25.5.1948, MDR 1948, p. 361 et seq.

прекратилась ли борьба между агрессором и его жертвой, но также — если такая борьба имела место некоторое время — существуют ли шансы на ее возобновление и, кроме того, нам следует учесть и другие обстоятельства, которые могут привести к изменениям в ситуации, созданной агрессивными актами насилия”¹¹⁷. Весьма сомнительно, чтобы временному фактору придавалась в международном праве какая-либо независимая “объективная” роль при решении вопросов о прекращении существования или континуитете государств в случаях незаконных аннексий. Совокупность норм современного международного права включает норму, запрещающую признание незаконных аннексий; временной фактор привел бы к зависимости международной правосубъектности незаконно аннексированного государства от быстрого и эффективного успеха или неудачи освобождения. Это было бы произвольным критерием; в этом смысле незаконность аннексии едва ли может быть ликвидирована по прошествии времени. “Существование” Кувейта спустя 5 месяцев после его незаконной аннексии Ираком было бы фикцией в той же мере, в какой ей являлось “существование” стран Балтии в 1980-е гг., в период их незаконной аннексии СССР.

В контексте международного права, действовавшего в 1940 году и в последующие десятилетия до принятия нормы об обязательном непризнании, временной фактор *мог* играть существенную роль для правового статуса, но только такую роль, какая приписывалась ему “изгнанным сувереном” и третьими государствами, т.е. не “объективную” роль.

¹¹⁷ 19 LNOJ at 341 (1938).

(ii) Критерии анализа права давности

Концепция права давности сэра Херша Лаутерпахта может послужить основой для дальнейшего анализа. Лаутерпахт определял право давности как *“приобретение суверенитета над территорией посредством осуществления над ней непрерывного и ненарушаемого суверенитета в течение такого периода, который требуется для создания, под влиянием исторического развития, общего убеждения в том, что текущее состояние дел не противоречит международному порядку”*¹¹⁸. Лаутерпахт поддерживал институт права давности в международном праве и видел его рациональную основу, также как и в случае внутреннего права, в соображениях стабильности и порядка¹¹⁹. Он подчеркивал невозможность установить общее правило в отношении продолжительности временного отрезка и других обстоятельств, требующихся для создания правооснования посредством права давности: все зависит от конкретного случая¹²⁰. Тем не менее, он придерживался точки зрения, что *“пока другие государства продолжают выдвигать протесты и требования, фактическое осуществление суверенитета не является ненарушаемым и отсутствует требуемое общее убеждение в том, что текущее состояние дел не противоречит международному порядку. Но после прекращения таких протестов и требований, если они изначально выдвигались, фактическое владение перестает чем-либо нарушаться и, таким образом, при определенных обстоятельствах дела могут достигнуть состояния, при котором они не противоречат международному порядку”*¹²¹.

Как многократно подчеркивается в доктрине международного права, не существует какого-либо временного предела для права давности¹²². В международно-правовой литературе были случаи, когда право давности отрицалось и при более долгих периодах, чем полвека. Например, Петр Ласки доказывал, что право давности неприменимо в Польше после ее разделов (1795–1919 гг.), а также ввиду многократных

¹¹⁸ H. Lauterpacht (ed.). *International Law. A Treatise*. 8th ed., 1955, p. 576.

¹¹⁹ *Ibid*, p. 576.

¹²⁰ *Ibid*, p. 576.

¹²¹ *Ibid*, p. 576–577.

¹²² Многочисленные примеры см. в: D. Blumenwitz, “*ex factis ius oritur*”—“*ex injuria ius non oritur*”, in: B. Meissner, G. Ziegler (Hg.). *Staatliche und nationale Einheit Deutschlands—ihre Effektivität*. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1984, p. 55 и Zimmer. *Op. cit.*, p. 52.

польских восстаний¹²³. Следовательно, даже 50-летний срок не может служить окончательным аргументом, подкрепляющим право давности.

Представляется, что Ласки резюмирует представленные в правовой доктрине аргументы, когда он доказывает, что право давности может быть подтверждено только, если ситуация окончательно стабилизировалась. Необходимая для применения права давности стабильность может нарушаться предыдущим сувереном, действующим солидарно международным сообществом, и, что не менее важно, населением соответствующей территории, *“чье сопротивление приводит к использованию силы, означая тем самым, что осуществление суверенных прав более не протекает мирным способом”*¹²⁴.

Таким образом, мы можем выделить три важных элемента в анализе права давности: позиция “изгнанного суверена” (правительства), позиция третьих государств и отношение “покоренного” народа. Следовательно, нам необходимо проанализировать в контексте данных элементов вопрос о правовом континуитете или прекращении существования стран Балтии. Из этих трех элементов наиболее “заметную” роль, по крайней мере, с точки зрения ученых-юристов, в рамках политики непризнания играла позиция третьих государств.

(В) Непризнание советской аннексии стран Балтии: право и политика

(i) Понятие непризнания в истории

Доктрина непризнания исторически применялась в основном для достижения политических целей. По отчасти различным причинам и в различных сферах интересов европейские монархии и США в XIX веке настаивали на непризнании изменений в управлении государством, вызванных революцией. В XIX и начале XX века непризнание использовалось в реализации империалистической политики¹²⁵. Окончатель-

¹²³ P. Laski. The Prescription in International Law—Some Remarks // 23 Polish YBIL 1997–1998, p. 225 et seq.

¹²⁴ Laski. Op. cit., p. 225.

¹²⁵ По вопросу о политике США в Латинской Америке см.: Anonymus. Non-recognition: A Reconsideration, 22 // The University of Chicago Law Review 1954–1955, p. 261 at 271 et seq.

ная цель непризнания заключалась в изменении нежелательной ситуации или в достижении иных желаемых политических целей. Уже в ранней практике государств непризнание сопровождалось отрицанием действительности по нормативным или идеологическим причинам: например, отказ США признавать советское правительство в России до конца 1920-х гг. Критики говорили о том, что за непризнанием могут стоять благие намерения, но, поскольку оно не может фактически служить эффективной санкцией, непризнание “ведет только к дальнейшей нестабильности”¹²⁶. Выступая в Американском обществе международного права в 1941 году, Герберт В. Бриггс продемонстрировал извечную потребность юристов принимать решения исходя либо из фактов, либо из нормативных ожиданий, и высказался против непризнания: “Может быть приведено весьма много доводов в пользу уделения внимания фактам”¹²⁷.

(ii) Доктрина Стимсона

Доктрина непризнания аннексии, произведенной с незаконным применением силы, была впервые использована после принятия пакта Бриана-Келлога в 1928 году¹²⁸. Впрочем, применение доктрины в практике государств сначала не было единообразным и последовательным¹²⁹. Аннексия стран Балтии привела к возникновению одного из первых, если вообще не *первого* случая, когда — несмотря на все факты и реалии — законность аннексии *непрерывно* отрицалась в практике значительной части государств.

Доктрина непризнания результатов агрессии была сформулирована государственным секретарем США Генри Л. Стимсоном по случаю японской агрессии в Маньчжурии в 1932 году¹³⁰. Основой для доктрины Стимсона послужило заключительное предложение соответствующей дипломатической ноты США:

¹²⁶ Н.В. Briggs. Non-recognition of Title by Conquest and Limitations of the Doctrine // 34 Am. Soc’y Int’l L. Proc. 1940, p. 72 at 81–82.

¹²⁷ Ibid, at 82.

¹²⁸ См.: Langer. Seizure of Territory, 1947, p. 46 et seq.

¹²⁹ См.: Ibid, p. 123 et seq.

¹³⁰ См.: Langer. Op. cit., p. 50 et seq. См. также: P.C. Jessup. The Birth of Nations. 1974, p. 305 et seq.

“и что оно (т.е. правительство США) не намеревается признавать какую-либо ситуацию, договор или соглашение, которые были достигнуты вопреки условиям и обязательствам по Парижскому пакту 27 августа 1928 года, сторонами в котором выступают как Китай и Япония, так и США”¹³¹.

Доктрина немедленно вызвала позитивный резонанс среди других государств, в особенности на американском континенте¹³². Ассамблея Лиги Наций, имея в виду маньчжурскую ситуацию, также приняла 11 марта 1932 года резолюцию, согласно которой

“... на членах Лиги Наций лежит обязанность не признавать любую ситуацию, договор или соглашение, которые могли быть созданы средствами, противоречащими Уставу Лиги Наций или Парижскому пакту”¹³³.

В литературе обсуждалось, не создала ли уже резолюция Ассамблеи Лиги Наций от 11 марта 1932 в сочетании со статьей 10 Устава Лиги

¹³¹ Текст см. в: 26 AJIL 1932, p. 342.

¹³² См. Декларацию Чако 3 августа 1932 года, в которой 19 американских республик провозгласили: “Американские государства также заявляют, что они не станут признавать ни какое-либо территориальное переустройство, которое не было достигнуто мирными средствами, ни законную силу территориальных приобретений, которые могли быть получены посредством оккупации или захвата с использованием вооруженных сил”. См. также Пакт Сааведра Ламаса о ненападении и примирении 10 октября 1933 года, в котором 21 американская республика и 11 европейских государств заявили, что “территориальные споры между высокими договаривающимися сторонами не должны разрешаться посредством насилия и что они не станут признавать ни какое-либо территориальное переустройство, не достигнутое мирными средствами, ни законную силу оккупации или территориальных приобретений, которые могли быть достигнуты с использованием вооруженных сил”. См.: LNTS 163 (1935–6), p. 393. Наконец, в статье 11 Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств от 26 декабря 1933 года устанавливается, что “Договаривающиеся государства ясно устанавливают в качестве нормы своего поведения четкое обязательство не признавать территориальных приобретений или особых преимуществ, которые были получены при помощи силы... Территория государства неприкосновенна и даже временно не может становиться объектом военной оккупации или иных насильственных мер, примененных другим государством в прямой или косвенной форме по каким бы то ни было мотивам”. См.: LNTS 165 (1936), p. 19.

¹³³ Подробнее см.: Репе́рка. *Op. cit.*, p. 216 et seq.

юридическую обязанность непризнания¹³⁴. Хотя некоторые ученые настаивали на возникновении такой обязанности, по крайней мере для проголосовавших за резолюцию государств, другие отказывались признавать за ней такие правовые следствия, поскольку резолюция не была договором. Особенно проблематичной представляется практика государств в конце 1930-х годов, когда практически все государства, включая и страны Балтии, в конце концов, признали аннексию Эфиопии и Австрии. Юристы-международники не проявляли желания доказывать, что данные государства нарушили установленный ими же *правовой* стандарт.

Роберт Лангер приходит к выводу, что “в вопросе сохраняются определенные сомнения”¹³⁵. Тем не менее, хотя непризнание в 1932 году еще не стало юридически обязательной нормой, позиции соответствующих государств играли существенную роль в укреплении и последующем превращении политического принципа в правовой, приведении его к статусу *opinio iuris*.

При изучении случая стран Балтии особый интерес представляет советская точка зрения по маньчжурскому вопросу, высказанная в ноте от 7 марта 1933 года:

“С начала своего существования советское государство провозглашало, как основной принцип своей политики право народов на самоопределение в условиях свободы высказывать свои желания и в отсутствии любого внешнего давления; оно в самой решительной форме выступало против аннексий и контрибуций как результата военных завоеваний или насильственной оккупации. Эти принципы логически приводят к абсолютному уважению территориальной целостности и политической, социальной, экономической и административной независимости всех государств, к недопустимости разрешения международных конфликтов немирными средствами и в возможно более ясной форме к строгому уважению международных соглашений, в которых отражены эти принципы...”¹³⁶

¹³⁴ Обсуждение см. в: Langer. Op. cit., p. 95 et seq.

¹³⁵ Langer. Op. cit., p. 98.

¹³⁶ Цит. по: Репе́чка. Op. cit., p. 217. Согласно Репечке, данная декларация свидетельствует о том, что уже в 1933 году СССР официально отвергал аннексию как возможность для получения правооснования. См.: pp. 217–218.

(iii) Непризнание советской аннексии на примере стран Балтии

В случае аннексии стран Балтии отношение государств не было полностью единообразным¹³⁷. Поскольку ранее уже были проведены подробные исследования, посвященные дипломатической истории непризнания аннексии этих государств¹³⁸, то нет необходимости вновь приводить здесь все относящиеся к делу факты. По критерию позиции в отношении аннексии балтийских стран государства могут быть разделены на четыре группы. Основой для такой классификации служит противоречивое различие между признаниями де-факто и де-юре. Хотя такое различие рассматривалось рядом авторов как “недопустимое в международном праве”¹³⁹, несколько государств использовали его в «балтийском случае».

В первую группу входят некоторые западные страны, в особенности США, которые никогда не признавали советскую аннексию стран Балтии ни де-юре, ни де-факто¹⁴⁰. Как следствие проводимой США политики непризнания, дипломатические миссии стран Балтии

¹³⁷ В 1941 году Макаров даже пришел к предварительному заключению, что в водовороте Второй мировой войны аннексия стран Балтии была признана всеми, кроме Португалии. См.: N. Makarov. Die Eingliederung der baltischen Staaten in die Sowjet-Union. *ZaöRV* 1941, pp. 705–706.

¹³⁸ См.: W.J.H. Hough, III. The Annexation of the Baltic States and its effect on the Development of Law Prohibiting forcible Seizure of Territory // 6 *New York L.S.J.Int'l. L.*, 1985, p. 391 et seq. См. также: V.J. Riisman. The Continued Legal Existence of the Baltic States // 12 *The Baltic Review* 1957, p. 48 et seq.; Repečka. *Op. cit.*, p. 282 et seq.

¹³⁹ Микаэль К. ван Вальт ван Праг утверждает, что “государство не может существовать фактически (...) если оно не существует в юридическом смысле. (...) Термины “де-факто” и “де-юре” используются в процессе признания только в том случае, если различные правопритязания на территорию остаются неурегулированными и признающее государство стремится не связывать себя обязательствами в пользу другого претендента”. См.: *The Status of Tibet. History, Rights, and Prospects in International Law*. Boulder: Westview Press, 1987, p. 99.

¹⁴⁰ О более ранних прецедентах в судах США см.: *The Maret, A.D. Case No. 9 (1943/45)*; *A/S Merilaid, A.D. Case No. 6 (1947)*. См. также: M. Whiteman. *Digest of International Law, Vol. 5, US Department of State, 1965*, p. 942, H.W. Briggs. *Non-recognition in the Courts: the Ships of the Baltic Republics* // 37 *AJIL* 1943, p. 585–596 и L. Juda. *United States' Non-recognition of the Soviet Union's Annexation of the Baltic States: Politics and Law* // 6 *JBS* 1975, pp. 272–290.

продолжали функционировать в США на протяжении всех пяти десятилетий советского правления, во все время которого США продолжали подтверждать свою политику непризнания в дни национальных праздников трех государств. Правительство США рассматривало заключенные им со странами Балтии договоры как не утратившие своей силы¹⁴¹; его списки государств мира продолжали включать три независимых балтийских республики с соответствующим примечанием, что США не признают их включения в состав СССР¹⁴².

Непризнание советского захвата особенно подчеркивалось в годы администрации Рейгана, когда в США в 1982 году был официально введен День свободы стран Балтии (*Baltic Freedom Day*). В качестве даты было выбрано 14 июня — день, когда в 1941 году были проведены первые массовые советские депортации в странах Балтии и других аннексированных Советским Союзом территориях в Восточной Европе. 26 июля 1983 года, по случаю 61-ой годовщины признания трех стран Балтии де-юре, посол США в ООН Джин Дж. Киркпатрик передала Генеральному Секретарю ООН декларацию о продолжении непризнания советского правления в странах Балтии¹⁴³.

Ватикан и Ирландия также никогда не признавали включение Эстонии, Латвии и Литвы в состав СССР ни де-юре, ни де-факто.

Вторая и, вероятно, наиболее многочисленная группа государств, куда входит и большинство западных стран, никогда не признавала советскую аннексию де-юре, но признавала ее де-факто. В эту группу государств входили Австралия, Бельгия, Бразилия, Великобритания¹⁴⁴, Венесуэла, Греция, Гватемала, Дания, Канада¹⁴⁵, Китай, Колумбия,

¹⁴¹ Ср.: *Treaties in Force — A List of Treaties and Other International Agreements of the United States in Force on January 1, 1983*. Washington, Department of State, 1983, p. 102.

¹⁴² См.: R.J. Misiunas. *Sovereignty Without Government: Baltic Diplomatic and Consular Representation, 1940–1990*, in: Y. Shain (ed.). *Governments-in-Exile in Contemporary World Politics*. New York: Routledge, p. 137.

¹⁴³ E. Jaakson. *Eestile (Эстонии)*. Tallinn: SE & JS, 1995, p. 312.

¹⁴⁴ См., например, направленный в суд меморандум министерства иностранных дел Великобритании в деле “*AJS Tallinna Laevaühisus and others v. Tallinna Shipping Company, Ltd., and Estonian State Steamship Line*”, (1946) 79 LLR 245 at p. 251: “I. Правительство его величества признает правительство Эстонской Советской Социалистической Республики в качестве правительства Эстонии де-факто...”

¹⁴⁵ См.: *Estonian State Cargo and Passenger S.S. Line v. Laane and Boutser (The Elise)*, A.D. Case No. 50 (1948). См. также: *House of Commons Debates*, May 19,

Коста-Рика, Люксембург, Мальта, Мексика, Норвегия, Парагвай, Португалия, Турция, Уругвай, Франция¹⁴⁶, ФРГ¹⁴⁷, Чили, Швейцария, Эквадор и Югославия. Например, посольство Великобритании в Москве не вступало в официальные сношения с государственными органами советских прибалтийских республик¹⁴⁸. В 1980-е гг. стало ясно, что риторика лидеров этих стран во многих случаях делала все менее и менее релевантным проведение различия между признанием советской аннексии де-юре и де-факто, по крайней мере, с политической точки зрения. Так, министр иностранных дел Франции Клод Шейсон заявил во французском сенате 16 декабря 1981 года:

“Франция никогда не признавала совершенную Советским Союзом в 1940 году аннексию Эстонского, Латвийского и Литовского государств. Францией с тех пор не было предоставлено ни прямого, ни молчаливого признания. Эта точка зрения была подтверждена Президентом Республики в 1975 году при подписании Хельсинкского заключительного акта, когда он указал, что “с точки зрения Франции,

1987, p. 6229, printed in 26 CanYBIL 1988, p. 336 et seq. (“Эти меры подтверждают, что Канада продолжает отрицать правомерность советского контроля над странами Балтии — факт, который был должным образом отмечен советскими властями”).

¹⁴⁶ См.: *Gebraud v. Meden*, France, Cour de Cassation, January 10, 1951, где было постановлено: “Не было никакого акта международного масштаба, который бы прекратил существование латвийского государства. Никакой договор не подтверждает прекращение его существования как субъекта юридических прав и обязательств. Соответственно, суд низшей инстанции вынес верное постановление о том, что “пока мирный договор не решил будущее Латвии, нельзя говорить о том, что латыши остались без государства” // 18 ILR 1951, p. 288–289. См. также заявление министра иностранных дел Роланда Дюма в: *Le Monde*, 12.3.1990 и обзор французской позиции в: J. Huntzinger. *La renaissance des Etats Baltes*. 1994, p. 48 et seq.

¹⁴⁷ См., например, позицию федерального правительства, высказанную 8 ноября 1985 года, в: *Verhandlungen des Deutschen Bundestages, Stenographische Berichte*, 172. Sitzung, Bd. 134, p. 12959, где государственный министр Меллеман, отвечая на вопрос депутата д-ра Хупка, сказал: “Федеральное правительство не признало аннексию стран Балтии СССР. Эта позиция высказывалась в различных декларациях федерального правительства, а также в Бундестаге”. Обзор решений немецких судов в британской и американской оккупационных зонах, подтверждающих продолжение юридического существования гражданства стран Балтии см. в: H. Jellinek. *Der automatische Erwerb und Verlust...* 1951, p. 172 et seq.

¹⁴⁸ См.: HC Debs., vol. 82, WA, col. 273: 5.7.1985, printed in: 56 BYBIL 1985, p. 390.

подписанные [в настоящий момент] тексты не означают признания ситуаций, которые Франция не признала бы в ином случае”¹⁴⁹.

Непризнание в Европе было также выражено и в нескольких коллективных декларациях, наибольшее значение из которых имели декларации Консультативной Ассамблеи Совета Европы. В резолюции номер 189 (1960) о ситуации в странах Балтии, приуроченной к 20-й годовщине их насильственного включения в состав СССР и принятой Ассамблеей 29 сентября 1960 года (20-е заседание), заявлялось:

1. Ассамблея,
2. В двадцатую годовщину оккупации и насильственного включения в состав Советского Союза трех европейских государств Эстонии, Латвии и Литвы,
3. Отмечает, что противоправная аннексия произошла без учета подлинной воли народа;
4. Выражает свое сочувствие страданиям народов стран Балтии и заверяет их в том, что они не забыты остальными европейцами;
5. Уверена в том, что коммунистический гнет не сможет сломить их дух и веру в свободу и демократию;
6. Отмечает, что независимое существование стран Балтии по-прежнему признается де-юре значительным большинством правительств государств свободного мира;
7. Призывает правительства государств-членов оказать поддержку соответствующим усилиям беженцев из этих стран по сохранению их естественных культурных традиций и языков в ожидании того времени, когда Эстония, Латвия и Литва смогут принять участие в наших демократических международных институтах как свободные государства”¹⁵⁰.

Третья группа государств признала страны Балтии как часть Советского Союза. Швеция была одним из первых западных государств, признавших де-юре советское правление в Эстонии, Латвии и Литве. В ходе Второй мировой войны Голландия установила дипломатические отношения с Советским Союзом и, поскольку при этом не было сделано никаких оговорок о западной границе СССР, это означало де-юре признание инкорпорации стран Балтии. Подобным образом,

¹⁴⁹ Journal officiel de la République Française, 3 mai 1982.

¹⁵⁰ Воспроизведено в: The Baltic States and the Soviet Union. Reprinted from a Report of the Council of Europe, with a Preface and Supplementary Comments. Stockholm, 1962.

Испания, вначале твердо придерживавшаяся политики непризнания, при установлении дипломатических отношений с СССР в 1977 году в непрямой форме признала аннексию стран Балтии, поскольку не сделала при этом никаких оговорок¹⁵¹. Новая Зеландия также распространила признание де-юре на страны Балтии как на часть СССР¹⁵².

Четвертая группа государств сохраняла по данному вопросу “красноречивое молчание”. К примеру, Финляндия, один из ближайших соседей стран Балтии, никогда не делала каких-либо официальных заявлений во время существования советского режима. Это позволило ей в 1991 году продолжить дипломатические отношения со странами Балтии вместо признания их в качестве новых государств. Тем не менее, политика Финляндии во время советского периода демонстрирует не только сложность проблем, стоящих перед правительствами третьих стран, но и относительность молчаливого “непризнания”, поскольку можно говорить если не о прямом, то о косвенном признании Финляндией инкорпорации стран Балтии в состав СССР. Визит президента Финляндии Урхо Калева Кекконена в советскую Эстонию в марте 1964 года можно рассматривать как (молчаливое) признание Финляндией советского режима в Эстонии, несмотря на то, что Финляндия всегда подчеркивала “неофициальный” характер этого визита. Признание советской аннексии также следовало из визита в Эстонскую ССР иранского шаха в 1974 году и премьер-министра Индии в 1981 году¹⁵³ во время их государственных визитов в СССР.

Эти государства, созданные уже после аннексии стран Балтии СССР в 1940 году и, в силу этого, не имевшие с ними отношений до начала Второй мировой войны, никогда не высказывали свою прямую позицию по этому вопросу.

(iv) Правовая обязанность непризнания незаконных аннексий после 1970 года

Во время длительного периода советской аннексии стран Балтии в международном праве произошел ряд важных изменений, на которые

¹⁵¹ См.: 1 Spanish YBIL1991, p. 48 et seq.

¹⁵² См.: R.J. Misiunas. *Sovereignty Without Government...*, p. 136.

¹⁵³ См.: <http://www.okupatsioon.ee/1940/1940.html>, информация предоставлена историком Ээро Медияйненом.

балтийский случай частично оказал влияние. Обязанность непризнания декларировалась уже в статье II проекта резолюции ООН о правах и обязанностях государств, одобренного Комиссией международного права в 1949 году: “все государства обязаны воздерживаться от признания каких-либо территориальных приобретений другим государством, если последнее действовало с нарушением [ст. 9 о запрете агрессии]”¹⁵⁴. Вследствие разногласий по вопросу об определении агрессии проект декларации не был, впрочем, принят Генеральной Ассамблеей.

Генеральная Ассамблея ООН окончательно утвердила принципы непризнания в 1970 году. “Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН”, принятая 24 октября 1970 года, гласит: “Территория государства не должна быть объектом приобретения другим государством в результате угрозы силой или ее применения. Никакие территориальные приобретения, являющиеся результатом угрозы силой или ее применения, не должны признаваться законными”¹⁵⁵. Из этого следует, что принцип непризнания противоправных действий, некогда оценивавшийся негативно как чисто “политический”, впоследствии стал частью позитивного международного права¹⁵⁶, юридической обязанностью.

После принятия Декларации о дружественных отношениях несколько западных стран вновь в еще более решительных формулировках подтвердили следование политике непризнания советской аннексии стран Балтии. Но к ситуации стран Балтии обязанность непризнания *stricto sensu*¹⁵⁷ неприменима, поскольку присоединение их к СССР произошло в 1940 году.

(v) Хельсинкский заключительный акт: признание Западом фактической ситуации?

Советский Союз доказывал, что в Хельсинкском заключительном акте 1975 года западные страны признали территориальную целостность

¹⁵⁴ Draft Declaration of Rights and Duties of States of December 6, 1949 (Res. 375 (IV) UNGA). См.: YB of the ILC, 1949, p. 288.

¹⁵⁵ U.N.G.A. Res. 2625 (XXV), October 24, 1970.

¹⁵⁶ См., например: J. Crawford. Fourth report on State responsibility // ILC, 2 April 2001, A/CN.4/517, p. 20 (para. 52.)

¹⁵⁷ Строго говоря (лат.) — прим. пер.

СССР, включая и страны Балтии¹⁵⁸. Это было неверно, по меньшей мере, с формальной точки зрения, хотя статья III акта гласила, что “Государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга, также, как и границы всех государств в Европе...”¹⁵⁹ Тем не менее, основные западные страны выступили с декларациями, содержащими оговорки в отношении стран Балтии. Перед подписанием документа президент США Джеральд Форд заявил:

“Специально обращаясь к понятной озабоченности, касающейся воздействия Хельсинских деклараций на страны Балтии, я могу вас заверить... что Соединенные Штаты никогда не признавали советской инкорпорации Литвы, Латвии и Эстонии и не делают этого и теперь. Результаты конференции по безопасности в Европе не окажут воздействия на нашу официальную политику непризнания. В декларацию о принципах территориальной целостности включено положение, по которому оккупация или приобретение территории в нарушение международного права не будут признаваться законными”¹⁶⁰.

После подписания Хельсинских соглашений Палата представителей Конгресса США приняла резолюцию, согласно которой данные соглашения не внесли изменений в политику непризнания США незаконной аннексии стран Балтии¹⁶¹. Таким образом, можно сделать вывод о разногласиях по балтийскому вопросу между подписавшими Хельсинский заключительный акт государствами¹⁶², даже если

¹⁵⁸ См.: Visek, *Creating the Ethnic...*, p. 326. В то же время, отрицался юридически обязательный характер Хельсинского заключительного акта. Например, И.А. Смирнов отмечает, что “государства не имели намерения придать актам конференции силу источника международного права. Принятые в рамках СБСЕ обязательства представляют собой пакет политических соглашений, которые полностью соответствуют современному международному праву, но остаются за пределами его системы”. I.A. Smirnov. *The Legal Qualification of the Documents on Security and Cooperation in Europe // Soviet Journal of International Law*, No. 2, 1991, pp. 111–120.

¹⁵⁹ Conference on Security and Co-operation in Europe, Final Act (Helsinki Accords), 14 I.L.M. 1292, 1294 (1975).

¹⁶⁰ U.S. Department of State, Department of State Bulletin, 73, 1885, 11 August 1975, pp. 204–206.

¹⁶¹ HR 864, U.S. Congress, Congressional Record, 2 December 1975, p. H 11587.

¹⁶² Ср. также с дипломатическим заявлением президента Франции в связи с подписанием Хельсинского заключительного акта: “С точки зрения Франции, подписанные здесь документы не означают признание Францией ситуаций, которые бы она не стала признавать в ином случае...” Цит. по: Hough. *Op. cit.*,

прямые формулировки Заключительного акта скорее поддерживают советское утверждение о том, что Запад молчаливо признал советское правление в странах Балтии¹⁶³. Кроме того, в ходе так называемого “хельсинкского процесса” представители США поднимали вопрос о советском присутствии в странах Балтии как о ситуации, нарушающей хельсинкские принципы¹⁶⁴.

(vi) Правовое значение непоследовательности и противоречивых аспектов политики непризнания на примере стран Балтии

Какие выводы можно сделать из реакции сообщества государств на советскую аннексию стран Балтии? Очевидно, что непризнание советской аннексии таким большим числом государств в течение столь долгого периода было беспрецедентным феноменом в истории международных отношений. Тем не менее, данная практика не была единой и иногда принимала почти карикатурные формы. Поэтому многие обстоятельства данного дела открыты для различных интерпретаций, и многое зависит от того, считает ли комментатор стакан наполовину пустым или наполовину полным¹⁶⁵. Например, лейбо-

р. 430. См. также заявление премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер в парламентских дебатах 3 апреля 1990 года: “Я указывала, что это государство никогда не признавало законность аннексии Литвы, Латвии и Эстонии Советским Союзом. (...) В Хельсинкском соглашении границы были признаны фактически, а не юридически”. См.: 61 BYBIL 1990, р. 497.

¹⁶³ См. также: F. Lange. Die baltischen Staaten und die KSZE, in: 44 Osteuropa, März 1994, р. 233.

¹⁶⁴ Факты см. в: Vitas. Op. cit., pp. 99–100.

¹⁶⁵ Например, Гельмут Тиши, хотя и подтверждает, что “правопритязание [стран Балтии] на идентичность правосубъектности с тремя государствами, аннексированными Советским Союзом в 1940 году, было принято международным сообществом”, в то же время указывает, что “в августе 1991 года существовали лишь очень немногие государства, которые никогда не признавали данных аннексий ни прямо, ни косвенно. Подавляющее большинство государств придерживалось, по крайней мере косвенно, той позиции, что страны Балтии были частью Советского Союза. Такая же ситуация была и в случае Австрии...” См.: H. Tichy. Two Recent Cases of State Succession... // Aust. JPIIL 1992, р. 127. См. также: J. Salmon. 24 RBDI 1991, Pays baltes, р. 265 (“Уверения в непризнании аннексии со стороны Запада плохо

ристское правительство Витлама в Австралии в 1974 году признало включение стран Балтии в состав СССР де-юре¹⁶⁶, а сменившее его правительство либералов Фразера аннулировало это признание¹⁶⁷. (В доктрине международного права предоставленное один раз признание де-юре обычно считается не подлежащим отмене)¹⁶⁸. Так или иначе, важно отметить, что популярный в странах Балтии тезис о непризнании советской аннексии *всеми* западными государствами представляет собой преувеличение и чрезмерное упрощение. Отношение западных государств, *в целом*, всегда было фрагментированным. Тем не менее, можно безоговорочно говорить о политике непризнания со стороны США.

Соответственно, восприятие политики (и доктрины) непризнания в юридической литературе было неоднородным. Некоторые авторы, разумеется, были резко критичны. Джо Верховен писал в 1975 году, что политика непризнания в ситуации со странами Балтии “служит сегодня последним источником удовлетворения для дипломатического персонала и группы беженцев, которые ждут своего исчезновения, как исчезли из области международных отношений их собственные государства”¹⁶⁹. В советской правовой доктрине политика непризнания, возможно, и по другим причинам, оставалась чисто политическим шагом, упражнением в антисоветской пропаганде и идеологической борьбе¹⁷⁰. Даже те западные ученые, которые подчеркивали незаконность аннексии стран Балтии, указывали, что с определенного момента времени непризнание могло с тем же успехом стать проявлением “холодной войны”, а не юридических позиций¹⁷¹. Непризнание

скрывали согласие с *fait accompli*, данное в 1944 г.”) и P. M. Eisemann. *Bilan de recherches...*, in: *State Succession (Hague)*. 1996, p. 53.

¹⁶⁶ См.: 6 *Austr. YIL* 1974/5, p. 230.

¹⁶⁷ См.: 7 *AYIL* 1976/7, p. 432. См. также: E. Dunsdorfs. *The Baltic Dilemma. The Case of the de jure Recognition by Australia of the incorporation of the Baltic States into the Soviet Union*. 1975.

¹⁶⁸ См. статью 6 Конвенции Монтевидео: “(...) Признание безусловно и окончательно”. Принятие в литературе см. в: J.L. Kunz. *Identity of States Under International Law* // 49 *AJIL* 1955, p. 75.

¹⁶⁹ J. Verhoeven. *La reconnaissance internationale dans la pratique contemporaine*. 1975, pp. 307–308.

¹⁷⁰ См.: Misiunas. *Op. cit.*, p. 138 и A. Liivak. *Soviet Responses to Western Nonrecognition of Baltic Annexation*, in: Loeber/Vardys/Kitching (eds.). *Regional Identity Under Soviet Rule*. 1990, pp. 375–394.

¹⁷¹ Как предполагалось Дж. Кроуфордом: J. Crawford. *The Creation of States in International Law*. 1979, p. 219.

аннексии стран Балтии все больше и больше начинало напоминать политический казус, поэтому один из принятых западными учеными подходов заключался в полном игнорировании и отказе от комментирования этой проблемы¹⁷².

Сторонники другой “крайности” рассматривали непризнание советской аннексии как триумф законности над противоправным использованием силы, как победу международного права и морали над беспринципным прагматизмом¹⁷³. В.Дж.Х. Хог в 1985 году заключил: “В отличие от чисто политической мотивации в отношении доктрины непризнания в 1930-е годы, трудно усмотреть непосредственный политический интерес мирового сообщества в восстановлении стран Балтии в 1940-е годы и позднее”¹⁷⁴. Тем не менее, очевидно, что, подвергая сомнению легитимность советских территориальных захватов, США и другие западные демократии нисколько не противоречили своим политическим интересам по подрыву влияния враждебной им советской империи, особенно после начала “холодной войны” в 1945 году. Политическое измерение в признании США “виртуальных стран Балтии” стало очевидным в 1987–1991 годах, когда отношение Соединенных Штатов к этим государствам стало намного более сдержанным. В апреле 1991 года спонсируемое США радио “свободная Европа” направило главным редакторам своих балтийских секций предварительный план, по которому журналисты должны были пропагандировать “альтернативные формы участия” вместо полного отделения от СССР¹⁷⁵. Как это не парадоксально, но именно в тот момент, когда у народов Балтии, наконец, появился реальный шанс на восстановление независимости, риторика западных лидеров в отношении стран Балтии стала заметно сдержанней по сравнению с периодом “холодной войны”¹⁷⁶.

Для выработки реалистичной оценки контекста и значения непризнания в «балтийском случае» следует обратиться не только к словам определенных правительств, но также и к тому, что *не было сказано*

¹⁷² Например, Ганс Бликс излагает историю политики непризнания после доктрины Стимсона, не упоминая о случае стран Балтии. См.: H. Blix. Contemporary Aspects of Recognition // RCADI 1970-II, pp. 567–703.

¹⁷³ См., например: Hough. Op. cit., 1985.

¹⁷⁴ Hough. Op. cit., p. 467.

¹⁷⁵ T.H. Ivves. Eesti välispoliitika peegelmaastikul (Внешняя политика Эстонии на зеркальном ландшафте). Postimees, 07.08.2001.

¹⁷⁶ Факты см. в: R. Kherad. La reconnaissance internationale des Etats Baltes // 96 RGDIP 1992, p. 858 et seq.

или же, в еще более широком плане, что на самом деле происходило в международных отношениях. Хотя политика непризнания и была принята как формальная правовая позиция, на Ялтинской конференции в феврале 1945 года был установлен, с точки зрения политической реальности, новый мировой порядок¹⁷⁷.

За непризнанием не скрывалась настоящая решимость. Оно начинает выглядеть менее “мужественным” и принципиальным шагом, если мы вспомним, что страны Балтии были единственными, кто потерял свою независимость в результате агрессии, совершенной в период Второй мировой войны. Независимость стран-жертв нацистской агрессии была восстановлена в конце войны; в то же время Советский Союз, который сам участвовал в заговоре с нацистской Германией и способствовал тем самым развязыванию войны, имел возможность аннексировать страны Балтии, захваченные им при помощи политики, которую даже сам Советский Союз определял как “агрессию” в заключенных с этими странами договорах. Другие страны Восточной Европы также подпали под советское влияние, но эти сателлиты СССР сохранили, по крайней мере, видимость формальной независимости.

Хотя США и Великобритания никогда с точки зрения права не признавали поглощение стран Балтии, они несколько раз должны были признать это с позиции политической реальности. В Атлантической хартии 14 августа 1941 года президент Рузвельт и премьер-министр Черчилль обещали отстаивать свободу всех противоправно подчиненных народов¹⁷⁸. Тем не менее, во время

¹⁷⁷ Жесткую критику см. в: K. Skubiszewski. The End of Yalta, in: K. Wellens (ed.). International Law: Theory and Practice. Essays in Honour of Eric Suy. The Hague: Nijhoff, 1998, pp. 107–119.

¹⁷⁸ В Атлантической Хартии лидеры США и Великобритании заявили:

“... Во-вторых, они не желают территориальных изменений, не соответствующих свободно высказанной воле затрагиваемых ими народов.

В-третьих, они уважают право народов выбирать форму правления, при которой они хотят жить; и они хотят увидеть восстановление суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были их лишены.

... В-шестых, после окончательного разрушения нацистской тирании они надеются установить мир, который позволит всем народам безопасно существовать в своих собственных границах и даст гарантии того, что все люди во всех странах смогут жить в свободе от страха и нужды”.

21 сентября 1941 года в Лондоне представители СССР заявили о приверженности их государства принципам Атлантической хартии. В то же время заявление о советской приверженности сопровождалось другой

Тегеранской¹⁷⁹, Ялтинской¹⁸⁰ и Потсдамской¹⁸¹ конференций они молчаливо согласились с контролем Сталина над странами Балтии как с жизненным фактом. Во время Второй мировой войны Великобритания склонялась к признанию советских притязаний на страны

декларацией, двусмысленные формулировки которой свидетельствуют о том, что СССР рассматривал балтийские республики как легитимную часть своей территории. См.: Meissner. Die Sowjetunion, die baltischen Staaten..., p. 119 et seq.

¹⁷⁹ Приводятся следующие слова Президента Рузвельта, сказанные им в Тегеране: “Он [Рузвельт] сказал, что он полностью осознает тот факт, что три балтийские республики исторически и в более недавнем прошлом были частью России и шуточно добавил, что у него не возникло намерения вступать в войну с Советским Союзом после того, как последний вновь оккупировал эти территории”. В то же время Рузвельт выразил свою озабоченность в связи с тем, “что мнение мирового сообщества захочет услышать определенное выражение воли народа, возможно не сразу после повторной оккупации советскими войсками, а когда-либо позднее, и что лично он уверен, что народ проголосовал бы за присоединение к Советскому Союзу”. Сталин согласился на это с оговоркой, что “такое голосование не будет проводиться под международным контролем”. В американских архивах не зафиксирован какой-либо ответ или возражение Рузвельта на это замечание Сталина, а согласно советским архивам Рузвельт ответил “разумеется, нет”. См.: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Teheran, 1943, 1961, pp. 594–596. Ср.: A. Fischer. Teheran, Jalta, Potsdam. Die sowjetische Protokolle von den Kriegskonferenzen der “Großen Drei”. Köln, 1973, p. 139. См. также: U. Bollow. Die baltische Frage in der internationalen Politik nach 1945. Berlin: FU Politikwissenschaft, 1993, p. 4.

¹⁸⁰ Из недавно опубликованных работ по позиции США см.: Н. Kissinger. Diplomacy, 1994, p. 394 et seq. Согласно Киссинджеру, “Рузвельт согласился с планом Сталина передвинуть границы Польши на запад и дал понять, что не станет давить на Сталина в вопросе о странах Балтии. Он сказал, что если советская армия оккупировала страны Балтии, то ни США, ни Великобритания ее не “выгонят” — хотя он также рекомендовал проведение плебисцита”. Тем не менее, добавляет Киссинджер, “Рузвельт... с неохотой шел на обсуждение послевоенного мира... [и] изложил свои комментарии по поводу послевоенных планов Сталина в отношении Восточной Европы в такой нерешительной форме, что это звучало почти как извинение”. См.: at p. 411. Очевидно по этим причинам Бенвенисти приходит к выводу, что “международное сообщество согласилось с восстановлением международных границ СССР по положению на 1940 год, хотя формальное признание инкорпорации обычно не предоставлялось”. См.: Benvenisti. The International Law of Occupation. 1993, p. 68.

¹⁸¹ С другой стороны, на Потсдамской конференции официальная позиция США в более прямой форме основывалась на непризнании советского захвата. См.: FRUS, The Conference at Berlin/Potsdam 1945 (1960), p. 799.

Балтии в качестве компенсации за военные усилия Москвы¹⁸², но соответствующее соглашение не было заключено, главным образом из-за противодействия США. Вопрос о том, были ли у западных лидеров, участвовавших в установлении нового мирового порядка в 1944–1945 годах, какие-либо реалистичные альтернативы тому, чтобы просто “проглотить” нарушение принципов Атлантической хартии в балтийском случае, следовало бы поставить скорее в историческом или политологическом, чем в международно-правовом исследовании¹⁸³.

Аннексированные страны Балтии стали пешками в дипломатических сражениях “холодной войны”. Требование Сталина предоставить Литовской ССР полное членство в ООН, предоставленное Украинской и Белорусской ССР, было отвергнуто западными странами¹⁸⁴.

¹⁸² МИД Великобритании изложил свои соображения в отношении данной политики, указав в этот момент, что “вызывает сомнение степень понимания Америкой всей сложности политических и географических проблем, связанных с вопросом о “самоопределении” в Европе... Если, к примеру, СССР решит после войны поглотить страны Балтии, то мы можем оказаться вынуждены признать факты и, ради европейского мира и наших более широких интересов, поддерживать с Россией дружественные отношения. США также согласятся с фактами, но могут отказать им в формальном признании на моральных основаниях, в то же время обвиняя нас в эгоистическом отказе от принципа”. См.: L. Woodward. *British Foreign Policy in the Second World War*. London: Her Majesty's Stationery Office, 1970–6, p. 205. В другом меморандуме МИД Великобритании, составленном в декабре 1941 года, заявлялось: “Я не склонен полагать, что независимость стран Балтии необходима для Европы “. Цит. по: Bollow, p. 12.

¹⁸³ Один из возможных ответов с позиции политолога см. в: R.A. Vitas. *Op. cit.*, p. 67. Критическую позицию в вопросе о применении Атлантической хартии см. также в: S. Korman. *The Right of Conquest. The Acquisition of Territory by Force in International Law and Practice*. Oxford: Clarendon Press, 1996, p. 163: “Таким образом, несмотря на общеизвестную приверженность союзников принципам, означавшим отказ от права на завоевание, изучение их практики предполагает продолжающееся принятие нормы, по которой право распоряжаться территорией могло быть приобретено посредством военной победы или завоевания”.

¹⁸⁴ См., например: Misiunas. *Op. cit.*, p. 136. См. также: A.J. Kochavi. *Prelude to Nuremberg. Allied War Crimes Policy and the Question of Punishment*. Chapel Hill, 1998, p. 47 et seq. Отметим, что балтийский вопрос как таковой не поднимался государствами в Генеральной Ассамблее ООН до 1991 года и упоминался только в других, “сопутствующих” контекстах: колониализм, события в Венгрии в 1956 году, в Афганистане в 1979 году. См., например, заявление

Затем пришло время Нюрнберских заседаний, где обнаружилась “степень лицемерия, нечасто наблюдаемая даже в этом несовершенном мире”¹⁸⁵. В Нюрнберге победоносные западные союзники совместно с советскими судьями и обвинителями осудили чудовищные преступления нацизма, в первую очередь, агрессивные войны Германии — “самые серьезные преступления против международного права”¹⁸⁶. Пока советские политики продолжали утверждать, что балтийские нации вступили в СССР добровольно, невоенные вторжения нацистов в Австрию, Чехословакию и Данию были осуждены в Нюрнберге как “преступления против мира” вместе с агрессивными войнами Германии. Их сходство с советской агрессией против стран Балтии было трудно не заметить, даже, несмотря на то, что Нюрнбергский трибунал был создан исключительно для суда над преступлениями нацистов.

Иногда на Нюрнбергских процессах было трудно сохранить “правильный” баланс между силой, правом и политикой. Выступление защитника Рудольфа Гесса д-ра Альфреда Зейдля, пытавшегося поднять вопрос о нацистско-советских секретных протоколах от 23 августа 1939 года, было прервано главным советским обвинителем майором Руденко¹⁸⁷. Тем не менее, обвинитель от США Роберт Х. Джексон выступил с оговоркой к решениям Нюрнбергского суда, касающейся стран Балтии¹⁸⁸. Кроме того, призванные в германскую

Варела Квироса (Varela Quiros) (Коста Рика) в: UN-Doc. 6th Emergency Special Session, A/PV.4, UN GA Official Records, January 12, 1980.

¹⁸⁵ См.: A.P. Rubin. *Ethics and Authority in International Law*. Cambridge UP, 1997, p. xiii.

¹⁸⁶ Общий обзор см. в: G. Ginsburgs. *Moscow's Road to Nuremberg, the Soviet Background to the Trial*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1996.

¹⁸⁷ См.: *Internationaler Militärgerichtshof (Hrsg.). Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof, Bd. X, S. 14 et seq., Bd. XIV, S. 315 et seq.* См. также: *Bd. XIX, S. 390 et seq.*

¹⁸⁸ Оговорка обвинителя от США Джексона имела следующую формулировку: “В подписанном сегодня обвинительном акте германским военным преступникам Эстония, Латвия, Литва и некоторые другие территории упоминаются как входящие в состав территории СССР. Эти формулировки были предложены Россией и приняты с целью избежать задержки, которая бы потребовалась для внесения изменений в текст. Обвинительный акт подписан с учетом данной оговорки и такого понимания ситуации.

Я не имею полномочий ни признавать, ни оспаривать от имени Соединенных Штатов правопритязания Советского Союза на суверенитет над этими территориями. Следовательно, ничто в данном обвинительном акте не долж-

армию солдаты из стран Балтии и прочие граждане, в большинстве, случаев не рассматривались как граждане СССР, которых обычно насильно депортировали в Советский Союз.

Запоздалая, но существенная политическая попытка дать правовую оценку поглощения Советским Союзом стран Балтии была сделана в 1954 году, когда Палата представителей Конгресса США образовала специальный комитет по расследованию инкорпорации этих государств в СССР (House Select Committee to Investigate Communist Aggression and the Forced Incorporation of the Baltic States into the U.S.S.R. — Специальный комитет Палаты по расследованию коммунистической агрессии и насильственного включения стран Балтии в СССР) под председательством члена Палаты Чарльза Керстена. Собрав доступные факты, показания и т.д., комитет Керстена сделал следующий итоговый вывод:

(I) Факты ясно и убедительно свидетельствуют о том, что Эстония, Латвия и Литва были насильственно оккупированы и незаконно аннексированы СССР. Любые заявления СССР о том, что проведенные ими в июне 1940 года выборы были свободными и добровольными или что были законными резолюции с просьбами признания их в качестве советских республик, принятые созванными в результате этих выборов парламентами, являются ложными и не основанными на фактах.

(II) Продолжающаяся военная и политическая оккупация Литвы, Латвии и Эстонии СССР является важной причиной опасной напряженности в мире, охватившей в настоящее время человечество и, следовательно, составляющей серьезную угрозу миру¹⁸⁹.

Хотя комитет Керстена обладал парламентской и, тем самым, политической легитимностью, его всестороннее расследование и итоговый отчет вторгались в правовую сферу. Работа комитета Керстена

но истолковываться как признание США такого суверенитета или как свидетельство о какой-либо позиции, занимаемой США или другими подписавшими сторонами, в отношении какого бы то ни было притязания на передачу этого суверенитета”. Цит. по: E. Jaakson. Eestile. Tallinn: SE & JS, 1995, p. 136.

¹⁸⁹ Report of the Select Committee to Investigate Communist Aggression and the Forced Incorporation of the Baltic States into the U.S.S.R. Third interim report: Baltic States — a Study of their Origin and national Development; their seizure and incorporation into the U.S.S.R. Washington: United States Government Printing Office, 1954, p. 8. См. также: V. Riismandel. Kersten'i komisjoni töötulemusi (Результаты работы Комиссии Керстена), in: Võitlev Eesti (Борющаяся Эстония), Nr. 6, 1956, p. 35.

представляет собой интересный пример того, как крупные державы способны формулировать (и в ряде случаев принудительно применять)¹⁹⁰ международное право в условиях отсутствия центрального правительства в международном сообществе.

Другая разновидность взаимодействия права и политики иллюстрируется всей концепцией и применением доктрины признания аннексии де-факто. В ряде случаев признание аннексии де-факто предоставляло соответствующему правительству фактическую свободу рук в проведении своей политики и достижении желаемых целей. Хотя Великобритания никогда не признавала советскую аннексию стран Балтии де-юре, правительство ее величества, по условиям заключенного в 1964 году пакетного соглашения, передало советскому правительству золотые резервы Эстонии и Латвии¹⁹¹. Золотые депозиты стран Балтии были использованы для покрытия всех исков британских граждан к странам Балтии, а Советский Союз отказался от всех требований к Великобритании. Тем не менее, Великобритания согласилась передать Советскому Союзу золотые депозиты стран Балтии на сумму полмиллиона фунтов стерлингов¹⁹².

Великобритания в основном занимала двусмысленную позицию по балтийскому вопросу. В 1979 году член английского парламента обратился к заместителю министра с вопросом о том, не подразумевает ли принятие Великобританией советского приглашения прислать наблюдателей на военные маневры в Литве признание советской аннексии. Заместитель министра ответил: “В соответствии с условиями Хельсинкского заключительного акта советское правительство известило нас о проведении в Литве 23–27 июля военных маневров “НЕ-МАН”. Согласно другому необязательному к исполнению положению, советское правительство пригласило Великобританию и другие страны прислать наблюдателей. Наряду с другими западными странами и в соответствии с нашим желанием полностью использовать пре-

¹⁹⁰ О более недавней и противоречивой практике США см. в: L.F. Damrosch. *Enforcing International Law Through Non-Forcible Measures*. 269 RCADI 1997, p. 41 et seq.

¹⁹¹ С другой стороны, это не помешало правительству Великобритании, признавшему континуитет стран Балтии, вернуть соответствующее количество золота правительствам стран Балтии после восстановления их независимости. См. ниже. О советско-британском соглашении см.: *Agreement between the United Kingdom and the USSR concerning the Settlements of Mutual Financial and Property Claims of 5 January, 1968* // UKTS 12. (1968), Cmnd. 3517.

¹⁹² См. также: E. Jaakson. *Eestile*, p. 193.

имущества Заключительного акта, Великобритания приняла приглашение. Это не имеет никаких последствий для нашей позиции в отношении признания инкорпорации стран Балтии в Советский Союз в 1940 году: мы признаем данную инкорпорацию де-факто, но отказываемся предоставить полное признание”¹⁹³. Таким образом, Великобритания “отказывалась предоставить полное признание”, но при этом хотела “полностью использовать преимущества Хельсинкского заключительного акта”. В признании советской инкорпорации де-факто (но не де-юре) заключалось особенно удобное решение, позволяющее удовлетворить ожидания всех слоев “общества” и успокоить собственную совесть (или совесть оппозиции).

История непризнания аннексии стран Балтии демонстрирует, что формальное непризнание территориального захвата, не подкрепленное эффективными санкциями, не представляет собой достаточной для реагирования на агрессию меры¹⁹⁴. Хотя непризнание предотвращает закрепление незаконных ситуаций, оно, само по себе, не может служить методом принудительного применения права и не является санкцией в какой-либо реальной форме¹⁹⁵. Вместо этого непризнание служит предварительным условием для других правоприменительных действий. В связи с политическими трудностями и/или недостатком заинтересованности такие правоприменительные действия не были предприняты после советской аннексии стран Балтии.

На эту непоследовательность в практике государств указал Рудольф Биндшедлер:

“Ценность доктрины непризнания отчасти сомнительна, поскольку она позволяет государствам успокаивать свою совесть словесными декларациями и освобождает их от необходимости предпринять позитивные шаги и применить санкции, которые бы оказали реальное давление на нарушившее право государство. Это ясно проявилось на практике; в случаях Эфиопии, Австрии и Чехословакии отнюдь не наблюдалось последовательного соблюдения этого принципа, но большинство государств не признали аннексию стран Балтии”¹⁹⁶.

¹⁹³ 970 Parl. Deb., H.C. (5th ser) 849 (1979). См. также: BYBIL 1979, p. 293.

¹⁹⁴ Более раннюю и оптимистичную точку зрения в отношении политики непризнания см. в: W. Schätzel. Die Annexion im Völkerrecht // AVR 1950, p. 28.

¹⁹⁵ Crawford. The Creation..., p. 122 and 128.

¹⁹⁶ R.L. Bindschedler. Annexation, in: R. Bernhardt (ed.). EPIL, Inst. I, 1992, p. 172. Схожую критику см. в: P. de Visscher. Théories et réalités en Droit international public. Paris: Editions A. Pedone, 4ème éd., 1970, p. 261.

В самих странах Балтии доктрина непризнания, имеющая в основном символический характер, подвергалась еще более резкой критике. Недавно один эстонский правовед спросил, сколько балтов помогла спасти от депортации в Сибирь доктрина непризнания¹⁹⁷.

Так двучленно применялась доктрина непризнания в случае стран Балтии¹⁹⁸. Означает ли непоследовательность в применении данной доктрины, что она несущественна с правовой точки зрения? Некоторые ученые проводили различие между “фактическими протестами” и “протестами на бумаге”¹⁹⁹. Было ли непризнание советской аннексии равносильно пассивному и неэффективному “протесту на бумаге”? Шарль де Вишер утверждал, что правовой эффект непризнания и протестов зависит от их влияния на реальное закрепление оспариваемой ситуации. Пока такие акты не подкреплены эффективными контрмерами, они не могут предостеречь закрепление ситуации в долгосрочной перспективе²⁰⁰. Такой доктринальный подход, впрочем, никогда не отражал мнения большинства в современной международно-правовой литературе²⁰¹. Сомнительно, что в эру Устава ООН можно говорить о подлинном принятии незаконной ситуации в условиях, когда третьи страны продолжают регулярно направлять ноты о ее непризнании, даже если такие односторонние акты могут носить в основном “символический” характер.

¹⁹⁷ К. Tarand. Kasvuraskused (Трудности роста), in: EÜSi Album XVIII, Tartu, 2000, p. 58.

¹⁹⁸ См. также: R.C. Visek. Creating the Ethnic Electorate through Legal Restorationism: Citizenship Rights in Estonia // 38 Harvard JIL 1997, p. 326: “Отказ Запада признать советскую аннексию был, в ретроспективе, актом с незначительной долей риска. Он не влек за собой военной конфронтации и, сам по себе, не подвергал угрозе продолжение отношений с СССР”. См. также критику, высказанную в: M. Siiagi. Staatsuntergang und Staatennachfolge mit besonderer Berücksichtigung des Endes der DDR, pp. 259–260.

¹⁹⁹ См.: E. Suy. Les actes juridiques unilatéraux en droit international public. Diss. Paris, 1962, p. 71 et seq.

²⁰⁰ P. de Visscher. Les effectivités du droit international public. Paris, 3me ed., 1967, pp. 25 and 108.

²⁰¹ См.: Jennings. Acquisition of Title..., p. 25 и Zimmer. Gewaltsame territoriale..., pp. 45–46.

(vii) Непризнание и право давности на примере стран Балтии: выводы

С перспективы настоящего исследования остается фактом, что значительное число западных государств формально отказывались признавать советскую инкорпорацию стран Балтии вплоть до восстановления последними независимости в 1991 году. По одной из оценок, по состоянию на конец 1980-х годов, около 50 государств не признали включение стран Балтии в состав Советского Союза²⁰². Вопросы о том, было ли это непризнание основано исключительно на “благородных” мотивах и были ли предприняты необходимые шаги, имеют второстепенное значение с точки зрения правовых последствий. Следовательно, тезис о существовании непрерывной политики непризнания отнюдь не “лицемерен”²⁰³, даже если в позиции некоторых государств в отношении непризнания можно обнаружить признаки лицемерия. Тем не менее, в контексте вопроса о продолжении или прекращении существования стран Балтии сам факт непризнания аннексии рядом государств свидетельствует против права давности²⁰⁴. Сформулированная Лаутерпахтом предпосылка применения права давности (отсутствие протестов и требований) в балтийском случае не была выполнена²⁰⁵. Ци-Чанг Чен высказывал аналогичные сомнения в том, что критерии права давности могут быть “когда-либо выполнены, если продолжают протесты и требования со стороны захваченного государства (если оно еще существует) и других государств”²⁰⁶. Следовательно, отношение третьих государств свидетельствует против

²⁰² Reinhards. *Lettonie-Russie...*, p. 158.

²⁰³ Как утверждает в: H. Ruh Fabri. *État (création, succession, compétences)...* // AFDI 1992, p. 162.

²⁰⁴ Схожий вывод см. в: V.J. Riismandel. *The Continued Legal Existence of the Baltic States* // 12 *Baltic Review* (7 November 1957), p. 49.

²⁰⁵ Ср.: Wiewiora, p. 171 (В случаях, когда соответствующее государство само не в состоянии выразить протест, будучи, например, полностью захваченным, непризнание третьими государствами “по-видимому, предотвращает применение права давности”).

²⁰⁶ T.-C. Chen. *The International Law of Recognition. With Special Reference to Practice in Great Britain and the United States*. London: Stevens & Sons, 1951, p. 431.

права давности, даже если многие из них согласились, по крайней мере, молчаливо, с фактом советского захвата²⁰⁷.

(viii) Статус прибалтийских Советских
Социалистических Республик с точки зрения
международного права

Проблематика непризнания частично связана с правовым статусом прибалтийских советских республик. В 1940 году СССР преобразовал страны Балтии в Советские Социалистические Республики. Согласно точке зрения СССР, выраженной в Конституции 1977 года, страны Балтии продолжали оставаться “независимыми и суверенными государствами”²⁰⁸ подобно всем остальным союзным республикам СССР и являлись, в этом качестве, “субъектами международного права”²⁰⁹. Таким образом, вопрос о международной правосубъектности был решен путем преобразования буржуазных стран Балтии в социалистические государства при одновременном продолжении их международной правосубъектности *внутри* СССР. В более ранней версии теории права часто утверждалось, что государство продолжает существовать в

²⁰⁷ О различии между признанием и молчаливым согласием см. в: R.Y. Jennings. *The Acquisition of Territory in International Law*. Manchester: Manchester University Press, 1963, p. 36: “В то время как признание, даже молчаливое, является высказыванием позитивного признания со стороны государства, молчаливое согласие может возникнуть просто из невыдвижения протеста в ситуации, где существовало право на протест и была затребована реализация этого права”.

²⁰⁸ См. статью 76 Конституции СССР, принятой 7 октября 1977: “Союзная республика — суверенное советское социалистическое государство, которое объединилось с другими советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик.

Вне пределов, указанных в статье 73 Конституции СССР, союзная республика самостоятельно осуществляет государственную власть на своей территории”.

²⁰⁹ См.: J.N. Hazard. *Soviet Republics in International Law*, in: *EPIL*, 1987, pp. 527–8 (См. также и дополнительные ссылки) и L. Schulz. *The Relationship of the Union to the Republics in Soviet Constitutional Law*, in: D.A. Loeber, S.V. Vardys, L.P.A. Kitching (eds.). *Regional Identity under Soviet Rule — the Case of the Baltic States*. 1990, pp. 351–354. Советское описание см. в: Д.И. Фелдман (соз.). *Международная правосубъектность (некоторые вопросы теории)*. Москва: Юридическая литература, 1971, с. 37 и последующие.

случае, если оно вступает в состав федеративного государства или инкорпорируется другим государством так, что оно сохраняет определенную дееспособность субъекта международного права²¹⁰.

Советская Конституция включала формальные положения, которые действительно могли свидетельствовать о суверенитете советских республик. К примеру, в статье 80²¹¹ было зафиксировано право советской республики на участие в международных отношениях:

“Союзная республика имеет право вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций”.

Несмотря на это, реальное действие советской Конституции²¹² в значительно большей степени определяла статья 81:

“Суверенные права союзных республик охраняются Союзом ССР”.

Поэтому требования СССР предоставить его составным частям статус независимых “субъектов международного права” единогласно отвергались международным сообществом, за исключением весьма аномального членства в ООН Украинской и Белорусской ССР.

Аспект непризнания незаконной оккупации и аннексии в случае стран Балтии должен быть представлен в любой оценке правового статуса прибалтийских советских республик. В этом свете становится понятно, почему не увенчались успехом попытки Советского Союза представить “министров иностранных дел” прибалтийских советских республик как легитимных представителей независимых государств. В “Министерстве иностранных дел Эстонской ССР” в 1952 году работало

²¹⁰ См., например: G. Jellinek. *Allgemeine Staatslehre*. 3. Aufl., Berlin, 1914, p. 283. Более позднюю разработку той же позиции см. в: D. Rauschnig. *Das Schicksal völkerrechtlicher Verträge bei der Änderung des Status ihrer Partner*. Hamburg: Hansischer Gildenverlag, 1963, p. 44.

²¹¹ Статья 80 Конституции СССР, принятой 7 октября 1977 года.

²¹² Детальный анализ см. в: H.-J. Uibopuu. *Die Völkerrechtssubjektivität der Unionsrepubliken der UdSSR*. Vienna, New York: Springer, 1975 и *International Legal Personality of Union Republics of U.S.S.R.*, in: *The ICLQ*, Oct. 1975, p. 811. См. также обсуждение в: B. Meissner. *Die Souveränität der baltischen Nationen* (1980), in: *Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel*. 1995, p. 174 et seq.

целых 12 человек, а в 1962 году четверо. Одна из очевидных целей этих “министерств иностранных дел” заключалась в дискредитации периода независимости до Второй мировой войны²¹³. Время от времени СССР удавалось представить точку зрения прибалтийских советских республик даже в ООН²¹⁴.

²¹³ Ээро Медияйнен выдвинул предположение, что цели “министерства иностранных дел” заключались в проведении пропаганды среди беженцев из стран Балтии и предоставлении дополнительной политической поддержки членству Российской, Украинской и Белорусской Советских Республик в ООН в качестве “независимых государств”. См.: E. Medijainen. Eesti NSV välisministeerium (Министерство иностранных дел Эстонской ССР), <http://www.okupatsioon.ee/1940/1940.html> (посещение страницы 26 февраля 2001 года).

²¹⁴ Так, г-жа Леокадия Пилюшенко была представлена на осенней сессии ООН в 1967 в качестве министра иностранных дел Литовской ССР. Представитель США в третьем комитете г-жа Патрисия Робертс Харрис возразила, что Пилюшенко не имеет права говорить от имени Литвы.

Подобным образом, г-н А. Грин из Эстонии, зарегистрированный как “министр иностранных дел Эстонской ССР”, представлял СССР на 17-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где основным политическим вопросом повестки была колонизация. Между ним и представителем Великобритании развернулась следующая дискуссия. Сэр Патрик Дин (Великобритания): “... Советский представитель на этих дебатах, именуемый министром иностранных дел Эстонии, эмоционально выступал против создания федераций или иных объединений вопреки воле соответствующего населения. Может ли быть так, что он вспоминает несчастливую судьбу своей собственной страны — Эстонии, которая была свободным и независимым государством и членом Лиги Наций до 1940 года, когда она была насильно инкорпорирована в Советский Союз?..” Г-н А. Грин (СССР): “...В своем заявлении [1175-е заседание] сэр Патрик Дин сказал, что советский представитель именуется министром иностранных дел Эстонии. Я могу сообщить ему, что я не только именуюсь, но и фактически являюсь министром иностранных дел Эстонской Советской Социалистической Республики и что я представляю интересы ее народа. В настоящий момент я, тем не менее, представляю в первую очередь интересы всех народов великого Советского Союза. Что же касается утверждения, что мне следует знать историю моей собственной страны, то я могу категорически сказать, что я ее знаю и прошу вас в этой связи разрешить мне сообщить некоторые основные факты из этой истории. Весь мир должен знать, что трудолюбивый эстонский народ принял активное участие в Великой Октябрьской Революции на стороне рабочих и крестьян России (...) Сэр Патрик Дин упомянул в своем заявлении, что “буржуазная” Эстонская Республика, созданная империалистами (это

Таким образом, Эстонская, Латвийская и Литовская ССР оставались марионеточными порождениями, за которыми никогда не признавалась международная правосубъектность²¹⁵. К примеру, в декабре 1987 года посол США в Москве Джек Мэтлок отказался принять делегацию Верховного Совета Литовской ССР, выразившую протест против декларации по поводу дня независимости Латвии, принятой Палатой представителей Конгресса²¹⁶. Несмотря на то, что государственные органы Советских Социалистических Республик включали определенные элементы ограниченной автономии или самоуправления для населения аннексированных стран Балтии, эти советские республики никогда не признавались ни в качестве “государств”-

последнее пояснение мое собственное) была независимой и даже являлась членом Лиги Наций. Да, действительно, она была членом Лиги Наций; но тот тип независимости, которым она пользовалась, лучше всего известен самому эстонскому народу. (...) В результате так называемой независимости в Эстонии были самые низкие среди европейских государств жизненные стандарты, не говоря уже о таких изъятиях, как постоянная безработица, нехватка средних школ и т. д. В 1940 году, когда профашистское правительство Эстонии осталось в одиночестве и более не могло рассчитывать на помощь своих империалистических хозяев, рабочие Эстонии изгнали его и заменили советской властью, которая открыла для них широкие перспективы экономического и культурного развития (...) С братской помощью русского народа многие малые государства и народы смогли за два или три десятилетия достигнуть уровня развития, на достижение которого в иных обстоятельствах у них ушли бы века. (...) Советский Союз это единственное государство мира, которое спасло многие национальности от исчезновения. (...) По этому вопросу я хочу внести полную ясность, что советские народы, включая и эстонский народ, не нуждаются ни в каких самоназначенных адвокатах, таких как делегаты некоторых западных стран, выступавшие здесь в попытке показать себя таковыми. Мы говорим этим господам: факты истории против вас. Действительно, история должна была научить вас, что если мечты империалистов не исполнились путем вооруженной интервенции, то вы не извлечете никакой пользы и из злобных и клеветнических нападок, к которым прибегают на этой Ассамблее представители колониальных держав”. См.: A/PV.II72-I2O2 Official Records of the General Assembly Seventeenth Session, Plenary Meetings, Volume III, Verbatim Records of Meetings, 21 November — 20 December 1962, United Nations, New York, 1964, p. 934–5.

²¹⁵ Мы, таким образом, не соглашаемся с Обиора Чинеду Окафором, который усматривает “легитимность, долгое время признаваемую за советскими государствами в Балтийском регионе”. См.: *Redifining Legitimate Statehood. International Law and State Fragmentation in Africa*. The Hague: Nijhoff, 2000, p. 66.

²¹⁶ См.: R.A. Vitas. *Op. cit.*, p. 83.

преемников аннексированных стран, ни в качестве подлинных политических представителей соответствующего населения.

Разумеется, было бы чрезмерным упрощением *prima facie* рассматривать все шаги прибалтийских советских республик как действия оккупационного режима. В этом контексте Ульрих Фастенрат доказывал, что

“... балты были включены в состав советского государства против их воли, но, в отличие от населения колоний, им было предоставлено место в управляющих структурах. В событиях последующего периода долю ответственности несли и эстонцы, латыши и литовцы, и эти события нельзя провозгласить просто следствием ранее совершенной несправедливости”²¹⁷.

Этот довод затрагивает важный вопрос об особых обстоятельствах советского режима в странах Балтии, в особенности же его продолжительность. Оккупации нацистов в европейских странах, включая и страны Балтии, продемонстрировали, что определенный сегмент населения по различным причинам всегда готов пойти на сотрудничество с оккупационной властью. Еще более очевидно, что в течение 50 лет большинство людей согласится с той или иной формой коллаборационизма или, по крайней мере, “сотрудничества” вместо открытой “борьбы” (вспомним в данном случае Григория Тункина²¹⁸) с правящим режимом. Хотя такое сотрудничество не обязательно меняет правовой статус территории, оно должно быть принято в расчет при рассмотрении вопроса об ответственности. Тем не менее, поскольку Советский Союз не был, по меньшей мере, в “западном” смысле слова, демократическим государством, смысл упомянутого Фастенратом “места в управляющих структурах” нуждается в дальнейших уточнениях. Например, балтийские народы едва ли имели какое-либо место в управляющих структурах во время приказа об организации массовых советских депортаций из стран Балтии; лидеры прибалтийских коммунистов даже пытались вначале отговорить лидеров коммунистической партии в Москве от использования таких “радикальных мер”. В то же время народы стран Балтии были бы очевидно неправы, отрицая долю ответственности за то, что

²¹⁷ U. Fastenrath. Das Recht der Staatensukzession, in: BDGV, Heidelberg, pp. 9–48 at p. 16.

²¹⁸ См.: G. Tunkin- International Law in the International System- 147 RCADI 1975, pp. 41–44.

произошло при их сотрудничестве во время периода “оттепели”, независимо от правового статуса стран Балтии.

(С) Сохранение государственных органов стран Балтии в изгнании

Помимо позиции третьих государств, второй аспект анализа права давности заключается в позиции правительства наиболее затронутого этими событиями государства. Как было показано выше, основная трудность полной аннексии независимого государства состоит в том факте, что при таких обстоятельствах не может продолжать существовать эффективное и независимое правительство государства. В некоторых случаях (например, Австрия в 1938–1945 гг.) не было ни малейших следов государственной власти. Случай Австрии показывает, что существование правительства в изгнании не является *conditio sine qua non*²¹⁹ для возможного будущего признания идентичности правосубъектности государства. Все же, благодаря политике непризнания со стороны США, один сегмент государственного аппарата стран Балтии продолжал непрерывно функционировать в изгнании в Америке, и мы можем включить в исследование права давности/континуитета обсуждение сохранившихся государственных органов.

После установления советской армией военной блокады в июне 1940 года правительства Эстонии, Латвии и Литвы не смогли покинуть свои страны и отправиться в изгнание. Все же интересно отметить, что во все время существования советского режима в этих странах некоторые дипломатические миссии, учрежденные в период независимости до Второй мировой войны, продолжали существовать и функционировать в свободном мире. Согласно утверждениям стран Балтии, эти миссии символизировали непрерывность существования незаконно оккупированных и аннексированных республик. Кроме того, хотя вначале и не было образовано подлинных правительств в изгнании, в 1949 году в Осло было провозглашено создание правительства Эстонии в изгнании. Далее приводится более подробный отчет об этих событиях.

²¹⁹ Необходимое условие (*лат.*) — прим. пер.

(i) Функционирование дипломатических миссий стран Балтии в 1940–1991 гг.

17 мая 1940 года правительство Латвии приняло секретное решение с целью сохранить континуитет Латвийской Республики. При возникновении чрезвычайной ситуации правительственные полномочия должны были быть переданы Карлису Зариншу, латвийскому посланнику в Лондоне. Среди прочего, Заринш был уполномочен назначать и отзывать дипломатических и консульских представителей Латвии в случае, если связи с Латвией прервутся в результате войны²²⁰. Посол Латвии в Вашингтоне Альфред Билманис должен был при необходимости замещать Заринша²²¹. Дипломатическим представителям Латвии поручили проинформировать министерства иностранных дел в государствах пребывания об этом решении²²². Специальные полномочия латвийского посланника были признаны США, святейшим престолом и Испанией.

Подобные события происходили и в Литве. 2 июня 1940 года правительство Литвы назначило дипломата высокого ранга, бывшего министра иностранных дел страны и занимавшего в то время должность посланника в Италии Стасиса Лозорайтиса главой дипломатической службы Литвы с правом производить замены на случай, если правительство окажется не в состоянии функционировать²²³.

Хотя сведения о подобных шагах со стороны правительства Эстонии отсутствуют²²⁴, дипломатические представительства всех трех стран Балтии заняли одинаково активную позицию после оккупации и аннексии их стран Советским Союзом.

Так, Йоханнес Кайв, исполнявший обязанности генерального консула Эстонии в представительстве страны в Нью-Йорке, заявил в ноте от 23 июля 1940 года на имя государственного секретаря США:

“В качестве назначенного прежним конституционным правительством его высшим представителем в этой стране я рассматриваю как недействительные вышеупомянутые выборы и все акты, принятые

²²⁰ См.: Repečka. Op. cit., p. 47.

²²¹ См.: The Baltic States 1940–1972..., p. 20.

²²² См.: Repečka. Op. cit., p. 47.

²²³ Misiunas. Op. cit., p. 135 и Vitas. Op. cit., p. 39.

²²⁴ Misiunas. Op. cit., p. 135.

данной неконституционно избранной палатой депутатов, в частности, решение о вступлении в СССР”²²⁵.

Посланник Эстонии в Лондоне Август Торма также направил протест в Министерство иностранных дел Великобритании, в котором он, среди прочего, заявил:

“Следовательно, решение отказаться от независимости страны было вполне очевидно принято под давлением и не может рассматриваться как свободное и истинное волеизъявление подавляющего большинства эстонского народа”²²⁶.

Подобные протесты против свержения конституционных правительств в начале советской оккупации были направлены и дипломатами остальных стран Балтии, к примеру, послом Литвы в Берлине Шкирпой 22 июля и послом Литвы в Лондоне Балутисом 25 июля 1940 года²²⁷.

Немедленно после оккупации стран Балтии советские официальные лица попытались принудить дипломатических представителей этих государств передать свои миссии советским “преемникам” и возвратиться домой. Известно, что только один дипломат выполнил этот приказ: генеральный консул Эстонии в Стамбуле, назначенный незадолго до этих событий²²⁸. Советские власти приняли драконовские карательные законы с целью вынудить данных дипломатических представителей возвратиться домой. Например, согласно Закону о наказании предателей, опубликованном 5 августа 1940 года в официальном печатном органе Эстонии, отказавшиеся вернуться дипломаты объявлялись преступниками. Обвиненные в данном преступлении лица подлежали расстрелу в течение 24 часов после их поимки. Тем не менее, эти беспрецедентные карательные законы не смогли “убедить” основных эстонских дипломатов возвратиться в их оккупированную страну²²⁹. Другие методы были применены в Литве: 14 августа 1940 года было опубликовано решение, согласно которому посланник Литвы в США Задейкис лишился литовского гражданства, его имущество подлежало конфискации и ему запрещалось возвращение в Литву²³⁰.

²²⁵ Цит. по: The Baltic States 1940–1972..., p. 14.

²²⁶ Цит. по: The Baltic States 1940–1972... p. 14.

²²⁷ Репе́чка. Op. cit., p. 83.

²²⁸ Misiunas. Op. cit., p. 139.

²²⁹ См.: E. Jaakson. Eestile (Эстонии), p. 96.

²³⁰ R.A. Vitas. Op. cit., p. 42.

Основным центром активности зарубежных представительств стран Балтии стали США ввиду проводимой ими твердой политики непризнания и влияния этого государства в международных делах. Дипломатические миссии Эстонии, Латвии и Литвы в США продолжали свою деятельность в течение всего периода советской аннексии, продолжавшейся 51 год. К моменту восстановления независимости стран Балтии в августе 1991 года три литовские миссии (в Вашингтоне, Лондоне и Ватикане), одна латвийская миссия (в Вашингтоне)²³¹ и одна эстонская миссия (в Нью-Йорке) смогли выжить вопреки “нормативной силе фактического” и передать живой остаток существовавшего до 1940 года конституционного строя вновь образованным конституционным органам стран Балтии.

Во время советского периода балтийские дипломатические миссии сталкивались с тремя основными трудностями: убеждение государств пребывания в важности продолжения их функционирования; старение персонала; и скудность финансовых ресурсов. Поскольку они представляли оккупированные и аннексированные государства, то их правительства (прекратившие свое существование) не могли, понятное дело, осуществлять финансирование миссий. По “естественным причинам” (например, смерть) прекратилось существование нескольких балтийских миссий, так как только США и Ватикан давали разрешение на замену персонала в функционирующих дипломатических миссиях²³².

Так, к примеру, после смерти в 1971 году Августа Торма, посла Эстонии в Великобритании с 1934 года, британское Министерство иностранных дел отказало в соответствующей аккредитации Анне Вагестрем-Тару, работавшей в миссии с 1948 года. Хотя Великобритания продолжала политику непризнания советского режима в Эстонии де-юре, она занимала позицию, согласно которой с 1940 года не существовало правительства Эстонской Республики, полномочного назначать своих представителей при правительстве ее величества²³³. Подобным образом, Уругвай в случае литовской миссии отказался

²³¹ Cp.: Misiunas. Op. cit., p. 140.

²³² Misiunas. Op. cit., p. 140.

²³³ См. сертификат Министерства иностранных дел и по делам Содружества в деле “Re an Application by Ernst Jaakson and Aarand Roos” // 85 ILR 53 at p. 57. См.: also HL Debs., vol. 440, col. 1449: 28.3.1983, printed in: 54 BYBIL 1983, p. 3384.

разрешить замены, представленные главой дипломатической службы Литвы²³⁴.

Дипломатическая миссия Литвы в Аргентине была закрыта в связи с установлением дипломатических отношений между СССР и Аргентиной. Эстонское консульство в Сан Паоло, Бразилия — единственное сохранившееся в Южной Америке представительство страны — прекратило существование в связи со смертью консула Фердинанда Саукаса 29 декабря 1976 года²³⁵. Позднее, признав де-факто советскую инкорпорацию, правительство Бразилии закрыло литовскую и латвийскую миссии на своей территории²³⁶. Эстонское представительство в Испании так же прекратило работать вскоре после смерти Каарела Роберта Пуста 4 мая 1964 года²³⁷. Бывший министр иностранных дел Карл Селтер выступал в качестве дипломатического агента Эстонии в ФРГ и Швейцарии, но это представительство закрылось вместе с его смертью²³⁸.

Поскольку замены персонала позволялись правительством США, дипломатические миссии стран Балтии действовали там непрерывно во время всего периода советской аннексии. Так, после смерти 20 ноября 1965 года Йоханнеса Кайва, исполнявшего обязанности генерального консула Эстонии во главе миссии²³⁹, он был замещен консулом Эрнстом Яаксоном, внесенным в список дипломатических представителей в США 15 декабря 1965 года²⁴⁰ и занимавшим должность генерального консула вплоть до восстановления в Эстонии легитимной государственной власти.

²³⁴ Misiunas. *Op. cit.*, p. 139.

²³⁵ Jaakson. *Op. cit.*, p. 207–208.

²³⁶ Misiunas. *Op. cit.*, p. 139.

²³⁷ Jaakson. *Op. cit.*, p. 214. О вкладе К.-Р. Пуста в науку международного права см.: К.-Р. Pusta. *Le Statut juridique de la mer Baltique à partir du XIXe siècle // 52 RCADI 1935*, pp. 105–190.

²³⁸ Misiunas. *Op. cit.*, p. 140.

²³⁹ Таким нестандартным было название этой миссии. С точки зрения строгих понятий международного права такое название было курьезом, но правительство США признавало его в этом виде и оно было включено в дипломатические списки в Вашингтоне. См.: E. Jaakson. *Op. cit.*, p. 65.

²⁴⁰ Jaakson. *Op. cit.*, p. 174. См. также: A. Velliste. *Ernst Jaaksonile*. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2000.

Биография Эрнста Яаксона во многих отношениях персонифицирует тезис о континуитете Эстонской Республики²⁴¹. Родившийся в год первой русской революции в 1905 году, Яаксон приступил к работе в эстонской дипломатической миссии в Риге, Латвия, уже в 1919 году, когда ему было всего 14 (!) лет. В апреле 1932 года он был направлен в генеральное консульство Эстонии в Нью-Йорке²⁴². Как было указано выше, Яаксон стал исполняющим обязанности генерального консула во главе миссии в 1965 году, занимал эту должность вплоть до восстановления конституционной власти в Эстонии в 1991–1992 гг. и продолжал работу в дипломатической службе страны в качестве первого посла Эстонии в ООН до его смерти в 1998 году. Проработав в дипломатической службе 75 лет, Яаксон считался в мире дипломатом с наиболее длительным стажем²⁴³.

Государственный департамент США также допускал назначение новых консулов в миссиях стран Балтии²⁴⁴ с единственным условием, что назначаемые лица должны иметь гражданство соответствующей страны. При генеральном консуле Эстонии Э. Яаксоне госдепартамент США утвердил Акселя Линкхорста на должности консула в 1967 году. После смерти последнего в 1981 году госдепартамент утвердил его замену на Эвальда Уусталу. После смерти Уусталу в 1982 году лингвист из университета Лунд Ааранд Роос был аккредитован госдепартаментом США в качестве нового консула Эстонии в Нью-Йорке 4 апреля 1982 года²⁴⁵.

В рамках такой же процедуры глава латвийской миссии в Вашингтоне Альфред Билманис был замещен после его смерти Юлесом Фелдмансом. После смерти Фелдманса его работу продолжил Арнольдс Спекке. Во время восстановления независимости Латвии в августе 1991 года латвийскую миссию возглавлял поверенный в делах Анатолий Динберг²⁴⁶.

²⁴¹ См. также: E. Medijainen. Saadiku saatus. Välisministeerium ja saatkonnad 1918–1940 (Судьба посла. Министерство иностранных дел и дипломатические миссии в 1918–1940 годах). Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 1997, p. 258. (Резюме на английском).

²⁴² См.: Jaakson. Op. cit., p. 19 et seq.

²⁴³ См.: Ernst Jaakson, Estonian Envoy, Dies at 03. International Herald Tribune 26–27 September 1998.

²⁴⁴ См.: Digest of United States Practice in International Law 1979, p. 111.

²⁴⁵ См.: Jaakson. Op. cit., pp. 216–217.

²⁴⁶ См.: Jaakson. Op. cit., p. 113.

Повилас Задейкис, занимавший в 1940 году должность посла Литвы в Вашингтоне, умер в 1957 году и был замещен Юзесом Кайецкасом. В 1977 году последнего сменил его заместитель Стасис Бацкис. Генеральный консул Литвы в Нью-Йорке Йонас Будрыс был замещен после его смерти м-ром Стасинскасом и, позднее, Стасисом Бацкисом²⁴⁷. Последним посланником Литвы в Вашингтоне в советское время с 1987 года был Стасис Лозорайтис-младший, сын бывшего главы дипломатической службы Литвы. В 1970 году он был признан Ватиканом в качестве поверенного в делах и распределял свои задачи между Ватиканом и Вашингтоном²⁴⁸. Литовскую миссию в Лондоне до самого конца советского периода возглавлял Винцас Балицкас, прибывший в Великобританию в качестве торгового советника в 1938 году; в 1991 году, когда Литва восстановила свою независимость, ему было 84 года²⁴⁹.

С точки зрения выживания представительств стран Балтии наибольшее значение имел один практический вопрос: получение финансирования в ситуации, когда были прерваны связи с аннексированной родиной. К примеру, 1 июля 1940 года генеральное консульство Эстонии в Нью-Йорке располагало суммой всего лишь в 4525,15 долларов. Этого было достаточно для обеспечения работы генерального консульства всего на несколько месяцев (учитывая стоимость аренды жилья в Нью-Йорке, расходы на содержание персонала и т.д.)²⁵⁰ К счастью для балтийских миссий, государственный департамент США в 1941 году разрешил использование в ограниченных объемах ранее замороженных депозитов стран Балтии, размещенных в США²⁵¹. США отказались выполнить требование Госбанка — советского центрального банка — о переводе на его счета активов стран Балтии. Госдепартамент США также разрешил использование этих депозитов для оплаты работы представительств стран Балтии в Южной Америке (таких как эстонское консульство в Сан Паоло, Бразилия)²⁵². С 1951 года расходы эстонской миссии в Лондоне оплачивались за счет

²⁴⁷ Jaakson. *Op. cit.*, p. 113. Cp.: Vitas. *Op. cit.*, pp. 43, 110 and 112.

²⁴⁸ Misiunas. *Op. cit.*, p. 140. В качестве главы литовской миссии Лозорайтис-младший играл важную роль в восстановлении независимости Литвы, работая советником при председателе Верховного Совета Ландсбергисе. См.: Lieven. *Op. cit.*, pp. 235 and 71.

²⁴⁹ Misiunas. *Op. cit.*, p. 140.

²⁵⁰ См.: Jaakson. *Op. cit.*, p. 95.

²⁵¹ См. также: *Digest of United States Practice in International Law 1979*, p. 173.

²⁵² См.: Jaakson. *Op. cit.*, pp. 111 and 115.

золотых резервов, размещенных в США²⁵³. Кроме того, во всех трех случаях добровольные пожертвования от находившихся в изгнании лиц играли значительную роль в обслуживании и ремонте зданий дипломатических миссий и пр.²⁵⁴ В случае крайних финансовых затруднений балтийские миссии оказывали помощь друг другу. Поверенный в делах Латвии Динбергс однажды санкционировал выдачу займа на содержание эстонских миссий в размере 185 000 долларов своему эстонскому коллеге генеральному консулу Яаксону²⁵⁵.

Основная функция дипломатических миссий стран Балтии имела символический характер: представительство суверенитета трех оккупированных и аннексированных государств. В течение всего периода советской аннексии дипломаты стран Балтии входили в списки дипломатов государственного департамента США и, следовательно, приглашались для участия в дипломатических церемониях и приемах, организуемых госдепартаментом. Консулы стран Балтии также обладали процессуальной правоспособностью в судах США. Первым подтвердившим данную норму прецедентом стало дело Буксховеден против Государственного банка Эстонии (*Buxhoeveden v. Estonian State Bank*)²⁵⁶. В деле об имуществе Лукса (*Luks' Estates*)²⁵⁷ Нью-йоркский суд по делам о наследстве и опеке предоставил процессуальную правоспособность генеральным консулам Латвии и Эстонии. Кроме того, миссии стран Балтии продолжали выдавать паспорта тем лицам, которые могли подтвердить гражданство Эстонии, Латвии и Литвы, а также, в ряде случаев, и их потомкам²⁵⁸.

Паспорта и удостоверения личности моряков стран Балтии продолжали признаваться государствами, которые не признали включение этих государств в состав СССР. Кроме того, Швеция и некоторые другие страны, хотя и признали советскую инкорпорацию стран Балтии, принимали такие паспорта в качестве проездных документов и документов на проживание²⁵⁹.

²⁵³ Jaakson. Op. cit., p. 115.

²⁵⁴ Misiunas. Op. cit., p. 141.

²⁵⁵ Jaakson. Op. cit., p. 202. Ср.: Vitas. Op. cit., p. 111.

²⁵⁶ The New York Supreme Court, Special Term, Queens County, April 21, 1943; 41 N.Y.S. (2d) 752–757; *Ibid.*, Part I, October 8, 1948; 84 N.Y.S. (2d)2. (Статус генерального консула Эстонии был подтвержден на основе общего международного права и договоров между США и Эстонией).

²⁵⁷ *In re Luks' estates*, 256 N.Y.S. 2d 194, also reported at 59 AJIL 1965, p. 642 et seq.

²⁵⁸ Misiunas. Op. cit., p. 141.

²⁵⁹ Misiunas. Op. cit., p. 141–142.

Помимо выдачи паспортов, балтийские миссии оказывали находящимся в эмиграции гражданам представляемых ими государств обычные консульские услуги, такие как нотариальные функции: перевод официальных документов, выдача свидетельств, заверение документов, выданных в странах Балтии до 1940 года и т.д.²⁶⁰

(ii) Специфика эстонского случая: правительство(-а) в изгнании

В правовой литературе существует определенная путаница в вопросе о правительствах стран Балтии в изгнании. Некоторые авторы утверждают, что у аннексированных стран Балтии не было правительств в изгнании, которые могли бы претендовать на представительство легитимной государственной власти в соответствующих странах²⁶¹. Другие авторы ошибочно полагают, что у всех трех стран Балтии во время советского периода были правительства в изгнании²⁶². В действительности, только у одного из трех государств — Эстонии — было такое правительство²⁶³, и данная путаница показывает, насколько хрупкими были роль и статус этого правительства.

Образование эстонского правительства в изгнании тесно связано с именем Юри Улуотса, последнего премьер-министра страны перед советской оккупацией²⁶⁴. Скрываясь от властей, Улуотс смог пережить первый год советской оккупации в Эстонии и, во время оккупации страны Германией (1941–1944 гг.), рассматривался большинством как носитель государственного континуитета по Конституции Эстонии 1938 года. Ввиду депортации в Советскую Россию Президента Республики Константина Пятса Коллегия выборщиков из пяти членов, образованная по Конституции Эстонии 1938 года, на секретном заседании 20 апреля 1944 года приняла решение о передаче полномочий

²⁶⁰ См.: E. Roosaare. *Consular Relations between the United States and the Baltic States* // 27 *Baltic Review* (June 1964), pp. 23–32. Ср.: Jaakson. *Op. cit.*, p. 98.

²⁶¹ См., например: H. Krieger. *Das Effektivitätsprinzip im Völkerrecht*, p. 443.

²⁶² А. Петерс говорит о “im Exil befindlichen Exilregierungen”. См.: *Op. cit.*, p. 151.

²⁶³ О соответствующих попытках в Литве и Латвии см.: *The Baltic States 1940–1972...*, pp. 63–69.

²⁶⁴ См. также: L. Mälksoo. *Professor Uluots, the Estonian Government-in-Exile and the Continuity of the Republic of Estonia* // 69 *Nordic JIL* 2000, pp. 289–316.

президента республики последнему законно назначенному премьер-министру страны Юри Улуотсу.

С юридической точки зрения “права” Улуотса были спорными. Утверждалось, что в июне 1940 года президент Пятс распустил правительство Улуотса в рамках процедуры, допускаемой Конституцией Эстонии. С другой стороны, эта критика опровергалась тем аргументом, что президент Пятс при назначении просоветского правительства в июне 1940 года действовал под принуждением в уже оккупированной стране. Соответственно, смена правительства была неконституционной²⁶⁵.

18 сентября 1944 года Улуотс назначил новое правительство Эстонской Республики во главе с Отто Тиефом. Германские войска отступали, и эстонцы надеялись восстановить свою независимость до того, как советская армия успеет вторично “освободить” страну. Правительство Тиефа действовало в течение одной недели. Несколько дней оно контролировало столицу страны Таллинн и организовывало вооруженное сопротивление против наступающих советских войск. Несмотря на это, советская армия захватила Таллинн 22 сентября и вскоре после этого, сталкиваясь только с единичными случаями сопротивления, вышла на западное побережье Эстонии. Большинство членов правительства Тиефа, включая и самого премьер-министра, были арестованы; только некоторым удалось спастись бегством в Швецию через Балтийское море. Правительство Тиефа прекратило существование, и Эстония вновь оказалась в условиях советской оккупации.

Улуотс, претендовавший на континуитет государственной власти в Эстонии, умер от рака в Швеции 9 января 1945 года. Четверо оставшихся в живых члена правительства Тиефа за день до смерти Улуотса приняли решение, что, согласно Конституции 1938 года, полномочия президента республики должны быть переданы старейшему члену правительства Тиефа Августу Рею, занимавшему пост министра иностранных дел и посланника в Москве в 1939–1940 гг.

Тем не менее, по Конституции Эстонии была возможна и другая интерпретация подобного конституционного кризиса, а именно назначение нового президента республики специальной Коллегией выборщиков (как и в случае с Улуотсом в 1944 году). В результате двух

²⁶⁵ В формулировке Марек: Конституция Эстонии очевидно не предусматривала назначение национальных правительств по спискам, составленным органами иностранного государства. См.: Marek. *Op. cit.*, p. 384.

возможных интерпретаций Конституции Эстонии 1938 года возникло два соперничающих правительства Эстонии в изгнании.

Спустя более 8 лет с момента прекращения деятельности правительства Тиефа в сентябре 1944 года старейший член этого правительства Август Рей 12 января 1953 года, в Осло, провозгласил образование правительства Эстонии в изгнании. Это правительство получило известность как “правительство в изгнании в Осло”. Выжившие члены Коллегии выборщиков, оскорбленные “односторонними действиями” Рея, собрались вблизи города Детмолд в Германии. “Коллегия выборщиков” назначила Альфреда Маурера, одного из своих членов и бывшего второго вице-спикера верхней палаты довоенного парламента Эстонии, исполняющим обязанности президента Эстонии в изгнании. 2 марта 1953 года Маурер назначил Йохана Гольберга премьер-министром своего “правительства Эстонии в изгнании”.

В результате этой борьбы за, в сущности, воображаемую власть, одновременно возникли два правительства Эстонии в изгнании. Поскольку в Эстонии сохранялся советский режим, а “Коллегия выборщиков” не могла обновлять свой состав и, тем самым, продолжать служить основой для правительства в изгнании, то “альтернативное” правительство Маурера прекратило существование после смерти его членов.

Провозглашенное Реем “правительство в Осло” существовало вплоть до восстановления в Эстонии конституционной власти на выборах 1992 года. Это правительство основывалось на интерпретации Конституции Эстонии, согласно которой в случае смерти Президента (или, соответственно, исполняющего обязанности Президента), старейший член существующего в этот момент правительства автоматически становится следующим исполняющим обязанности Президента. Таким образом, эта должность могла “обновляться” каждый раз после смерти очередного исполняющего обязанности Президента. Теоретически, такой метод мог бы гарантировать существование правительства Эстонии в изгнании *ad aeternum*²⁶⁶. После смерти Августа Рея в 1964 году очередным исполняющим обязанности Президента в изгнании стал Александр Варна. В 1971 году за Варной последовал Тынис Кинт, а за ним в 1990 году — Хейнрих Марк. Правительство Эстонии в изгнании существовало на всем протяжении советского периода и, с символической целью, включало в себя все те министерские

²⁶⁶ До бесконечности (*лат.*) — прим. пер.

посты от иностранных дел до транспорта и сельского хозяйства, которые были представлены в довоенном правительстве страны.

Как и в случае дипломатических миссий стран Балтии, основной *raison d'être* правительства в изгнании состоял в сохранении на международной повестке дня вопроса о незаконной аннексии Эстонии путем символического сохранения элемента государственной власти²⁶⁷. Члены правительства активно провозглашали позицию Эстонии на конференциях и во время значительных международных событий, “от имени Эстонской Республики” награждали знаками отличия определенных выдающихся лиц и т.д. Тем не менее, значение этого правительства ограничивалось областью политического символизма, поскольку оно не было признано ни единым иностранным правительством²⁶⁸. Более того, даже дипломатические миссии Эстонии в Нью-Йорке и Лондоне отказывались признавать легитимность и верховенство его власти как правительства Эстонии в изгнании²⁶⁹.

Таким образом, за все время его существования (1953–1992 гг.) данное правительство не имело международного статуса. Ввиду отсутствия международного признания не сформировалось его фактического положения как правительства в изгнании. Тем не менее, утверждалось, что правительство Эстонии в изгнании обладало необходимой легитимностью с точки зрения Конституции Эстонии. По крайней мере, это обстоятельство было, очевидно, признано *post factum* конституционными властями современной Эстонской Республики. На официальной странице Президента Эстонии в сети интернет исполняющие обязанности Президента Эстонии в изгнании перечисляются как предшественники избранных после 1992 года Президентов и именуются носителями государственного континуитета в период незаконной советской аннексии²⁷⁰. Даже если конституционная легитимность правительства Эстонии в изгнании спорна с академической точки зрения, следует придать должный вес интерпретации конституционных органов современной Эстонии, свидетельствующей

²⁶⁷ Ранний отчет об этих попытках см. в: We Demand Freedom for Estonia. Memoranda Presented to the Delegations at the Paris Conference (1946). London: Boreas, 1947.

²⁶⁸ Позиции США и Великобритании см. в: Jaakson. Op. cit., p. 170 and 195.

²⁶⁹ См. встречу дипломатических представителей Эстонии из миссий в Нью-Йорке и Лондоне с исполняющим обязанности Президента правительства в изгнании А. Варма в Лондоне 27 апреля 1966 года. См.: Jaakson. Op. cit., p. 171.

²⁷⁰ См.: www.president.ee/eng/headstat.html.

в пользу легитимности этого правительства, поскольку в данной интерпретации содержится “позиция соответствующего государства в отношении себя”²⁷¹. И все же даже такая интерпретация конституционными органами современной Эстонии не может иметь обратной силы в отношении создания международного статуса для правительства Эстонии в изгнании.

Таким образом, несомненная кульминация относительно долгого существования данного правительства приходится на 7 октября 1992 года, когда был создан первый постсоветский парламент Эстонии (VII состав Рийгикогу) и исполняющий обязанности Президента в изгнании Хейнрих Марк выступил перед парламентом с речью, которую можно истолковать как церемониальную “передачу” государственной власти недавно избранным конституционным органам. В тот же день Рийгикогу избрало Леннарта Мери первым после завершения оккупационного периода Президентом Эстонской Республики. Таким образом, правительство в изгнании прекратило свою деятельность, а Леннарт Мери выразил свою “глубокую признательность” Хейнриху Марку и всем остальным членам этого правительства за “сохранение континуитета Эстонской Республики”²⁷². Курс на “реставрацию” получил дальнейшее подтверждение в том факте, что президент Мери тщательно избегал возможности церемониального принятия полномочий от последнего председателя Верховного Совета Эстонии г-на Арнольда Рюйтеля. По иронии истории (и, возможно, тезиса о континуитете Эстонии) в сентябре 2001 года президент Мери должен был передать президентские полномочия бывшему председателю Верховного Совета г-ну Рюйтелю, которого Коллегия выборщиков избрала на пост президента страны.

²⁷¹ См.: Fiedler. Continuity, p. 808.

²⁷² См.: H. Mark. Vabariigi President ja Vabariigi Valitsus Eksiilis 1988–1992 (Президент и правительство Республики в изгнании в 1988–1992 гг.) // Akadeemia 1997 No. 7, p. 1443 et seq.

(iii) Дипломатические миссии стран Балтии и правительство Эстонии в изгнании: оценка с точки зрения государственного континуитета и права давности

Дипломатические миссии стран Балтии во время периода советской оккупации не подчинялись какой-либо высшей власти, поскольку в случае Латвии и Литвы правительств в изгнании не существовало, а соответствующее эстонское правительство, образованное в 1953 году, не признавалось эстонскими миссиями. Действительно, данные миссии были единственными сохранившимися государственными органами аннексированных Советским Союзом стран Балтии. В литературе получил широкое распространение тезис, согласно которому континуитет стран Балтии заключался в их дипломатических миссиях²⁷³. Последние функционировали в США де-факто как квази-правительства в изгнании и символизировали продолжение существования третьего конститутивного элемента государства — государственной власти.

Хотя США формально не признавали балтийские миссии как “правительства в изгнании”²⁷⁴, их представители утверждали, что роль балтийских дипломатов состояла в “поддержании идеала свободной Эстонии, Латвии и Литвы”²⁷⁵. Хотя некоторые ученые, исходя из этого, прямо отрицали возможность рассмотрения дипломатических миссий стран Балтии как квази-правительств в изгнании на протяжении периода советской аннексии²⁷⁶, не следует все же недооценивать правовое значение этих миссий в контексте правопритязаний стран Балтии на континуитет. Символическое сохранение и функционирование миссий на протяжении всего периода незаконной аннексии гарантировало непрерывное существование, по крайней мере, одного символического “элемента” правового строя оккупированных и аннексиро-

²⁷³ См.: Marek. Op. cit., p. 410; Misiunas. Op. cit.; Siiagi. Op. cit., p. 257; Meissner. Sowjetunion, die baltischen Staaten... p. 200; Yakemtchouk. Op. cit., p. 273.

²⁷⁴ Ср.: R.A. Vitas. Op. cit., p. 41.

²⁷⁵ U.S. Department of State, Statement by Robert L Barry, Assistant Secretary for European Affairs, before the Subcommittee on International Organizations of the House Committee on Foreign Affairs, June 26, 1979, pp. 4–5.

²⁷⁶ См., например: W. Schaumann. Exilregierung, in: K. Strupp and H.-J. Schlochauer (eds.). Wörterbuch des Völkerrechts. 2. Aufl., Band I, Berlin: Springer, 1960, p. 498.

ванных государств и, тем самым, служит существенным аргументом в пользу правоприятий стран Балтии на континуитет. Вопрос о том, следует ли квалифицировать эти миссии как “квази-правительства в изгнании” может остаться открытым в последней инстанции, поскольку данная квалификация не имеет решающего значения для подтверждения или опровержения государственного континуитета. Как было показано выше, государственный континуитет может быть сохранен в случаях незаконной аннексии (хотя в предшествующих прецедентах это действительно произошло в более короткие временные отрезки) даже, несмотря на отсутствие правительства в изгнании, дипломатических миссий или иных государственных органов.

Существование правительства Эстонии в изгнании и его позднейшее признание парламентом и президентом страны следует рассматривать как, прежде всего, символический акт. Смысл этого символа, в конечном счете, должен был еще более подкрепить аргументы в пользу государственного континуитета. Можно предположить, что члены парламента и президент в 1992 году осознавали шаткость позиции правительства в изгнании во время периода советской аннексии.

С академической точки зрения представляется спорным вопрос о том, существовало ли в принципе правительство Эстонии в изгнании в том смысле, какой вкладывается в это понятие международным правом. Ввиду отсутствия международного признания, существование данного правительства вряд ли оказало какое-либо влияние на решение многих государств признать идентичность правосубъектности стран Балтии в 1991 году. Кроме того, была признана идентичность правосубъектности всех трех стран Балтии, хотя из них только у Эстонии было правительство в изгнании (как утверждалось некоторыми, самоназначенное правительство).

Можно сделать вывод о сомнительности значения правительства Эстонии в изгнании как с точки зрения конституционного права Эстонии, так и с позиции международного права. С другой стороны, невзирая на весь намеренный символизм, было бы неверно полностью отрицать роль данного правительства в определении правового статуса Эстонской Республики. Во-первых, невзирая на символический и/или неэффективный характер этого правительства, оно представляло собой акт сознательного неприятия советского режима со стороны соответствующего населения и, тем самым, не позволяло этому режиму стать неоспоримым. Подобная капитуляция могла бы привести к окончательному прекращению существования Эстонской Республики как субъекта международного права.

Во-вторых, что, вероятно, наиболее существенно, существование правительства Эстонии в изгнании оказало неожиданно заметное влияние на конституционные решения, принятые народом и политиками Эстонии в 1990–1992 годах. Высказываясь *cum grano salis*²⁷⁷, даже если данное правительство и не “сохранило” международную правосубъектность Эстонской Республики, многие граждане Эстонии верили (или хотели верить) в обратное. Таким образом, это правительство оказало решающее влияние на точки зрения и шаги граждан Эстонской Республики, высший источник легитимности государственной власти.

В ретроспективе можно прийти к выводу, что эстонские дипломатические миссии и правительство в изгнании не противоречили друг другу как носители государственного континуитета, хотя это правительство и не признавалось миссиями. Они символизировали собой непрерывавшееся правопритязание граждан Эстонии на независимую государственность и, каждый по-своему, представляли государственную власть, существовавшую до оккупации. И миссии, и правительство в изгнании свидетельствуют против приобретательской и погасительной давности в случае аннексированных стран Балтии: в доктрине признается, что продолжение существования правительства в изгнании является фактом, говорящим против закрепления захвата²⁷⁸.

В то же время очевидно, что ни дипломатические миссии стран Балтии, ни правительство в изгнании (в случае Эстонии) не могли выполнять функции правительства в обычном смысле этого слова. Никакой государственный орган в изгнании не может обладать эффективностью, сравнимой с “нормальной” государственной властью, что особенно верно для периода длиной в полвека.

(D) Народы стран Балтии и право давности

При проведении анализа права давности нам следует, наконец, обратиться к той роли, которую играли народы стран Балтии. Во второй половине XX века принцип демократической легитимности приобрел все большее значение в правовом анализе государственности²⁷⁹. Возрастающее значение права народов на самоопределение в частности и прав человека в целом привели к существенному отходу от

²⁷⁷ С долей иронии (*лат.*) — прим. пер.

²⁷⁸ См.: K. Doehring. State, in: EPIL 10,1987, p. 427.

²⁷⁹ Ср.: J. Crawford. The Criteria for Statehood..., p. 144 et seq.

ориентированного на государство правового формализма. Государство перестало быть гегелевским абсолютом; его власть происходит от народа. В последние два десятилетия несколько известных юристов-международников даже начали доказывать существование права на демократическое управление в международном праве²⁸⁰.

В этом свете не вызывает удивления тот факт, что отношение соответствующего населения к государству, осуществляющему над ним свою власть, приобретало все большее значение с правовой точки зрения. В то же время, “народ” представляется наиболее трудным для интерпретации элементом в правовом изучении государственности. “Воля народа” фигурировала среди наиболее сильных — и, следовательно, наиболее искаженно используемых (“вы, народ”) — аргументов в политической риторике и правовой легитимации.

Незаконно оккупированное государство может превратиться в нечто иное, когда его население принимает новый режим и правосубъектность государства и более не стремится к собственному независимому государству. Ввиду приоритета, отдаваемого в современном международном праве интересам людей над государственным интересом, согласие населения на захват может быть фактором в пользу принятия права давности²⁸¹. Другими словами, без подлинного согласия соответствующего населения не может применяться право давности²⁸². Филип Маршалл Браун в 1941 году сформулировал следующий тезис:

“Военная оккупация сама по себе не создает правооснования и не приводит к прекращению существования государства. Не приводит к этому и провозглашение аннексии до тех пор, пока притязания оккупирующей державы фактически оспариваются и остаются непризнанными. (...) Государства не прекращают существования автоматически. (...) Государство это значительно больше, чем просто внешнее выражение территории и правительства. Оно состоит из мужчин и женщин, в которых пребывает суверенитет. Пока идея суверенитета дорога их сердцам, их государство живо”²⁸³.

²⁸⁰ См.: T. Franck. *The Emerging Right to Democratic Governance* // 89 AJIL 1992, pp. 46–91; J. Crawford. *Democracy and International Law* // 64 BYBIL 1993, p. 113.

²⁸¹ Bowett. *Case Concerning Territorial Dispute (Libya-Chad)*. I.C.J., Public Sitting, CR 93/28, p. 19.

²⁸² См., например: A. Verdross. *Völkerrecht I*, Wien, 1964, 5. Aufl., pp. 288–289 and H. Krieger. *Das Effektivitätsprinzip im Völkerrecht*, p. 455.

²⁸³ J.S. Brown. *Sovereignty in Exile* // 35 AJIL 1941, pp. 667–668.

Таким образом, народ государства — второй элемент в “теории трех элементов” — может существенно повлиять на анализ государственности.

По ряду причин подлинную волю народа бывает не просто установить. Во-первых, недемократические режимы обладают возможностью манипулировать волей народа, сочетая монополию на информацию и образование с прямой ложью, производимой аппаратом пропаганды. Если и не абсолютно, как в романе Джорджа Оруэлла “1984”²⁸⁴, то, по крайней мере, частично такие режимы в состоянии вводить в заблуждение народ по поводу своих намерений, а внешний мир — в заблуждение по поводу желаний народа, находящегося под контролем данного режима²⁸⁵. Они могут заставить или соблазнить выгодами народ на оккупированных территориях к сотрудничеству с целью выживания. Определенные лица из завоеванных территорий отбираются и проходят подготовку как “истинные новые представители” народа. Эти лица, в свою очередь, никогда не устают восхвалять жизнь в новом государстве и при новом правительстве.

Хотя такая маскировка может быть, очевидно, раскрыта с относительной простотой²⁸⁶ — особенно в связи с тем, что XX век оставил нам большой опыт и понимание функционирования, методов и возможностей тоталитарных режимов²⁸⁷ — остается все же проблема установления подлинной воли народа. Например, вполне возможно представить себе ситуацию, когда западные политики задавали себе вопрос о том, служит ли непризнание советской аннексии стран Балтии интересам народов Эстонии, Латвии и Литвы? Даже если видеть насквозь советские фальсификации о “родине рабочего народа” было довольно несложно, возникал все же и прагматический вопрос: что важнее — продолжать развивать культурные и экономические отношения, которые принесут пользу всем участвующим в них

²⁸⁴ См.: G. Orwell. *Nineteen eighty-four*. London: Secker & Wartburg, 1997.

²⁸⁵ Ср. также в отношении тоталитарных государств: G. Arangio-Ruiz. *L'Etat dans le sens du Droit des Gens...*, p. 292.

²⁸⁶ История увлеченного сотрудничества западных интеллигентов со сталинским и гитлеровским режимами, символизируемая такими выдающимися деятелями как Ромен Роллан и Кнут Гамсун, представляет из себя, разумеется, важное исключение, которое заслуживает отдельного (не правового) исследования.

²⁸⁷ См. в особенности: H. Arendt. *The Origins of Totalitarianism*. London: Andre Deutsch, 1986. В отношении советского тоталитаризма см. в особенности: p. 303 et seq.

народам и лицам, или же отказаться по “идеологическим” причинам от любого сотрудничества с существующим (оккупационным) режимом? Например, Финляндия при Президенте Урхо Калева Кекконене пошла по первому пути. Признавая на словах советский режим, она восстановила активные культурные связи с Эстонией в той мере, в какой это было дозволено советским правительством. Основываясь на этом опыте, аналитики впоследствии предположили, что относительным успехом в адаптации к рыночной экономике западного образца и проведении необходимых реформ Эстония отчасти обязана культурным и экономическим контактам с Финляндией, не прерывавшимся во время советского периода.

Под влиянием тоталитарных режимов и идеологий или по каким-либо другим причинам “воля” народа может также измениться, подобно тому, как подвержены изменениям цели и планы отдельных людей. Отношение многих австрийцев к Гитлеру и идее *Großdeutschland* к 1945 году, вероятно, изменилось по сравнению с 1938 годом (хотя восприятие Гитлера чехами, по-видимому, не претерпело изменений за этот период).

Как бы не были велики трудности, связанные с установлением воли народа, последние события показывают, что во всех тех случаях, когда люди имеют возможность свободно высказать свои желания и придают этим желаниям достаточно значения, чтобы высказать их настойчиво, такие проявления воли народа не остаются без внимания в международно-правовой практике. В конечном счете, решение о правосубъектности государства оказывает наибольшее влияние именно на соответствующее население.

В свете вышесказанного становится очевидным, что в случае аннексированных стран Балтии особое значение должно придаваться притязаниям на самоопределение и их проявлениям со стороны народов этих государств. Сохранение стран Балтии как субъектов международного права следует приписывать притязаниям балтийских народов и их представителей на независимую государственность на основе принципа государственного континуитета даже в большей степени, чем дипломатическим миссиям стран Балтии (или, в случае Эстонии, правительству в изгнании, которое приобрело значение только в последние годы советского режима).

Но существовали ли в действительности такие притязания на независимую государственность в долгие годы советского режима? В процессе получения независимости в 1989–1991 годах народы и политики стран Балтии очень настойчиво притязали на восстановление незави-

симости довоенных республик. Выдвижением такого требования они продемонстрировали, что воспринимают свою преемственную связь с независимыми довоенными республиками (представители старшего поколения были гражданами этих республик) как более существенную, чем связь со все еще существовавшим советским режимом. Разумеется, предположить со стороны населения мышление категориями государственной “правосубъектности” или “континуитета” было бы нереалистично. Тем не менее, люди обычно знают, кто они есть и кем они не являются; какое государство “их собственное”, а какое нет. Для большинства населения стран Балтии в 1991 году независимые довоенные республики были всего лишь идеальными образами, которых они никогда не “видели” и с которыми не сталкивались в действительности. Тем не менее, уверенное возникновение притязаний на независимость в конце 1980-х гг. продемонстрировало, что за все время советского периода (1940–1941, 1944–1991) идея/идеал независимой государственности никогда не исчезали среди балтийских народов.

В связи с этим у аналитиков, следивших за развитием событий в странах Балтии после установления над ними советского контроля сначала в 1940 и затем в 1944 году, не могло вызвать удивления, когда литовцы, латыши и эстонцы в 1990–1991 годах стали настаивать именно на восстановлении довоенных независимых республик, а не на “выходе из состава” СССР (России).

Враждебность и сопротивление балтийских народов советскому режиму выразилась в разнообразных формах (о причинах этой враждебности по отношению к оккупирующему государству и, в особенности, о преступлениях сталинского периода смотри в следующей части настоящего исследования). Здесь может быть уместна небольшая историческая справка. Летом 1941 года балтийские партизаны, которые самоорганизовались после советской массовой депортации 14 июня 1941 года, использовали представившуюся в связи с нападением Гитлера на СССР возможность и, в некоторых районах, смогли вынудить советские войска отступить еще до того, как состоялась оккупация стран Балтии вермахтом для нацистской Германии. В 1944 году вооруженное сопротивление балтийских призывников советским силам вторжения было еще более решительным. Когда в ходе 1944 года стало очевидно, что сталинский Советский Союз вновь завладеет странами Балтии, сотни тысяч литовцев, латышей и эстонцев проголосовали против советского государства своими ногами: отправившись на Запад в качестве беженцев.

В 1944–1956 годах СССР в странах Балтии столкнулся с серьезным партизанским движением. Эти партизаны, называвшиеся “лесными братьями” местным населением и “бандитами” советскими властями, были особенно активны в Литве и пользовались поддержкой или, по крайней мере, симпатией со стороны местного населения (и, до некоторой степени, западных разведывательных служб). Они контролировали сельские районы, в которых советская власть могла быть установлена только ценой больших потерь²⁸⁸. Хотя вооруженное сопротивление со стороны балтийских партизан прекратилось в начале 1950-х годов, последние из них были пойманы много позднее. Например, в Эстонии один из последних “действующих” лесных братьев, Август Сабе, был убит в 1978 году при попытке спастись от двух сотрудников КГБ в лесу в южной части Эстонии²⁸⁹.

СССР ответил на массовое сопротивление в странах Балтии массовыми депортациями и ликвидациями, которые можно расценить как государственные преступления: преступления против человечества и, возможно, даже как геноцид²⁹⁰. Хейке Кригер, которая в своей недавней монографии во всех остальных случаях подчеркивает важность действительности в международном праве, также настаивает на том, что если государство аннексирует территорию противоправно и сочетает данное нарушение права с массовыми депортациями и геноцидом, то “применение права давности невозможно ни при каких условиях”²⁹¹.

Когда в конце 1940-х годов большинство эстонцев, латышей и литовцев осознали, что продолжение вооруженной борьбы против сталинского СССР означает самоуничтожение, то были приняты более пассивные формы сопротивления²⁹². К примеру, в дни национальных

²⁸⁸ В Эстонии до 30000 “лесных братьев” сражались против советской армии и властей в 1944–1956 годах. См.: M. Laar. *War in the Woods. Estonia's Struggle for Survival 1944–1956*. Washington, DC: The Compass Press, 1992. См. также: Lieven. *Op. cit.*, p. 87–92.

²⁸⁹ Последний известный эстонский лесной брат, Йоханнес Лилленурм, умер на свободе в 1980 году.

²⁹⁰ Обсуждение см. в: L. Mälksoo. *Soviet Genocide? The Communist Mass Deportations in the Baltic States and International Law* // 14 *Leiden JIL* 2001, pp. 757–787.

²⁹¹ H. Krieger. *Das Effektivitätsprinzip im Völkerrecht*. 2000, p. 426.

²⁹² См., например: D. Bungs. *Joint Political Initiatives by Estonians, Latvians, and Lithuanians as Reflected in Samizdat Materials 1967–1987*, in: Loeber/Vardys/Kitching (eds.). *Regional Identity...*, 1990, pp. 429–462. О движении сопротивления в Эстонии см. статьи Виктора Нийтсоо в ежемесячнике Ака-

праздников, в знак протеста, часто вывешивались флаги независимой Эстонии, Латвии и Литвы, что было запрещено и по советским законам считалось преступлением. С 1950-х годов у большей части населения не осталось иного выбора, кроме сотрудничества с советскими властями, большинство людей попыталось найти прибежище в культурной идентичности, а не в активном сопротивлении. Таким образом, десятилетия советского режима характеризовались не только героизмом и сопротивлением, но и коллаборационизмом. Казимира Прунскиене, бывший премьер-министр Литвы, так описывает этот опыт балтов:

“... свобода имеет смысл только тогда, когда может выжить народ, который должен ей пользоваться. Есть ли что-либо более важное, чем свобода? Я думаю, что это сама жизнь народа, который иногда должен немного подождать, прежде чем Бог или историческая судьба предоставят новый шанс на свободную жизнь”²⁹³.

Таким образом, оппозиция эстонцев, латышей и литовцев советскому режиму нашла свое выражение в ироническом и безразличном отношении к советскому государству, чем объясняется печально известная, иногда почти шизофреническая отчужденность от “их собственного” государства²⁹⁴. Группы сопротивления в странах Балтии никогда не прекращали протестов против незаконной оккупации и аннексии их

deemia (с резюме на английском): *Rahvuslik vastupanuliikumine aastail 1955–1962* (Национальное движение сопротивления в 1955–1962 гг.) No. 12, 1994, pp. 2513–2539 and No. I, 1995, pp. 58–71; *Eesti rahvuslik vastupanuliikumine aastail 1968–1975*, No. 9–10, 1993, pp. 1819–1833 and 2905–2110.); *Avalik vastupanuliikumine aastail 1977–1984*, No. 9–10, 1992, pp. 1917–1933 and 2180–2194. О трагедии одной судьбы см.: R. Taagepera. *Softening without Liberation in the Soviet Union: the Case of Jüri Kukk*. University Press of America, Inc., 1984.

²⁹³ К. Prunskiene. *Unabhängigkeit als Option...*, in: K. Ludwig (ed.). *Perspektiven für Tibet*. 2000, p. 94.

²⁹⁴ Это отчуждение иногда принимало анекдотические формы. Его характерным примером служит, например, отношение многих балтов к невинному виду спорта — хоккею, который официально представлялся советскими властями как “советский” командный спорт. Когда по телевизору показывали игры советской хоккейной команды на чемпионате мира или олимпийских играх, зрители в балтийских странах часто не соглашались, какую команду им следует поддерживать. Большинство из них было уверено только в том, против какой команды они болели — “их собственной”! Ср.: Lieven. *Op. cit.*, p. 103.

стран СССР²⁹⁵. Время от времени в этих странах вспыхивали протесты студентов и рабочих. Так, в 1972 году в Каунасе, Литва, многотысячная группа молодежи бунтовала в течение нескольких дней, и около 500 человек было арестовано во время событий, последовавших после саможжения 19-летнего студента Ромаса Каланта, осуществленного в знак протеста против советской оккупации.

На данном этапе мы не станем более подробно рассматривать исторические детали сопротивления в странах Балтии. Сейчас же крайне важно отметить, что, невзирая на усилия Советов положить конец балтийской идентичности и особенностям внутри СССР, зачастую сопровождавшимся насильственными репрессиями, народы стран Балтии сохранили свою идентичность и духовный континуитет довоенной независимой государственности.

Под “народами стран Балтии” мы понимаем не только их “титულные” этносы, т.е. этнических эстонцев, латышей и литовцев, но и многих граждан Эстонской, Латышской и Литовской Республик, принадлежащих к этническим меньшинствам. Например, многие русские староверы, бежавшие от преследований в XVII и XVIII веках и расселившиеся по берегу Чудского озера, не отказались от своей лояльности и идентичности как граждан свободной Эстонии. Не сделали этого и балтийские немцы, которых полунасильно призвали покинуть свое отечество после сделки Гитлера со Сталиным в 1939 году. Это отнюдь не совпадение, что на протяжении советской аннексии ученые в области международного права балтийско-немецкого происхождения, такие как Борис Мейсснер и Дитрих А. Лобер, оказались наиболее энергичными и убедительными защитниками тезиса, согласно которому “добровольное слияние” стран Балтии с СССР в 1940 году явилось незаконной оккупацией и аннексией и не привело к прекращению существования стран Балтии как субъектов международного права.

В годы советской аннексии мнения балтийских народов также высказывались беженцами из Эстонии, Латвии и Литвы на Западе. Общества беженцев из этих стран очень активно лоббировали в коридорах власти западных стран и, удерживая вопрос о странах Балтии на повестке дня этих государств, предотвратили окончательное принятие советского режима. В определенной мере политика

²⁹⁵ Подробнее см.: Lieven. *Op. cit.*, pp. 103–108.

непризнания, проводимая западными странами, была результатом активности беженцев из стран Балтии²⁹⁶.

Один из немногих способов (согласно Кристине Марек, единственный способ²⁹⁷) легитимации противоправного действия в международном праве это признание потерпевшей стороной за таким действием законной силы²⁹⁸. Такое признание должно быть непременно подлинным, поскольку никакое юридически приемлемое признание законной силы не может проистекать из фальсификации, подобной марионеточному правительству или фальсифицированному плебисциту²⁹⁹. Помимо того факта, что подлинное волеизъявление не могло быть высказано балтийскими народами при советском режиме (выборы в Верховные Советы Эстонской, Латвийской и Литовской ССР не отвечают минимальным критериям свободных и честных выборов), народы стран Балтии также отказались придать законную силу советской оккупации по собственной инициативе. Несогласие подавляемого недемократическими режимами населения на захваченной силой территории должно предполагаться до тех пор, пока народ не примет новую конфигурацию власти *подлинным актом самоопределения*. Поскольку народы стран Балтии никогда не имели шанса выразить свою свободную волю при советском режиме, нельзя говорить о подлинном принятии режима соответствующим населением.

²⁹⁶ Например, в 1967 году Всемирная организация свободных латышей представила Президенту Франции Шарлю де Голлю меморандум, в котором просила Президента воздержаться от посещения столицы Латвии города Риги во время официального визита де Голля в СССР. Кремль настаивал на этом посещении, но организация указывала, что это означало бы признание включения Латвии в состав Советского Союза. В конечном счете де Голль не поехал в Латвию во время его визита в СССР. Протесты балтийских эмигрантов также играли ключевую роль в беспрецедентном решении Австралии об отмене предоставленного ею ранее признания включения стран Балтии в состав СССР. См.: Lettland unter sowjetischer und nationalsozialistischer Herrschaft. 1998, p. 172.

²⁹⁷ Marek. Op. cit., p. 579.

²⁹⁸ См.: H. Lauterpacht. Recognition in International Law, pp. 427–430. См. также: Marek. Op. cit., pp. 577–578.

²⁹⁹ См.: Marek. Op. cit., p. 578.

4. Право давности? Выводы

Проведенный выше анализ позволяет сделать вывод о том, что СССР не приобрел правовой титул на страны Балтии по праву давности³⁰⁰. Это положение находит убедительное подтверждение в позициях, сформулированных в советской правовой доктрине в отношении права давности. Советская доктрина международного права убедительно высказывается в поддержку точки зрения, согласно которой в современном международном праве право давности не распространяется на территориальные захваты³⁰¹. Согласно Юрию Барсегову, незаконная аннексия даже после нескольких веков своего существования не создает правооснования³⁰², поскольку:

“Для перерыва давности и предупреждения перехода правового титула на территорию достаточны любые соответствующие обстановке действия, свидетельствующие о непризнании законности фактически существующего положения. Считается, что для этой цели достаточно, например, простого дипломатического протеста государства, хотя бы и не поддержанного применением силы. Признавалось, что перерыв давности может создаться не только в результате действий государств, но и в результате действий самого населения захваченной территории — восстаний, протестов или иных действий, выражающих волю народа”³⁰³.

Логическим следствием из отрицания приобретательной давности (неправомерность советского правления) было бы также отрицание погасительной давности. Это означает, что с точки зрения международного права страны Балтии продолжали существовать в условиях противоправной оккупации в течение полувека. Но что понимается под “оккупацией” в международном праве? Уместно ли использовать понятие противоправной “оккупации” для квалификации правового статуса стран Балтии в 1940–1991 гг.?

³⁰⁰ Схожий вывод см. в: F. Frhr. Waitz von Eschen. Zur internationalen Lage der baltischen Republiken nach Erlangung der Unabhängigkeit, in: 42 Osteuropa 1992, p. 321.

³⁰¹ См., например: А.А. Эсян. Некоторые вопросы теории и истории международного права. Ереван: Издательство Ереванского Университета, 1977, с. 163 и последующие. Обзор см. также в: В. Meissner. Die sowjetische Stellung zur Annexion und zur Ersitzung, in: Int.Recht und Dipl. 1964, pp. 96–100.

³⁰² Ю.Г. Барсегов. Территория в международном праве. 1958, с. 141.

³⁰³ Ю.Г. Барсегов. Указ. соч., с. 111 и последующие. Ср. также: Wiewióra. Op. cit., p. 168.

ГЛАВА 4. “ОККУПАЦИЯ” СТРАН БАЛТИИ (1940–1991 ГГ.)?

1. Тезис о советской оккупации (1940–1941, 1944–1991 годы), выдвинутый странами Балтии

Современные страны Балтии утверждали, что они были *оккупированы* СССР в 1940–1941 гг., Германией в 1941–1944 гг. и вновь СССР в 1944–1991 гг. Например, Верховный Совет Эстонской ССР в Резолюции о государственном статусе Эстонии, принятой 30 марта 1990 года, заявил:

“Верховный Совет Эстонской ССР утверждает, что оккупация Эстонской Республики Советским Союзом 17 июня 1940 года не привела к прекращению существования Эстонской Республики де-юре. *Территория Эстонской Республики оккупирована по сей день*”³⁰⁴.

В 1994 году парламент Эстонии (Рийгикогу) принял декларацию, в которой призвал государства мира оказать давление на Российскую Федерацию с целью вынудить последнюю изменить свою точку зрения, согласно которой Эстонская Республика не была оккупирована СССР, а [современная] Эстонская Республика была создана путем выхода из состава СССР в 1991 году³⁰⁵.

В решении, вынесенном 21 декабря 1994 года, Верховный Совет Эстонии постановил, что оккупация Эстонской Республики в 1940 году

³⁰⁴ Курсив автора. Текст воспроизведен в: A. Kiris. Restoration of the Independence of the Republic of Estonia. Selection of Legal Acts (1988–1991). Tallinn 1991, p. 22.

³⁰⁵ См.: Riigi Teataja I (Официальный правительственный печатный орган) 1994, 13, 235.

была незаконной и, следовательно, вооруженные силы СССР никогда не получали прав собственности на землю и сооружения в Эстонии³⁰⁶.

22 августа 1996 года парламент Латвии (Сейм) принял “Декларацию об оккупации Латвии”³⁰⁷, в которой он высказал озабоченность продолжающимся отказом России признать факт оккупации Латвии Советским Союзом (“оккупации, продолжавшейся полвека”). В конце декларации латвийский парламент высказал просьбу к сообществу государств признать тот факт, что Латвия была оккупирована³⁰⁸.

2. Реакция на тезис стран Балтии о советской “оккупации”

Тезис об оккупации многократно подтверждался США в годы советского правления. Например, Комитет Керстена Палаты представителей Конгресса США говорил в 1954 году о “продолжающейся военной и политической оккупации Литвы, Латвии и Эстонии”³⁰⁹. 26 июля 1983 года, по случаю 61-ой годовщины первой декларации США о политике непризнания (Декларация Стимсона), Президент Рейган заявил, что СССР нарушает международное право продолжением *оккупации* стран Балтии³¹⁰. Текст заявления Рейгана был передан Генеральному секретарю ООН Пересу де Куэльяру послом США Джин Дж.

³⁰⁶ Решение Верховного Суда Эстонии (который также служит и Конституционным судом в стране) подтвердило конституционность закона, согласно которому были провозглашены недействительными все сделки о продажах советской армии. См.: Riigi Teataja (Официальный правительственный печатный орган) I 1995, 2, 34.

³⁰⁷ Текст см. в: Latvijas Vestnesis, August 27, 1996, p. 1.

³⁰⁸ См.: Ibid. Французский перевод см. в: A. Reinhardts. Lettonie-Russie..., p. 284. См. также: V. Meissner. The Occupation of the Baltic States from a Present-Day Perspective. Riga 1998, p. 483 et seq. и письмо латвийского Сейма Генеральному секретарю ООН, его превосходительству Кофи Аннанду от 22 октября 1998 года, доступно на: <http://www.bafl.com/saeimaletter.html> (посещение страницы 25 августа 2000 года).

³⁰⁹ Report of the Select Committee. 1954, p. 8.

³¹⁰ Заявление Президента Рейгана о балтийских государствах, пресс-релиз. Ср. также с: U.S. House of Representatives, House Concurrent Resolution 57, 4 February 1981, pp. 2–3.

Киркпатрик³¹¹. В 1983 году, согласно распоряжению министерства обороны США, выделенные средства не могли использоваться для “подготовки, покупки или производства любых карт СССР, не включающих пометку “оккупированы Советским Союзом” под Эстонией, Латвией и Литвой”³¹².

Тезис об “оккупации” был вновь подтвержден США после восстановления независимости стран Балтии. В резолюции Конгресса США от 10 октября 1998 года заявлялось, что “США никогда не признавали данную незаконную и насильственную оккупацию”³¹³.

Схожие формулировки использовались и европейскими институтами. 29 сентября 1960 года Ассамблея Совета Европы приняла “Резолюцию о балтийских республиках”, в которой последние рассматривались как страны, находящиеся в условиях военной оккупации³¹⁴. Сходные понятия использовались и в “Резолюции о ситуации в странах Балтии”, принятой Европейским Парламентом 13 января 1983 года³¹⁵. Кроме того, неправительственный суд влиятельных в сфере международного права юристов, называвший себя “Балтийский трибунал в Копенгагене”, среди прочего, 26 июля 1985 года заявил, что Эстония, Латвия и Литва были оккупированы³¹⁶. Западные государства, не

³¹¹ Представительство США при ООН, Соединенные Штаты подтверждают признание независимости Эстонии, Латвии и Литвы, пресс-релиз, 29 июля 1983 года, с. 1–3.

³¹² Public Law 97–252, Department of Defence Authorization Act, 1983, 8 September 1982, section 1134.

³¹³ Цит. по: www.usislib.ee/congress.html.

³¹⁴ См. также доклад м-ра Лоузоу Консультативной Ассамблеи Совета Европы 14.9.1960 (Doc. 1173), с. 6, 23, 27 et seq.

³¹⁵ “Осуждая тот факт, что после заключения пакта Молотова-Риббентропа эти независимые и нейтральные государства были оккупированы Советским Союзом в 1940 году *и что эта оккупация продолжается* (курсив автора)”. См.: Resolution on the Situation in Estonia, Latvia and Lithuania, European Parliament, January 13, 1983. Doc. 1–777/80. Тем не менее, более поздние резолюции Совета Европы (“Resolution on the Baltics”, Strasbourg, January 28, 1987) и Европейского Парламента (“Resolution on the Independence of the Baltic States”, Doc. 62–1247/88), хотя и выражают сильную поддержку стремлению стран Балтии к независимости, избегают использования понятия “оккупация”. Тексты см. в: Looming 1989, No. 3, pp. 429–430.

³¹⁶ Членами Балтийского трибунала были Теодор Вейтер (Theodor Veiter) (председатель), Пер Алмарк (Per Ahlmark), Жан-Мари Далье (Jean-Marie Daillet), Мишель Бордо (Michael Bourdeaux) и сэр Джеймс Фоцет (James

признававшие советскую аннексию стран Балтии, обычно отказывались называть ее просто “аннексия” и использовали такие термины, как “незаконная аннексия”. Энн Сарв допускает, что сам факт непризнания советской аннексии западными правительствами автоматически означал, что советское присутствие в странах Балтии могло расцениваться, по крайней мере, государствами, проводившими политику непризнания только как продолжающаяся оккупация³¹⁷. Таким образом, выдвигались аргументы, согласно которым многие западные государства разделяли точку зрения о продолжающейся “оккупации” балтийских республик в связи с незаконностью аннексии 1940 года³¹⁸.

В то же время ООН, вплоть до восстановления независимости стран Балтии, не принимала резолюций, осуждающих оккупацию этих (аннексированных) стран, в отличие от регулярно принимаемых резолюций в отношении территорий, оккупированных Израилем, на Северном Кипре и т.д. Сомнительно, что данное отсутствие политического интереса может быть объяснено тем фактом, что данная ситуация в странах Балтии возникла до создания ООН.

Следовательно, в правовой литературе довольно осторожно воспринимался тезис, согласно которому в 1940–1991 гг. страны Балтии находились в условиях военной оккупации. Довольно распространенной практикой среди авторов, обсуждающих правовой статус этих государств во время советского периода, было дистанцирование от “теории оккупации” путем заключения последней в кавычки (советская “оккупация”)³¹⁹. Российские же авторы отрицали балтийскую “теорию оккупации” категорически. Станислав Черниченко подчеркивает, что “термин “оккупация” не может, тем не менее, применяться к ситуации, возникшей в странах Балтии после их вхождения в состав СССР, даже если признать, что они были присоединены к СССР насильственно

Fawcett). Эстонский перевод копенгагенского манифеста см. в: Looming 1989, No. 3, p. 428.

³¹⁷ E. Sarv. *Õiguse vastu ei saa ükski*, p. 60.

³¹⁸ См., напр.: U.W. Saxer. *The Transformation of the Soviet Union: From a Socialist Federation to a Commonwealth of Independent States*, in: 14 Loy. L.A. Int'l & Comp. L.J. 1992, p. 633.

³¹⁹ См., напр.: Lieven. *The Baltic Revolution*; Hafner/Reinisch, *Op. cit.*, 1996, p. 107; M. Koskenniemi, in: *State Succession: Codification Tested Against the Facts*. Hague Academy of IL, 1996, p. 126.

(аннексированы им). Единственное исключение — это период германской оккупации”³²⁰.

Различие между “оккупацией” и “не-оккупацией” заключается не просто в терминологической тонкости. Это ключевой элемент в правовой оценке советской политики в Эстонии, Латвии и Литве. Возьмем, к примеру, массовую советскую депортацию 1949 года. Произошла ли она в нарушение международного права? Для нас это было бы очень интересно установить, если вспомнить, что в 1966 году Раймон Арон утверждал, что “(...) никакие действия Советского Союза на территориях, которые в 1939 году находились под суверенитетом Эстонии или Литвы, более не относятся к сфере международного права (...)”³²¹.

Корректно ли использовать понятие “оккупация” для правовой оценки советского периода в странах Балтии? Какие следствия будет иметь утверждение, что страны Балтии были *оккупированы* в 1940–1991 годах, особенно в свете того факта, что они были аннексированы Советским Союзом в августе 1940 года? В первую очередь возникает вопрос о том, прекращает ли аннексия правовой режим оккупации независимо от ее незаконности.

3. Эволюция понятия “оккупация” в международном праве

По словам Адама Робертса, само понятие “оккупация” представляет собой “триумф правового подхода”³²² над применяемым в политологии более “реалистичным” подходом к международным отношениям и устанавливает различие между фактическим и правовым обладанием территорией, между контролем де-факто и правооснованием. Поскольку оккупация *terra nullius*³²³ в современном мире утратила практическое значение, то понятие оккупации в настоящее время означает осуществление контроля и власти над территорией другого государства.

³²⁰ S. Chernichenko. Ethnic Russians in the Baltics, in: 44 International Affairs (Moscow) 1998, pp. 118–123 at 119–120.

³²¹ R. Aron. Peace and War: A Theory of International Relations. NY: Doubleday, 1966, p. 108.

³²² A. Roberts. Prolonged Military Occupation // AJIL 1990, p. 45.

³²³ Ничейная земля (*лат.*) — прим. пер.

Оккупационное право за последнее столетие претерпело существенную эволюцию. Изначально предназначенное исключительно для обозначения случаев оккупации вражеской территории *durante bello*, оно стало позднее применяться для обозначения более разнообразных форм контроля иностранного государства³²⁴. В то же время, прогресс международного оккупационного права омрачается тем фактом, что буква права часто нарушалась и игнорировалась государствами, возможно более часто, чем в любой другой области международного публичного права³²⁵.

*Locus classicus*³²⁶ международного оккупационного права это Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, принятая на первой международной мирной конференции в Гааге в 1899 году и подвергшаяся незначительным изменениям на второй мирной конференции в 1907 году (IV Гагская конвенция)³²⁷. Основная часть оккупационного права, применимая и по сей день, содержится в приложении к IV Гагской конвенции, озаглавленном “Положение о законах и обычаях сухопутной войны” и принятом 18 октября 1907 года. Гагское оккупационное право было применимо в течение обеих мировых войн и, тем самым, служит важнейшим источником для анализа балтийской ситуации, возникновение которой относится к 1940 году.

³²⁴ См.: Roberts. What is Military Occupation?, p. 299.

³²⁵ См.: E. Benvenisti. The International Law of Occupation. 1993, p. 5: “По различным причинам современные оккупанты предпочитают не учреждать подобную прямую администрацию. Вместо этого они стремятся провести аннексию или создать марионеточное государство или правительство, воспользоваться существующими правительственными структурами или просто воздержаться от установления администрации в какой-либо форме. В этих случаях оккупанты склонны отрицать применимость оккупационного права к их собственным действиям или к действиям их подставных лиц и при этом, используя подставные структуры, будут отрицать любую международно-правовую ответственность за действия последних”. “Большинство современных оккупантов игнорировали свой статус и свои обязанности по оккупационному праву. [...] Такая практика оккупантов представляет собой вызов решающего характера для оккупационного права, которое должно оказаться в состоянии ответить на этот вызов, чтобы сохранить свою существенность”. Ibid. p. 6. См. также: A. Roberts, Prolonged Military Occupation: the Israeli-Occupied Territories Since 1967 // 84 AJIL 1990, pp. 44–71.

³²⁶ Букв. “классическое место”; текст, считающийся наиболее авторитетным по определенному вопросу (*lat.*) — прим. пер.

³²⁷ Документы Гагских конференций см. в: J. B. Scott. The Proceedings of the Hague Conferences, 5 volumes incl. index. New York: Oxford University Press, 1920.

По Положению Гагской конвенции 1907 года международно-правовой режим оккупации изначально предусматривался для случаев оккупации, осуществленной в ходе военных действий (*occupatio bellica*), то есть когда контроль над территорией иностранного государства устанавливался посредством военной силы в ходе войны³²⁸. Военная оккупация заключалась в установлении вражескими вооруженными силами прямого контроля над территорией воюющего государства³²⁹. После установления военной оккупации “полномочия легитимной власти” переходили в руки оккупанта³³⁰. Это, тем не менее, не означало передачи оккупирующему государству суверенитета, которое было связано значительными ограничениями, перечисленными в разделе III Гагского Положения 1907 года³³¹. Легитимное правительство территории сохраняло свой суверенитет, приостановленный на период военной оккупации³³².

Увязывание режима оккупации с состоянием войны и военной администрацией означало, что концептуально военная оккупация рассматривалась как временное положение дел. Военная оккупация могла закончиться в связи с переменной военного счастья (освобождение завоеванной территории ее сувереном), после окончательного добровольного вывода войск, в связи с изменением правового статуса соответствующих территорий в результате переговоров (например, посредством мирного договора) или же после подчинения и аннексии данных территорий оккупирующей державой³³³.

³²⁸ См.: M. Bothe. Occupation, Belligerent, in: EPIL, Inst. III, p. 64.

³²⁹ См. статью 42 Гагского Положения: “Территория считается оккупированной, если она фактически находится под властью враждебной армии. Оккупация распространяется только на ту территорию, где такая власть была установлена и может осуществляться”.

³³⁰ См. статью 43 Гагского Положения.

³³¹ См.: G. v. Glahn. The Occupation of Enemy Territory. 1957, p. 31 et seq.

³³² См.: Glahn, *ibid.*, p. 31. Об историческом развитии этой нормы см.: C. Rousseau. Le droit des conflits..., p. 134 et seq.

³³³ См.: A. Roberts. Prolonged Military Occupation... // 84 AJIL 1990, p. 47 et seq. Ср.: Glahn. The Occupation..., p. 30. Переход суверенитета над оккупированной территорией это правомерный способ прекращения оккупации. См.: M. Sassòli and A. Bouvier. How Does Law Protect in War? Cases, Documents and Teaching Materials on Contemporary Practice in International Humanitarian Law. Geneva: ICRC, 1999, p. 155.

(А) Были ли применим/применимы Гаагские нормы 1907 года вне строгих рамок “войны”?

Практика Второй мировой войны продемонстрировала, что понятие оккупации воюющей стороной в его ограниченном виде стало неадекватным в силу целого ряда причин. Во-первых, стал очевидным искусственный и неудовлетворительный характер презумпции аккуратного разграничения между оккупацией стороной воюющей и оккупацией мирной, то есть такой оккупацией, согласие на которую дает суверен оккупируемой территории. Такие ситуации, как оккупация Германией Чехословакии (1939 год) и Дании (1940 год), строго говоря, не вписывались в рамки Гаагского Положения 1907 года с точки зрения буквы закона, поскольку в этих случаях не было военных действий и объявления состояния войны. Тем не менее, присущая этим случаям *occupatio quasi-bellica* внутренняя аналогия с классическими случаями оккупации воюющей стороной означала, что и к ним применимы нормы Гаагского Положения.

Можно допустить, что приравнивание оккупаций чехословацкого типа, определенных Адамом Робертсом как “насильственные оккупации в мирное время”³³⁴, к правовому режиму классической оккупации воюющей стороной стало частью обычного международного права периода Второй мировой войны. Значительную поддержку этой точки зрения можно найти как в правовой литературе, так и в практике государств. Уже в 1920 году Вальтер Шатцель доказывал, что “[e]s entspricht nur der Logik, auch die friedliche Annexion eines ganzen Staates genau so zu behandeln wie die Eroberung. Ein juristischer Unterschied läßt sich auf keine Weise konstruieren”³³⁵. В 1924 году было выдвинуто предположение, что в случаях оккупаций в мирное время права оккупанта даже более ограничены, чем в случаях классической оккупации воюю-

³³⁴ Ср.: A. Roberts. What Is a Military Occupation? // BYBIL 1984, p. 261 and 274 et seq. Робертс определяет насильственную оккупацию мирного времени как оккупацию “всей или части территории государства без предварительного согласия на это правительства, но также и без возникновения вооруженного конфликта с этим государством. Обычно это происходит потому, что осуществившее вторжение государство прибегло к подразумеваемой или явной угрозе силой и вооруженное сопротивление вторжению представляется безнадежным, потому что этот вид вторжения невозможно отразить военными средствами”. См.: *ibid*, at p. 274.

³³⁵ W. Schätzel. Die Annexion im Völkerrecht. 1920, reprinted in 1959, p. 199.

щей стороной³³⁶. Гаагское Положение считалось применимым уже в случае вторжения румынской армии в Болгарию — военной операции, не сопровождавшейся военными действиями.

Даже если практика времен Второй мировой войны характеризуется сильной фрагментированностью, Гаагское Положение считалось применимым в классических случаях Чехословакии и Дании³³⁷. Эта точка зрения впоследствии неоднократно подтверждалась в работах крупных юристов. Анализируя правовой статус Дании во время Второй мировой войны, Элф Росс пришел к следующим выводам:

“Отправной точкой должны служить пункты Гаагского Положения, касающиеся военной оккупации (статьи 42–56), с той модификацией, что между сторонами не было объявлено состояние войны.

Окупированное государство должно, разумеется, пользоваться всеми теми правами, которыми бы оно пользовалось при прямом применении Положения.

С другой стороны, права оккупанта должны быть ограничены в соответствии с мирным характером оккупации. Основной идеей здесь должно выступать положение, согласно которому территория оккупирруется исключительно с целью содействия ведению оккупантом войны, в то время как последний не имеет намерения подменить собой государственный аппарат или забрать себе средства принуждения оккупированного государства”³³⁸.

Арнольд МакНэйр и Артур Уоттс выдвигают осторожное предположение о том, что “существует тенденция к действиям на основе, которая в общих чертах аналогична оккупации во время войны воюющей стороной”³³⁹. Келли также утверждает, что оккупации, совершенные во время интересующего нас периода невоюющей стороной и нерегулируемые договорами, во многом сходны с оккупацией воюющей стороной³⁴⁰. По определению Келли, объем ограничивающих власть

³³⁶ F. Llewellyn Jones. *Military Occupation of Alien Territory in Time of Peace*. Transactions of the Grotius Society, p. 159 et seq.

³³⁷ См.: A. Roberts, *What Is a...*, p. 276. В отношении оккупации Германией Богемии и Моравии см. также: *Anglo-Czechoslovak and Prague Credit Bank v. Janssen* [1943–1945] AD Case no. II, at 47 (Australia, Supreme Court of Victoria.)

³³⁸ См.: A. Ross. *Denmark’s Legal Status During the Occupation*. I *Jus Gentium* 1949, p. 10.

³³⁹ A. McNair, A. Watts. *The Legal Effects of War* (4th edn., 1966), p. 423.

³⁴⁰ M.J. Kelly. *Non-Belligerent Occupation* // 28 *Israel YB on Human Rights* (1998), p. 30. Келли, указывая на оккупацию Рурской области французскими и

оккупанта правовых аспектов даже превышает объем этих аспектов в случаях оккупации воюющей стороной:

“Должно оказываться максимальное уважение местным институтам, вмешательство в работу которых допустимо только в силу необходимости, связанной с поддержанием порядка и обеспечением безопасности вооруженных сил. Отличие оккупаций, совершенных невоюющей стороной, заключается в том, что население территории это — не население “врага” и отношения между вооруженными силами и населением должны укладываться в рамки, допускаемые правовыми режимами мирного времени для обеспечения безопасности”³⁴¹.

С правовой точки зрения и для использования на современном этапе в ситуацию после принятия четырех Женевских конвенций 12 августа 1949 года была внесена ясность. Статья 2 (общая для всех четырех Конвенций) предусматривает:

“Помимо постановлений, которые должны вступить в силу еще в мирное время, настоящая Конвенция будет применяться в случае объявленной войны или всякого другого вооруженного конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами, даже в том случае, если одна из них не признает состояния войны.

Конвенция будет применяться также во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если эта оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления.

Если одна из находящихся в конфликте держав не является участницей настоящей Конвенции, участвующие в ней державы останутся, тем не менее, связанными ею в своих взаимоотношениях. Кроме того, они будут связаны Конвенцией в отношении вышеуказанной державы, если последняя принимает и применяет ее положения”.

Согласно комментариям Пикте к Женевским Конвенциям 1949 года, эта статья одна из наиболее важных, поскольку она существенно расширяет поле применения Конвенций³⁴². Из этого можно заключить, что с момента принятия Женевских Конвенций 1949 года правовой режим

бельгийскими войсками в 1923 году, которой противилось правительство Германии, определяет оккупацию без военных действий в противовес мирной оккупации — “хотя не существовало состояния войны, тем не менее отсутствовало и согласие”. См.: *ibid.* p. 4.

³⁴¹ Kelly. *Op. cit.*, p. 30.

³⁴² J.S. Pictet. *Commentary to the I Geneva Convention*. Geneva: ICRC, 1952, p. 28. См. также: *Commentary to the III Geneva Convention*. Geneva: ICRC, 1951, p. 19 et seq.

квази-военной оккупации (или принудительной мирной оккупации) совпадает с правом военной оккупации и, следовательно, особые правовые соображения в отношении первой утратили свое значение³⁴³. “Оккупация” это не обязательно результат фактических военных действий; она может также произойти в результате угрозы применения силы, которое подтолкнет находящееся под угрозой правительство к уступке контроля над своей территорией иностранной державе³⁴⁴.

(В) Оккупация в сравнении с аннексией

Вторым из основных вопросов, возникших в связи с оккупациями периода Второй мировой войны, были незаконные аннексии. Ключевая проблема здесь опять-таки заключалась в том, *какие* аннексии следовало рассматривать как незаконные. Согласно общепринятой точке зрения, сформировавшейся в XIX веке, инкорпорация оккупированной территории (подчинение или захват) являлась правовым способом прекращения оккупации³⁴⁵. В правовой доктрине проводилось четкое различие между тремя последовательными стадиями: вторжение вооруженных сил, оккупация территории и аннексия³⁴⁶.

Тем не менее, не всякая аннексия означала прекращение действия режима оккупации с точки зрения права. В соответствии с понятием, лежащим в основе Гаагского Положения, преждевременные аннексии (то есть аннексии, произведенные *durante bello*) рассматривались как незаконные и не ведущие к желаемым международно-правовым последствиям. К примеру, аннексия Италией Триполитании и Киренаики указом короля Италии от 5 ноября 1911 года во время итало-турецкой войны была расценена как незаконная, поскольку во время принятия

³⁴³ M. Bothe. Occupation, Belligerent // EPIL, vol. 4, p. 68.

³⁴⁴ См.: E. Benvenisti. The International Law of Occupation. 1993, p. 3 et seq.

³⁴⁵ См.: D. A. Graber. The Development of the Law of Belligerent Occupation 1863–1914. New York: Columbia University Press, 1949, в особенности глава 2. См. также: N. Ando. Surrender, Occupation and Private Property in International Law. An Evaluation of US Practice in Japan. 1991, p. 35.

³⁴⁶ О различиях между фазами вторжения и оккупации см.: US v. List and Others, Judgment of February 19, 1948, Annual Digest, 1948, case no. 215, pp. 637–640. См. также: G. von Glahn. The Occupation of Enemy Territory. A Commentary on the Law and Practice of Belligerent Occupation. 1957, p. 28; Roberts. What Is a Military Occupation? p. 256 and C. Rousseau. Le droit des conflits armés. Paris, 1983, p. 134 et seq.

акта об аннексии итальянской армией были оккупированы только несколько прибрежных городов³⁴⁷. В контексте Второй мировой войны незаконными по международному праву были аннексии Германией некоторых частей Польши в 1939 и 1940 гг., бельгийских округов Эйпен и Мальмеди 18 мая 1940 года и французских округов Эльзас и Лотарингия 7 августа 1940 года, поскольку эти аннексии были проведены в ситуации, когда легитимный суверен или его союзники в войне еще продолжали вести боевые действия³⁴⁸.

Если война поставлена вне закона, то становится невыносимой вся логика подчинения или завоевания как способов прекращения действия режима оккупации и перехода прав на территорию. Как уже обсуждалось выше, в современном международном праве не может существовать законного перехода суверенных прав агрессору³⁴⁹. Тем не менее, практика времен Второй мировой войны и даже в последовавший за ней период дает лишь весьма двусмысленные сигналы о реакции международного права на ситуации, когда незаконная аннексия *была* осуществлена и ситуация стабилизировалась. Это столкновение между нормативностью, не подкрепленной адекватной системой санкций, и действительностью. Может ли аннексия оккупированной территории привести, несмотря на свою незаконность, к определенным модификациям в правовом режиме соответствующей террито-

³⁴⁷ G. von Glahn. *Ibid.*, p. 33.

³⁴⁸ В ходе суда над Крупном военный трибунал США осудил конфискации частной собственности в Эльзасе во время Второй мировой войны и постановил: “Эта конфискация основывалась на допущении, что Эльзас был включен в состав территории рейха и что с собственностью французов, живущих за пределами Эльзаса, можно было обращаться, абсолютно пренебрегая обязательствами находящегося в состоянии войны оккупанта. Попытка инкорпорации Эльзаса в рейх не имела силы по международному праву и, следовательно, такое вмешательство в права частной собственности было нарушением статьи 46 Гаагского положения”. *US v. Alfred Krupp, et al., Case No. 68, US Military Tribunal at Nuremberg, in: The United Nations War Crimes Commission, Law Reports of Trials of War Criminals, vol. X, 1949, p. 130–159.*

См. также: *US v. Greifelt and Others, Annual Digest, 1948, case no. 216, p. 655.* Качественный обзор дел, рассматривавшихся в муниципальных судах Бельгии, см. в: C. Rousseau. *Le droit des conflits armés*, p. 141. См. также: Glahn. *Ibid.*, p. 33. По поводу Польши см. также: A. Randelzhofer, O. Dörr. *Entschädigung für Zwangsarbeit? Zum Problem individueller Entschädigungsansprüche von ausländischen Zwangsarbeitern während des Zweiten Weltkrieges gegen die Bundesrepublik Deutschland.* Berlin, 1994, p. 18.

³⁴⁹ См. также: Roberts. *What Is Military...?* p. 259.

рии? Продолжают ли применяться изложенные в Гагском Положении ограничения на оккупационные режимы во время длительного периода незаконной, но фактической аннексии? Робертс отмечает, что “не все аспекты оккупационного права предназначались для регулирования таких ситуаций; в частности, запрет на проведение существенных правовых и политических изменений может иметь только ограниченное значение в ситуации, когда желание (...) оккупантов (...) состоит именно в том, чтобы провести определенные изменения”³⁵⁰.

Ранний классический случай представляет собой инкорпорация Австрии в германский рейх 13 марта 1938 года, последовавшая за проведенной днем ранее оккупацией страны Германией. По словам Робертса, аннексия Германией Австрии (наряду с другими факторами, такими как отсутствие острых конфликтов в вопросе о лояльности) “усложняет” оценку правового статуса Австрии³⁵¹. Как обсуждалось выше, возникло несколько теорий, характеризующих правовой статус Австрии между 1938 и 1945 гг. Большинство австрийских ученых и основная часть судебной практики развивали теорию, согласно которой Австрия находилась в условиях (квази-)военной оккупации³⁵².

Несмотря на это, Адам Робертс отмечает в послевоенных решениях определенное нежелание рассматривать Австрию как оккупированное государство и применять к этому случаю Гагское Положение 1907 года³⁵³. Международный трибунал в Нюрнберге не вынес прямого постановления о применимости Гагского Положения в австрийском случае. Позднейшая практика военных трибуналов США после окончания войны содержала в себе определенную двусмысленность. В деле “США против Крауха и других” военный трибунал США вынес решение, что Гагское Положение не должно применяться к Австрии в 1938–1945 гг., но добавил:

“Вынося такое решение, мы не игнорируем силу аргумента, согласно которому собственность, находящаяся на территории слабого государства, павшего жертвой агрессора из-за неспособности сопротивляться,

³⁵⁰ Roberts. *What Is a Military...?* p. 287.

³⁵¹ Roberts. *What Is a Military Occupation?* // *BYBIL*, p. 275.

³⁵² Особенно в отношении дилеммы аннексия/оккупация см.: S. Verosta. *Die internationale Stellung Österreichs 1938 bis 1947*. 1947, p. 7 et seq. Критику воззрений Вероста см. в: H. Jellinek. *Der automatische Erwerb und Verlust...*, 1951, p. 148.

³⁵³ Roberts. *What Is a Military...?* p. 276.

должна быть защищена в тех же пределах, что и в случаях военной оккупации, когда происходили фактические военные действия”³⁵⁴.

В то же время, в другом решении, принятом по делу “США против Вейцакера и других”, было вынесено решение, согласно которому германские вторжения в Австрию и Чехословакию “были равноценны “объявлению войны” и могут рассматриваться как таковые”³⁵⁵. Столь изменчивые позиции военных судов США могут объясняться тем фактом, что Соединенные Штаты признали включение Австрии в состав Германии³⁵⁶. Следовательно, большинство непоследовательностей в рассмотрении австрийского случая могут быть приписаны особенностям данного прецедента. Тем не менее, теория об оккупации Австрии была в целом принята и даже выдвигалась союзными державами, найдя свое окончательное подтверждение в Австрийском государственном договоре 1955 года³⁵⁷.

В общем и целом, под влиянием опыта Второй мировой войны сообщество государств приняло четыре Женевских конвенции под эгидой Международного комитета Красного креста 12 августа 1949 года. Четвертая Женевская конвенция “О защите гражданского населения во время войны” включает важное положение, проливающее свет на коллизию оккупации в сравнении с аннексией:

“Покровительствуемые лица, которые находятся на оккупированной территории, не будут ни в коем случае и никаким образом лишены преимуществ настоящей Конвенции ни в силу какого-либо изменения, происшедшего в установлениях, действующих на данной территории, или в управлении этой территорией вследствие ее оккупации, ни в силу соглашения, заключенного между властями оккупированной территории и оккупирующей державы, *ни в силу аннексии оккупирующей державой всей или части оккупированной территории* (курсив автора)”³⁵⁸.

³⁵⁴ US v. Krauch and Others. Judgment of 29 July 1948, Annual Digest, 15 (1948), Case no. 218, p. 672.

³⁵⁵ US v. Weizsäcker and Others. Annual Digest, 16 (1949), Case No. 118, p. 347.

³⁵⁶ См.: US v. Uhl. Annual Digest, 12 (1943–1945), Case No. 8, p. 23 et seq.

³⁵⁷ См.: Oberhammer/Reinisch. Restitution of Jewish Property..., ZaöRV 2000, p. 742 et seq.

³⁵⁸ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны, статья 47 (“неприкосновенность прав”).

Так, Марко Сассоли и Антуан А. Бувье с осторожностью отмечают:

“Односторонняя аннексия оккупированной территории оккупирующей державой — независимо от ее правомерности по *ius ad bellum* — (...) не может лишить лиц покровительства, обеспечиваемого международным гуманитарным правом”³⁵⁹.

Такая формулировка подтверждает сохранение применимости гуманитарных норм на аннексированных в одностороннем порядке территориях, но оставляет открытым вопрос о том, может ли такая аннексия при определенных обстоятельствах быть признана законной³⁶⁰.

В поддержку последней позиции можно процитировать решение Верховного Суда Индии, принятое 29 марта 1969 года в отношении аннексии Индией территории Гоа³⁶¹. Индия оккупировала Гоа, Даман и Диу 19 декабря 1961 года после короткой военной операции, которую Верховный Суд Индии квалифицировал как “освободительную войну”. Гоа была аннексирована Индией 27 марта 1962 года. Внесший апелляцию преподобный отец Монтейро доказывал, что оккупация не может быть завершена односторонними действиями: “утверждается, что оккупация не завершается после аннексии и, следовательно, действие покровительства продолжается до тех пор, пока не произойдет цессия территории или вывод с территории войск оккупирующей державы; при этом не произошло ни одно из указанных действий”³⁶². Штат Гоа утверждал, что “оккупация означает оккупацию вооруженными силами или же военную оккупацию и оккупация заканчивается завоеванием, за которым следует подчинение”³⁶³. Верховный Суд Индии должен был разрешить спор в пользу одного из этих заявлений:

“Военная оккупация это временная, существующая де-факто ситуация, которая не лишает оккупированную державу ее суверенитета и не отнимает у нее государственности. [...] Аннексия, с другой стороны,

³⁵⁹ См.: Sassòli and Bouvier. Op. cit., p. 155.

³⁶⁰ Точку зрения, отстаивающую такую возможность, см. в: O. Debbasch. L'Occupation militaire. Pouvoirs reconnus aux forces armées hors de leur territoire national. Paris: R. Pichon et R. Durand-Auzias, 1962, pp. 333–336.

³⁶¹ Rev. Mons. Sebastiao Francisco Xavier Dos Remedios Monteiro v. State of Goa, March 26, 1969. India, Supreme Court Reports, pp. 87–102. (Также приводится в: M. Sassòli and A.A. Bouvier. Op. cit., p. 752 et seq.)

³⁶² См.: Ibid. (Цит. по: Sassòli and Bouvier, p. 754.)

³⁶³ См.: Ibid, p. 754.

происходит в случае, когда оккупирующая держава овладевает территорией и делает оккупированную территорию своей собственностью. Аннексия предоставляет право де-юре на управление территорией. Аннексия означает, что возникает не только владение территорией, но и неоспариваемый суверенитет над ней. [...] Военную оккупацию следует отличать от подчинения, при котором территория не просто завоевывается, но и аннексируется завоевателем.

В то же время существует различие между подлинной аннексией с одной стороны и преждевременной или, как ее иногда называют, досрочной аннексией с другой стороны. [...] В [Женевских, 1949 г.] Конвенциях справедливо зафиксировано, что аннексия не оказывает воздействия на покровительство. Но там говорится о преждевременной или же досрочной аннексии. Преждевременная или досрочная аннексия не оказывают такого воздействия. [...] Фактически, эксперты при разработке самой Конвенции взвешивали возможность добавления в статье 47 слова “заявленная” перед “аннексией” с тем, чтобы провести различие между аннексией, произведенной после завоевания и подчинения и аннексией, произведенной еще до прекращения военных действий. [...] В случае подчинения, признаваемого как один из способов приобретения правового титула, титул переходит к завоевателю не только де-факто, но и де-юре. После подчинения население должно выполнять устанавливаемые законы и не сопротивляться этим законам. [...] Когда конфликт прекратился и отсутствует враждебная армия, аннексия приводит к созданию правооснования на территорию. *Хотя в Уставе Организации Объединенных Наций присутствует обязательство не использовать силу против территориальной неприкосновенности других государств (статья 2 пункт 4), события после Второй мировой войны показали, что все еще признается переход титула на территорию посредством завоевания.* [...] Если цессия после поражения может создать титул, то к созданию такого же титула может привести и оккупация при отсутствии сопротивления.

Факты настоящего дела свидетельствуют, что военные действия продолжались всего несколько часов, после чего отсутствовало какое-либо сопротивление. [...] Оккупация, совершенная 20 декабря 1961 года, не являлась ни военной оккупацией, ни преждевременной аннексией, а подлинной аннексией посредством завоевания и подчинения”³⁶⁴.

Тем не менее, прецедентная ценность такой интерпретации международного права в решении Верховного Суда Индии “pro domo mea” представляется весьма ограниченной³⁶⁵. Во-первых, Суд в своем

³⁶⁴ См.: Ibid. (Цит. по: Sassòli and Bouvier. Op. cit. at 756 et seq.) (Курсив автора).

³⁶⁵ См. также: PCIJ, Recueil des Avis Consultatifs, Serie B No. 12: “...nul ne peut être juge dans sa propre cause.”

обосновании не указывает, какая именно практика после Второй мировой войны опровергает противоположность статуса аннексии, вытекающей из запрета в Уставе ООН на угрозу военной силой или ее применение. Кроме того, особенности аннексии Гоа, описанного как “колониальный анклав”, были почти единственными в своем роде. Хотя большинство членов Совета Безопасности ООН сочли, что действия Индии были противоположными³⁶⁶, право индийского народа на самоопределение оказало воздействие на примирение с незаконностью применения силы посредством процессов признания и права давности³⁶⁷. Представляется, что международное сообщество молчаливо признало индийское обоснование оккупации Гоа как “освободительной войны” и, тем самым, в виде исключения легитимировало насильственную аннексию в данной частной пост-колониальной ситуации.

Тексты Женевских конвенций 1949 года и последующая практика Совета Безопасности ООН ясно показывают, что оккупант не может законно аннексировать оккупированные территории³⁶⁸. Следовательно, верно замечание Кристофера Гринвуда, согласно которому попытка аннексии оккупирующей державой оккупированной территории не имеет силы по международному праву в отношении изменения статуса территории или ее населения, статус которого продолжает регулироваться правом, относящимся к населению воюющей страны³⁶⁹.

³⁶⁶ S/5033 SC Official Records, 988th mtg., 18 Dec. 1961, pp. 26–27. Проект резолюции Совета Безопасности, одобренный семью государствами из одиннадцати, не был принят из-за того, что СССР проголосовал “против”. См. также: M. M. Whiteman. *Digest of International Law*, Vol. 2, Washington, DC, 1963, p. 1140 et seq. and Q. Wright. *The Goa Incident*, 56 AJIL 1962 p. 617 et seq.

³⁶⁷ См.: Crawford. *The Criteria of Statehood*, p. 169.

³⁶⁸ См., напр.: SC Res. 252, SCOR, 23rd Session, Resolutions and Decisions, p. 9, UN Doc. S/INF/23/Rev.I (1968)—в контексте законодательных шагов Израиля, касающихся оккупированного Восточного Иерусалима, в резолюции было указано, что находящийся в состоянии войны оккупант не может аннексировать оккупированную территорию.

³⁶⁹ C. Greenwood. *The Administration of Occupied Territory in International Law*, in: E. Playfair (ed.) *International Law and the Administration of Occupied Territories. Two Decades of Israeli Occupation of the West Bank and Gaza Strip*. Oxford: Clarendon Press, 1992, p. 245. О различных противоречивых точках зрения см. также: O.Y. Elagab. *The Law of Belligerent Occupation Versus the Law of Annexation of Territories: A Case Study of the Golan Heights*, 6 *Development of Peace* 1985, pp. 118–128, M. Chemillier-Gendreau, *Le droit international et la protection d'un peuple contre l'annexion*, in: *Revue d'études Palestiniennes* No. 34, 1990, pp.

Данный вопрос остается, впрочем, менее ясным в отношении нескольких лет непосредственно после окончания Второй мировой войны. По крайней мере, на начальном этапе некоторые авторы предполагали, что аннексия оккупированной территории прекращает режим оккупации и/или приводит к переходу суверенитета³⁷⁰.

(С) Основные требования к оккупирующей державе по Гаагскому положению 1907 года и практика во время Второй мировой войны

Формат данной работы не подходит для подробного анализа регулирующих режим оккупации норм, выведенных в Гаагском положении 1907 года. Эти нормы были детально изучены в специально посвященной этому литературе³⁷¹. В то же время нельзя избежать цитирования тех из них, которые в значительной степени относятся к ситуации стран Балтии.

Суть оккупационного права заключается в статье 43 Гаагского положения 1907 года, которая гласит:

“После перехода фактической легитимной власти в руки оккупанта, последний должен восстановить и обеспечить, насколько возможно, общественную жизнь и порядок³⁷², уважая при этом существующие в стране законы, если для этого нет неодолимых препятствий”.

63–73 and R. Lapidoth. The Expulsion of Civilians from Areas which came under Israeli control in 1967: Some Legal Issues // 2 EJIL 1990, pp. 97–109.

³⁷⁰ См., напр.: O.M. Uhler. Der völkerrechtliche Schutz der Bevölkerung eines besetzten Gebiets gegen Maßnahmen der Okkupationsmacht (unter besonderer Berücksichtigung der Genfer Zivilkonvention vom 12. August 1949). Zürich: Polygraphischer Verlag, 1950, pp. 34–5; A. F. Schnitzer. Staat und Gebietshoheit. Zürich: Verlag für Recht und Gesellschaft, 1935, p. 86.

³⁷¹ См., напр: R.A. Picciotti. Legal Problems of Occupied Nations after the Termination of Occupation // 33 Military Law Review 1966, pp. 25–57.

³⁷² Некоторые специалисты предлагали использовать вместо понятия “безопасность” понятие “гражданская жизнь” как более адекватно отражающее смысл первоначального французского текста Гаагского положения 1907 года. См.: E. Benvenisti. Op. cit., p. 7.

Гражданское население на оккупированной территории, среди прочего, защищено статьями 46 и 50 Гаагского положения 1907 года. Статья 46 гласит:

“Должны уважаться честь и права семьи, жизнь людей, частная собственность, а также религиозные убеждения и обычаи. Частная собственность не может быть конфискована”.

Эти обязательства в отношении оккупанта дополнены в статье 50:

“На население не могут налагаться какие-либо наказания общего характера, будь то в денежной или иной форме, за действия лиц, за которые они не могут считаться несущими ответственность совместно или по отдельности”.

Все эти фундаментальные нормы, защищающие лишённые власти правительства и гражданских лиц, в массовом порядке нарушались во время Второй мировой войны. На регулярной основе аннексировались оккупированные территории, не устанавливались соответствующие органы оккупационной власти, частная собственность конфисковывалась, совершались массовые убийства и депортации гражданского населения³⁷³. С точки зрения действенности правовых норм было исключительно сложно объяснить этот зияющий разрыв между буквой закона и варварской действительностью. Большинство авторов в известной мере проигнорировали эту проблему, найдя определенное удовлетворение в том факте, что старое оккупационное право было вновь подтверждено в Нюрнберге в отношении противоправных действий держав оси³⁷⁴. В то же время Эял Бенвенисти выдвинул предположение, что практика Второй мировой войны привела к “упадку” Гаагских оккупационных норм 1907 года³⁷⁵. Он доказывает, что “есть достаточно оснований утверждать, что в свете постоянного игнорирования оккупационного права Гаагское положение к концу войны утратило свое значение как источник права”³⁷⁶. “В то самое время, когда Нюрнбергский международный военный трибунал указал,

³⁷³ Подробный анализ практики см. в: Benvenisti. *Op. cit.*, p. 59 et seq.

³⁷⁴ См. конструктивную работу уже в: R. Lemkin. *Axis Rule in Occupied Europe. Laws of Occupation. Analysis of Government. Proposals for Redress.* Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944.

³⁷⁵ Benvenisti. *Op. cit.*, p. 30 et seq.

³⁷⁶ Benvenisti. *Op. cit.*, p. 59.

что в этих нормах формулируется обычное международное право, они фактически утратили свою нормативную ценность”³⁷⁷.

Эта точка зрения “отменяет” решения Нюрнбергского международного военного трибунала и Международного военного трибунала для Дальнего Востока, согласно которым Гаагские нормы во время Второй мировой войны были применимы в качестве норм обычного международного права³⁷⁸. Большинство авторов в сфере оккупационного права, вероятно, не разделяет позицию Бенвенисти³⁷⁹, несмотря на то, что он указывает на существенную проблему: если право нарушается чаще, чем соблюдается, и при этом нарушителей нельзя привлечь к ответственности, то какой смысл продолжать стоически доказывать, что право сохраняет свою действенность? Данный вопрос также имеет отношение к анализу оккупаций, совершенных в период Второй мировой войны Советским Союзом, которые поставили под сомнение действенность международного оккупационного права с точки зрения специфических идеологических основ политики советского государства.

³⁷⁷ Benvenisti. *Op. cit.*, p. 98. См. также p. 97.

³⁷⁸ См.: International Military Tribunal in Nuremberg. The Trial of the Major War Criminals 65 (1947) and the International Military Tribunal for the Far East, In re Hirohita, 1948, AD Case no. 118, at 366 (Гаагское положение 1907 года как “убедительное свидетельство” обычного международного права).

³⁷⁹ Отчасти противоречиво, Бенвенисти доказывает в другом месте, что усилия, предпринимаемые оккупантами с целью продемонстрировать одобрение местным населением принимаемых ими мер или даже согласие местного населения с формальной аннексией “не освобождает оккупантов от их международных обязательств”. Benvenisti. *Op. cit.*, p. 58. Непонятно, почему эта ситуация должна была, с правовой точки зрения, отличаться в период Второй мировой войны, создавая метаюридическую “черную дыру”. В то же время другие специалисты также высказывали озабоченность по поводу международно-правовых норм во время Второй мировой войны. Адам Робертс пишет, что многие случаи длительных оккупаций после Второй мировой войны “подняли сложные вопросы о применимости и рациональности международных норм”. См.: Roberts. *Prolonged Military Occupation* // *AJIL*1990, p. 47.

4. Оценка примера стран Балтии: фикция и действительность в теории оккупации

(А) Советский Союз и Гаагское положение

В международно-правовой практике и литературе есть определенные противоречия в вопросе о том, было ли для Советского Союза обязательным соблюдение Гаагского положения и если да, то с какого времени³⁸⁰. Поскольку царская Россия была одной из первоначальных договаривающихся сторон в Гаагском положении, большевики отказались формально признать этот “буржуазный” правовой инструмент³⁸¹. Приводились аргументы, согласно которым Гаагское положение стало обязательным для СССР только после Декларации о намерениях, опубликованной Народным комиссаром иностранных дел В. Молотовым 25 ноября 1941 года³⁸². В то же время, поскольку Гаагское положение приобрело, согласно решению Нюрнбергского трибунала, статус обычного международного права, то СССР был в принципе обязан соблюдать его предписания с самого начала Второй мировой войны³⁸³.

Хотя Гаагское положение стало частью обычного международного права, советский и нацистский режимы в 1930-е и 1940-е гг. полностью игнорировали его положения. Кристина Марек усматривает в этом “разрыв в гомогенности европейской цивилизации”:

“Внутренняя логика той революции [1917 года] ни в малейшей мере не нарушалась тем, что на начальном этапе своего существования и до вступления в период внешне нормализованного международного сотрудничества Советская Россия утверждала свою несвязанность

³⁸⁰ Подробное рассмотрение этой проблемы см. в: J. Toman. *L'Union Soviétique et le droit des conflits armés*. Genève, 1997, p. 109 et seq. С практической точки зрения, проблема в первую очередь заключалась в том, что немцы, ссылаясь на принцип взаимности, отказывались применять зафиксированные в международных договорах стандарты к советским военнопленным.

³⁸¹ См.: В. Meissner. *Sowjetunion und Haager LKO. Gutachten und Dokumentenzusammenstellung*. Hamburg: Universität Hamburg, 1950, p. 7 et seq. and *Die Sowjetunion, die baltischen Staaten...* 1956, p. 231 et seq.

³⁸² См. обсуждение в: Meissner. *Sowjetunion und Haager LKO*, p. 6 et seq. and in *Die Sowjetunion...*, p. 233.

³⁸³ См.: J. Toman. *L'Union Soviétique...*, p. 115.

ограничениями Гаагского положения. В войнах Советского Союза между ним и его противниками отсутствовал какой-либо общий знаменатель, какой мог существовать, к примеру, между Францией Наполеона III и Пруссией Бисмарка. Там, где появлялись советские армии, они приходили, вполне естественно, не для того чтобы уважать существующие капиталистические институты оккупированного государства или территории; их цель состояла в изменении последних³⁸⁴.

Это положение столь полно соответствовало событиям Второй мировой войны и последовавшего за ней этапа, что советские оккупации в Восточной и Центральной Европе характеризовались абсолютным пренебрежением даже к базовым требованиям Гаагского положения³⁸⁵. Вместо уважения суверенитета государств, оккупированных после заключения пакта Гитлера-Сталина, производились попытки установить бессрочный и исключительный контроль над оккупированными территориями³⁸⁶. Более того, согласно марксистской-ленинской доктрине, диктатура пролетариата являлась новым типом государства. Это не было “просто заменой состава правительства, “сменой кабинета”...”, которая оставляла незатронутыми старые экономические и общественные отношения”, а “новое государство..., государство пролетариата, которое родилось на обломках старого, буржуазного государства”³⁸⁷. Такая диктатура могла “родиться только как следствие

³⁸⁴ K. Marek. *Identity and Continuity of States in Public International Law*, 1954, p. 124.

³⁸⁵ См., напр.: Benvenisti. *The International Law of Occupation*. pp. 59 and 67 et seq.

³⁸⁶ Benvenisti. *Op. cit.*, p. 68. О подобной советской практике в Румынии, Болгарии и Венгрии после 1945 года см.: N. Ando. *Surrender, Occupation, and Private Property...* (1991), p. 53 et seq. (“... в течение периода оккупации Советский Союз вмешивался во внутренние дела оккупированных государств, в основном с целью закрепить власть за промосковскими группами”, p. 56.). См. также: C. Rousseau. *Le droit des conflits armés*. Paris: A. Pedone, p. 141 (“Для стран, которые СССР контролировал во время и по окончании Второй мировой войны (Польша, страны Балтии, Восточная Германия, Венгрия, Румыния, Чехословакия, Болгария), он означал не просто прибывшего на место оккупанта, а революцию. Посредством антифашистской борьбы, судебных процессов, чисток, реформ промышленности и сельского хозяйства, перемещения народных масс систематически уничтожались остатки старого общества”).

³⁸⁷ J. Stalin. *Über die Grundlagen des Leninismus*, in: *Zu den Fragen des Leninismus*, 1926, p. 42 et seq. См. также: V. I. Lenin, *Staat und Revolution* (1917), особенно pp. 180 and 185.

разрушения буржуазной государственной машины, буржуазной армии, буржуазного бюрократического аппарата, буржуазной полиции”³⁸⁸.

За теорией следовала практика и в оценке ее конечного результата следует согласиться с суждением Эяла Бенвенисти:

“Эти [советские] оккупации были... незаконными по двум причинам: во-первых, их незаконность вытекала из агрессии, которая привела к оккупации, и, во-вторых, из незаконного метода правления, избранного оккупирующей армией после взятия контроля в свои руки”³⁸⁹.

Следовательно, советские военные оккупации 1940 года, равно как и другие оккупации этого периода, должны оцениваться с точки зрения критериев Гаагского положения 1907 года³⁹⁰. Кроме того, поскольку СССР был одним из государств, первоначально подписавших Женевские конвенции 1949 года, эти правовые акты были для него обязательны во время оккупаций, происшедших после их ратификации.

(В) Какие нормы оккупационного права были юридически применимы на примере стран Балтии?

Оккупация стран Балтии СССР в 1940 году может быть охарактеризована как квази-военная оккупация³⁹¹, насильственная мирная оккупация³⁹², *occupation militaire pacifique de fait ou sans titre juridique*³⁹³, “интервенционистская оккупация”³⁹⁴ и/или принудительная оккупация³⁹⁵.

³⁸⁸ J. Stalin. Ibid., p. 45.

³⁸⁹ Benvenisti. Op. cit., p. 68.

³⁹⁰ Андо приходит к выводу, что в случае совершенных после капитуляции оккупаций во время Второй мировой войны “Гаагское положение было применимо к оккупациям восточно-европейских государств”. См.: Ando. Op. cit., p. 72.

³⁹¹ Об этом понятии см.: A. Verdross. Die völkerrechtliche Identität der Staaten. FS Klein, 1950.

³⁹² Об этом понятии см.: A. Roberts. What Is a Military Occupation?, p. 274 et seq.

³⁹³ См.: J. Репе́чка. Op. cit., p. 145, ссылка на: Frangulis (ed.). Dictionnaire diplomatique, 3 tomes, Paris, 1933, p. 246.

³⁹⁴ См.: В. Meissner. Die Sowjetunion, die baltischen Staaten und das Völkerrecht, p. 224. Согласно Мейсснеру, “*occupatio interveniens*” представляет собой смешанную форму между “*occupatio bellica*” и “*occupatio pacifica*”. См.: Ibid.

Поскольку не произошло вооруженных столкновений и дипломатические отношения не прерывались, то между странами Балтии и СССР никогда не возникало состояние войны. Советское военное вторжение можно охарактеризовать не как “войну”, а как (незаконную) интервенцию³⁹⁶.

Как отмечалось выше, применимость Гаагского положения 1907 года в контексте Второй мировой войны была подтверждена как в юридической практике, так и в литературе³⁹⁷. Следовательно, корректен вывод, согласно которому Гаагские нормы 1907 года были юридически применимы в оккупированных странах Балтии³⁹⁸.

Следующий и более сложный вопрос заключается в том, должны ли были применяться положения четвертой Женевской конвенции 1949 года³⁹⁹ в качестве правового стандарта в управляемых СССР Эстонии, Латвии и Литве. Последнее утверждение оставалось стандартным аргументом в странах Балтии. В конце 1980-х гг. в странах Балтии активизировалось народное движение “Женева 49”, участники которого протестовали против призыва мужчин из этих республик в советскую “оккупационную армию”, ссылаясь на соответствующие положения Женевских конвенций 1949 года, запрещающие набор в армию на оккупированных территориях⁴⁰⁰.

Как мы увидим в дальнейшем, вопрос о применимости, с точки зрения буквы или духа права, приобретет позднее особенно противоречивый и эмоциональный характер в отношении крупных поселений советских иммигрантов в прибалтийских советских республиках, в особенности в Латвии и Эстонии⁴⁰¹. В этих странах ссылались на

³⁹⁵ См., напр.: O. Uhler. *Der völkerrechtliche Schutz...*, 1950, p. 34.

³⁹⁶ См.: V. Meissner. *Die Sowjetunion, die baltischen Staaten und das Völkerrecht*. p. 223 et seq.

³⁹⁷ Обзор см. в: V. Meissner. *Op. cit.*, p. 226 et seq. См. также: R. Laun. *Haager LKO*, p. 104 et seq.

³⁹⁸ См.: V. Meissner. *Op. cit.*, p. 226 et seq.

³⁹⁹ См. Женевскую конвенцию от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны, в особенности часть III (“Оккупированные территории”).

⁴⁰⁰ См. первый абзац статьи 51 четвертой Женевской конвенции: (“Оккупирующая держава не сможет принуждать покровительствуемых лиц служить в ее вооруженных или вспомогательных силах. Всякое давление или пропаганда в пользу добровольного поступления в армию воспрещается”).

⁴⁰¹ Некоторые политики в начале 1990-х гг. доказывали, что поскольку Женевская конвенция запрещает поселение колонистов на оккупированной

следующее положение четвертой Женевской конвенции (последнее предложение статьи 49):

“Оккупирующая держава не сможет депортировать или перемещать часть своего собственного гражданского населения на оккупированную ею территорию”.

Тем не менее, можно поставить под сомнение саму точку зрения, согласно которой четвертая Женевская конвенция стала формально применимой в странах Балтии. Во-первых, страны Балтии были оккупированы и аннексированы за десять лет до того момента, когда Женевские конвенции стали юридически обязательными для СССР. В *travaux préparatoires* Женевской конференции не указывается, что Женевские конвенции должны формально применяться к ситуациям *ex post facto*⁴⁰². Кроме того, в период советской аннексии редко приводились аргументы, согласно которым СССР был обязан соблюдать Женевские конвенции в отношении стран Балтии. Также остается открытым вопрос о юридической применимости определенных Женевских норм, относящихся к оккупации иностранным государством, до 1949 года. Тем не менее, Женевские нормы оккупационного права 1949 года на практике лишь уточнили и развили фундаментальные нормы, применимые уже по Гаагской конвенции 1907 года. Например, массовые советские депортации, проведенные в 1949 году в странах Балтии, были бы расценены как противоправные и по нормам 1907, и по нормам 1949 года.

(С) Выводы: международно-правовые нормы, обязательные для СССР в период его оккупации (незаконной аннексии) стран Балтии

Предметом жарких дебатов в отношении оккупаций, совершенных во время Второй мировой войны и в последующие годы, часто становился вопрос о применимости определенных международно-правовых актов в сфере оккупационного права, таких как Гаагское положение

территории, то страны Балтии имеют право использовать меры социального и экономического давления с целью вынудить их уехать. См.: Lieven. *The Baltic Revolution...*, p. xxvii.

⁴⁰² С обратной силой (*lat.*) — прим. пер.

1907 года и четвертой Женевской конвенции 1949 года. Например, в случае некоторых оккупаций, последовавших за капитуляциями в конце Второй мировой войны, в частности, в Германии и Японии, западные союзники по различным правовым и политическим соображениям отрицали применимость Гаагского положения 1907 года⁴⁰³. Несмотря на то, что праведы в оккупированных странах настаивали на применимости предоставлявшего правовую защиту Гаагского положения⁴⁰⁴ и было выдвинуто несколько правовых теорий, объясняющих правовую природу оккупационного режима⁴⁰⁵, наиболее жизнеспособной оказалась основанная в большей мере на фактах теория, согласно которой проводимая оккупационными державами политика денацификации не нарушала международного права.

Но оккупация Германии союзниками после 1945 года представляла собой оккупацию, последовавшую за безоговорочной капитуляцией германских вооруженных сил⁴⁰⁶, в то время как страны Балтии были жертвами агрессии. Если в балтийском случае применимость Гаагского или Женевского оккупационного права в течение длительного времени и будет поставлена под вопрос, то по причинам — таким как сам факт аннексии (в противовес “чистой” оккупации без намерения аннексии) или исключительная продолжительность незаконного правления — отличным от германского случая.

Трудно с авторитетной точностью и убедительностью установить, какие именно нормы оккупационного права, прямо или по аналогии, сохраняли свою обязательность для СССР в странах Балтии до прекращения его господства в 1990–1991 гг. Из-за отсутствия авторитетного урегулирования в судебном порядке данных вопросов они, с большой долей вероятности, останутся открытыми для различных правовых позиций. Эта ситуация связана с недостатком более системного характера в международном (гуманитарном) праве, а именно — с проблемой авторитетного вынесения решений. Словами Джорджа Аби-Сааба:

⁴⁰³ В этих случаях оккупационная политика далеко вышла за пределы, установленные для военной оккупации Гаагским положением 1907 года.

⁴⁰⁴ См., напр.: R. Laun. Die Haager Landkriegsordnung. (Das Übereinkommen über die Gesetze und Gebräuche des Landkrieges.), 4. Aufl., Wolfenbüttel: Wolfenbütteler Verlagsanstalt G.m.b.H, 1949.

⁴⁰⁵ См.напр.: T. Schweisfurth. Germany, Occupation After World War II, in: EPIL, p. 196 et seq.

⁴⁰⁶ См. “Акт о военной капитуляции” 7/8 Мая 1945 года.

“(…) наибольшая проблематичность в реализации международного права в целом и международного (гуманитарного) права в частности возникает не на последней и крайней стадии “принуждения”, а на промежуточной стадии “вынесения решений”⁴⁰⁷.

До тех пор, пока у нас остаются общие нормы или принципы, которые интерпретируются каждым субъектом с выигрышной для него позиции и как функция его собственных ценностей и интересов, у нас не будет объективного вынесения решений. Роль права, таким образом, сводится к риторическому аргументированию или обоснованию, и правовой характер данных норм и принципов остается гипотетическим или сомнительным”. Ведущий ученый “новой волны” Дэвид Кеннеди охарактеризовал неопределенную природу международного права в еще более резких словах, утверждая, что “дискурс международного права это диалог, лишенный содержания: возведенный в статус ритуала обмен словами, в котором избегается сама постановка того вопроса, в обсуждении которого и состоит его цель. (...) никто не остается убежденным”⁴⁰⁸.

Тем не менее, с позиций конструктивизма следует провести различие между двумя вопросами: был ли правовой статус СССР в странах Балтии статусом оккупанта и какие международные стандарты должны использоваться для оценки советской политики. Ответить на первый вопрос проще, чем на второй. Поскольку аннексия СССР стран Балтии в 1940 году не имела каких-либо оснований в международном праве, а значительная часть международного сообщества отказалась формально одобрить данный захват, то из неудачи СССР приобрести окончательный правовой статус в странах Балтии автоматически следует, что режим оккупации *как таковой* не был прекращен вплоть до восстановления независимости Эстонии, Латвии и Литвы в 1991 году⁴⁰⁹. Следовательно, несмотря на аннексию стран Балтии СССР в

⁴⁰⁷ G. Abi-Saab. Conclusions. La Nations Unies et le Droit International Humanitaire. Actes du Colloque International de l'Université de Genève. Paris: A. Pedone, 1996, p. 309. Аби-Сааб рекомендует использовать мониторинги и другие исследовательские механизмы для преодоления проблемы неопределенности в международном гуманитарном праве.

⁴⁰⁸ D. Kennedy. Theses about International Law Discourse // 23 GYBIL 1980, p. 353 at 376.

⁴⁰⁹ Схожие выводы см. в: D.A. Loeber. Forced Incorporation: International Law Aspects of the Soviet Takeover of Latvia in 1940, in: R. Clark F. Feldbrugge, S. Po-

1940 году, можно говорить об их (продолжающейся) “оккупации”, ссылаясь при этом, главным образом, на отсутствие у СССР правооснования⁴¹⁰. Продолжительная советская оккупация была неортодоксальной оккупацией *sui generis*⁴¹¹, *Annexionsbesetzung*⁴¹² (“аннексионная оккупация”). До 1991 года ситуация в странах Балтии в нескольких существенных аспектах напоминала классическую ситуацию “оккупации”: иностранный контроль при помощи сил, чье присутствие не было санкционировано международным правом, и конфликт интересов между населением и теми, кто осуществлял над ним власть⁴¹³.

В то же время данная ситуация отличалась от классической ситуации оккупации в других аспектах. С практической точки зрения факт инкорпорации стран Балтии в СССР и длительность советского правления⁴¹⁴ ставят под вопрос применимость в этом случае всех международных норм оккупационного права в 1940–1991 гг. “Но фактически СССР после 1940 года не установил оккупационных режимов в странах Балтии...”⁴¹⁵. Именно в этом пункте нельзя совершенно проигнорировать факт и реальность аннексионистской деятельности, сделав вид, что их никогда не существовало. В противном случае внутренний конфликт между буквой права и его нарушением аннексирующим государством стал бы настолько напряженным, что поставил бы под сомнение наличие смысла в концепциях международного права⁴¹⁶.

Например, фактом введения в странах Балтии советской экономической системы СССР явно нарушил Гаагские нормы оккупационного права 1907 года. В то же время разумно утверждать, что принцип *ex*

morski (eds.). *International and National Law in Russia and Eastern Europe*. The Hague: M. Nijhoff, 2001, pp. 225–259, p. 259.

⁴¹⁰ См. уже в: M. Brakas. *Lithuania’s International Status: Some Legal Aspects* // 2, 38 *Baltic Review* (August 1971), p. 14.

⁴¹¹ Уникальный, своеобразный (*лат.*) — прим. пер.

⁴¹² Об этой концепции см. в: S. Cybichowski. *Das völkerrechtliche Okkupationsrecht* // *Z. für VR* 1934, p. 318.

⁴¹³ Ср.: A. Roberts. *Prolonged Military Occupation*, p. 44.

⁴¹⁴ Об особых соображениях в случаях “длительных оккупаций” см.: A. Roberts. *Prolonged Military Occupation...* // *AJIL* 1990, p. 44 et seq.

⁴¹⁵ См.: T. Schweisfurth. *Soviet Union, Dissolution*, in: *EPIL*, Vol. 4, 2000, pp. 529–547 at 540.

⁴¹⁶ Ср.: P. Guggenheim. *Op. cit.*, t.1, p. 443: “Международное право, являющееся примитивным правом, не обладает достаточно развитой техникой, чтобы полностью опровергнуть с юридических позиций политическую власть, созданную путем нарушения права, но делящуюся и наличествующую фактически”.

factis oritur ius вынуждает принять, как жизненные факты, определенные аспекты советской экономической системы, введенной иностранным государством в десятилетия, следовавшие за противоправной аннексией. Период советской оккупации не может целиком и полностью рассматриваться как юридически ничтожный. Так, введенная иностранным государством советская экономическая система во всей Восточной Европе стала жизненным фактом, с которым смирилось местное население и, в этом качестве, она была признана международным сообществом. Поскольку с определенного периода времени против нее не выдвигалось правовых возражений ни на международном, ни на внутреннем уровне, то любые доказательства того, что данная система нарушала Гаагское положение 1907 года, носили бы искусственный характер. Здесь уместно привести предостережение Элфа Росса, сделанное им в контексте датского случая:

“Было бы наивно полагать, что можно наказать агрессора отрицанием за ним каких-либо юридических прав. Занятие категорической позиции, согласно которой любые действия оккупирующей державы на оккупированной территории противоправны уже исключительно в силу противоправности первоначального акта вторжения, на практике означало бы отказ от попытки определить правовой *modus vivendi*”⁴¹⁷.

Это замечание истинно *a fortiori*⁴¹⁸ в балтийском случае.

Абсолютный минимальный стандарт, который СССР, не приобретает суверенных прав на страны Балтии, был обязан соблюдать в этих незаконно аннексированных государствах, заключался в уважении таких норм международного права, как ограничение права любого правительства совершать действия, представляющие собой (дальнейшие) преступления против мира и преступления против человечества⁴¹⁹. Кроме того, развивающиеся международные стандарты в области прав человека, применимые во “внутренних” ситуациях, были *a fortiori* обязательны для СССР в незаконно аннексированных странах Балтии⁴²⁰.

В общем и целом, мы утверждаем, что оккупационную теорию следует в принципе подтвердить в контексте незаконно аннексиро-

⁴¹⁷ A. Ross. Denmark’s Legal Status, p. 7.

⁴¹⁸ С тем большим основанием (*lat.*) — прим. пер.

⁴¹⁹ Ср. с правовой оценкой, сделанной в департаменте сухопутных войск США 10 декабря 1946 года. JIR. Vol. 6, 1956, 300. См. также: T. Schweisfurth. Germany, Occupation After World War II // EPIL, p. 196 et seq.

⁴²⁰ Ср.: Roberts. Prolonged Military Occupation, pp. 49, 52 and 70 et seq.

ванных стран Балтии. Тем не менее, на нее должны быть наложены реальные ограничения. Несмотря на факт аннексии, присутствие СССР в странах Балтии оставалось оккупацией *sui generis* по международному праву вплоть до восстановления независимости Прибалтики.

5. Выводы: страны Балтии в 1940–1991 гг. — континуитет или прекращение существования?

Сделанные в предшествующих главах выводы о том, что в аннексированных странах Балтии не возникло оснований для применения права давности и что три республики оставались оккупированными СССР, неизбежно указывают на то, что юридическая фикция идентичности правосубъектности стран Балтии отнюдь не является политической фикцией в том смысле, что использованное в практике государств решение не было “*deus ex machina*”⁴²¹. Представляется, что фикция идентичности правосубъектности государства также включает в себя и континуитет этих государств. В то же время такой вывод представляет собой существенно важный поворотный пункт в научных исследованиях и на данном этапе у нас появляется последняя возможность принять в расчет все те соображения, которые могут указывать в ином направлении. Здесь исключительно важно проанализировать то, насколько убедительными могут быть юридические аргументы в принципе.

Представляется уместным обсудить анализ методологии международного права, породивший несогласие среди ученых в данной области права. В своей, весьма известной и часто обсуждавшейся работе, Мартти Коскениеми “деконструировал” международно-правовую аргументацию как обреченную колебаться между избыточно легитимирующими объяснениями международного поведения (апологетика) и, с другой стороны, приобретением прогрессивной и нормативной роли за счет отрицания действительности и даже возможности правоприменения (утопизм)⁴²². Первая линия рассуждений отталкивается от презумпции *ex factis oritur ius*, вторая — от максимы *ex injuria ius non oritur*.

⁴²¹ Бог из машины (*лат.*) — неправдоподобная, непредвиденная случайность, влияющая на конечный исход — прим. пер.

⁴²² См.: M. Koskeniemi. From Apology to Utopia. The Structure of International Legal Argument. 1989. См. также: M. Koskeniemi. The Politics of International Law // I EJIL 1989, pp. 4–32 at 9.

Оба типа аргументации применялись в вопросе о периоде незаконной советской аннексии и статусе стран Балтии. “Утописты” выступали в пользу применимости норм военной оккупации и непрерывности существования стран Балтии; “апологеты”, напротив, указывали на факт советского правления в этих государствах. В то же время обе позиции могут поменяться местами: например, если утверждения стран Балтии об оккупации фактически превратятся в инструмент для достижения определенных “эгоистических” целей (апологетика) или же если допустить, что упорная приверженность России к фактам подкреплена “утопическими” идеями о российском или советском универсализме. Необычность ситуации состоит в том, что при отсутствии судебного решения каждая из позиций может обладать определенной степенью достоверности — по крайней мере, до тех пор, пока аргументы формулируются в пределах границ, принятых для их использования в праве.

Эстонский правовед Энн Сарв доводит балтийскую аргументацию до крайности, утверждая, что до 1991 года для СССР в странах Балтии продолжали оставаться обязательными Женевские оккупационные нормы 1949 года. Согласно его интерпретации, советская миграционная политика в 1950–1980-е гг., направленная на создание необратимых изменений в этническом составе стран Балтии, должна быть квалифицирована как “военное преступление” и нарушение статьи 49 четвертой Женевской конвенции⁴²³. В соответствии с этой позицией, призыв людей из этих государств в советскую армию в 1980-е гг. также должен рассматриваться как “военное преступление” и т.д. На другом конце данной шкалы стоит аргумент российской дипломатии:

“Из того факта, что страны Балтии были насильственно включены в состав Советского Союза, не вытекает последующей оккупации в каком бы то ни было правовом смысле, отличном от, скажем, рассмотрения Техаса или Нью-Мехико в качестве территорий, “окупированных” Соединенными Штатами”⁴²⁴.

⁴²³ См.: E. Sarv. *Õiguse vastu ei saa ükski...*, p. 193 and 227. (Проведенная советской властью “этническая чистка” как “военное преступление”; “переселение советских граждан в оккупированную Эстонию” как “вопиющее нарушение статьи 49 четвертой Женевской конвенции”). Рассмотрение Сарвом советской “гражданской оккупации” см. в: *Ibid.*, p. 47 et seq.

⁴²⁴ См. позицию российского представителя С. Черниченко во время дебатов в Экономическом и Социальном Совете ООН, Комиссии по правам человека. Sub-Commission on Prevention of Discrimination and Protection of Minorities, 33rd

Данные противоречивые позиции уже высказывались в контексте оценки воздействия, которое несло непризнание⁴²⁵ советской аннексии. Коскенниemi и Марья Лехто осторожно выдвинули аргумент, предположив, что “можно усомниться в том, стоило ли возвращаться к фикции континуитета для достижения результатов, которые и так уже вытекали из незаконности оккупации”⁴²⁶. В то же время, на другом конце шкалы Юзесом Репечка в 1949 году был представлен противоположный аргумент: страны Балтии продолжают существовать как субъекты международного права до тех пор, пока остается хотя бы одно третье государство, отказывающееся признать законность советской аннексии. Используя ряд оговорок, Борис Мейсснер⁴²⁷ занял “позицию посередине”, когда в 1980 году заключил, что несмотря на незаконную советскую аннексию Эстония, Латвия и Литва продолжают существовать как субъекты международного права *для тех государств* (таких как США и другие страны Запада), которые не признали советскую аннексию де-юре⁴²⁸. И напротив, *для тех государств*, которые признали советскую аннексию де-юре, страны Балтии прекратили свое суверенное существование⁴²⁹. Из этих расхождений

Meeting, Geneva, 26 August 1992, E/CN.4/Sub.2/1992/SR.33, p. 16. Представляется интересным, что эта точка зрения продолжает советскую риторику *tu quoque* (букв. “ты тоже” (*лат.*); распространенный ложный довод, состоящий в попытке защититься от критики, обратив ее против обвиняющего — прим. пер.). См., напр: V.P. Karpov. The Soviet Concept of Peaceful Coexistence and Its Implications for International Law, in: H.W. Baade (ed.). The Soviet Impact on International Law. Dobbs Ferry, NY: Oceana, 1965, p. 20 (критикуя “некоторые резолюции” Конгресса США с позиций принципа нерушимости границ: “Я нахожу, что это приблизительно то же самое, как если бы парламент Мексики, к примеру, принял резолюцию, требующую “освобождения от американского рабства” Техаса, Аризоны и Калифорнии”).

⁴²⁵ Общие вопросы в связи с последствиями признания см. в: J. Verhoeven. La reconnaissance..., 1975, p. 665 et seq.

⁴²⁶ См.: Koskenniemi and Lehto. AFDI 1992, p. 198.

⁴²⁷ См.: B. Meissner. Die Souveränität der baltischen Nationen (1980), in: B. Meissner. Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel. Beiträge 1954–1994, Hamburg: Bibliotheca Baltica, 1995, pp. 174–195.

⁴²⁸ Ibid, p. 181.

⁴²⁹ “... Страны Балтии полностью утратили свою государственную независимость.” См.: Meissner. Ibid., p. 182. Профессор Мейсснер продолжает развивать эту тему: “Многие из тех государств, которые установили с Советским Союзом дипломатические отношения только после Второй мировой войны, могли исходить из действующего на тот момент территориального статуса

становится очевидной неясность в вопросе о том, может ли вообще современный правовой статус стран Балтии иметь характер *erga omnes*.

Подобным образом, “утопическая”-“апологетическая” дилемма возникает и при оценке балтийской ситуации в свете критериев государственности Монтевидео. Рассматривая этот вопрос с точки зрения стран Балтии, “утописты” предполагают существование государства при незаконной аннексии в том случае, когда оно не существует в “действительности” (по “теории трех элементов”). С другой стороны, апологеты, подчеркивая факты, приняли бы действительность “как она есть”, независимо от того, возникла ли она в результате правомерных или незаконных действий. Тем самым они бы обращали внимание на реальность советских прибалтийских республик в составе СССР, а не на “продолжение существования стран Балтии независимо от аннексии”. Хайке Кригер предположила, что принцип соответствия действительности имел значение в случае стран Балтии в той мере, что незаконная изначально ситуация укрепилась, и СССР приобрел территориальный суверенитет над этими государствами⁴³⁰. Джо Верховен, один из наиболее убежденных сторонников принципа соответствия действительности, утверждает, что “одно дело запрет на применение силы и отсутствие перехода суверенитета в случае завоевания, другое дело продолжение или прекращение существования государства-жертвы”⁴³¹. Он предостерегает, что принятие государственного континуитета в случаях, подобных случаю стран Балтии, может “лишить реалистичной основы традиционное понимание государства”, поскольку “последнее обычно рождается и умирает на основе чисто фактических элементов: территория, население, независимое правительство”⁴³². В этой связи Верховен ставит важный вопрос: “Следует ли отрицать смерть или рождение государства по причинам, связанным с незаконностью?” и дает на него осторожный ответ: “Можно лишь сомневаться в правильности принятия такой точки зрения”⁴³³. Следовательно, “по крайней мере при существующем в

СССР и не формулировать собственной позиции по связанным с этим международно-правовым проблемам. Тем самым эти государства не ставят под сомнение точку зрения СССР, согласно которой прибалтийские союзные республики являются государствами-членами Советского Союза”. Ibid, p. 182.

⁴³⁰ Н. Krieger. Das Effektivitätsprinzip im Völkerrecht, p. 455.

⁴³¹ См.: J. Verhoeven. La reconnaissance internationale: déclin ou renouveau? // 39 AFDI 1993, p. 7–40 at 36.

⁴³² См.: Ibid, p. 37.

⁴³³ См.: Ibid, p. 38.

настоящее время положении дел правильнее оставить решение вопроса о рождении и смерти государства фактам. Это, вероятно, более реалистично и, возможно, также разумно”⁴³⁴. Представляется, что таким образом Джо Верховен пытается “спасти” существенность “теории трех элементов” при определении государственности или даже релевантность международного права в отношении “реальностей” в международных отношениях.

Несмотря на это, еще один парадокс “утопической”-“апологетической” дилеммы заключается в том, что, принимая “апологетическое” положение профессора Верховена, к нам бумерангом возвращается вопрос о самой возможности и существенности международного права как нормативной системы. Призыв Джо Верховена к “реализму” стремится сохранить за международным правом его релевантность и, парадоксально, отказывает ему в этой роли. Хорошо известно, что ввиду децентрализованного характера международного права оно является “примитивной” правовой системой по сравнению с хорошо налаженной внутригосударственной правовой системой⁴³⁵. Таким образом, всегда существует опасность, что международное право санкционирует определенное поведение (действие или бездействие), при котором правовая норма нарушается, но, несмотря на это, нарушение таких правовых норм на практике не имеет никаких серьезных последствий (“ничего не происходит”). Чем меньше ответов на такие ситуации предлагает международное право, тем менее существенной становится его роль как права в международных отношениях — и тем более настойчиво оно может пытаться следовать принципу соответствия действительности⁴³⁶. Это соображение при-

⁴³⁴ См.: Ibid, p. 39.

⁴³⁵ Ввиду несомненного прогресса в укреплении международно-правового порядка, сделанного в период после Второй мировой войны, сегодня лишь немногие юристы сформулировали бы это с той же категоричностью, с какой это сделал Ганс Кельзен в 1932 году, заявив что “... с точки зрения своей технической структуры международное право представляет собой примитивную правовую систему и поэтому, если это вообще право, оно может быть только примитивным”. См.: H. Kelsen. Unrecht und Unrechtsfolge im Völkerrecht. XII ZöR 1932, pp. 481–606 at 481.

⁴³⁶ Мы соглашаемся с анализом Джеймса Кроуфорда: “... международное право рискует оказаться неэффективным именно в тех случаях, когда оно не пытается противостоять фактическим, но незаконным ситуациям. (...) аргумент, согласно которому международное право не может регулировать или контролировать территориальные единицы, служит выражением точки

обретает наиболее важный характер в тех случаях, когда нарушаются наиболее фундаментальные международно-правовые нормы, такие как запрет на агрессию.

Парадоксально, но полная капитуляция права перед фактами дает “реалистам” дополнительный аргумент о том, что международное право “не имеет значения”. Данная отрицающая критика международного права приобретает еще больший вес в ситуациях, когда международное право перестает защищать то, для защиты чего оно было предназначено и в те моменты, когда нужда в нем особенно велика. Хедли Буль выдвинул предположение, согласно которому международное право осуждает агрессию, но если агрессия добилась успеха, то она более не осуждается⁴³⁷. Ганс Моргентау, один из отцов-основателей современного “реализма”, поставил критический для юристов-международников вопрос:

“... возникают проблемы в отношении Пакта Бриана-Келлога и мирных договоров 1919 года, а также и других политических договоров, таких как (...) союзные договоры, понятий агрессии, независимости, интервенции и т.д. Они включены в письменные документы, которые были должным образом ратифицированы, и действие которых никогда не отменялось. Являлись ли они действующим правом с самого начала и что стало с ними в те годы, когда они нарушались? Сохраняют ли они свое действие до настоящего времени? Если нет, то что уничтожило их юридическую силу?”⁴³⁸

Изолированный и несбалансированный принцип соответствия действительности не может находиться в самом центре международного права, поскольку действительность в ее крайнем проявлении — это право силы, право более сильного, то есть тот мировой порядок, который и есть, согласно школе реализма, реальность, но который при этом не заслуживает названия “международного права”, поскольку в этом случае он отменяет последнее. Если бы мир управлялся исключительно голый силой и нормы устанавливались бы более сильным и поддерживали его, то называть такой мировой порядок вводящим в

зрения, по которой международное право вообще не может регулировать политику силы”. См.: Crawford. *The Criteria of Statehood...*, p. 145.

⁴³⁷ H. Bull. *The Anarchical Society, A Study of Order in World Politics*. 2nd ed., New York: Columbia UP, 1995, p. 88 (где цитируется Мазруи).

⁴³⁸ H. Morgenthau. *Positivism, Factionalism and International Law* // 34 *AJIL* 1940, p. 267.

заблуждение понятием “права” означало бы злоупотребить легитимностью. Если бы дела обстояли таким образом, то существовали бы причины присоединиться к тем ученым, которые, подобно Макау Мутуа, утверждали (с перспективы “третьего мира”), что “режим международного права нелегитимен”⁴³⁹.

Тот факт, что международное право может выглядеть неспособным реагировать на нарушения одной из его наиболее фундаментальных норм — запрета на агрессию — должен был бы представлять собой более существенную проблему для юристов, озабоченных существенностью принципа господства права в международных отношениях, чем опасения, что международное право станет “нереалистичным”, если начнет поддерживать юридические фикции при нарушении своих фундаментальных норм. Как бы то ни было, так называемая *normative Kraft des Faktischen* не может обладать собственным юридическим значением (*Kraft*). Словами Густава Радбруха:

“Нормативная сила фактического является парадоксом. Просто из существования никогда не может возникнуть обязательство. Некий факт, например, распространенные в определенную эпоху представления, могут стать нормативными только в том случае, если получают эту нормативность от какой-либо нормы”⁴⁴⁰.

По этой причине во время всего периода незаконной аннексии стран Балтии часть ученых-юристов отказывалась согласиться с тем, что страны Балтии, с точки зрения международного права, утратили свою государственность. Исходя из политики непризнания, Кристина Марек в 1968 году сделала вывод о том, что “отношение идентичности правосубъектности и континуитета все еще может существовать между

⁴³⁹ См.: M. Mutua. What is TWAIL?, in: ASIL Proceedings of the 94th Annual Meeting, April 5–8, 2000, p. 31.

⁴⁴⁰ G. Radbruch. Rechtsphilosophie. 4. Aufl., herausg. von Erik Wolf, p. 288. См. практически тождественное положение у Карла Доринга: “Действительность существенна с правовой точки зрения в тех пределах, в каких это допускается правовой системой. Действительность, взятая отдельно как следствие из чисто фактической ситуации, не создает прав”. K. Doehring. Effectiveness // EPIL, Vol. 7, p. 70. Как это не удивительно, профессор Кельзен также доказывал в этом контексте, что “Правовые следствия не могут быть выведены просто из фактов; они могут быть выведены только из правовых норм, которые придают фактам эффект создания нового права”. См.: H. Kelsen. Principles of International Law. 2nd ed., ed. by R. Tucker, 1966, pp. 721–722.

независимыми странами Балтии 1940 года и теми странами Балтии, которые вернут свою фактическую свободу, прежде чем непреодолимое нормативное давление фактов приведет к их полному исчезновению”⁴⁴¹. Следовательно, несмотря на аномально длительную продолжительность противоправной оккупации и аннексии со стороны СССР, из длительности как таковой не следует автоматически, что эти государства прекратили существовать как субъекты права.

Но основной ответ на вопрос Джо Верховена “следует ли отрицать смерть или рождение государства по причинам, связанным с незаконностью?” дается в практике государств. “За” и “против” такого решения могли быть и, вероятно, останутся спорными, но для юристов-международников имеет наибольшее значение то обстоятельство, что существенная часть практики государств *зашла* так далеко, что отрицала прекращение существования незаконно аннексированных стран Балтии. Дипломатическая практика, в особенности политика непризнания и признание идентичности международной правосубъектности в 1991 году указывают на то, что Утопии было отдано предпочтение перед Апологией, что континуитет стран Балтии был сохранен.

Существенные в отношении балтийской ситуации факты вынуждают нас заключить, что в утверждении о “продолжении существования” стран Балтии в 1940–1991 гг. заключается элемент юридической фикции. Ряд государств, хотя и отказываясь признавать советское завоевание де-юре, не проявлял в то же время исключительной настойчивости в своей политике непризнания. Представляется спорным вопрос о том, в какой мере такие “колеблющиеся” государства увязывали свое непризнание с тезисом о продолжении существования стран Балтии как субъектов права. До некоторой степени такие государства возродили фикции непрерывного существования задним числом, *ex post*⁴⁴².

В то же время практика государств последних лет в целом не указывает на то, что признавшие идентичность правосубъектности стран Балтии государства имели в виду противоречивое и политически

⁴⁴¹ К. Marek. *Identity and Continuity...* 2nd ed., 1968, p. 581. Борис Мейсснер в 1956 году пришел к схожим выводам: “Таким образом, страны Балтии не утратили свой статус субъектов международного права. Поскольку они не исчезли в правовом смысле, то вместе с их гражданством и правовой системой в принципе сохраняются и их материальные права по положению на 1940 год”. Meissner. *Op. cit.*, p. 309.

⁴⁴² Ввиду свершившегося факта (*лат.*) — прим. пер.

мотивированное сочетание “идентичности правосубъектности без континуитета”. Правопритязания в случае стран Балтии всегда подчеркнута оставались притязаниями на государственный *континуитет* и представляется, что третьи страны, признав идентичность правосубъектности стран Балтии, признали и тезис стран Балтии о длительной советской оккупации.

Незаконность советской аннексии, непризнание этой аннексии западными странами, оказанное балтийскими народами сопротивление советскому режиму и непрерывное функционирование рудиментарных государственных органов в изгнании вынуждают нас сделать итоговый вывод в пользу континуитета стран Балтии на протяжении советской аннексии. Непризнание западными странами лишь дополнительно подтвердило незаконность аннексии. В результате этой незаконности, подтвержденной непризнанием, Советский Союз не приобрел правооснования. Если не выдвигать очевидно абсурдного предположения, что страны Балтии стали *terrae nullius*, то суверенитет принадлежал находившимся в изгнании структурам незаконно оккупированных стран Балтии.

ЧАСТЬ II. EX FACTIS ORITUR IUS

1. Введение

Первая часть настоящего исследования завершилась оптимистичными выводами о торжестве законности над фактической ситуацией в случае незаконной аннексии стран Балтии. Ввиду незаконности советской аннексии и убедительного правоприязания на государственный континент, выдвинутого странами Балтии, сообщество государств в 1991 году признало идентичность правосубъектности стран Балтии и тех балтийских республик, которые существовали до Второй мировой войны. Было бы только приятно завершить анализ на данном этапе, отпраздновать победу справедливости и нормативных ценностей в международном праве и расслабиться.

Тем не менее, Обиора Чинеду Окафор предостерегает нас, что “... пока (...) еще слишком рано провозглашать абсолютную победу принципа легитимности над не допускающей никаких отклонений версией доктрины действительности. Хотя фактическая ситуация больше не создает легитимность автоматически, данная доктрина по-прежнему остается важным элементом международного права и практики. Маятник международного права все еще может качнуться обратно в сторону принципа действительности, особенно если издержки отказа в признании легитимности за фактической, но противоправной ситуацией станут слишком обременяющими для системы. (...) последнее слово по данному вопросу еще не было сказано”⁴⁴³. Во второй части настоящей работы мы обратимся к проблеме “издержек” и, в особенности, к вопросу о том, могут ли такие издержки стать слишком обременительными для международной системы. В этом контексте выдвигается предположение, что издержки становятся избыточными для системы в случае, если вовлечение в Утопию становится излишне не критическим и доктрина международного права оказывается не в состоянии выполнять обещания, которые она дает государственным факторам. Фиксация ожиданий на уровне столь высоком, что он не

⁴⁴³ См.: Okafor. Op.cit., p. 69.

может быть реализован, в состоянии поставить под угрозу доверие к международному праву. Такое случалось и раньше. Так, объясняет Мартти Коскенниemi, после Второй мировой войны многие стоявшие на позициях “реализма” юристы чувствовали, что “... предыдущее поколение потерпело неудачу, потому что оно увлеклось спекулятивными абстракциями, не уделяя должного внимания изменениям в условиях силы и политическим фактам. Печально известным примером служит коллапс внушительной концептуально-правовой системы, определявшей нейтралитет. Право потерпело неудачу, потому что оно несло в себе устаревшие представления о легитимности и порядке, потому что оно основывалось на спекулятивных гипотезах, не учитывавших реальность силы. Одним словом, оно было слишком Утопичным”⁴⁴⁴. Одно дело предполагать наличие в международном праве “возвышенной” фикции или нормы, совсем другая и заметно более сложная задача — гарантировать ее соблюдение и разумное применение⁴⁴⁵. В доктрине международного права обычно считалось само собой разумеющимся, что относящиеся к ней нормативные ожидания не могут быть столь же высокими, как в случае внутригосударственной правовой системы⁴⁴⁶. Некоторые авторы прямо предостерегали, что в международном праве нет места для “радикального нормативизма”⁴⁴⁷. Ниже мы изучим обратную сторону решения, принятого в практике государств в связи со странами Балтии, в особенности же обратимся к вопросу о том, были ли в данном случае совместимы теория и практика.

⁴⁴⁴ См.: M. Koskeniemi (ed.). *International Law*, Aldershot et al: Dartmouth, 1992, p. xvii.

⁴⁴⁵ См. также: S.Yu. Marochkin. *Questions of Effectiveness of International Law Rules // Soviet YBIL* 1988, pp. 12–22.

⁴⁴⁶ См.: H. Krüger. *Das Prinzip der Effektivität, oder: Über die besondere Wirklichkeitsnähe des Völkerrechts*, in: D.S. Constantopoulous et al (eds.). *Grundprobleme des internationalen Rechts, Festschrift für Jean Spiropoulous*. Bonn 1957, pp. 265–284 at 266.

⁴⁴⁷ См.: H. Krieger. *Das Effektivitätsprinzip im Völkerrecht*, pp. 177 and 202. См. также: R. Bindschedler. *Die Anerkennung im Völkerrecht*, in: *Berichte der DGV*, Band 4, 1961, pp. 1–27 at 20 (“пока продолжает сохраняться децентрализованная природа международного права, оно не может отказаться от принципа действительности и мы должны признавать *normative Kraft des Faktischen*”).

ГЛАВА 5. КОНФЛИКТНЫЕ ПРАВОПРИТЯЗАНИЯ НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОННЫХ ПРАВ НА ПРИМЕРЕ СТРАН БАЛТИИ

1. Доминирующая в доктрине интерпретация “государственного континуитета”

В работе Кристины Марек, открывшей новую страницу в изучении международного права, на основе одного из аспектов теории государства Кельзена концепции идентичности правосубъектности и континуитета государства были увязаны с правами и обязанностями соответствующего государства: права вытекают из статуса. В соответствии с ее позицией, восстановление государства на основе континуитета означает, в принципе, восстановление такого положения дел в отношении данного государства, которое существовало до совершения незаконного акта (*restitutio in integrum*)⁴⁴⁸. В то же время, анализ практики государств во время Второй мировой войны вынудил Марек ввести основанную на реализме оговорку к ее “радикально нормативной” или же “утопической” основной норме: на практике *normative Kraft des Faktischen* нельзя игнорировать и *restitutio in integrum* часто оказывается невозможным:

“(…) необходимо признать наличие серьезнейших сомнений в том, что принцип подлинно всеобъемлющего восстановления имеет какие-либо шансы быть примененным на практике или же в том, что данный принцип является более чем просто постулатом, выраженным в крайней форме и в рамках которого должны быть сделаны существенные уступки. Это происходит потому, что фактическая действительность незаконного иностранного владычества не может

⁴⁴⁸ Ср.: Marek. Op. cit., p. 582. См. также: P.C.I.J., Ser. A 17, p. 47.

быть проигнорирована, и что она оставит свой трудноустраняемый отпечаток даже в наиболее удачном случае ее устранения”⁴⁴⁹.

Далее Марек указывает на “явную невозможность рассматривать совершенный незаконный акт как несуществующий”⁴⁵⁰, а также на такое очевидное соображение, что “жизнь продолжается на аннексированной или оккупированной территории или же при марионеточном режиме; устанавливается некая разновидность правового порядка и совершаются действия, которые сами по себе не являются незаконными”⁴⁵¹.

Марек предположила, что для решения этой проблемы совершенно необходимо провести различие между первоначальным незаконным актом и последующими действиями, совершаемыми на оккупированной территории⁴⁵². Законность последующих действий на противоправно контролируемой территории должна устанавливаться, исходя из их конкретных обстоятельств и проверяться “критериями, устанавливающими границы дозволенного по Гаагскому режиму для находящегося в состоянии войны оккупанта”⁴⁵³:

“Данный критерий полностью и абсолютно исключает внесение каких-либо изменений в международный статус государства-жертвы, которое — если принцип его непрерывного континуитета должен иметь хоть какое-либо значение — должно вновь появиться после периода иностранного владычества с несколько не умаленными международными правами и обязанностями и с сохранившимся разграничением всех сфер его международного статуса в соответствии с международным правом. Именно поэтому за какими-либо изменениями в гражданстве населения или за территориальными изменениями не может быть признано даже временной законной силы ни восстановленным государством, ни третьими государствами”⁴⁵⁴.

⁴⁴⁹ Marek. Op. cit., p. 582. Эта мысль была применена к случаю стран Балтии Рейном Мюллерсоном, который доказывал, что “*restitutio ad integrum*” после более чем 50 лет представляется в большей мере юридической фикцией, чем реалистичной возможностью”. См.: R. Müllerson. *New Developments in the Former USSR and Yugoslavia* // 33 Va. J. Int'l L. 1993, pp. 310–311. См. также: Kaljurand. *Some Aspects of...* 1995, p. 8.

⁴⁵⁰ Marek. Op. cit., p. 582.

⁴⁵¹ Ibid. Op. cit., p. 582.

⁴⁵² Marek. Op. cit., p. 584.

⁴⁵³ Ibid, p. 584.

⁴⁵⁴ Marek. Op. cit., pp. 584–585.

Марек делает вывод о том, что *“при восстановлении незаконно подчиненного государства сочетается фундаментальный принцип его континуитета с необходимыми и неизбежными ограничениями, точно так же, как при восстановлении государства после военной оккупации. Ни в первом, ни во втором случае оно не означает — и не может означать — правового землетрясения”*⁴⁵⁵.

Хотя в последней формулировке изящно оставлено пространство для маневра, тем не менее, очевидно, что в случаях незаконно подчиненных государств Марек рассматривает сам континуитет государства — *“если принцип его непрерывного континуитета должен иметь хоть какое-либо значение”* — как континуитет его международных прав и обязательств. В любом случае, при рассмотрении фундаментальных вопросов гражданства, территориальных изменений и т.д. имеющаяся в праве презумпция благоприятствует незаконно подчиненному государству, его юридическим правам и обязанностям. Из расстановки акцентов в работе профессора Марек можно заключить, что ее базовое понимание концепций государственного континуитета и идентичности правосубъектности как презумпции в пользу континуитета международных прав и обязательств государства было выработано с особым учетом государств, восстановленных после незаконного подчинения.

Хотя выдвинутая Марек нормативная концепция государственного континуитета была подвергнута критике еще Кроуфордом, она все еще, по словам Мартти Коскенниemi, *“преследует воображение правоведа”*⁴⁵⁶. Последний критиковал то обстоятельство, что *“большая часть споров последнего времени о правовых аспектах политической трансформации в Европе основывается на допущении, что первоочередная, нуждающаяся в разрешении проблема, состоит в установлении того, является ли субъект совершенно “новым” или же в нем продолжается существование “старого” государства, и что определение его статуса в этом отношении имеет решающее значение также и в отношении его прав и обязательств”*⁴⁵⁷. Таким образом, нормативная схема Марек может стать весьма максималистской и порождающей разногласия: если правовой статус *x*, то из него следует *y*. Как в словах той песни, где *“победитель получает все”*, концепция Марек просто подразумевает, что сохранение государственного континуитета

⁴⁵⁵ Marek. Op. cit., p. 586.

⁴⁵⁶ Koskenniemi. The Present State of Research, in: State Succession (Hague Academy), 1996, p. 153.

⁴⁵⁷ См.: Ibid, p. 153.

имеет первоочередное значение; реализация данного статуса в той или иной мере сопровождается восстановлением фундаментальных прав.

Но в состоянии ли международное право удовлетворить “нормативное обещание” Марек и поддержать фикцию континуитета прав и обязательств? Как пишет Жан Туско, на уровне государства только эффективность государственной власти легитимирует использование фикций⁴⁵⁸. На международном уровне сопоставимая эффективная власть отсутствует... Поэтому Ульрих Фастенрат выказывает заметно больше сомнений, чем профессор Марек, утверждая, что “неясно... какие правовые последствия могут возникнуть из восстановления идентичной правосубъектности, учитывая влияние фундаментально изменившихся обстоятельств”⁴⁵⁹. Подобным образом Йан Браунли предостерегал против “тирании концепций” в вопросах правопреемства и континуитета государств⁴⁶⁰. Таким образом, презумпцией здесь служит положение, согласно которому даже юридический мир не является черно-белым, но также может включать и серый цвет. Проявления этого могут быть установлены и на примере стран Балтии, где временной фактор внес оговорки в их континуитет с довоенными республиками, а некоторые специалисты даже указывали на такие элементы в практике государств, которые свидетельствовали о статусе государства-правопреемника после распада СССР.

После восстановления независимости страны Балтии требовали применения своего правового статуса как верные последователи нормативной концепции государственного континуитета, выдвинутой профессором Марек. Они исходили из той посылки, что, по меньшей мере, в отношении фундаментальных аспектов государственности (территория, гражданство, правовой статус оккупированных территорий) они обладали юридическими полномочиями требовать применения своих (прежних) прав. Представляется, что их внешнеполитические элиты полагали “победу достигнутой” и, поскольку правовой статус (государственный континуитет и идентичность правосубъект-

⁴⁵⁸ J. Touscoz. Le principe d'effectivité dans l'ordre international. 1964, p. 179.

⁴⁵⁹ U. Fastenrath. States, Extinction, in: EPIL 10, 1987, p. 465.

⁴⁶⁰ См.: Brownlie. Principles... p. 82. В то же время, неудовлетворенность профессора Браунли теориями заходит, по-видимому, дальше, чем просто в случаях правопреемства и континуитета государств. См., напр.: I. Brownlie. Recognition in Theory and Practice, in: 53 BYBIL 1982, pp. 197–211 at 197 (“Во всяких сомнениях, существует место для целого трактата о вреде, нанесенном теорией юридическим изысканиям”).

ности) был признан и установлен, то нормативные следствия не заставят себя ждать. Тем не менее, как мы увидим ниже, такой подход был лишь частично успешным, поскольку складывается впечатление, о чем писал в 1991 году Жан Салмон, что “гипотеза незаконности представляет собой настоящее осиное гнездо с точки зрения последствий”⁴⁶¹.

2. Особые обстоятельства стран Балтии

Практика договоров стран Балтии после 1991 года уже была изложена в обобщенном виде во второй главе настоящего исследования. В дипломатической практике присутствуют многочисленные факты, демонстрирующие восстановление после 1991 года прежних юридических прав и обязательств. Многие предпринятые дипломатические шаги носили главным образом символический характер. Тем не менее, существуют и обратные свидетельства. В ряде случаев третьи государства признали идентичность правосубъектности стран Балтии, но утверждали, что заключенные до 1940 года договоры не могут применяться в новых обстоятельствах⁴⁶². В случае Эстонии, к примеру, среди государств, отрицающих действие заключенных до 1940 года договоров, есть как страны, признавшие в принципе правопритязания на государственный континуитет (Германия, Италия), так и государства, которые не признали это правопритязание (Россия, Япония)⁴⁶³. Во многих подобных случаях (за исключением мирных договоров балтийских республик с Россией) соответствующие договоры не обладают в современном мире существенным значением и продолжение их применения действительно было бы жестом, лишенным практического смысла.

С другой стороны, некоторые следствия из правопритязания на идентичность правосубъектности стран Балтии с довоенными республиками были признаны даже такими странами, которые ранее при-

⁴⁶¹ J. Salmon. *Pays Baltes* // 24 RBDI 1991, p. 267.

⁴⁶² См., напр., протокол между Литовской Республикой и Королевством Норвегия о соглашениях, регулирующих их двусторонние отношения, подписанный в Вильнюсе 20 апреля 1994 года (ссылка в: Satkauskas. *Op. cit.*, p. 63).

⁴⁶³ См.: Kerikmäe/Vallikivi. *State Continuity in the Light of...* // *V Juridica International* 2000, p. 35.

знавали советскую аннексию, но традиционно поддерживали со странами Балтии дружественные отношения — например, Швецией⁴⁶⁴.

В то же время, прецедент восстановления стран Балтии в одном интересном смысле (оставив в стороне очевидный временной фактор) отличается от других случаев признания государственного континуитета, обсуждавшихся выше (например, Австрия в 1938–1945 и Чехословакия в 1939–1945 гг.). В этих случаях произошло *квази*-установление континуитета государств-жертв нацистов победоносными союзниками. Государство-агрессор (нацистская Германия) было вынуждено безоговорочно капитулировать, а оккупированная Германия, в которой шел процесс денацификации, не хотела и не могла поставить под вопрос правовое восстановление статус-кво, существовавшего до оккупации⁴⁶⁵.

Данная ситуация отличается от балтийского случая, где восстановление независимости произошло “изнутри” в ходе распада СССР и отсутствовал какой-либо международный юридический или политический орган, который бы давал политически авторитетные и “обязывающие” ответы на вопрос о прекращении противоправной ситуации, подобные Московской декларации 1943 года в отношении Австрии. Фактически, Россия в 1991 году проявила изрядную долю доброй воли в прекращении созданной СССР противоправной ситуации и (разумеется, также и в силу международного давления) не выдвинула каких-либо “условий” отделения стран Балтии. Позднее Российская Федерация и страны Балтии должны были самостоятельно найти ответы на вопросы, касающиеся их взаимных правовых отношений, в том смысле, что признание правового статуса стран Балтии не было ни в коей мере “навязано” Российской Федерации.

Следовательно, такая ситуация вносила особую сложность в балтийский случай, поскольку наиболее важные вопросы, касающиеся

⁴⁶⁴ Эрик Франкс изучал заключенные в недавнем прошлом морские соглашения между Эстонией и Швецией и пришел к выводу, что Швеция по крайней мере внешне согласилась с позицией Эстонии о том, что заключенные Советским Союзом соглашения на распространялись на Эстонию автоматически. См.: E. Franckx. The 1998 Estonia-Sweden Maritime Boundary Agreement: Lessons to be Learned in the Area of Continuity and/or Succession of States // 31 Ocean Development & International Law 2000, pp. 271 and 275.

⁴⁶⁵ Оговорки, впрочем, высказывались в судебной практике и литературе Германии (в особенности в отношении вопроса о гражданстве). См., напр.: H. Jellinek. Der automatische Erwerb und Verlust der Staatsangehörigkeit durch völkerrechtliche Vorgänge, zugleich ein Beitrag zur Lehre von der Staatensukzession. Berlin: Carl Heymann, 1951, p. 142 et seq.

восстановления прежних прав и обязательств, по понятным причинам связаны с государством, предшествующий режим которого несет ответственность за возникновение противоправной ситуации (подобно Германии в случаях Австрии и Чехословакии). В общем и целом, в результате этого возникла ситуация, когда западные государства (никогда не признававшие включения стран Балтии в состав СССР) выступили в пользу правопритязаний этих стран на континуитет, а Российская Федерация, “государство-продолжатель” СССР, до настоящего времени предпочитает занимать противоположную позицию.

С практической точки зрения это остается основным вопросом в отношении восстановления независимости стран Балтии: произошло ли данное восстановление благодаря международному праву, концепции которого привели к отказу признать за СССР суверенное право и, тем самым, постоянно подрывали легитимность советского присутствия в прибалтийских республиках? Было ли восстановление метаюридическим актом? Доктрина непризнания не приносила никаких ощутимых результатов на протяжении пятидесяти лет; будет ли реалистичным предположение, что она играла решающую роль при восстановлении независимости в 1991 году? Должны ли страны Балтии просто испытывать благодарность к России за (почти) мирное восстановление их независимости? Эта точка зрения была высказана прежним российским послом в Таллинне, утверждавшим, что “страны Балтии должны благодарить Россию, а не ждать извинений”⁴⁶⁶. Если окажется верной точка зрения, согласно которой восстановление независимости стран Балтии произошло на основе реализма, благодаря молчаливому согласию России (и, в особенности, российских демократам), а не в силу международного права, то это не может не иметь последствий для соответствующих правовых концепций, в особенности концепции “государственного континуитета”. Было бы дурным тоном “преследовать” благодетеля требованиями, касающимися международно-правовой ответственности и восстановления прав.

⁴⁶⁶ См.: А. Ammas. Gluhhov: Eesti peab Venemaad tänama, mitte ootama vabandamist // Eesti Päevaleht, 15.11.2000 (“Россия дала вам свободу, возможность свободно развиваться в соответствии с вашими желаниями. И это уже во второй раз на протяжении последнего столетия. (...) Вы получили у истории великий подарок. В 1980-е гг. вы могли только мечтать о независимости и вдруг вы стали независимыми благодаря вам самим и вашим политикам. Но согласитесь, что вам следует также благодарить и Россию”).

Автор настоящей работы выбрал три противоречивых вопроса, в которых наиболее часто происходило столкновение взглядов России и стран Балтии. Анализ этих проблем может многое сказать о сущности доктрины “государственного континуитета” и об отношении между правовым статусом и его нормативными следствиями. Итак, перечень этих вопросов: во-первых, спор о праве на гражданство преимущественно русскоговорящих переселенцев советского периода в Латвии и Эстонии; во-вторых, спор о юридической действительности латвийско-российского и эстонско-российского мирных договоров, в особенности вопрос о государственных границах; и, в-третьих, вопрос об ответственности России за незаконную советскую аннексию стран Балтии.

3. Спор о принципе континуитета гражданства и политических правах советских переселенцев

(А) Введение

Современные страны Балтии неизбежно обладают прочной фактической связью или континуитетом с советским периодом в одном важном аспекте: состав их населения резко изменился за пятьдесят лет оккупации. В результате этого Эстония и Латвия, где демографические изменения в советский период были наиболее заметными, отказались после восстановления независимости автоматически распространить право на гражданство на большую часть русскоговорящих переселенцев. Таким образом, в начале 1990-х гг. переселенцы советского периода получили статус иностранцев, находящихся в этих странах на законном основании; если они хотели (хотят) получить гражданство Эстонии или Латвии, то они должны были/должны пройти через процедуры натурализации.

Таким образом, вопрос о политических правах русских иммигрантов оказался связанным с вопросом о правовом статусе стран Балтии. Более того, это стало одним из наиболее обсуждаемых и противоречивых вопросов в этих государствах в 1990-е гг. Ниже мы отдельно рассмотрим воздействие, оказанное различными внутригосударственными и международными аргументами, касающимися правового статуса стран Балтии, на политику в области гражданства Эстонии и

Латвии⁴⁶⁷. Тем не менее, какой-либо анализ вопроса о меньшинствах не может быть полон без предварительного обсуждения его исторического фона.

(В) Миграционная политика советских властей

Страны Балтии никогда не были этнически гомогенными. Самоопределение этнических эстонцев, латышей и эстонцев в 1918 году стало, разумеется, *raison d'être* для создания новых независимых государств, но с самого момента создания этих государств “титულные” национальности сосуществовали с относительно небольшими, но приобретшими в истории достаточное значение немецким, русским, еврейским, шведским и др. меньшинствами. В 1922–23 гг. страны Балтии выступили с декларациями, в которых они распространили “покровительство Лиги Наций” на представленные в их странах меньшинства⁴⁶⁸. В результате там были приняты законы о так называемой культурной автономии, по которым национальным меньшинствам этих стран была предоставлена значительная автономия в культурных, языковых, образовательных и других вопросах⁴⁶⁹. Защита прав национальных меньшинств в довоенных балтийских республиках, в особен-

⁴⁶⁷ Общие моменты, связанные с вопросами о правопреемстве государств и гражданстве, см. в: С. Kreuzer. Staatsangehörigkeit und Staatensukzession. Die Bedeutung der Staatensukzession für die staatsangehörigkeitsrechtlichen Regelungen in de Staaten der ehemaligen Sowjetunion, Jugoslawiens und der Tschechoslowakei. Berlin: Duncker & Humblot, 1998; A. Liebich et al. (eds.). Citizenship East and West. London: Kegan Paul Int'l, 1995; P. Cumper and S. Wheatley (eds.). Minority Rights in the “New” Europe. The Hague: Nijhoff, 1999; I.M. Cuthbertson and J. Leibowitz (ed.). Minorities: The New Europe’s Old Issue. Prague etc: OSI, 1993; G. Smith, A. Aasland, R. Mole. Statehood, Ethnic Relations and Citizenship, in: G. Smith (ed.). The Baltic States. The National Self-Determination of Estonia, Latvia and Lithuania. London: Macmillan, 1994, pp. 181–205.

⁴⁶⁸ См.: Литва 12 мая 1922 года, in: J.O. Juni 1922, p. 586 et seq., Латвия 7 июля 1923 года, in: J.O. August 1923, p. 933 et seq., Эстония 17 сентября 1923 года, in: J.O. November 1923, p. 1311 et seq. См. также: Н. Kraus. Das Recht der Minderheiten. Berlin: Stilke, 1927, pp. 121–126.

⁴⁶⁹ См.: М. Laserson. Das Minoritätenrecht der baltischen Staaten // 2 ZaöRV 1931, p. 401 et seq. Недавний анализ см. в: С. Thiele. Selbstbestimmung und Minderheitenschutz in Estland. Berlin: Springer, 1999, p. 79 et seq.

ности в Эстонии, оценивается правоведами как “образцовая”⁴⁷⁰. В Эстонии, где по положению на 1934 год из населения в 1,126,413 человек 88,2% были этническими эстонцами⁴⁷¹, депутаты парламента не-эстонского происхождения имели право обращаться к парламенту на своих родных языках (например, на немецком) и т.д. В 1930-е гг., когда в политике усилились тенденции правого авторитаризма, права этнических меньшинств стали менее широкими, в частности в Литве (в особенности права еврейского меньшинства).

Репрессии советских оккупационных властей оказали немедленный эффект на население стран Балтии. Сначала, в соответствии с согласованным между Гитлером и Сталиным планом *Umsiedlung*⁴⁷², большинство этнических немцев были (формально добровольно) переправлены на захваченные Германией территории Польши. Те немцы, которые отказались уехать в 1940 году, покинули балтийские республики в начале 1941 года в ходе *Nachumsiedlung*⁴⁷³, столкнувшись на личном опыте с первым годом советской оккупации. Этот год ознаменовался убийством политической и военной элиты Эстонии, Латвии и Литвы и депортацией около 100 тысяч представителей народов стран Балтии в Сибирь, проведенной 14 июня 1941 года. Уровень смертности в сибирских лагерях был очень высоким и те немногие депортированные, которые смогли позднее возвратиться на родину, зачастую были сломлены морально или физически.

Страх продолжения сталинских репрессий вынудил несколько сот тысяч человек из этих стран искать спасения в эмиграции: они покинули свои страны в 1944 году, когда советская армия отвоевывала у Германии эти территории. В результате Второй мировой войны страны Балтии потеряли около 20% населения; после Польши и Белоруссии это один из наиболее высоких пропорциональных показателей в Европе. К 1945 году население Эстонии сократилось до 845 тысяч человек, из которых 97,3% были этническими эстонцами. Более 100 тысяч “прибалтийских националистов” были депортированы в

⁴⁷⁰ См., напр.: R. v. Laun. Staat und Volk. Eine völkerrechtliche und staatsrechtliche Untersuchung auf philosophischer Grundlage. 2. Aufl., Aalen Scientia Verlag, 1971, p. 310 et seq. and D.A. Loeber. Language Rights in Independent Estonia, Latvia and Lithuania, 1918–1940, in: S. Vilfan (ed.). Ethnic Groups and Language Rights, Vol. 3, 1990.

⁴⁷¹ К этому времени этнические русские составляли 8,2 % населения.

⁴⁷² Переселение (*нем.*) — прим. пер.

⁴⁷³ Повторное переселение (*нем.*) — прим. пер.

Сибирь во время массовой депортации 25 марта 1949 года, не считая нескольких менее масштабных массовых депортаций⁴⁷⁴.

Демографическая политика СССР в странах Балтии описывалась как “русификация”⁴⁷⁵, а иногда даже как “колонизация”⁴⁷⁶, хотя послед-

⁴⁷⁴ Общие вопросы, связанные трактовкой массовых депортаций по Женевской конвенции 1949 года, см. в: O.M. Uhler. *Op. cit.*, p. 170 et seq. and J.-M. Henckaerts. *Mass Expulsion in Modern International Law and Practice*. 1995, p. 143 et seq.

⁴⁷⁵ Высказанные в литературе позиции см., напр., в: S. Bychkov Green. *Language of Lullabies: The Russification and De-Russification of the Baltic States* // 19 Mich. JIL 1997, p. 217; H.-J. Uibopuu. *Dealing with the Minorities—a Baltic Perspective*, in: 48 *The World Today* 1992 (June). pp. 108–112 at 109; T. Ansbach. *Der Rechtsstatus der nicht-estnischen Bevölkerung in Estland*, in: *Recht in Ost und West*, September 1996 No. 7, p. 218.

⁴⁷⁶ См., напр., резолюции Европейского Парламента, принятые в 1983, 1985 и 1987 годах, напр., в резолюции от 13 января 1983 года Парламент призвал министров иностранных дел стран-членов ЕЭС представить вопрос о странах Балтии на рассмотрение комитета ООН по деколонизации.

Представители Конгресса США приводили в 1975 году аргументы о том, что проводимая США политика непризнания “заставит очень многих советских граждан отказаться от намерении переселиться в страны Балтии. Таким образом, снизится поток колонистов и будет оказано существенное сдерживающее воздействие на геноцидную советскую политику колонизации, этнического растворения, русификации и фактического поглощения балтийских народов Советским Союзом”. См.: U.S. House of Representatives, Subcommittee on International Political and Military Affairs, Committee on International Relations, Conference on Security and Cooperation in Europe, Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1975, p. 27. Также отметим, что во время обсуждений колониализма в Генеральной Ассамблее ООН государственный министр Великобритании Дэвид Ормсби-Гор, отвечая на советский запрос Генеральной Ассамблее призвать к “немедленному” предоставлению независимости всем колониям и подопечным территориям, сказал 28 ноября 1960 года: “После 1939 года около 500 миллионов людей, ранее находившихся под управлением Великобритании, получили свободу и независимость и их представители находятся здесь. За тот же самый период шесть стран с населением 22 миллиона человек были полностью или частично насильственно включены в состав Советского Союза; в их число входят и новейшие колонии мира: Литва, Эстония и Латвия...” UN Gen. Ass. Off. Rec. 15th Sess., Plenary, 925th Meeting, Nov. 28, 1960, A/PV.925, p. 982. Подобные замечания делались послами США в ООН Адлай Стивенсоном и Артуром Голдбергом в 1960-е гг. См.: Vitas. *Op. cit.*, p. 81. Российский ученый Ирина Бусыгина также назвала советскую политику “постепенной колонизацией”. См.: I. Busygina.

ний термин, вероятно, неуместен с формально-правовой точки зрения. В то же время очевидно, что государство-агрессор пыталось создать благоприятствующую ему ситуацию. Например, в конце Второй мировой войны советские власти запретили эвакуированным этническим эстонцам возвращаться в свои дома в приграничном эстонском городе Нарве. Вместо этого квартиры в Нарве предоставлялись советским гражданам русской национальности из прилегающих территорий. Во время последующих десятилетий происходил постоянный приток преимущественно русских переселенцев из СССР, дополнительные стимулы для которого были созданы благодаря развитию тяжелой промышленности⁴⁷⁷ и массивной концентрации советских военных частей в прибалтийских республиках, которые теперь превратились в “пограничный регион” СССР. Прибалтийские республики и, в особенности, Эстония и Латвия стали излюбленным местом для выходящих в отставку офицеров советской армии и их семей.

В Латвии миграционная политика во время периода советской аннексии привела к снижению доли этнических латышей в населении страны с 75,7% (1935 г.) до 52% (1989 г.) и к увеличению доли русских, украинцев и белорусов с 12,1% до 42%.

Развитие событий в Эстонии свидетельствует о снижении доли этнических эстонцев в составе населения Эстонии:

год	Все население	% этнических эстонцев
1945	845,000	97,3
1959	1,196,791	74,6
1979	1,464,476	64,7
1989	1,565,662	61,5
1995	1,491,583	64,2

В настоящее время до 60% (этнических) неэстонцев относится к категории проживающих в стране иностранцев⁴⁷⁸.

Russia, the Baltic states and the European Union, in: T. Jundzis (ed.). The Baltic States at Historical Crossroads. Riga 1998, p. 505.

⁴⁷⁷ В ряде случаев *экономическая* целесообразность заводов, построенных в советских прибалтийских республиках, была весьма сомнительной. Необходимые природные ресурсы и рабочая сила импортировались из СССР, а большая часть произведенной продукции также отсылалась обратно в СССР.

⁴⁷⁸ Данные приводятся по: P. Järve. Ethnic Democracy and Estonia: Application of Smootha's Model // ECMI Working Paper No. 7, Flensburg, 2000, p. 39.

Миграция из СССР в Литву была менее значительной, поскольку в местной коммунистической партии было больше “националистических” членов, которые смогли оказать сопротивление выдвинутым Москвой миграционным планам⁴⁷⁹. В Латвии и Эстонии, в которых титульные этнические группы составляли меньшинство в местных коммунистических партиях, у местного населения не было возможности оказывать влияние на советскую миграционную политику.

Проводимая Москвой политика русификации также включала в себя всеобщее распространение русского языка, в результате чего создавалась ситуация, при которой переселенцы не видели никакой необходимости изучать местные языки — основной элемент в идентичности “титульных” балтийских национальностей. Проводимая советскими властями “интеграция” в действительности представляла собой политику, направленную на ассимилирование местного нерусского населения. С одной стороны, русская культура и язык широко вводились в прибалтийских республиках. С другой стороны, СССР не поощрял русских переселенцев изучать языки балтийских народов, которые считались слишком трудными (или, по крайней мере, далекими от русского) и несущественными. По данным переписи населения СССР 1989 года, только 13,7% русских в Эстонии, 21,1% в Латвии и 33,4% в Литве владели местными языками⁴⁸⁰.

Когда в странах Балтии в 1988 году началось движение за получение независимости, то часть русских переселенцев заявила о своей оппозиции и, в результате, в Эстонии и Латвии были образованы Конгрессы граждан.

⁴⁷⁹ В качестве причины, по которой Литва смогла избежать русификации, иногда указывалось на дружбу между Генеральным секретарем Коммунистической партии Хрущевым и лидером Коммунистической партии Литвы Снечкусом. См.: H.-J. Uibopuu. Minorities and their Rights in the Baltic States, in: 35 AWR-Bulletin 1997, pp. 189–197 at 190.

⁴⁸⁰ См.: Национальный состав населения СССР, “Финансы и статистика”. Москва, 1991. Цит. по: M. Kahn. Les Rushes dans les ex-républiques soviétiques, in: Le courrier des pays de l’Est No. 376 1993, pp. 3–20 at 10.

(С) Конгрессы граждан в Эстонии и Латвии в 1990 году

Когда часть советских переселенцев заявила об оппозиции требованию независимости, то политические лидеры, представлявшие довоенных граждан Эстонской и Латвийской Республик и их потомков, родившихся в период советской аннексии, выступили с утверждением, что высказанное переселенцами “нет” по вопросу о восстановлении независимости нельзя оценивать по тому же критерию, что “да” граждан по-прежнему существующих Эстонской и Латвийской Республик⁴⁸¹. Таким образом, основная идея движения конгрессов граждан была не чисто “этнической”, а правовой или легалистской и основывалась на положении, согласно которому страны Балтии не прекращали свое существование в качестве субъектов международного права.

Сама идея образования комитетов граждан Эстонии и Латвии возникла в буквальном смысле слова на “уровне корней травы”⁴⁸²; вся организация, связанная с регистрацией граждан и выборами в конгрессы была проведена добровольцами. Выборы в оба органа тем самым свидетельствовали о желании граждан Эстонии и Латвии воссоздать себя политически. Зимой-весной 1990 года граждане Эстонской и Латвийской Республик избрали собственные представительные органы — Эстонский и Латвийский конгрессы граждан. Советские власти не стали вмешиваться в ход выборов, которые были отмечены высоким уровнем участия⁴⁸³. В Эстонии и Латвии конгрессы впервые собрались соответственно в марте и мае 1990 года.

Тех переселенцев, которые поддерживали процесс восстановления независимости, поощряли регистрироваться в качестве “кандидатов на получение гражданства”; лидеры движения обещали им упрощенную процедуру натурализации. Часть переселенцев воспользовалась этой возможностью, и их представители получили статус наблюдателей в

⁴⁸¹ Советские власти в Москве весной 1990 года продвигали “Закон об отделении”, согласно которому только две трети голосов на референдуме об отделении дали бы законное основание для проведения последнего. Этот предел мог бы свести к нулю стремления к независимости Латвии и Эстонии.

⁴⁸² Идея организации Конгресса граждан в Эстонии была выдвинута не “профессиональными” политиками, а первоначально предложена в газетной статье пенсионером Харальдом Тиллеманном.

⁴⁸³ Считается, что в Эстонии за Конгресс граждан голосовало около 90% граждан в рамках возрастного ценза. См.: E. Sarv. Õiguse vastu ei saa ükski..., p. 219.

конгрессах граждан Эстонии и Латвии. После восстановления независимости они могли стать гражданами, минуя стандартную процедуру натурализации.

Конгрессы граждан в Эстонии и Латвии играли важную роль при принятии решений и в процессах, которые привели к восстановлению независимости в 1991 году. Оба конгресса выступали в качестве “контрольных комиссий” в тот период, когда легитимная государственная власть еще не была восстановлена и оказывали политическое давление на Верховные Советы с тем, чтобы эти органы (избранные как гражданами, так и переселенцами) не отклонялись от идеи *восстановления* независимости, утраченной в 1940 году. Проект новой Конституции Эстонии, принятой на референдуме 28 июня 1992 года, был подготовлен Конституционным Собранием, в который Верховный Совет и Конгресс граждан Эстонии избрали по 50% депутатов.

С перспективы нашего исследования наибольшую важность представляет собой то обстоятельство, что обоснование законов о гражданстве Эстонии и Латвии было подготовлено в эстонском и латвийском конгрессах. Поэтому те авторы, которые выступали в пользу более либерального толкования прав на получение гражданства в странах Балтии, дали общую негативную оценку деятельности эстонского и латвийского конгрессов⁴⁸⁴.

(D) Дебаты в странах Балтии о политических правах русскоговорящих переселенцев в начале 1990-х гг.

Как уже указывалось выше, движения за независимость в странах Балтии в конце 1980-х гг. исходили из положения, согласно которому эти государства, будучи незаконно аннексированными в 1940 году, не прекратили свое существование в качестве субъектов международного права и оставались оккупированными территориями с точки зрения международного права. Автором настоящей работы ранее уже был сделан вывод о том, что советское правление может быть названо “оккупацией”, хотя остается спорным вопрос о том, были ли Же-

⁴⁸⁴ См., напр.: Lieven, *Op. cit.*, p. 274 et seq. and p. 307. Критику см. также в: G. Smith. When nations challenge and nations rule: Estonia and Latvia as ethnic democracies, in: 33 *International Politics*, March 1996, p. 31.

невские конвенции 1949 года когда-либо формально применимы в этих государствах. По аналогии вопрос о применимости некоторых норм данных конвенций в странах Балтии остается *non liquet*⁴⁸⁵.

Движения за независимость в странах Балтии требовали применения положения, согласно которому осуществлявшаяся при поддержке государства массовая иммиграция советских переселенцев происходила в нарушение международных норм оккупационного права, в особенности Женевских конвенций 1949 года⁴⁸⁶. Более радикальное крыло политических лидеров Эстонии и Латвии утверждало, что в данный момент, после завершения оккупации, международное право дает странам Балтии право требовать, чтобы советские переселенцы покинули их страны.

Тем не менее, радикальные политические предложения и правовые интерпретации не соответствовали восприятию людей, переселившихся в прибалтийские республики в период советской оккупации. Советский Союз был тоталитарным государством и, очевидно, не говорил своим гражданам правду о том, каким образом страны Балтии “вступили” в СССР. В этом смысле многие советские иммигранты переехали в прибалтийские государства в психологической и политической обстановке, которая сильно отличалась, к примеру, от ситуации израильтян, переселившихся на территории, оккупированные в 1967 году. В силу этого советская оккупация становится “оккупацией с оговорками” по сравнению с традиционными формами военной оккупации. К моменту восстановления независимости многие советские переселенцы жили в этих государствах на протяжении нескольких десятилетий, немалое их число уже родилось в этих странах и они стали воспринимать страны Балтии как свой новый дом.

По этим причинам звучавшие поначалу спорадические призывы, в которых требовали возвращения русских переселенцев в “страну происхождения”, должны были представляться нереалистичными с самого начала. В то же время оставались серьезные сомнения в политической лояльности в особенности тех русских переселенцев, которые не выучили местные языки и, тем самым, оказались фактически лишены доступа к истории и будничной культуре

⁴⁸⁵ Букв. «неясно» (решение присяжных о направлении дела на новое рассмотрение ввиду его неясности) (*лат.*) — прим. пер.

⁴⁸⁶ См.: Convention relative to the Treatment of Civilian Persons in Time of War, Art. 49, 12 August 1949, UNTS, vol. 75, p. 287.

“туземных” национальностей⁴⁸⁷. По этой причине решение в виде “нулевого варианта”, несомненно наиболее удобное для советских переселенцев, было отвергнуто большинством эстонцев и латышей.

В Латвии и Эстонии был необходим новый “*contrat social*”⁴⁸⁸ или даже “*contrat ethnique*”⁴⁸⁹. Во время советского периода такой договор отсутствовал, поскольку титульные национальности имели очень ограниченное или никакого влияния на советскую миграционную политику. Новые факты не давали возможности восстановить договор, существовавший до 1940 года, поскольку нельзя было отрицать фундаментальные изменения в этническом составе. Советские переселенцы могли законно требовать права на политическое участие — вопрос заключался в том, на каких условиях. Был сделан выбор в пользу следующего компромисса: экзамен на знание языка и присяга в благонадежности как критерии натурализации.

Вследствие этого советские переселенцы в Эстонии и Латвии не получили автоматически права на гражданство. Они стали иностранцами, постоянно проживающими в стране, и им было предоставлено право на получение гражданства через процедуру натурализации⁴⁹⁰. В то же время те этнические русские, которые сами или по линии наследования были гражданами в 1940 году, получили гражданство автоматически.

⁴⁸⁷ Согласно информации, предоставленной Теймуразом Рамишвили из МИД России, в Эстонии независимость поддерживали от “20 до 40 процентов русскоязычного населения”. В этом контексте не может не вызывать удивления утверждение Рамишвили о том, что “сегодня было бы неверно забывать, что Эстония и Латвия в немалой степени обязаны своей независимостью голосам, поданным их русскоязычным населением”. См.: T. Ramishvili. *Latvia and Estonia: Human Rights Violations in the Center of Europe* // 44 *International Affairs* 1998, p. 117.

⁴⁸⁸ Общественный договор (*франц.*) — прим. пер.

⁴⁸⁹ Этнический договор (*франц.*) — прим. пер.

⁴⁹⁰ См.: J. Vojaris. *The Citizenship and Human Rights Regulation in the Republic of Latvia* // 39 *Osteuropa Recht* 1993, No. 2, pp. 132–145.

(Е) Законы о гражданстве и натурализации в странах Балтии

(i) Эстония

После восстановления независимости Эстония сделала акцент на принципе континуитета гражданства и 26 февраля 1992 года ввела в действие “Закон о гражданстве” 1938 года с поправками, внесенными в 1940 году. Гражданами Эстонии были определены те лица, которые являлись ими до 16 июня 1940 года, а также их прямые потомки. Все те лица, которые переехали в Эстонию после начала советской оккупации или родившиеся в Эстонии от родителей, не имевших эстонского гражданства, могли ходатайствовать о получении гражданства. Процедура натурализации включала в себя три основных требования: (1) знание эстонского языка, (2) два года постоянного проживания до подачи ходатайства, считая самым поздним 30 марта 1990 года и один год после подачи ходатайства, и (3) возраст не менее 18 лет; в случае младшего возраста — разрешение от родителей или опекунов.

Новый эстонский “Закон о гражданстве” был принят 19 января 1995 года и вступил в силу 1 апреля того же года. Закон устанавливает, что проживающие в Эстонии иностранцы могут ходатайствовать о получении эстонского гражданства посредством натурализации. Устанавливаются следующие требования по натурализации (статья 6): ходатай должен (1) постоянно проживать в Эстонии не менее 5 лет, а также один год со дня регистрации ходатайства; (2) быть в возрасте не менее 15 лет; (3) владеть эстонским языком в соответствии с требованиями, оговоренными в законодательстве; (4) знать Конституцию Эстонии и Закон о гражданстве; (5) иметь постоянный законный источник дохода; (6) выразить лояльность эстонскому государству; и (7) дать предписанную присягу.

В соответствии с Законом о гражданстве 1995 года, об эстонском гражданстве не имеют права ходатайствовать следующие группы населения: (1) находящиеся на действительной военной службе в армии иностранного государства; (2) лица, работавшие на структуры безопасности и разведки СССР; (3) лица, осужденные за серьезное уголовное преступление и приговоренные к лишению свободы на срок более 1 года, кроме случаев реабилитации, или осужденные неоднократно; и (4) лица, не имеющие постоянного источника дохода.

Эстонский “Закон об иностранцах” 1993 года ввел категорию постоянно проживающих в стране лиц, к которой относятся как граждане Эстонии, так и проживающие в Эстонии на основании постоянного вида на жительство иностранцы (статья 4(1)). Последние — обычно лица без гражданства, имеющие постоянный вид на жительство — могут получить так называемый “паспорт иностранца”. Таким образом, при условии соблюдения более детальных требований, Эстония согласилась предоставить советским переселенцам вид на жительство и на работу и выдать паспорта иностранцев тем лицам, которые утратили какое-либо гражданство.

(ii) Латвия

15 октября 1991 года Верховный Совет Латвийской Республики принял резолюцию “О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных условиях натурализации”, преамбула которой гласила:

“Посылка, на основании которой рассматривается вопрос о гражданстве, состоит в том, что совокупность граждан Латвийской Республики, определенная в соответствии с Законом о гражданстве 1919 года, продолжает существовать независимо от утраты суверенной государственной власти в результате оккупации 1940 года”.

Кроме того, в резолюции Латвийской Республики от 1991 года провозглашалось, что “Указ о порядке предоставления гражданства СССР гражданам Литовской, Латвийской и Эстонской ССР”, принятый СССР 7 сентября 1940 года, не имел юридической силы *ab initio* и что права граждан Латвии должны быть восстановлены. Тем самым только те жители Латвии, которые были гражданами 17 июня 1940 года, а также их потомки могли принять участие в выборах в Латвийский парламент (пятый состав Сейма) в 1993 году.

Основополагающий принцип законодательства о гражданстве Латвии был сформулирован в “Законе о гражданстве” 1994 года. Статья 12 этого Закона устанавливает, что ходатайствовать о получении гражданства могут все постоянно проживающие в Латвии лица, независимо от их этнических, религиозных или социальных обстоятельств. Устанавливались следующие требования к натурализации: (1) проживание в Латвии не менее 5 лет считая с 4 мая 1990 года, (2) знание латышского

языка, Конституции и истории Латвии, (3) присяга на верность Республике, и (4) законный источник дохода.

Определенные категории лиц лишались права ходатайствовать о латвийском гражданстве (статья 11). К ним относились (1) лица, которые после 13 января 1991 года совершали антиконституционные действия, если последнее установлено приговором суда, (2) лица, которые являются или являлись сотрудниками вооруженных сил или сил безопасности иностранного государства, если этот факт установлен в предусмотренном законом порядке, (3) лица, приговоренные к лишению свободы на срок более одного года за уголовные преступления.

Закон “О статусе граждан бывшего СССР, которые не имеют гражданства Латвии или другого государства” установил, что граждане бывшего СССР, проживавшие в Латвии 1 июля 1992 года и не являвшиеся гражданами Латвии или другого государства, являются постоянно проживающими в Латвии лицами. Закон гарантирует соблюдение прав человека, включая право на свободу передвижения, постоянным жителям Латвии (статья 2).

И в Латвии, и в Эстонии дипломатическое покровительство распространяется на лиц без гражданства, которые постоянно проживают в соответствующих странах.

(iii) Литва

Литва приняла “Закон о гражданстве” в 1989 году, позднее его сменил “Закон о гражданстве” 1991 года. В Законе 1989 года устанавливалось, что постоянно проживающие в Литве лица, не имеющие гражданства Литвы, могут автоматически сделать выбор в пользу гражданства Литвы в течение двухлетнего периода на основе принципа непрерывности литовского гражданства. Они должны подтвердить факт постоянного проживания и дать присягу. Таким образом, переселенцы советского периода получили право выбрать для себя литовское гражданство через упрощенную процедуру натурализации, хотя они и не рассматривались как имеющие литовское гражданство *ipso facto*⁴⁹¹.

Поэтому требования по натурализации, введенные Законом 1991 года и вполне сопоставимые с требованиями соответствующих законов в Эстонии и Латвии, не затронули основную массу иммигрантов

⁴⁹¹ В силу самого факта (*лат.*) — прим. пер.

периода советской оккупации. Тем самым, в отличие от Эстонии и Латвии, Литва избежала проблемы превращения многих советских переселенцев в лиц без гражданства⁴⁹².

(F) Реакция международного сообщества на принцип континуитета гражданства в “Законах о гражданстве” Эстонии и Латвии

Восстановление гражданства в Эстонии и Латвии, в результате которого относительно большое число советских переселенцев превратились в постоянно проживающих в этих странах лиц без гражданства, вызвало смешанные реакции и неоднозначные чувства в международном сообществе⁴⁹³. Большинство международных авторов и аналитиков, по-видимому, согласилось с тем, что это сложный вопрос столкновения интересов и правовых принципов. Доклад ООН по поводу Эстонии и Латвии гласил:

“Представляется, что разработчики соответствующих инструментов [в области прав человека] не предусмотрели особой фактической ситуации аннексии, сопровождавшейся притоком очень значительного числа лиц в маленькую страну с населением иного этнического происхождения, за которой последовало 50 лет переселения и мультиэтнического сосуществования, после чего первоначальное государство было восстановлено как независимый субъект”⁴⁹⁴.

Российская Федерация критиковала как “дискриминацию” тот факт, что Эстония и Латвия не предоставили автоматического гражданства переселенцам советского периода. Представляется, что Станислав Черниченко суммирует российскую критику, когда он пишет, что “*власти Латвии и Эстонии продолжают использовать события,*

⁴⁹² Обзор политики см. в: V. Popovski. Citizenship and Ethno-politics in Lithuania // 33 International Politics March 1996, pp. 45–55 и L.W. Barrington. Nations, States, and Citizens: an Explanation of the Citizenship Policies in Estonia and Lithuania, in: 21 Review of Central and East European Law 1995 No. 2, pp. 103–148.

⁴⁹³ См., например: D. Vallens. The Law on Aliens Controversy in the Baltic States, in: The Review of the International Commission of Jurists, No. 54, June 1995, pp. 1–28.

⁴⁹⁴ Report of the Secretary-General: Situation of Human Rights in Estonia and Latvia. October 26, 1993, UN Doc. A/48/511, at p. 7.

*происшедшие в Прибалтике в 1940 году в качестве предлога для ограничения прав русскоговорящего населения, проживающего на их территории*⁴⁹⁵. Россия требовала применения “Договоров об основах отношений” с Эстонией и Латвией, статьи 2 и 3 которых предоставляли их жителям “право выбирать гражданство в соответствии с законами соответствующих государств”. Россия и соответствующие страны Балтии по-разному интерпретировали это положение. Россия ставила акцент на “праве выбирать гражданство”, в то время как Эстония и Латвия настаивали на том, что оговорка “в соответствии с законами соответствующих государств” означает лишь *право ходатайствовать о получении гражданства* в соответствии с условиями натурализации⁴⁹⁶. В соответствии с последней интерпретацией Эстония и Латвия обязались лишь не отказывать в натурализации тем переселенцам, которые хотели стать гражданами Эстонии и Латвии.

Некоторые политические обозреватели выдвинули предположение, что резкость российской реакции была мотивирована ее внутренней ситуацией и вытекающей из нее необходимостью указать на внешнего врага. Другие предположили, возможно, не без доли цинизма, что за интересом Запада к “ситуации с правами человека в странах Балтии” в 1990-е гг. стояли главным образом политические причины, т.е. не серьезность ситуации как таковой, а тот факт, что Россия реагировала на нее так энергично.

Российскую критику поддерживали и некоторые западные ученые в области прав человека, которые были озабочены ситуацией, когда в результате негибкого применения принципа континуитета гражданства в Латвии и Эстонии значительная часть их населения (в основном русскоговорящая) оказалась лицами без гражданства, тем самым, лишенными подлинного демократического представительства⁴⁹⁷. По этой причине некоторые ученые поставили под вопрос легитимность принципа государственного континуитета как такового:

⁴⁹⁵ S. Chernichenko. Ethnic Russians in the Baltics, in: 44 International Affairs 1998, p. 118.

⁴⁹⁶ См. замечания Х.Я. Уйбопуу в: Das Recht der Staatensukzession. BDGV, Bd. 35, p. 557.

⁴⁹⁷ См., например: F. de Varennes. Non-Citizens and Minorities in Estonia and Their Economic and Social Opportunities, in: S. Trifimovska (ed.). Minorities in Europe. Croatia, Estonia and Slovakia. The Hague: Asser Press, 1999, pp. 123–139; J. L. Blackman. State Successions and Statelessness: the Emerging Right to an Effective Nationality Under International Law // 19 Michigan JIL 1998, pp. 1141–1194 at 1193 and G. Ginsburgs. From Soviet to Russian International Law. Studies in Continuity

“В целом это выглядит безвредной юридической фикцией, за исключением тех случаев, когда государства возрождают законы, подобные Закону о гражданстве Эстонии 1938 года, который дискриминирует 40 процентов ее населения, состоящего из русских переселенцев, переехавших в Эстонию после этой даты”⁴⁹⁸.

Тем не менее, такое подчеркивание правового статуса и ситуации в области прав человека в Эстонии и Латвии оставалось мнением меньшинства. Представляется, что в целом международное сообщество согласилось с тем, что принцип континуитета гражданства стран Балтии был, согласно международному праву, приемлем⁴⁹⁹. Это не может вызвать большого удивления в свете того факта, что большинство членов международного сообщества признали восстановление стран Балтии в 1991 году. То обстоятельство, что советские переселенцы в Эстонии и Латвии в 1992–93 гг. стали лицами без гражданства, не рассматривалось как “дискриминация” *ipso facto*.

В определенной части анализа, проводимого в области прав человека, присутствует достойная сожаления тенденция “не замечать” тех принципов международного права⁵⁰⁰, которые могут иметь значение для законности или принятия законов в отношении гражданства в Эстонии и Латвии. Таким образом, некоторые защитники прав человека, осуждая политику в области гражданства в Эстонии и Латвии, упорно игнорируют вопрос о правовом статусе этих стран и сосредотачивают внимание исключительно на том факте, что существенное меньшинство населения “стало” лицами без гражданства, словно бы балтийский прецедент являлся классическим случаем выхода из

and Change. The Hague: Nijhoff, 1998, p. 218 et seq.; R. C. Vissek. Creating the Ethnic Electorate through Legal Restorationism: Citizenship Rights in Estonia // 38 Harvard JIL 1997, pp. 315–376.

⁴⁹⁸ C. Gray. Self-determination and the Breakup of the Soviet Union, in: 12 YBEL 1992, p. 483. Аналогичные аргументы см. в: R.C. Vissek. Creating the Ethnic Electorate... in Estonia // 38 Harvard JIL 1997, pp. 315 et seq.

⁴⁹⁹ См., например: Jan De Mayer and Christos Rozakis. Report on Human Rights in the Republic of Latvia, the Council of Europe Parliamentary Assembly Doc. AS/Ad hoc.-Bur-EE (43) 4, 20 January 1992, 246, para 4; UN Secretary-General Report. Situation of Human Rights in Estonia and Latvia, A/48/511, 26 October 1993, paras. 28–30.

⁵⁰⁰ Общую критику преувеличений среди некоторых юристов в области прав человека см. в: A. Pellet: Human Rightism and International Law. Memorial Lecture in honour of Gilberto Amado on 18 July 2000 at the ILC’s International Law Seminar.

состава союзного государства. Усматривать в законах о гражданстве Эстонии и Латвии в первую очередь “дискриминацию” советских переселенцев значит не только создавать искаженную картину применимых международно-правовых принципов, но также и вставать на несправедливую позицию.

Установленные в Эстонии и Латвии критерии получения гражданства как таковые относятся к одним из наиболее либеральных по сравнению с другими европейскими государствами. Единственный проблемный вопрос, в том числе и для политиков, заключается в том, по каким причинам требования к знанию языка, законность которых была подтверждена практически всеми соответствующими международными институтами и наблюдателями⁵⁰¹, оказались таким существенным препятствием для определенной части русскоговорящего населения⁵⁰². Данный конфликт также интерпретировался как коллизия коллективных и индивидуальных прав человека — дилемма, которую западные ученые традиционно разрешают в пользу индивидуальных прав человека⁵⁰³. В силу этого защита Эстонией и Латвией своего языка

⁵⁰¹ См., например, процитированный выше доклад Генерального Секретаря ООН: “Поскольку национальная идентичность эстонцев теснейшим образом связана с их языком, на котором говорят исключительно в Эстонии, желание эстонцев придать высокий приоритет активному использованию эстонского языка во всех сферах жизни в Эстонии является важным и законным”. См.: Situation..., *ibid.* См. также: J.-M. Henckaerts. Mass Expulsion in Modern International Law and Practice. 1995, pp. 93, 96.

⁵⁰² Георг Брюннер даже указывает, среди прочих причин, на “лингвистическую резистентность” (Sprachresistenz) некоторых русских в странах Балтии. См.: G. Brunner. Die rechtliche Lage der Minderheiten in Mittel-, Ost- und Südosteuropa, in: 40 Osteuroparecht, September 1994, pp. 157–177 at 166. Представляется, что данная точка зрения частично подтверждается социологическим опросом, проведенным в Эстонии среди не-граждан социологической фирмой “Saar Poll” осенью 2000 года. Хотя 64% не-граждан выразили желание получить гражданство Эстонии, только 46% не-граждан намеревались улучшить свое знание эстонского языка, а 44% не имели такого намерения.

⁵⁰³ См., например: P. Juviler. Are Collective Rights Anti-Human? Theories on Self-Determination and Practice in Soviet Successor States, in: II Netherlands Quarterly of Human Rights 1993, pp. 267–282. Но см. также: L. Mälksoo. Language Rights in International Law: Why the Phoenix Is Still in the Ashes // 12 Florida JIL 2000, pp. 431–465 at 443.

и культуры не вписывается в преимущественно либеральный дискурс прав человека на Западе⁵⁰⁴.

По гуманитарным и политическим соображениям международное сообщество заняло позицию, согласно которой изменения в составе населения в Эстонии и Латвии во время советской оккупации не могут быть просто отмечены аргументом государственного континуитета. Оставалось фактом, что население Эстонии и Латвии во время периода незаконной советской аннексии стало этнически намного более гетерогенным и что абсолютное большинство русскоговорящих переселенцев хотело остаться в странах Балтии. Помимо соображений в области прав человека, вскоре стало очевидным, что долгосрочное исключение такого значительного сегмента населения может оказать потенциально дестабилизирующее воздействие на мир и безопасность в регионе Балтийского моря⁵⁰⁵.

Изменившиеся социальные и политические обстоятельства влияют на восприятие права. По этой причине принципу *ex factis oritur ius* было придано значение международным сообществом, а также — после некоторого международного давления — и самими соответствующими государствами. Позиция международного сообщества заключалась в том, что каков бы ни был правовой статус стран Балтии во время переселений советского периода, нам следует исходить из существующих фактов (*normative Kraft des Faktischen!*) и найти наилучшую линию поведения в сложившейся ситуации. Верховный комиссар по делам национальных меньшинств ОБСЕ Макс ван дер Стуул согласился с тем принципом, что советские переселенцы не могут рассматриваться как граждане автоматически, но доказывал существование презумпции,

⁵⁰⁴ Превосходную полемику см. в: Т.М. Franck. Are Human Rights Universal, in: *Foreign Affairs* Jan/Feb 2001, pp. 191–204. Автор обобщает продолжающуюся борьбу “между силами индивидуальной свободы в духе Джона Локка и теми, кто отстаивает коллективные ценности” (р. 195) и выдвигает аргументы в пользу освобождения индивидуумов “от предрешенных определений расовой, религиозной и национальной идентичности” (р. 201.)

⁵⁰⁵ См.: Lieven. *Op. cit.*, p. 174. Анатолий Ливен весьма открыто выступает в поддержку прагматической позиции многих западных экспертов, когда он пишет, что “во время моих обсуждений с представителями стран Балтии вопроса о гарантированных правах для русского меньшинства обычно использовались взаимно противоположные аргументы. Они говорили с позиций международного права, исторической справедливости и особых интересов своих стран. Я отвечал с точки зрения прагматизма, практических рисков и интересов Европы и бывшего советского региона в целом”. См.: *Ibid*, pp. 174–5.

согласно которой проживающие в стране в течение длительного периода лица имеют права на получение гражданства⁵⁰⁶. Комитет по правам человека ООН выразил “свою озабоченность тем, что значительный сегмент населения, в особенности члены русскоговорящего меньшинства, не могут получить гражданство Эстонии из-за избыточности установленных законом критериев и строгости языкового критерия...”⁵⁰⁷

Последний аспект противоречивого вопроса о гражданстве нуждается в особом рассмотрении. По мнению международного сообщества Эстония и Латвия имели право положить в основу политики в области гражданства принцип государственного континуитета. Несмотря на это, европейские институты во многих отношениях “заняли позицию, по которой этим двум государствам следовало распространить гражданство на лиц, переселившихся после 1940 года”⁵⁰⁸. Основное требование Эстонии и Латвии, согласно которому советские переселенцы должны изучить соответствующий государственный язык для получения права на гражданство, было принято как разумное. В то же время на Эстонию оказывался нажим с целью сделать критерии знания языка менее строгими, а на Латвию — с целью отменить ежегодные квоты (“окна гражданства”)⁵⁰⁹. Под давлением европейских институтов оба государства согласились (и изменили соответствующим образом свое законодательство) с тем, что дети лиц без гражданства, родившиеся после восстановления независимости, получают гражданство автоматически, если они сами или их родители выскажут такое желание.

Таким образом, хотя эстонское и латвийское государства и были восстановлены, им было отказано в полной свободе при проведении политики в области гражданства. Был отвергнут фундаменталистский подход к принципу континуитета гражданства. Основная посылка заключается скорее в том, что текущая ситуация, при которой в Эстонии и Латвии все еще сохраняется слишком большое число лиц без гражданства (негативное последствие незаконной советской аннексии),

⁵⁰⁶ См. Рекомендации Верховного Комиссара СБСЕ Макса ван дер Стуула, сделанные после его визита в Эстонию, Латвию и Литву // 14 Human Rights Law Journal 1993, p. 216 at 217.

⁵⁰⁷ UN Doc. CCPR/C/79/Add.59 of 3.11.1995, para. 12.

⁵⁰⁸ См.: J. Quigley. Mass Displacement and the Individual Right of Return, in: 68 BYBIL 1997, p. 103.

⁵⁰⁹ См.: Quigley. Ibid.

может считаться приемлемой в течение современного периода “позитивных действий”. Представляется, что нормативные ожидания европейских институтов выражаются в том, что Латвия и Эстония посредством интеграционных программ продолжают содействовать изучению языка и натурализации русских переселенцев. Тем самым, эти государства не обладают полной “свободой” решать, когда и на основе каких критериев они предоставят права гражданства русским переселенцам.

(G) Вывод: отсутствие “неограниченного” восстановления гражданства на примере стран Балтии

В недавно опубликованной статье Джона Квигли⁵¹⁰ сравниваются прецеденты Австрии (1938–1945) и Эльзас-Лотарингии (1871–1919) с прецедентами Эстонии и Латвии (1940–1991). Версальский договор позволил Франции отказать в предоставлении гражданства немецким переселенцам, приехавшим после 1871 года, за исключением тех лиц в Эльзас-Лотарингии, которые обладали гражданством в 1871 году, а также их потомков⁵¹¹. Подобным образом, Австрия не предложила австрийское гражданство немцам, переехавшим в страну между 1938 и 1945 годами, а распространила гражданство только на тех лиц, которые обладали им в 1938 году, а также на их потомков⁵¹². Квигли прослеживает оба случая до международно-правовой нормы, согласно которой “государство, оккупировавшее чужую территорию путем агрессии или иным образом, не имеет права разрешать своим гражданам поселяться на данной территории до тех пор, пока оно остается оккупантом”. Рассматривая давление, оказанное на Эстонию и Латвию такими европейскими институтами как СБСЕ (современная ОБСЕ) с целью предоставления гражданства советским переселенцам, Квигли делает следующее заключение:

⁵¹⁰ J. Quigley. Mass Displacement and Individual Right of Return // 68 BYBIL 1997, p. 99 et seq.

⁵¹¹ Версальский мирный договор с Германией, Ст. 79, Приложения 1, 2, 3 (28 июня 1919 г.).

⁵¹² См.: Gesetz vom 10. Juli 1945 über die Überleitung in die österreichische Staatsbürgerschaft (Staatsbürgerschaft-Überleitungsgesetz-St-ÜG) § I, Staatsgesetzblatt für die Republik Österreich, 1945, p. 81 (no. 59).

“Другие государства, очевидно, рассматривали Эстонию и Латвию как государства, образованные в результате распада СССР, а не как государства, чей суверенитет сохранялся на протяжении периода военной оккупации и незаконной аннексии. Если бы был принят последний подход, на котором настаивали Латвия и Эстония, то основную роль играл бы принцип, зафиксированный в праве военной оккупации”⁵¹³.

Такая точка зрения выглядит излишне “черно-белой”. Во-первых, представляется спорным использование прецедента германской аннексии Эльзас-Лотарингии (1870–1919) в качестве примера “незаконной оккупации и аннексии” и противопоставление ему прецедента советской оккупации стран Балтии в качестве примера “принятого” случая инкорпорации. По международному праву ситуация выглядит как раз наоборот. Отказ Франции в 1919 году предоставить право гражданства немецким переселенцам в Эльзас-Лотарингии представлял собой скорее реализацию “права победителя”, чем случай применения международного права, запрещающего применение силы. Последнее, вне всяких сомнений, не запрещало аннексии по результатам победоносной войны (формально начатой Францией) в 1871 году⁵¹⁴. Германия в период с 1870 по 1918 год действительно обладала суверенитетом над Эльзасом и Лотарингией⁵¹⁵. Кроме того, в проводимом Квигли сравнении случаев Австрии и стран Балтии не учитываются не только различия в масштабах миграционной политики в период незаконной аннексии и временные различия, но также и само развитие международного права прав человека (в поддержку которого Квигли выступает в своей статье в иных контекстах). Последнее предполагает более взвешенный подход к “строгому” применению принципов международного права по сравнению с периодом, предшествовавшим появлению международного права прав человека.

Международные авторы действительно согласились с подходом стран Балтии к вопросам гражданства, хотя и с определенными политическими и юридическими оговорками. Установление правового статуса стран Балтии как незаконно аннексированных государств не может дать полноценного решения проблеме “переселенцев”.

⁵¹³ Quigley, *Ibid*, p. 104.

⁵¹⁴ Но см.: Quigley, p. 100 (“В случаях Эльзас-Лотарингии и Австрии точка зрения международного сообщества состояла в том, что совершенные Германией соответственно в 1871 и 1938 гг. аннексии были незаконными”).

⁵¹⁵ См. также: W. Schätzel. *Die Annexion im Völkerrecht* (1920), reprinted in 1959, p. 151.

Советская миграционная политика не может рассматриваться как *nul-lum*⁵¹⁶. Принятие принципа континуитета гражданства международным сообществом было дополнено такими развитиями в области права прав человека, как норма о недискриминации⁵¹⁷ и принцип сокращения состояния «без гражданства»⁵¹⁸. Данные стандарты не предполагают автоматического предоставления гражданства переселенцам. Тем не менее, они играли определенную роль в формировании правовой системы натурализации. Хотя Латвия и Эстония в целом проводили в жизнь рекомендации таких организаций как ОБСЕ и заслужили одобрение за прагматизм и успешную интеграционную политику⁵¹⁹, им все еще предстоит совершить окончательный отказ от их первоначального, более ограниченного подхода к проблеме гражданства. Согласно ряду ученых, это служит подтверждением того факта, что в сфере прав на получение гражданства в международно-правовой практике наличествует тенденция де-факто классифицировать ситуацию со странами Балтии как отделившихся государств⁵²⁰. Таким образом, определенные обязательства в сфере прав человека, приводимые в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Гражданство физических лиц в связи с правопреемством государств»⁵²¹, также рассматривались как применимые и в случае стран Балтии.

4. Изменения в отношении государственной территории: приграничные споры после восстановления независимости стран Балтии

В первой половине 1990-х гг. Эстония и Латвия, посредством дипломатических переговоров с Российской Федерацией, пытались восста-

⁵¹⁶ здесь: несуществующая (*лат.*) — прим. пер.

⁵¹⁷ См. уже в: E.W. Vierdag. *The Concept of Discrimination in International Law*. The Hague: Nijhoff, 1973.

⁵¹⁸ Подробнее см. в: Ziemele. *Op. cit.*, p. 229 et seq.

⁵¹⁹ См., например: P. van Krieken. *Estonia's Minorities and Aliens: Time for a "Yes-Campaign"*, in: S. Trifunovska (ed.). *Minorities in Europe. Croatia, Estonia and Slovakia*, 1999, pp. 105–122 at 110.

⁵²⁰ См., например: M.T. Kamminga. *State Succession in Respect of Human Rights Treaties* // 7 EJIL 1996, pp. 469–484, pp. 479–80. Ср.: Koskenniemi. *The Present State of Research...*, 1996, p. 142.

⁵²¹ UN GA Res. 55/153, Annex, December 12, 2000.

новить свои государственные границы с Россией по положению на 1940 год или, по крайней мере, добиться “достойного компромисса”, словами одного из исследователей⁵²². Эти усилия не принесли результата, отчасти ввиду того, что страны Балтии не смогли добиться существенной международной поддержки в пользу своей позиции. Ниже мы более подробно рассмотрим приграничные споры между Россией и странами Балтии.

Данный аспект анализа сосредоточен на государственных границах, хотя с точки зрения права более общим вопросом в этом контексте представляется вопрос о сохранении в силе или признании недействительными мирных договоров 1920 года. К вопросам, вытекающим из противоречий по статусу данных договоров (которые мы не станем обсуждать здесь в деталях), относятся, к примеру, требования стран Балтии к России о возврате законным владельцам некоторых объектов культурного достояния⁵²³.

⁵²² E. Mattisen. Searching for a Dignified Compromise. The Estonian-Russian Border 1000 Years. Tallinn: ILO, 1996.

⁵²³ Эстония, к примеру, заявила права на музейную коллекцию, принадлежавшую Дорпатскому (Тартускому) университету, которая была вывезена в Воронежский университет в России во время первой мировой войны. По Тартускому мирному договору Советская Россия обязалась возвратить коллекцию Эстонии. Несмотря на это, СССР не выполнил данное обязательство, когда Эстония была оккупирована и аннексирована в 1940 году. После восстановления независимости Эстонии возвращение данной коллекции в Тарту было предметом межгосударственных переговоров, все еще не принесших результата. Некоторое время назад каталог коллекций был опубликован в результате сотрудничества историков из Воронежа и Тарту.

Аналогичным образом Россия проигнорировала требование Эстонии о возвращении официальных регалий довоенного президента Эстонии. После оккупации и аннексии Эстонии в 1940 году официальный нагрудный знак президента был вывезен в Московский государственный архив, где он остается и поныне. В октябре 1996 года Александр Удальцов, ответственный за страны Балтии в МИД России, утверждал, что “у нас нет никаких юридических оснований передать Эстонии это дорогостоящее и выполненное в виде драгоценности произведение искусства”. См.: T. Mattson, T. Sildam. Venemaa välisministeerium peab Eesti presidendi ametitunnuse tagastamise küsimust praegu lahendamatuks (МИД России считает вопрос о возвращении официальных регалий президента Эстонии в настоящее время неразрешимым) // Postimees, 06.10.1996. В ноябре 2000 года посол России в Эстонии Алексей Глухов отметил, что вопрос о возвращении “некоторых из ваших символических регалий практически решен”. Несмотря на это, посол сослался на

(А) Эстония

(i) Односторонние “исправления” государственной границы, проведенные СССР

Граница между Эстонской Республикой и Советской Россией была определена в Тартуском мирном договоре 2 февраля 1920 года. Договор был заключен по результатам войны за отделение (войны за независимость) 1918–1920 гг., в ходе которой эстонская армия смогла отразить попытки советской армии (повторно) установить контроль над Эстонией. Установленная по Тартускому мирному договору граница долго обсуждалась на переговорах во время мирной конференции в Тарту. Хотя согласованная в итоге линия границы представляла собой компромисс между первоначальными предложениями России и Эстонии, она все же оставила на территории Эстонской Республики несколько деревень и районов с преимущественно русским населением. Советское правительство вплоть до оккупации 1940 года с уважением относилось к эстонско-российской границе, установленной по Тартускому мирному договору. Пакт о взаимопомощи, заключенный между Россией и Эстонией 28 сентября 1939 года, содержал прямую ссылку на нерушимость Тартуского мирного договора и, тем самым, на нерушимость установленных по данному договору границ.

После аннексии Эстонии и образования Эстонской ССР данная граница была изменена в результате односторонних действий Советского Союза в августе 1944 года. Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР “Об образовании Псковской области в составе РСФСР” от 23 августа 1944 года 1135 квадратных километров территории Эстонской ССР были аннексированы в пользу РСФСР⁵²⁴. Указ был обоснован “многократными обращениями народа” соответствующей территории и обращением Президиума Верховного

“ситуацию с этническими русскими в Эстонии” и отметил, что для возвращения регалий “требуется иное отношение”. См.: A. Ammas. Gluhhov: Eesti peab tänama, mitte ootama vabandamist. (Глухов: Эстония должна благодарить, а не ждать извинений) // Eesti Päevaleht, 15 ноября, 2000.

⁵²⁴ Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the Soviet Union “On Formation of the Pskov Oblast within the Structure of the RSFSR”, in: Collected Laws of the USSR and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, 1938–1975. Moscow, 1975, p. 93–94. Reprinted in Mattisen, Op. cit., p. 141.

Совета Эстонской ССР, зарегистрированным днем ранее — 22 августа 1944 года⁵²⁵.

Историки обращали внимание на выбор времени для данной передачи территории “по заключенному с самим собой соглашению”⁵²⁶. В августе 1944 года советская армия наступала на оккупированные Германией страны Балтии. В то же время, патриотические силы в этих странах организовывали вооруженное сопротивление наступающим советским частям и планировали вновь провозгласить и восстановить независимость. Кроме того, общий исход Второй мировой войны еще не был решен окончательно. Западные союзники все еще могли заключить с Германией сепаратный мирный договор. Советское руководство могло опасаться, что его союзники потребуют применения принципов Атлантической хартии в отношении стран Балтии. Следовательно, Москва стремилась как минимум “исправить” границу и поставить международное сообщество перед *fait accompli*.

Новая граница, установленная Советским Союзом между Эстонской ССР и РСФСР, не соответствовала этническому составу территорий, по которым она проходила. Например, в полностью включенном в Псковскую область районе Вило 66,3% населения были эстонцами и 33,7% русскими. Из 69 деревень этого района в 49 большинство составляли эстонцы, а в 30 деревнях население было полностью эстонским⁵²⁷. Подобное пренебрежение этническими соображениями происходило и в других местах, по которым прошла “исправленная” граница.

Другой участок территории, принадлежавший Эстонии по Тартускому мирному договору, был отрезан от Эстонской ССР по указу Президиума Верховного Совета СССР “О переводе поселений на восточном берегу реки Нарва в территориальный состав Ленинградской области” от 24 ноября 1944 года. 18 января 1945 года это решение было формально подтверждено Президиумом Верховного Совета Эстонской ССР⁵²⁸.

Такой способ внесения изменений в границу, осуществлявшийся решениями Президиумов Верховных Советов, не соответствовал даже

⁵²⁵ См.: Ibid. См. также: Mattisen, p. 73.

⁵²⁶ Mattisen. Op. cit., p. 72–73.

⁵²⁷ Mattisen. Op. cit., p. 74.

⁵²⁸ См. Указ Президиума Верховного Совета Эстонской ССР об установлении границ между Выруским уездом и Ленинградской областью. Tallinn, January 18, 1945, Eesti NSV Teataja, 10.02.1945, Ст. 59, с. 58.

требованиям собственно советского конституционного права. Ни Конституция СССР, ни Конституция ЭССР не давала Президиумам Верховных Советов полномочий вносить изменения в территории советских республик⁵²⁹. Это могло быть сделано только высшей законодательной властью — Верховными Советами⁵³⁰.

По настоянию Москвы граница между РСФСР и Эстонской ССР была изменена в третий раз в пользу первой 9 сентября 1957 года⁵³¹. Хотя по этому указу некоторые эстонские поселения были “в порядке обмена” возвращены Эстонской ССР, в целом это означало дальнейшее сокращение территории Эстонской ССР.

Таким образом, на момент восстановления независимости Эстонской Республики в августе 1991 года, около 5% ее территории по состоянию на 1940 год (2334 квадратных километра) были переданы Российской Федерации.

(ii) Эстонско-российские переговоры о границе после 1991 года

В 1990 году, еще до восстановления своей независимости, Эстония выдвинула правопритязания на восстановление государственной границы, установленной по Тартускому мирному договору между Эстонией и Россией 2 февраля 1920 года. В сентябре 1991 года Верховный Совет Эстонской Республики провозгласил юридически ничтожными все указы и резолюции Президиума Верховного Совета Эстонской ССР, касавшиеся изменений границы в 1944–1957 гг., как произведенные в нарушение Тартуского мирного договора и, следовательно, международного права⁵³². Вопрос о государственной границе подлежал разрешению на дипломатических переговорах между Российской Федерацией и Эстонской Республикой.

⁵²⁹ Об особенностях практики см. также: G. Shinkaretskaya. Succession and the Borders of the Russian Federation, in: I Moscow JIL 1995, No. 4, pp. 50–62 at 52 (“... центральные власти обладали свободой делить республики так, как этого хотела правящая партия”).

⁵³⁰ Ср.: Mattisen. *Op. cit.*, p. 75.

⁵³¹ См. Указ Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 9 сентября 1957 года “О частичном изменении границы между Эстонской ССР и РСФСР”, ссылка в: Mattisen. *Op. cit.*, p. 76.

⁵³² См.: Mattisen, *Op. cit.*, p. 87.

Соответствующие консультации начались в ноябре 1991 года. Как отмечает Эдгар Маттисен, российская сторона первоначально “не хотела даже слышать о пограничном вопросе”⁵³³ и пыталась свести дискуссию к вопросам режима границы. Позднее Россия все же сформулировала юридическую позицию в отношении пограничных притязаний Эстонии. Согласно этой позиции, Тартуский мирный договор утратил силу уже в 1940 году, когда Эстония “вошла в состав” СССР. Ссылки Эстонии (и Латвии) на мирные договоры 1920 года до такой степени расстроили российских законодателей, что летом 1993 года они предприняли шаги к денонсированию соответствующих договоров. 12 июля 1993 года Президиум Верховного Совета России даже одобрил законопроект, предлагающий Президенту и правительству представить на рассмотрение парламенту вопрос об аннулировании эстонско-российского и латвийско-российского мирных договоров 1920 года⁵³⁴. В конечном счете Российская Федерация не стала предпринимать каких-либо формальных действий по аннулированию договоров.

Конституция Российской Федерации, принятая на референдуме 23 декабря 1993 года, устанавливала российскую государственную границу по принципу статус-кво (статья 67). После принятия Конституции Президент Борис Ельцин 21 июня 1994 года подписал указ о делимитации российской государственной границы на ее эстонском “участке”⁵³⁵. Таким образом, российско-эстонская граница была делимитирована Россией в одностороннем порядке к концу 1994 года.

Первоначально Министерство иностранных дел Эстонии выступило с протестами. 12 августа 1994 года МИД Эстонии заявил, что единственным юридически обязательным документом, который определяет границу между Россией и Эстонией, остается Тартуский мирный договор, поскольку “оккупация Эстонии Советским Союзом в 1940 году не повлияла на юридическую силу этого договора”⁵³⁶. Эстонская сторона также указывала на то, что “Эстония неоднократно предлагала России представить данный вопрос на рассмотрение Гаагского

⁵³³ Mattisen. *Op. cit.*, p. 92.

⁵³⁴ Mattisen. *Op. cit.*, p. 94. Ср. также с: Loeber. *Op. cit.*, p. 544.

⁵³⁵ Указ Президента Российской Федерации от 21 июня 1994 года “О демаркации сухопутной границы между Эстонией и Россией”. Собрание Законодательства Российской Федерации, № 9, документ 930 (1994).

⁵³⁶ См. пресс-релиз МИД Эстонской Республики от 12 августа 1994 года. Приводится в: Mattisen. *Op. cit.*, p. 162.

суда. Эстония всегда проявляла готовность воспользоваться посредничеством третьего государства или международной организации”⁵³⁷.

Эстония, в частности, хотела возвращения деревень в Псковской области (РСФСР) с преимущественно эстонским населением (сету), которые находились под юрисдикцией Эстонии до 1940 года. Проведенная советскими властями в 1944–1945 годах граница разделила надвое крошечный народ сету, эстонцев по этнической принадлежности, но обладающих особой идентичностью и культурой. В результате одностороннего проведения границы Советским Союзом 8–9 тысяч представителей народности сету остались под юрисдикцией Эстонской ССР, а свыше 6 тысяч стали принадлежать России. В 1990-е гг. на российской стороне границы оставалось около 4000 этнических эстонцев (сету)⁵³⁸.

В конце 1994 года был взят курс на компромисс⁵³⁹. Правительство Эстонии заявило о своей готовности согласиться с новой российско-эстонской границей, отличной от границы, определенной в Тартуском мирном договоре 1920 года. Отход Эстонии от ее первоначальной позиции (требовавшей восстановления границы по Тартускому мирному договору) создал определенные проблемы с точки зрения конституционного права Эстонии. Статья 122 Конституции Эстонии, принятой на референдуме 28 июня 1992 года, гласит, что “сухопутная граница Эстонии определяется Тартуским мирным договором 1920 года и другими международными договорами о границе”. Возник конституционный спор по вопросу о том, означает ли отказ от первоначального требования необходимость внести в Конституцию Эстонии изменения. Некоторые прагматически настроенные ученые и политики доказывали, что если будет восстановлен хотя бы один метр границы по Тартускому мирному договору⁵⁴⁰, а остальная часть границы будет определяться *другим(и)* договором(-ами), то формальное требование конституционности будет выполнено. Хотя ряд ученых скептически отнесся к такой интерпретации Конституции, представляется, что в

⁵³⁷ См.: Ibid, at p. 162.

⁵³⁸ См.: Mattisen. Op. cit., p. 101.

⁵³⁹ Так называемая “Инициатива Таранда”. См. информацию, предоставленную на интернет-сайте МИД Эстонской Республики, 4.03.1999, <http://www.vm.ee/eesti/valispol/Bilateraalsed/03piir.htm>.

⁵⁴⁰ ...и этот критерий в настоящее время выполнен в рамках современной “контрольной границы” между Россией и Эстонией, которая послужила основой для проекта договора о границе, ожидающего одобрения России с 1998 года.

Эстонии сложился общий консенсус, согласно которому новая политика правительства, признающая границу с Россией де-факто, приняла необратимый характер, как с правовой, так и с политической точки зрения.

Когда стало ясно, что Россия не намерена менять свою позицию, а разрешение всех пограничных споров стало условием вступления Эстонии в ЕС и НАТО, Эстония приняла существующую “контрольную границу” как окончательную и отказалась от всех требований, связанных с изменениями границы в пользу России советскими указами 1944, 1945 и 1957 годов. Первоначально Эстония хотела обусловить свою уступку прямым признанием Россией в новом договоре о границе континитета Эстонской Республики и, тем самым, продолжения действия Тартуского мирного договора 1920 года *как такового* (т.е. несмотря на изменившуюся границу). Поскольку Россия упорно продолжала отказываться признать это, Эстонская Республика заняла позицию, согласно которой новый российско-эстонский договор о границе (который зафиксировал бы существующую “контрольную границу” как окончательную государственную границу) не умаляет правоприязаний Эстонии на то, что российско-эстонский Тартуский мирный договор 1920 года не утратил своей силы по международному праву, даже если связанные с определением границы положения этого договора будут изменены новым договором о границе⁵⁴¹.

5 марта 1999 года Эстония и Россия парафировали новый договор о границе, согласно которому спорные территории уступаются России. Подписание договора о границе затянулось по политическим причинам, хотя представлялось, что вступление Эстонии в Европейский Союз устранил эти препятствия. Новый договор о границе был подписан министрами иностранных дел Эстонии и России в Москве 18 мая 2005 года. Парламент Эстонской Республики ратифицировал договор о границе 20 июня 2005 года, добавив к договору “преамбулу” в законе о ратификации (по сути, все же декларацию), которая подтверждает продолжение действия Тартуского мирного договора в его остальной части (не касающейся государственных границ 1920 года). Декларация Рийгикогу также включает ссылки на более ранние правовые акты парламента Эстонии, где говорится о незаконной оккупации Эстонии в 1940–1991 гг. 27 июня 2005 года МИД Российской Федерации направил

⁵⁴¹ См. информацию, предоставленную МИД Эстонии: Eesti-Vene piiriläbirääkimised (Эстонско-российские переговоры о границе), 4.03.1999, <http://www.vm.ee/eesti/valispol/Bilateraalsed/03piir.htm>. См. также: Mattisen. Op. cit., p. 98 et seq.

послу Эстонии в Москве ноту, в которой Эстонии сообщалось о намерении России начать внутригосударственные процедуры по освобождению себя от международно-правовых обязательств, вытекающих из подписания договора о границе 18 мая 2005 года⁵⁴².

(В) Латвия

(i) Односторонние изменения государственной границы, проведенные СССР

История пограничного спора между Латвией и Россией носит черты сходства с эстонско-российским спором. Граница между Латвийской Республикой и РСФСР была установлена в латвийско-российском мирном договоре, заключенном в Риге 11 августа 1920 года. Тем не менее, СССР в 1944 году аннексировал участок латвийской территории, известный как Абренский уезд (по-русски Пыталово), в пользу РСФСР. Площадь уезда составляет около 2000 квадратных километров, т.е. около 3% территории Латвийской Республики в границах 1940 года. В настоящий момент население Пыталовского района составляет приблизительно 50000 человек, 85% из которых этнические русские⁵⁴³.

⁵⁴² В интервью, опубликованном в эстонской ежедневной газете “Postimees” 4 января 2001 года, послу России в Эстонии Константину Провалову был задан вопрос об эстонско-российском пограничном договоре, готовом к подписанию с 1999 года. Посол Провалов ответил: “Мы неоднократно давали понять эстонской стороне, что для решения этой проблемы должна быть обеспечена определенная атмосфера в наших отношениях. Вам известно, что договор о границе должен быть ратифицирован в Государственной Думе, члены которой очень чувствительно относятся к некоторым аспектам эстонско-российских отношений. Перед началом процесса ратификации этого документа мы должны быть уверены в том, что депутатов Думы будет возможно убедить ратифицировать этот договор”. См.: K. Liik. Vene saadik: tulen meie suhteid parandama (Посол России: я приехал для улучшения наших отношений) // Postimees, 5 января 2001 года. См. также: I. Kempe, W. van Meurs. A la frontière russo-estonienne // Le Courier des pays de l’Est, No. 438 Mars 1999, pp. 54–67 at 63.

⁵⁴³ См.: D.A. Loeber. The Russian-Latvian Territorial Dispute Over Abrene. A Legacy from the Times of Soviet Rule // The Parker School Journal of East European Law 1995/Vol. 2 Nos. 4–5, pp. 537–538. См. также: A. Krassilnikow. Die Staats-

С технической точки зрения, передача Абренского уезда была инициирована указом Президиума Верховного Совета Латвийской ССР от 22 августа 1944 года, в котором последний “ходатайствовал” о передаче Абренского уезда в состав РСФСР⁵⁴⁴. Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил ходатайство советской Латвии на следующий день⁵⁴⁵. В качестве обоснования указ ссылался на желание удовлетворить “многочисленные обращения” населения Абренского уезда⁵⁴⁶. Граница между советской Латвией и РСФСР была официально установлена правовыми актами Латвийской ССР⁵⁴⁷ и СССР⁵⁴⁸ в октябре 1946 года.

(ii) Латвийско-российский пограничный спор после 1991 года

22 января 1992 года латвийский парламент принял закон, в котором формулировалось правопритязание на Абренский уезд, а советские указы 1944 года о передаче этой территории провозглашались лишенными силы с момента их принятия (*ex tunc*)⁵⁴⁹. В латвийском Законе о государственных границах 1994 года⁵⁵⁰ проводилось различие между государственными границами и “временной демаркационной линией”, т.е. содержалась ссылка на Абренский уезд⁵⁵¹. Печатавшиеся в Латвии карты показывали спорный уезд как часть латвийской территории⁵⁵².

grenzen der Republik Lettland nach dem Stand vom Sommer 1993 // 39 Osteuropa Recht 1993, No. 4, pp. 281–286.

⁵⁴⁴ См. текст и материалы, воспроизведенные в: A. Reinhardts. Lettonie-Russie..., p. 287 et seq.

⁵⁴⁵ Об образовании Псковской Области в составе СССР, 23 августа 1944 года, см. в: Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938–1975), с. 93.

⁵⁴⁶ Там же.

⁵⁴⁷ Указ Президиума Верховного Совета Латвийской ССР “Об установлении границы между Латвийской ССР и РСФСР”, 5 октября 1946 года.

⁵⁴⁸ Указ Президиума Верховного Совета СССР “Об утверждении изменений границы между Латвийской ССР и РСФСР”, 19 октября 1946 года.

⁵⁴⁹ Указ о непризнании аннексии города Абрен и шести деревень Абренского района. 22 января 1992 года // Zinotajs, Issue Nos. 6–7, Item No. 69 (1992).

⁵⁵⁰ Zinotajs, Issue No. 23, Item No. 495 (1994).

⁵⁵¹ Loeber. Op. cit., p. 543.

⁵⁵² См.: J.B. Allcock et al. (ed.). Border and Territorial Disputes. 3rd edition, Longman Current Affairs, 1992, p. 35.

Как и в случае Эстонии, Российская Федерация отрицала дальнейшую применимость мирного договора 1920 года между Латвией и Россией. Тем не менее, в декабре 1994 года Россия и Латвия заключили соглашение, по которому назначались “пограничные представители” с задачей урегулировать все вопросы, связанные с общей границей⁵⁵³. Переговорам о границе еще предстоит дать результат в виде нового латвийско-российского соглашения о границе. Латвия все же отступила от своих первоначальных требований, которые заключались либо в пересмотре установленной в одностороннем порядке советско-латвийской границы, либо в получении компенсации за утрату территории⁵⁵⁴. Следовательно, “временная демаркационная линия” служит де-факто в качестве латвийско-российской границы до тех пор, пока обе стороны не подпишут и не ратифицируют новое соглашение.

(С) Границы Литвы

Вопрос о границах Литвы связан со спором о границах стран Балтии в контексте правового статуса этих государств. Парадоксально, но Литва де-факто увеличила свою территорию в результате сближения с СССР в 1939 году. По условиям Московского договора 1920 года Литва получила правооснование на Вильнюс. Несмотря на это, Польша оккупировала Вильнюс (польское Вильно) и контролировала эту территорию вплоть до завершения четвертого раздела Польши в сентябре 1939 года. В качестве компенсации за согласие Литвы заключить с ним в 1939 году договор о взаимопомощи, СССР передал Литве недавно “освобожденные” Вильнюс и Сувалки⁵⁵⁵. Правительство Польши в изгнании протестовало против передачи Вильнюса Литве, утверждая, что данный акт не имел силы по международному праву.

В конце Второй мировой войны созданной в составе СССР Литовской ССР была возвращена Клайпеда (Мемель) и за ней был сохранен Вильнюс, но Сувалки были возвращены Польше, а часть терри-

⁵⁵³ Loeber. *Op. cit.*, p. 543.

⁵⁵⁴ Сначала Латвия требовала либо возвращения Россией Абрэнского района, либо уплаты последней 5 миллиардов долларов США в обмен за признание Латвией владения Россией Абрэнским районом. См.: Allcock et al. (ed.). *Op. cit.*, p. 35.

⁵⁵⁵ Allcock et al. (ed.), p. 32.

тории на юго-востоке от Вильнюса была передана Белорусской ССР⁵⁵⁶. Кроме того, только что образованная в составе РСФСР Калининградская область получила полосу земли, которая, как иногда доказывалось, должна была быть передана Литовской Республике⁵⁵⁷.

После восстановления независимости Литвы ее правительство выступило за сохранение статус-кво в отношении государственных границ⁵⁵⁸. Тем не менее, вопрос о Вильнюсе иногда поднимался российскими политиками, особенно в связи с территориальными притязаниями Эстонии и Латвии. Некоторые литовские радикально-националистические политики отвечали на это заявлением, что Российская Федерация должна вернуть Литве территорию, переданную Калининградской области⁵⁵⁹.

Несмотря на это, Россия и Литва официально никогда не выдвигали территориальных претензий друг к другу⁵⁶⁰. В феврале 2001 года посол Литвы в Российской Федерации дал следующие объяснения российской газете “Известия”:

“Я официально заявляю: Литва ни в прошлом, ни в настоящем не выдвигала территориальных претензий на Калининградскую область. Даже если бы нам предложили ее, мы вряд ли согласились бы ее принять”⁵⁶¹.

Литва и Белоруссия утвердили советскую административную границу в соглашении от 6 февраля 1995 года. Польша, которая могла бы оспорить правооснование Литвы на Вильнюс, рассматривала Литву

⁵⁵⁶ Allcock et al. (ed.), p. 33. См. также: A. Gureckas. Lithuania's Boundaries and Territorial Claims Between Lithuania and Neighboring States // 12 N.Y.L. Sch.J. Int'l & Comp.L, 1991, p. 107 et seq. and C. Whomersley. The International Legal Status of Gdansk, Klaipeda and the Former East Prussia // 42 ICLQ 1993, p. 919 et seq.

⁵⁵⁷ Allcock et al. Op. cit., p. 33.

⁵⁵⁸ См. Заявление о восстановлении Литовской Республики от 2 марта 1990 года, в котором, среди прочего, указывается: “Литовское государство (...) признает неприкосновенность границ, зафиксированных в Заключительном акте Хельсинкской конференции о безопасности и сотрудничестве в Европе, принятой в 1975 году (...)”. Отметим, что СССР также приводил тот же самый Хельсинкский заключительный акт в качестве обоснования своей территориальной целостности, т.е. с целью предотвратить восстановление независимости стран Балтии.

⁵⁵⁹ Allcock et al. (eds.). Op. cit., p. 36.

⁵⁶⁰ Ср.: G. Biger. The Encyclopedia of International Boundaries. Jerusalem, 1995, p. 365.

⁵⁶¹ Посол Литвы Зенонас Намавичюс: Российской военной угрозы не существует // Известия, 20.02.2001 (№ 30), с. 9.

как государство-правопреемник в отношении польско-советского соглашения о польско-советской границе от 16 августа 1945 года⁵⁶².

24 октября 1994 года Президенты Бразаускас и Ельцин подписали новый российско-литовский договор о границе на основе статус-кво⁵⁶³. Парламент Литвы ратифицировал договор в марте 1999 года. Тем не менее, данный договор все еще не был ратифицирован Россией. По случаю подписания договора президентами России и Литвы Государственная Дума приняла обращение к Президенту Ельцину, в котором она протестовала против “уступки” Литве Клайпеды, что свидетельствовало о том, что Государственная Дума не станет ратифицировать подписанный договор⁵⁶⁴.

(D) Спор о границе: правовые аспекты

Связанные с границей претензии восстановивших независимость Эстонии и Латвии основывались на том, что территориальные “ампутации”, совершенные Москвой в отношении Эстонской и Латвийской советских республик, по международному праву были не более правомерны, чем аннексия самих стран Балтии. Эстония и Латвия утверждали, что мирные договоры 1920 года, в которых была установлена эстонско-российская и латвийско-российская граница, не утратили силы по международному праву.

Российская Федерация с самого начала опровергала данный тезис. Невзирая на официальные протесты Эстонии и Латвии, Россия в 1994 году разметила административные границы (или демаркационные линии) с этими странами как окончательную государственную границу. Россия также отвергала частые обращения Эстонии и Латвии по поводу передачи дела на рассмотрение в Гаагский суд.

С точки зрения незаконности советской аннексии 1940 года и признания восстановления их государственности международным сообществом Эстония и Латвия имели убедительные аргументы для восстановления их границ с Россией по линии 1940 года. Согласно Эстонии и Латвии, Россия не имела оснований требовать применения

⁵⁶² См.: R. Szafarz. Op. cit., p. 223–4.

⁵⁶³ Подробнее см. в: E. Franckx and A. Pauwels. Lithuanian-Russian Boundary Agreement of October 1997: To Be or Not To Be?, in: *Liber Amicorum Jaenicke*, Berlin: Springer, 1998, pp. 63–95.

⁵⁶⁴ Текст обращения см. в: E. Franckx and A. Pauwels. *Ibid.*, pp. 93–95.

“оговорки о неизменных обстоятельствах” (*clausula rebus sic stantibus*) в отношении мирных договоров 1920 года. Согласно Венской конвенции о праве договоров 1969 года, государство, само вызвавшее “изменения в обстоятельствах” путем нарушения рассматриваемого договора, не имеет оснований требовать применения данного принципа⁵⁶⁵. Кроме того, установленные в нарушение международного права границы не защищаются принципом нерушимости границ⁵⁶⁶.

Ученые, изучающие связанные с границами вопросы, рассматривали существенность принципа *uti possidetis iuris*⁵⁶⁷ в споре о границе между Россией и странами Балтии⁵⁶⁸. В то же время, в деле о пограничном споре между Буркина-Фасо и Республикой Мали Международный Суд принял решение о том, что правооснование имеет преимущество перед фактическим владением⁵⁶⁹. Следовательно, с точки зрения права трудно усмотреть возможность балансирования принципа *ex injuria ius non oritur* принципом *ius possidetis*, как это утверждает Мюллерсон:

“... мы сталкиваемся с ситуацией, нередкой в международном праве: два противоречивых принципа, каждый из которых отражает реальные ценности, указывают на два различных, даже противоположных, решения”⁵⁷⁰.

Тем не менее, существуют серьезнейшие сомнения в том, что правовому принципу *ius possidetis* должно быть придано какое-либо значение, поскольку данный принцип утверждает, что границы *нового* государства соответствуют границам предшествовавшей ему административной

⁵⁶⁵ Анализ советской доктрины принципа “*clausula rebus sic stantibus*” см. в: T. Schweisfurth. *Der internationale Vertrag in der modernen sowjetischen Völkerrechtstheorie*. Köln, 1968, p. 309 et seq. Советская доктрина допускала применение принципа “*clausula*” только в очень узких пределах. См. *Ibid*, at 312.

⁵⁶⁶ Loeber. *The Russian-Latvian...*, p. 547.

⁵⁶⁷ Принцип сохранения существующего положения вещей (*лат.*) — прим. пер.

⁵⁶⁸ Müllerson. *New Developments in the Former USSR and Yugoslavia* // *VJIL* 1993, p. 313 et seq; Loeber. *The Russian-Latvian...*, p. 548 et seq.

⁵⁶⁹ *I.C.J. Rep.* 1986, 544 at 566.

⁵⁷⁰ Müllerson. *New Developments...*, p. 315. Ср. аналогичные позиции в: M. Shaw. *The Heritage of States: The Principle of Uti Possidetis Juris Today* // *67 BYBIL* 1996, p. 131: “Таким образом, возникает конфликт в рамках границ *uti possidetis* между международно признанными до аннексии границами и границами, возникшими после восстановления независимости”.

единицы⁵⁷¹. В случае балтийских стран ситуация выглядит противоположной — эти государства были признаны в качестве “старых”, которые восстановили свою независимость после незаконной аннексии. Следуя доктринальной посылке Марек, нелогично утверждать, что а) страны Балтии сохранили идентичность своей правосубъектности и б) границы Эстонии и Латвии с Россией определяются по принципу *ius possidetis*.

С точки зрения В.И.Ленина, Тартуский мирный договор между Советской Россией и Эстонской Республикой от 2 февраля 1920 года имел “глобально-историческое значение”⁵⁷². Важность этого договора подчеркивалась советскими учеными в области международного права, для которых мирный договор с Эстонией означал конец “буржуазной” блокады, установленной против молодого советского государства⁵⁷³. После распада СССР в 1991 году Российская Федерация практически вела себя так, словно бы мирные договоры с Эстонией и Латвией никогда не существовали. Хотя Эстония и Латвия отказались от требований восстановить границы по их мирным договорам с Россией 1920 года, они продолжают настаивать, что соответствующие договоры как таковые (даже если границы были изменены) продолжают действовать между сторонами этих соглашений. Хотя данная точка зрения о продолжении действия мирных договоров с Россией 1920 года приобрела в странах Балтии догматический характер и, следовательно, поддерживается и политиками⁵⁷⁴, и учеными⁵⁷⁵ в этих государствах, в балтийском случае она представляет собой еще одну фикцию, поскольку другое государство-участник договоров — Россия — отказывается признавать за этими договорами законную силу.

⁵⁷¹ См. определение, данное в: M.N. Shaw. Peoples, Territorialism and Boundaries // 8 EJIL (1997), p. 478 at 502.

⁵⁷² В.И.Ленин. Сочинения. Том 30, Москва, 1959, с. 293.

⁵⁷³ См., например: С. Оленев. Международное признание СССР. Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1962, с. 47.

⁵⁷⁴ См.: T. Sildam. Välisminister Iives: ajalugu pole pudupood (Министр иностранных дел Ильвес: История это не галантерейный магазин), интервью в Postimees, 02.02.2001. (“[Тартуский мирный договор] по-прежнему остается юридическим документом. С юридической точки зрения, договор остается в силе пока он не был денонсирован. Соответственно, остается в силе и Тартуский мирный договор”).

⁵⁷⁵ См., например: Rytis Satkauskas. Master’s thesis in Sorbonne, p. 65.

(Е) Спор о границе: выводы

С точки зрения настоящего анализа особый интерес вызывают два момента. Во-первых, международное сообщество занимало очень сдержанную позицию в отношении территориальных претензий Эстонии и Латвии к России, и в любом случае не оказывало им в этом вопросе какой-либо дипломатической поддержки⁵⁷⁶. Позиция западных стран колебалась между отсутствием интереса (“это проблема стран Балтии и России; мы желаем им удачи в разрешении спора мирными средствами”) и предостережениями странам Балтии о том, что Запад не заинтересован в затягивании пограничного спора, который может вызвать недовольство России, дестабилизировать регион и при этом не принести каких-либо практических результатов. Во-вторых, как Эстония, так и Латвия в середине 1990-х гг. в результате изложенных в первом пункте обстоятельств решили отступить от своих первоначальных территориальных притязаний, хотя и не отказались от притязания на государственный континуитет. Таким образом, в вопросе о государственных границах страны Балтии де-факто стали/оставались государствами-правопреемницами советских прибалтийских республик — автономных единиц в составе СССР, не являвшихся государствами по международному праву. Представляется, что в аспекте государственных границ с Российской Федерацией Эстония и Латвия не добились успеха в притязаниях на *restitutio in integrum*.

⁵⁷⁶ M.N. Shaw. Op. cit., p. 132. К примеру, представитель Совета Национальной Безопасности США заявил, что Соединенные Штаты признают границы стран Балтии, установленные 2 сентября 1991 года. См.: V.J. Riisman del. Vaatlusi Vabadussõjast ja Tartu rahulepingust (Наблюдения о войне за независимость и о Тартуском мирном договоре), in: Vaba Eesti Sõna, December 23, 1999. Для Рийсмандела позиция США в вопросе о российско-эстонской границе была “разочаровывающей”.

5. Вопрос об ответственности государства за ущерб, причиненный во время незаконной советской аннексии

(А) Введение

Третий основной вопрос, возникший в связи с тезисом о континуитете стран Балтии, заключался в ответственности государства за международно-противоправные действия, совершенные в Литве, Латвии и Эстонии во время советской оккупации.

Аксиомой является то, что право не может существовать отдельно от ответственности и что нарушения правовой нормы не могут оставаться без правовых и юридических последствий. Тем не менее, даже поверхностный взгляд на структуру и особенности международного сообщества и международного права обнаруживает, что установление принципа ответственности в международном праве представляет собой непростую задачу. Несмотря на значительное развитие международного права в отношении ответственности государств в последние десятилетия, некогда сформулированная Гансом Кельзенем критика возможности ответственности в международном праве остается верной во многих аспектах⁵⁷⁷. Очевидно, что в силу фундаментальных отличий в системе международного права по сравнению с внутригосударственной правовой системой, ответственность в международном праве имеет отличия и, неизбежно, представляется в сравнении более примитивной. Не случайно на протяжении нескольких веков после самого зарождения Вестфальской системы доктрина международного права предпочитала сохранять относительное молчание в вопросе об ответственности государств⁵⁷⁸.

В то же время в последние десятилетия в этой области произошли существенные сдвиги. Как практика государств последнего времени, так и *opinio iuris* не оставляют никаких сомнений в том, что фундаментальный принцип ответственности государств как таковой был признан в современном международном праве. Статья 2 принятых во втором чтении 3 августа 2001 года Статей об ответственности госу-

⁵⁷⁷ См.: Н. Kelsen. Unrecht und Unrechtsfolge im Völkerrecht // XII ZöR 1932, pp. 481–606.

⁵⁷⁸ См.: С. Tomuschat. Hague Academy General Course, p. 269–270.

дарств, подготовленных Комиссией международного права, вводит следующий основной принцип:

“Любое международно-противоправное деяние государства влечет за собой международную ответственность этого государства”⁵⁷⁹.

Данный фундаментальный принцип международного права признавался и в юриспруденции в период, предшествовавший Второй мировой войне. Например, в деле о “Фосфатах в Марокко” Постоянная палата международного правосудия подтвердила, что если государство совершает международно-противоправное деяние против другого государства, то международная ответственность немедленно возникает “в отношениях между двумя государствами”⁵⁸⁰. Третейский судья по делу “Притязания Британии в испанской зоне Марокко” Макс Хубер заявил, что неоспорим принцип, согласно которому “ответственность является необходимым следствием права. Все международные права влекут за собой международную ответственность”⁵⁸¹. Тот факт, что агрессия уже в эру Второй мировой войны представляла из себя правонарушение, влекущее за собой применение международно-правовых принципов ответственности государств, признавался советскими учеными в области международного права⁵⁸².

Таким образом, принципы ответственности государств могут быть также применены в случае незаконной аннексии стран Балтии Советским Союзом.

⁵⁷⁹ См.: A/CN.4/L.602/Rev. I

⁵⁸⁰ Phosphates in Morocco (Preliminary Objections), P.C.I.J., Series A/B, No 74 (1938), p. 28. См. также: Case of the S.S. Wimbledon, P.C.I.J. Series A, No. I (1923), p. 15; Case concerning the Factory at Chorzow (Jurisdiction), P.C.I.J., Series A, No. 17 (1927), p. 29.

⁵⁸¹ Reports of International Arbitral Awards, vol. II (1925), p. 641.

⁵⁸² Д.Б. Левин. Ответственность в современном международном праве. Москва: Международные отношения, 1969; Н.А. Ушаков. Основания международной ответственности государств. Москва: Международные отношения, 1983, с. 137.

(В) Основные принципы права международной ответственности

Последовательная кодификация права международной ответственности, проводившаяся Комиссией международного права с начала 1950-х гг., основывалась на рациональной концепции Роберто Аго о различии между первичными и вторичными нормами в международном праве. Бесчисленные нормы различных типов накладывают обязательства на государства (первичные нормы); вторичные нормы ответственности государств имеют своей целью установить, “было ли нарушено обязательство и каковы должны быть последствия этого нарушения”⁵⁸³. Фундаментальный принцип ответственности государств состоит в том, что государство, нарушающее первичные нормы международного права, навлекает на себя обязательство возмещения ущерба пострадавшему государству. В деле о “Фабрике в Чорзов” — одном из, вероятно, наиболее важных дел об ответственности государств, Постоянная палата международного правосудия постановила, что “Компенсация должна в наибольшей возможной степени устранить последствия противоправного действия и восстановить ситуацию в том виде, в каком она, по всей вероятности, существовала бы в случае, если бы данное действие не было совершено”⁵⁸⁴. В статье 34 подготовленных Комиссией международного права Статей об ответственности государств устанавливаются формы компенсации в международном праве: полная компенсация “должна быть произведена в виде реституции, компенсации и возмещения по отдельности или совместно (...)”.

Тем самым общий метод ответственности государств выглядит следующим образом: во-первых, должен быть установлен факт совершения международно-противоправного деяния. При этом, во-первых, должна существовать возможность приписать такое деяние определенному государству в соответствии с международным правом и, во-вторых, оно должно представлять собой нарушение международного обязательства этого государства. При определенных обстоятельствах противоправный характер действий государства может быть предотвращен. К таким случаям относятся правомерное согласие, законная самооборона, встречные меры, форс-мажорные обстоятельства,

⁵⁸³ См.: Yearbook of the ILC 1970, vol. II, p. 306, para. 66 (c).

⁵⁸⁴ PCIJ, Ser. A, No. 17, 47.

бедственное положение и (в рамках существенных ограничений) необходимость. Если государство навлекает на себя международную ответственность за противоправные действия и не прекращает после этого таких действий и/или не проводит полного возмещения, то пострадавшее государство имеет право предпринять встречные меры против причинившего ему ущерб государства. Встречные меры представляют собой действия, нарушающие международные обязательства предпринявшего их государства. Они могут предприниматься только пропорционально полученному ущербу и регулируются еще рядом условий.

Несмотря на важные концептуальные сдвиги в области ответственности государств, многие остающиеся открытыми вопросы продолжают создавать проблемы для правоведов. К примеру, Кристиан Томушат допускает на основе практики государств, что “принцип полного возмещения применяется только к незначительным нарушениям международного права”⁵⁸⁵. Поскольку это положение верно в действительной ситуации, оно представляет собой существенную фактическую оговорку к принципу ответственности государств, которая не была учтена в достаточной мере в формулировках подготовленных Комиссией международного права Статей об ответственности государств.

В недавнее время произошли важные сдвиги и в отношении крупномасштабных нарушений международного права. Так, Совет Безопасности ООН установил всесторонний механизм компенсации после установления ответственности Ирака “за любые прямые потери, ущерб, включая ущерб окружающей среде и истощение природных ресурсов, или вред, причиненный иностранным правительствам, физическим и юридическим лицам в результате незаконного вторжения Ирака и оккупации им Кувейта” (Резолюция 687, 1991 год).

⁵⁸⁵ C. Tomuschat. *International Crimes by States—an Endangered Species?*, in: *International Law: Theory and Practice. Essays in Honour of Eric Suy*. The Hague: Nijhoff, 1998, p. 267–8 (словами австрийского эксперта Холд-Фернека, международное право это “система в маловажных и неразбериха в наиболее существенных вопросах”).

(С) Об условиях ответственности государства в ситуации со странами Балтии: вопрос о возможности приписывания ответственности (международно-правовой статус современной России)

В предыдущей главе оккупация и аннексия стран Балтии Советским Союзом были квалифицированы как незаконные деяния. СССР захватил эти государства и, путем депортации и/или убийства десятков тысяч их граждан, причинил существенные потери в человеческих жизнях, нанес материальный и моральный ущерб. Для СССР в незаконно аннексированных странах Балтии в качестве абсолютного минимума были обязательны гуманитарные стандарты, установленные Гаагскими нормами 1907 года. Массовые депортации и “ликвидации”, организованные в этих странах правительством СССР, явно нарушали эти минимальные стандарты, установленные первичными нормами международного права. Без соблюдения должных юридических процедур тысячи представителей народов этих государств были приговорены к долгим срокам заключения в лагерях ГУЛАГа и осуждены выполнять для СССР работу, которая не заслуживает другой оценки кроме как “рабский труд”. Кроме того, в зависимости от позиции в отношении объема правовых обязанностей СССР в течение периода аннексии, могут быть дополнительно квалифицированы как международно-противоправные действия убытки, нанесенные экономике и природной среде этих стран. В любом случае, из практики Международного Суда следует, что государство, осуществляющее незаконный контроль над определенной территорией, ответственно за нарушения международного права, совершаемые на этой территории⁵⁸⁶.

Разумеется, крушение Советского Союза в декабре 1991 года ставит вопрос о возможности приписывания другим государствам международно-противоправных деяний, совершенных СССР. Мы утверждаем, что с точки зрения принципов ответственности государств Российская Федерация как государство-продолжатель СССР ответственна за совершенные СССР международно-противоправные деяния.

Действительно, международно-правовая позиция Российской Федерации после распада СССР сначала давала повод к противоречивым

⁵⁸⁶ Namibia Opinion, I.C.J. Reports 1971, p. 16 at 56 para 125.

интерпретациям и теориям⁵⁸⁷. Лидеры недавно созданного СНГ сначала провозгласили в Минске, “что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование”. Тем не менее, 21 декабря 1991 года Совет глав правительств СНГ принял в Алма-Ате резолюцию, гласившую, что “государства-члены СНГ поддерживают продолжение Россией членства СССР в ООН, включая Совет Безопасности, и в других международных организациях”. Вскоре после этого президент Ельцин отправил Генеральному секретарю ООН ноту, в которой заявлял, что Российская Федерация является государством-продолжателем СССР⁵⁸⁸. Возможно, верным было замечание Бардо Фассбендера, согласно которому способ занятия Россией правового статуса СССР в ООН был “неудовлетворительным с конституционной точки зрения”⁵⁸⁹. В то же время Россия стремилась к такому континуитету и получила в этом поддержку международного сообщества. В результате СССР не прекратил своего существования как субъект международного права: его международная правосубъектность была продолжена Россией. Как субъект международного права современная Россия обладает правосубъектностью, идентичной правосубъектности СССР, точно так же как сам СССР был в этом смысле идентичен царской России⁵⁹⁰ или (к примеру) современная ФРГ идентична германскому рейху.

Данный вывод о правовом континуитете России и СССР подкрепляется имеющимися в балтийском случае свидетельствами о том,

⁵⁸⁷ См.: В. Stern. *La succession d'États* // 262 RCADI 1996, 2000, p. 216 et seq. См. также: I.I. Lukasuk. *Russland als Rechtsnachfolger in völkerrechtliche Verträge der UdSSR* // 4 Osteuropa Recht 1993, pp. 235–246; T. Schweisfurth. *Ausgewählte Fragen der Staatensukzession im Kontext der Auflösung der UdSSR* // 32 AVR 1994, pp. 99–129; T. Schweisfurth. *Vom Einheitsstaat (UdSSR) zum Staatenbund (GUS). Juristische Stationen eines Staatszerfalls und einer Staatenbundsentstehung* // 52 ZaöRV 1992, pp. 541–702.

⁵⁸⁸ См.: Российская газета, 31 января 1992 года. См. также циркуляр МИД Российской Федерации, ноту от 13 января, цитируемую президентом Российской ассоциации международного права А. Колодкиным в: *Russia and International Law: New Approaches* // RBDI 1992, p. 553.

⁵⁸⁹ В. Fassbender. *UN Security Council Reform and the Right of Veto. A Constitutional Perspective*. The Hague: Kluwer, 1998, p. 189.

⁵⁹⁰ Недавно Е. Мартыненко доказывал, что связь континуитета объединяет современную Российскую Федерацию (через СССР) с царской Россией. См.: *Правопреемство России в отношении собственности Российской Империи на Ближнем Востоке*, в: *Правоведение* № 1, 2000, с. 237–247 на с. 246–7.

что СССР рассматривал свою политику в отношении этих стран как продолжение устремлений царской империи. Вячеслав Молотов, Народный комиссар иностранных дел при Сталине, упоминает о следующем комментарии последнего по поводу заключения договоров о взаимопомощи со странами Балтии в 1939 году:

“Скоро прибалтийские республики будут принадлежать нам. Они всегда нам принадлежали”⁵⁹¹.

Именно в этом контексте Сталин счел логичным поднять вопрос о границах царской России на Потсдамской конференции.

По словам заместителя премьер-министра и министра иностранных дел просоветского правительства Литвы Креве-Мицкевичюса, Вячеслав Молотов сказал ему в Москве 30 июня 1940 года:

“Я должен сегодня указать на то, что завтра будет ясно всем. Начиная с Ивана Грозного, русские цари стремились выйти к Балтийскому морю. Они делали это не в силу своих политических устремлений, а потому, что это было необходимо для развития русского государства и нации. Для советского правительства было бы непростительно упустить возможность, которая может никогда более не представиться”⁵⁹².

В случаях прекращения существования государства, в обычном международном праве существует норма, согласно которой государство-правопреемник, в целом, не будет нести ответственность за международно-противоправные деяния, совершенные прекратившим существование государством-предшественником⁵⁹³. Недавно приведенная интерпретация понятия “идентичности” государства (согласно которой может существовать континуитет государства (“его правосубъектности”) при изменившейся “идентичности”)⁵⁹⁴ позволяет допустить, что даже в случаях континуитета правосубъектности государства новый режим, в силу своей новой “идентичности”, может обладать правом освободить себя от обязательств по возмещению ущерба,

⁵⁹¹ См.: Ф.И. Чуев. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. Москва: Терра, 1991.

⁵⁹² См.: Репе́чка. *Op. cit.*, p. 69–70 и В. Meissner. *Die baltischen Staaten...* 1995, p. 61.

⁵⁹³ Подробнее см.: W. Czaplinski. *State Succession and State Responsibility* // 28 *Canadian YBIL* 1990, pp. 339–359.

⁵⁹⁴ M.C.R. Craven. *The Problem of State Succession and the Identity of States under International Law* // 9 *EJIL* 1998, pp. 142–162 at 160.

причиненного международно-противоправными действиями его предшественника. Тем не менее представляется, что данный мнимо-правовой подход не был подкреплён *opinio iuris* в практике государств⁵⁹⁵. Принятие такой точки зрения позволило бы послевоенным правительствам бывших стран оси доказывать, что “идентичность” государства изменилась в такой степени, что уничтожила ответственность за преступления, совершенные фашистским режимом. (Демократическая ФРГ в послевоенную эпоху, несомненно, обладала субъективной “идентичностью”, отличной от нацистской Германии). В отношении принципа континуитета правовых обязательств могут существовать оговорки в случаях менее противоречивых, чем влекущих за собой ответственность за международно-противоправные деяния.

Российская Федерация прямо предпочла занять правовую позицию государства-продолжателя, а не государства-правопреемника. Следовательно, неверно утверждать, что с точки зрения ответственности государства Российская Федерация “не то же самое” государство, что СССР. Международное обычное право запрещает государству-продолжателю действовать в соответствии с т.н. “избирательным” принципом. Гаэтано Арангио Руиз подчеркивает, что “... заинтересованная сторона должна, таким образом, сделать в первую очередь выбор между притязанием на идентичность и отказом от нее. Если она выберет идентичность и ее притязание будет признано, то она также должна признать абсолютный континуитет обязательств точно так же, как и континуитет прав, если только переговоры не принесут другого результата. Иными словами, каждый участник обязан принять последствия идентичности “совокупно”, независимо от того, будут те или иные из них благоприятными или нет”⁵⁹⁶.

Таким образом, новый режим, который продолжает управлять тем же государством и естественным образом получает права прежнего режима, не может просто освободить себя от правовых обязательств и ответственности.

⁵⁹⁵ Отметим, впрочем, что аналогичные воззрения о “функциональном расколе” и “функционально ограниченной идентичности” были недавно высказаны Уилфридом Фидлером. W. Fiedler. Entwicklungslinien im Recht der Staatensukzession, in: Liber Amicorum. Professor Ignaz Seidl-Hohenveldern, ed. by H. Hafner et al. The Hague: Kluwer, 1998, pp. 133–155 at 136 et seq.

⁵⁹⁶ G. Arangio-Ruiz. L'Etat dans le sens du Droit des Gens et la Notion du Droit international. Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria, 1975, p. 310.

(D) Проблема возмещения ущерба после восстановления независимости стран Балтии

Вопрос о выдвижении требований возмещения ущерба активно обсуждался в странах Балтии уже в ходе процесса, приведшего к восстановлению независимости. В Эстонии в 1991 году председателем Верховного Совета Арнольдом Рюйтелем была образована комиссия, которая составила отчет об ущербе и пришла к заключению, что “основная ответственность за ущерб, причиненный в области социального, экономического и культурного развития, ложится на те политические силы, которые насильственно внедрили в Эстонии иностранную социально-экономическую систему”⁵⁹⁷. В то же время комиссия признала сложности, связанные с длительным периодом аннексии, заключив, что “в случаях ущерба, нанесенного социальному, экономическому и культурному развитию, ответственность разделяют образованные по принципу лояльности партия, правительство, административные и правовые институты — в той мере, в какой они осуществляли политику иностранного государства”⁵⁹⁸.

Несмотря на это, до настоящего времени только Литва предъявила России официальные претензии на возмещение ущерба, причиненного во время советской оккупации. 13 июня 2000 года Сейм (литовский парламент) принял “Закон о компенсации ущерба, причиненного оккупацией СССР”⁵⁹⁹, текст которого приводится в приложении. Вопрос о компенсации активно продвигался в Литве правоцентристской коалицией, в особенности Витаутасом Ландсбергисом. После поражения партий данной коалиции на выборах 2000 года Литва утратила активный интерес к вопросу о своих компенсационных претензиях в отношении России.

Латвия и Эстония не предъявили России компенсационных требований. После принятия в Литве соответствующего закона политики

⁵⁹⁷ См.: J. Kahk (ed.). *World War II and Soviet Occupation in Estonia: A Damages Report*. Tallinn: Periodika, 1991, p. 29. Вопрос о репарациях также обсуждался в литературе. См., например: A. Susi. Mis on meile maksta läinud okupatsioon? (Сколько нам стоила оккупация?) // *Looming* № 2, 1990, pp. 246–251 и I. Teder. N. Liidu agressiooniga Eesti Vabariigile tekitatud kahjude hüvitamisest (О компенсации ущерба, причиненного Эстонской Республике в результате агрессии СССР). *Ibid.*, pp. 252–254.

⁵⁹⁸ См.: J. Kahk (ed.). *Ibid.*

⁵⁹⁹ Закон Литовской Республики о компенсации ущерба, причиненного оккупацией СССР. 13 июня 2000 года. No. VIII-1727, Vilnius. (См. приложение 4).

Эстонии и Латвии выдвигали различные аргументы для объяснения общественности своих стран причин, по которым Эстонии и Латвии не следует выдвигать подобные требования. В определенной степени выбор аргументов свидетельствует о том, что политики стран Балтии вынесли урок из своих безуспешных переговоров с Россией о границе. Они утверждали, что “выплата Россией компенсации в высшей степени маловероятна”. Хотя существует “моральное право на компенсацию, по меньшей мере, за преступления против человечества, совершенные Советским Союзом”, “с перспективы внешней политики” было бы “неразумно предъявлять России такие требования”, в том числе и потому, что “Брюссель ищет возможности оказать России финансовую помощь, а не предъявлять Москве требования”⁶⁰⁰.

Россия действительно дала понять, что ее мнение в отношении предъявления Литвой компенсационных требований будет негативным. Вскоре после принятия в Литве упомянутого закона Александр Авдеев из МИД России изложил российскую позицию по данному вопросу в *Lithuanian Foreign Policy Review*⁶⁰¹:

“Говоря об основных аспектах отношений между Россией и Литвой, я не могу не остановиться на тех из них, что вызывают у нас наибольшую озабоченность. В первую очередь я имею в виду Закон о возмещении ущерба, принятый литовским Сеймом (парламентом) в июне. МИД России уместно охарактеризовал его как недружественный России инструмент. Подчеркивая, что мы не можем согласиться с попытками интерпретировать нашу общую историю в такой односторонней и политизированной манере, мы разъяснили международно-правовые основания, в силу которых мы рассматриваем сформулированные литовскими парламентариями требования как необоснованные. *В настоящий момент я бы хотел подчеркнуть основной момент: данная “инициатива” абсолютно бессмысленна с практической точки зрения, затрудняет процесс ратификации договора о границе между нашими странами в российской Государственной Думе...* Желательно, чтобы в Литве ясно осознали тот факт, что попытки осуществить закон “о возмещении ущерба” несовместимы с целями добрососедского развития российско-литовских отношений”.

⁶⁰⁰ См.: A. Ideon. Eesti jätab Leedu üksi hüvitist nõudma (Эстония оставляет Литву в одиночку требовать возмещения ущерба), где цитируются интервью с политиками Эстонии и Латвии // *Postimees*, 03.07.2000.

⁶⁰¹ A. Avdeev. Russian-Lithuanian Relations: An Overview // *Lithuanian Foreign Policy Review* 2000 No. 2 (6), pp. 27–33 at 29. Курсив автора данной работы.

После распада в 1991 году Советского Союза, ученые изучали вопрос о преемственности и отличиях в советском и российском подходах к международному праву⁶⁰². Представляется, что современный российский подход в отношении прав и обязательств, возникающих из идентичности правосубъектности Российской Федерации и СССР, напоминает позицию бывшего Советского Союза в отношении правовых обязательств царской России. Это подход необходимо охарактеризовать как “избирательный”. Хотя такой подход считается неправомерным, он в то же время вполне понятен с точки зрения *raison d'état*. Его фундаментальной особенностью является доктрина, в рамках которой с одной стороны (позитивные права) утверждается идентичность правосубъектности с предшествующим режимом, а с другой стороны (негативные следствия; ответственность государства) отрицается такой континуитет. СССР отказался признавать обязательства царской России, заявив, что он является новым государством в “социально-классовом смысле”, но при этом одновременно признавал себя “тем же самым” субъектом международного права. Р.Л. Борбов писал в 1968 году, что “для нового в социально-классовом смысле субъекта международного права характерно творческое отношение к этому праву”⁶⁰³. Творческий подход советских ученых выразился в их аргументах о том, что СССР не связан обязательствами царской России. Таким образом, Наталья Захарова утверждала, что “Признание континуитета субъектов в случае фундаментальных изменений в структуре государства не имеет, тем не менее, ничего общего с буржуазной теорией континуитета, утверждающей, что непрерывный характер существования государства требует признания всех его международных договоров независимо от внутренних изменений. [Советская правовая наука] признает за государством после социальной революции право аннулировать международные договоры, которые не соответствуют принципам новой системы и его национальным интересам. ... отрицание права государства аннулировать международные договоры после социальной революции является характерной чертой буржуазной науки”⁶⁰⁴. В русле, несущем определенное сходство с

⁶⁰² См., например: G. Ginsburgs. *From Soviet to Russian International Law. Studies in Continuity and Change*. The Hague: Nijhoff, 1998.

⁶⁰³ Р.Л. Борбов. Основные проблемы теории международного права. Москва: Международные отношения, 1968, с. 80.

⁶⁰⁴ N.V. Zakharova. *States as Subjects of International Law and Social Revolution (Some Problems of Succession)* // *Soviet YBIL* 1960, pp. 157–166 at 165. Более

данной аргументацией, Российская Федерация отрицала, по крайней мере в случае стран Балтии, любую ответственность за международно-противоправные деяния, совершенные СССР. Даже с учетом временного фактора и того обстоятельства, что современная Россия с конституционной точки зрения представляет собой сильно отличающееся от СССР государство, априорный отказ от любой ответственности за советские преступления является вызывающим беспокойство в отношении международного права фактом. Звучит парадоксально, но единственным способом убедительно доказать, что современная Россия является политически отличным от СССР государством, это признание определенной моральной и правовой ответственности за преступления, совершенные Советским Союзом против граничивших с ним государств.

(Е) Проблема возмещения ущерба: выводы

Хотя Эстония, Латвия и Литва неоднократно заявляли, что согласно их правовой позиции период советского правления рассматривается как “оккупация” и что Россия как государство-продолжатель СССР должна, по крайней мере, принести извинения за преступления СССР⁶⁰⁵, из них только Литва зашла так далеко, что потребовала от

позитивные аспекты этой доктрины и практики ср. в: N. Zakharova. Renunciation by the Soviet State of Treaties of Tsarist Russia which Violated the Rights of the Peoples in Eastern Countries // Soviet YBIL 1962, pp. 126–136.

⁶⁰⁵ Т. Sildam. Välisminister Ilves: ajalugu pole pudupood (Министр иностранных дел Ильвес: история это не галантерейный магазин), интервью в Postimees, 02.02.2001: “история это не галантерейный магазин, где вы берете одно и оставляете другое. Здесь вы не можете выборочно заявлять, что мы правопреемники в одних вопросах, а в других нет. Нельзя говорить, что совершенные преступления не имеют к нам отношения, а вся конфискованная СССР собственность принадлежит нам, включая здания посольств Эстонской Республики. (...) В контексте культуры, в которой мы живем — в контексте западной культуры — существует обычай сознаваться в таком поведении, принося официальные извинения, как это делали многие государства”. См. также замечания, сделанные Ильвесом 16 января 2002 года при открытии мемориальной доски 63 сотрудникам МИД Эстонии, казненным советским правительством: “Если бы все это осталось в прошлом, то наши чувства сегодня были бы проще и понятнее. Но, по-видимому, это не только прошлое. В отличие от образцовой политики Германии “Vergangenheitsbewältigung” мы

Российской Федерации возмещения ущерба, причиненного при советском правлении. В то же время ни претензии, ни риторика стран Балтии не имели практических результатов. Более того, политики этих стран утверждали, что их западные и, в особенности, европейские партнеры не выражали одобрительного отношения к выдвиганию требований о возмещении ущерба.

Представляется, что данное обстоятельство подтверждает важность роли политики силы в применении правовых принципов ответственности государств. На неизбежное значение политики в вопросах об ответственности государств указывал в 1936 году Антс Пийп, профессор международного права Тартуского университета:

“В целом, мы вынуждены признать, что при принятии решений о международных деликтах огромную роль играют фактические отношения между сторонами. При условии хороших политических и экономических отношений даже наиболее серьезные правонарушения легко находят разрешение. В противном случае даже наиболее незначительное недоразумение может стать поводом для крупного конфликта”⁶⁰⁶.

6. Общий вывод из практики: различие между статусом и правами

В основном ввиду различий в позициях с Российской Федерацией как государством-продолжателем СССР, страны Балтии не смогли восстановить определенные фундаментальные права, вытекающие из их правопритязаний на идентичность правосубъектности и континуитет с довоенными балтийскими республиками. Следовательно, представляется уместной данная Дитрихом А. Лобером характеристика их

видим, что в совершенных преступлениях не раскаиваются, а прославляют их. Сталинский гимн восстановлен. Признательность к Андропову, совершавшему убийства в Венгрии, отлита в металле. Годовщина создания террористической организации ЧК, основанной совершившим огромное число убийств Феликсом Дзержинским, празднуется как радостное событие. Нам говорят: не ждите извинений... И мы их, в общем-то, не очень и ждем”. См.: A. Lõhmus. Ilves kritiseeris teravalt Venemaad. (Ильвес подверг Россию резкой критике) // Postimees, 17.01.2001.

⁶⁰⁶ A. Piip. *Rahvusvaheline õigus* (Международное право). Tartu: Akadeemilise Kooperatiivi Kirjastus, 1936, p. 209.

континуитета как “хромающего континуитета”⁶⁰⁷. Но что означают такие уточнения, помимо демонстрирования фрустрации, испытываемой учеными в области международного права из-за различий между правовыми стандартами и политической действительностью? Или же это разрыв между теорией и практикой?

Рейн Мюллерсон указывает, что “... теория и практика неотделимы друг от друга и противоречие между ними не может не вызывать тревогу”⁶⁰⁸. Правовые позиции стран Балтии в начале 1990-х гг. были подкреплены веской теорией и должны были оказаться достаточно сильными, чтобы “отпугнуть” изменчивую практику, породить в ней “озабоченность” и “покорство”. Тем не менее, если это и произошло, то только частично. Отсюда следует, что для теории пришло время начать испытывать “беспокойство” или, по крайней мере, породить критическое отношение, поскольку фикции должны сопровождаться, по меньшей мере, частичным соответствием в действительности:

“Если нельзя обеспечить фактическое уважение к юридическим последствиям фиктивного акта, то фикция теряет свое значение в законодательной деятельности: она превращается в обманное действие, отделенное от своих юридических последствий. (...) в международно-правовой деятельности использование фикции неправомерно, если нет возможности обеспечить эффективность вытекающих из фикции последствий”⁶⁰⁹.

Следовательно, различие между фикцией и действительностью должно стать очевидным вызовом доктрине международного права. В ином случае, результатом станет слишком “утопичное” международное право, которое “реализм” вновь сможет дисквалифицировать как несущественное с тем сожалением, высказанным Гансом Моргентау в контексте приведших ко Второй мировой войне событий, что “... общий подход интернационалистов заключался в том, что пригодность инструментов считалась само собой разумеющейся, а в их неудаче винили факты. Представляется, что когда факты вели себя иначе, чем от них ожидалось, то они говорили — тем хуже для фактов. Подобно

⁶⁰⁷ См.: Loeber. Consequences of the Molotov-Ribbentrop Pact Continuing into Our Days: International Legal Aspects, in: Latvia in WW II. Materials of an International Conference, 14–15 June 1999, Riga, pp. 67–76 at 75.

⁶⁰⁸ R. Müllerson. Ordering Anarchy. International Law in International Society. The Hague: Nijhoff, 2000, p. 51.

⁶⁰⁹ J. Touscoz. Le principe d'effectivité dans l'ordre international. 1964, p. 180.

колдунам примитивных эпох, они стремились изгнать социальное зло неумолимым повторением магических формул⁶¹⁰. В вышеприведенном анализе было продемонстрировано, что “магическая правовая формула” “государственного континуитета” на практике смешивалась и переплеталась с политическими соображениями и силовыми отношениями. Принцип *ex injuria ius non oritur* уравнивался противоположным принципом *ex factis oritur ius*, причем на условиях, устанавливаемых политикой (силы).

⁶¹⁰ Н. Morgenthau. Positivism, Functionalism and International Law // 34 AJIL 1940, p. 260.

ГЛАВА 6. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТИНУИТЕТ В СЛУЧАЯХ ДЛИТЕЛЬНОЙ НЕЗАКОННОЙ АННЕКСИИ: СТАТУС И/ИЛИ ПРАВА?

1. Введение

Проведенный в предыдущей главе анализ практики государств возвращает нас к фундаментальной проблеме: что должен означать или подразумевать государственный “континуитет” как правовая концепция, в особенности в ситуации, когда государственность была прервана де-факто на такой длительный срок, как в ситуации со странами Балтии? Если политический аспект играет столь значительную роль, как это было показано, то каким образом в правовой доктрине следует интерпретировать противоречие между статусом и правами? Имеет ли абстрактный правовой статус непосредственные нормативные следствия, как предполагалось Кристиной Марек и другими учеными, или же нет? Следует ли вообще придавать отдельное значение абстрактному правовому статусу или же юристам-международникам следует сосредоточить свое внимание исключительно на конкретных правах и обязанностях?

Представляется, что суть проблемы состоит в том, следует ли — и если да, то каким образом — интегрировать политические аспекты международных отношений в международно-правовую доктрину с тем, чтобы международное право, с одной стороны, не приобрело бы несущественный характер (излишнюю “утопичность”) и, с другой стороны, не утратило бы своей автономии в отношении политики силы. Какую интеллектуальную позицию в отношении политики следует занять ученому в области международного права?⁶¹¹ До какой степени

⁶¹¹ Некоторые классические исследования см. в: W. Wengler. *Der Begriff des Politischen im internationalen Recht*. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1956; F.A. Boyle. *World Politics and International Law*. Durham: Duke University Press, 1985.

правовой доктрине следует “примириться” с колебаниями в поведении государств, часто вызываемыми политикой силы, как с “обычными” явлениями? В то время как ученые, представляющие основное направление в науке международного права, были склонны игнорировать данную проблему в принципе, в альтернативных научных школах появлялись все более оригинальные, провокативные и дискуссионные ее решения. Ниже мы обсуждаем то, каким образом конфликт между международно-правовой теорией и практикой на примере стран Балтии рассматривался в литературе.

Любое обсуждение юристом границы между политикой и правом должно начинаться с наиболее трудной из этих теорий, а именно с неправовой (и иногда антиправовой) научной школы, которая откровенно отрицает за международным правом и правовым анализом независимую ценность в понимании международных отношений (“реализма”). После обсуждения воззрений реализма мы обратимся к некоторым объяснениям, предоставляемым в рамках нью-хэйвенского подхода и к ученым нового направления. Обе научные школы относительно молоды и в среде ученых в области международного права наиболее подробно занимались проблемой взаимосвязи между правом и политикой в международных отношениях. В этой связи отметим, что Мартти Коскенниemi, ведущий ученый нового направления, на основе случая стран Балтии выработал новую интерпретацию концепции “государственного континуитета”.

2. Критика международного права с позиций реализма

Как в “классической”, так и в “структуралистской” интерпретации реализма сама идея международного права изначально утопична. Лишенная централизованной власти, сравнимой с внутригосударственными правовыми системами, состоящая из государств международная система должна характеризоваться как анархичная. Никакие “легалистско-моралистские” попытки (Джордж Кеннан) не могут устранить значение того факта, что сила остается наиболее существенным фактором международной политики. Реализм представляет собой теорию, утверждающую превалирующее значение политики силы и, следовательно, рассматривающую международное право как относительно маловажный аспект международных отношений. Появившийся на волне крушения

иллюзий, вызванного Второй мировой войной⁶¹², реализм, вероятно, по-прежнему остается наиболее влиятельным, даже архетипичным объяснением мировой политики в дисциплине международных отношений.

Нетрудно понять причины, по которым ученые в области международного права в основном отрицательно относились к реализму. Реалисты и позитивистские юристы-международники говорят отчасти об одном и том же феномене, но при этом представляется, что они редко говорят *друг с другом*. Тем не менее, позитивистская доктрина международного права и подход реализма к международным отношениям разделяют намного больше общих допущений, чем признавалось ранее — например, концентрируя внимание на государствах⁶¹³.

Реалисты утверждают, что если международное право стремится играть роль в международных отношениях, то ему не остается ничего иного, как признать, прямо или косвенно, что международные отношения это — отношения силы. Как указывал Хедли Буль, международное право должно следовать за властью и силой:

“(...) вопреки множеству поверхностных рассуждений об этом предмете, неверно полагать, что имеющаяся в международном праве тенденция приспособливаться к политике силы представляет собой всего лишь достойный сожаления, но устранимый недостаток, который вполне может быть исправлен высококвалифицированной работой какого-нибудь возвышенно настроенного профессора международного права или находчивым докладом Комиссии международного права. Есть все основания полагать, что данная особенность международного права, привносящая в него разногласие с основами правосудия, имеет существенно важное значение для его функционирования и что, если бы международное право утратило эту особенность, оно утратило бы и всякий контакт с международной реальностью с точки зрения обладания в последней каким-либо значением”⁶¹⁴.

⁶¹² См., например: M. Koskenniemi. Carl Schmitt, Hans Morgenthau, and the Image of Law in International Relations and International Law, pp. 17–34, in: M. Byers (ed.). *The Role of Law in International Politics. Essays in International Relations and International Law*. Oxford University Press, 2000.

⁶¹³ See A.-M. Slaughter. *International Law and International Relations* // 285 RCADI 2000, p. 9 at 33 et seq. Cp. c: S.V. Scott. *International Law as Ideology: Theorizing the Relationship between International Law and International Politics* // 5 EJIL 1994, pp. 313–325 и F.R. Teson. *Realism and Kantianism in International Law* // 86 ASIL Proc. 1992, pp. 113–118 at 113.

⁶¹⁴ H. Bull. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. 2nd ed., 1995, pp 88–89.

Таким образом, использование в балтийском случае релевантных международно-правовых концепций отражает для реалистов меняющиеся отношения силы. Торжественное непризнание аннексии (доктрина Стимсона) должно уступить в ситуации, когда баланс сил (Ялта) диктует принятие новой совокупности фактов. Хедли Буль подчеркивал первичность института баланса сил для международного порядка:

“Это институт, который идет вразрез с обыденными понятиями правосудия (...), жертвуя интересами малых государств, которые могут быть поглощены или поделены в интересах баланса. (...) С точки зрения малого государства, принесенного в жертву балансу сил, этот институт должен представляться жестоким принципом. Но его функция по сохранению международного порядка не утрачивает по этой причине своего центрального значения”⁶¹⁵.

В 1991 году Россия не обладала силой, достаточной для предотвращения отделения прибалтийских республик. В то же время страны Балтии не имели достаточно силы для того, чтобы заставить Россию принять “их” доктрину восстановления государственности, поддержанную западными странами. Интерес последних в поддержке правоприязаний на континуитет был весьма ограниченным и снизился после того, как независимость стран Балтии была восстановлена, а взаимодействие этих стран с Россией в отношении их правового статуса приобрело недружественный характер.

Согласно аргументации реалистов, доктрина “континуитета” стран Балтии является по своей сути, как и все доктрины, политической и идеологической. Такие концепции как государственный континуитет/идентичность правосубъектности и связанные с ними споры о правах государств могут рассматриваться как политические инструменты, служащие достижению определенных целей в контексте *Realpolitik*. “Континуитет” существует де-факто только в той мере, в какой он может быть гарантирован силой. Реализм — это простая, но, тем не менее, веская доктрина, которая часто использовалась для объяснения результата(-ов) в деле о правовом статусе стран Балтии.

Большинство теоретиков реализма родом из (бывших) супердержав. Этот факт демонстрирует, что формулировки реализма традиционно оставались доктриной сильнейшего. Напротив, лидеры малых государств редко признаются в том, что они рассматривают межгосу-

⁶¹⁵ H. Bull. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. 2nd ed., 1995, pp. 87–88 and 103–104.

дарственные отношения с перспективы классического реализма. Тем не менее, бывший министр иностранных дел Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес высказывает, по-видимому, разочарование испытавшего крах иллюзий идеалиста, когда он признает принятие *Realpolitik* в духе Гоббса и Макиавелли⁶¹⁶, *mutatis mutandis* адаптированной к нуждам малых государств:

“Те [восточно-европейские государства], которые в своей внешней политике следовали принципу “встань и потребуй справедливости”⁶¹⁷, узнали печальную истину, что “право” между государствами применяется очень мало или не применяется вообще. Право и правосудие иногда можно встретить среди устоявшихся и временами хорошо функционирующих внутригосударственных судебных систем, но его нельзя встретить между государствами. Мы можем подойти к этому почти математически. Если фон Клаузевиц сказал, что война есть лишь продолжение политики иными средствами, то межгосударственная политика это состояние войны без убийства. Действуют те же правила; цели достигаются теми, кто сильнее. Среди менее крупных и более слабых государств побеждают только те, кто действуют наиболее благоразумно или расчетливо. Но в нашем регионе политика не имеет ничего общего с правом (...) *Quod licet Iovi, non licet bovi*⁶¹⁸. К сожалению, в этом мире требование справедливости не приносит результатов”⁶¹⁹.

Представляется, что за данным высказыванием стоит следующий психологический фон: в обстановке эйфории, наступившей после 1990–91 гг., новые внешнеполитические элиты стран Балтии *слишком* сильно верили в то, что “правая”, с точки зрения международного права, позиция гарантирует “правильные” результаты в практике

⁶¹⁶ Макиавелли доказывал, что Государь непременно должен нарушать данные им обещания, если хочет добиваться успеха. Поскольку малые государства не обладают для этого достаточной силой (а не потому, что они более “моральны” по своей природе), макиавеллизм для малых государств означал бы убеждение в том, что крупные государства склонны поступать таким образом. См.: N. Machiavelli. Il principe, Chapter 18 (цит. по немецкому изданию Parkland: Köln, 2000.)

⁶¹⁷ “Встань и потребуй справедливости” представляет из себя аллюзию на патриотическую эстонскую песню.

⁶¹⁸ Что позволено Юпитеру, то не позволено быку (*лат.*) — прим. пер.

⁶¹⁹ T. H. Ilves. Eesti välispoliitika minevik, olevik ja tulevik. Aulaloeng 30. aprillil 1998 (Прошлое, настоящее и будущее внешней политики Эстонии. Лекция в актовом зале Тартуского университета). Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1998, p. 5 et seq.

государств⁶²⁰. Тем не менее, в позиции стран Балтии бросается в глаза одно противоречие, а именно то, что они редко критиковали слабость международного права, когда концепции последнего эффективно служили их государственным интересам.

Но остается вызов позиций реализма цельности международно-правовой перспективы. Аргументы в духе реализма использовались для объяснения причин, по которым Литва не может добиться успешной реализации своих компенсационных требований. Российский аналитик Аркадий Мошес напоминает нам о некоторых существенных реалиях политической силы:

“Не стоит и говорить о том, что подобные притязания [Литвы] нереалистичны. Любые переговоры по данному вопросу потребовали бы от Москвы признания факта оккупации, что абсолютно невозможно по ряду причин. (...) Единственный результат, который может принести данный закон, это повторное открытие эмоциональных и, преимущественно проходящих в обоюдном недружественном тоне, дебатов, имевших место в начале 1990-х годов по темам, касающимся общих вопросов интерпретации советского периода в истории Литвы и вплоть до весьма специфических случаев, связанных с правами собственности (к примеру, на здания посольств в Париже и Риме)”⁶²¹.

Далее Аркадий Мошес продолжает анализ компенсационных требований Литвы, не уделяя при этом никакого внимания (как заметят специалисты по международному праву) таким правовым концепциям как “международно-противоправное деяние”, “атрибуция”, “обстоятельства, устраняющие противоправный характер”, “промежуток времени” и т.д.:

“В распоряжении Литвы есть лишь очень скромные средства для оказания давления на Россию (исключая сферу тарифов за транзит, но в последнем случае ответные российские меры, вероятно, нанесли бы больший вред экономике Литвы, чем возможный ущерб России). Кроме того, прецеденты территориальных претензий, выдвинутых Россией Эстонией и Латвией, вполне продемонстрировали тщетность таких действий: обе страны были вынуждены снять свои требования. Далее,

⁶²⁰ Президент Эстонии Леннарт Мери, отвечая в интервью на просьбу прокомментировать успешные ядерные испытания, проведенные Индией и Пакистаном, заявил в 1998 году, что “ядерная бомба малых государств — это международное право”.

⁶²¹ A. Moishes. *Russia-Lithuania: Preserving Interaction*, p. 83.

вовлечение в подобный спор с Россией, если он получит широкое освещение, едва ли будет содействовать процессу присоединения Литвы к европейским институтам. (...) В то же время, если Вильнюс на самом деле попытается сделать этот вопрос предметом переговоров, как этого требует закон, негативный резонанс в России и, следовательно, ухудшение двусторонних отношений станет неизбежным”⁶²².

*Nihil nove sub sole*⁶²³ — уже Фукидид, которого реалисты считают своим предшественником, приписывает афинянам следующие, сказанные мелийцам, слова:

“(...) и вам, и нам в равной степени известно, что к обсуждению человеческих дел вопрос справедливости привлекается в тех случаях, когда есть равная сила принудить к ней, и что сильные получают то, что могут получить, а слабые отдают то, что должны отдать”⁶²⁴.

Схожие аргументы, использующие аспект силы, выдвигались и по вопросу о границах. В данном вопросе реалисты стали бы доказывать, что правовые аргументы не решают окончательного исхода спора между Россией и странами Балтии. Реалисты привели бы тот довод, что история территориальных споров с участием России, в особенности затянувшийся спор о Курильских островах с Японией⁶²⁵, свидетельствует о том, что у притязаний стран Балтии с самого начала практически отсутствовали шансы на успех. Правовые аргументы не имели существенного значения, не в последнюю очередь и из-за того, что Россия отвергла инициативы Эстонии и Латвии по передаче вопроса о границах на рассмотрение Международного суда. И здесь мы

⁶²² Moshes. *Russia-Lithuania: Preserving Interaction* // *Lithuanian For. Pol. Rev.* 2000 No. 2(6), pp. 83–4.

⁶²³ Букв. “ничто не ново под солнцем” (*лат.*) — прим. пер.

⁶²⁴ Ответ афинян милейцам, 416 год до н.э., цит. по: Thucydides. *The History of the Peloponnesian War*. Translated by Benjamin Jowett, 1st ed., London: Oxford University Press, 1881, p. 167.

⁶²⁵ См., например: G. Ginsburgs. *The Territorial Question between the USSR and Japan. The Soviet Case and a Western Aperçu*, in: 15 *Korea and World Affairs* 1991, pp. 259–278, V.V. Ermoshin. *The Right of Russia in respect to Souther Sakhalin and Kuril Islands* // *Russian YBIL* 1993–1994, pp. 173–195 and V.V. Ermoshin. *On the Russian-Japanese Controversy Over the Status Quo of Southern Sakhalin and the Kurile Islands* // 1 *Moscow JIL* 1995, No. 4, pp. 63–74. Дипломатическую историю см. также в: W. Mendl. *Japan and the Soviet Union: Towards a Deal?* 47 *World Today* 1991 (November), p. 196 et seq.

вновь сталкиваемся со сферой политики, устанавливающей ограничения на международное право и поддерживающей перспективу реализма:

“В международном праве не все споры могут быть рассмотрены в суде, поскольку никакой суд не компетентен до тех пор, пока спорящие стороны не согласятся предоставить ему юрисдикцию и не признают его решение как обязательное к исполнению (...) Не существует правового принципа, позволяющего установить, что тот или иной вопрос должен разрешаться правовыми методами”⁶²⁶.

Ученым в области международного права нелегко опровергнуть убедительность представленной реализмом трактовки пограничного спора между Россией и странами Балтии. В таких случаях классически привлекается апологетическая аргументация. Малкольм Шоу выдвигает следующее предположение:

“... вполне вероятно, что соображения международного мира и безопасности и территориальной стабильности диктуют принятие границ 1991 года как существующих международных границ”⁶²⁷.

Тем не менее, “соображения международного мира и безопасности и территориальной стабильности ... диктующие принятие определенных решений” указывают на политический аспект процесса принятия международных решений и едва ли могут рассматриваться как *правовой стандарт*.

Справедливости ради следует отметить, что в вопросе о границах также существовали и легитимные аргументы в пользу сохранения статус-кво. Среди таких политических соображений следует указать на психологический шок и расстройство, испытывавшееся значительной частью населения Российской Федерации в связи с распадом СССР,

⁶²⁶ E.H. Carr. Op. cit., p. 194 and 199.

⁶²⁷ Shaw. Op. cit., p. 132. Шоу убедительно высказывается в пользу применения принципа *uti possidetis*: “Основная задача принципа *uti possidetis* (...) состояла в том, чтобы минимизировать угрозы миру и безопасности, будь то внутренние, региональные или международные угрозы. (...) То же стремление отражается в факте признания принципа вне рамок чисто колониального контекста, где очевидны те же опасности, возникающие при распаде существующих государств. (...) Очевидно, что *uti possidetis* регулирует колониальные ситуации; то, что он распространяется на все случаи перехода к независимости, также стало, по мнению многих, ясным”. См.: M.N. Shaw. Peoples, Territory... (1997), p. 503.

которые могли бы оказаться еще более сильными, если бы Российскую Федерацию “вынудили” уступить определенные территории, находящиеся под ее административным управлением. Это могло привести к непредсказуемым последствиям и вызвать дальнейшую дестабилизацию в регионе. И что наиболее важно — соображения “международного мира и безопасности и территориальной стабильности” (Шоу) означали наличие общего *политического* консенсуса, согласно которому открытие старых территориальных споров в Европе было бы равносильно открытию ящика Пандоры, из которого появились бы взаимные требования, вероятно способные дестабилизировать территориальную целостность. В этом смысле, насколько бы не были обоснованными территориальные претензии Эстонии и Латвии, они с необходимостью рассматривались в общем контексте международной политики, создавшемся после окончания “холодной войны”. Даже в контексте собственно стран Балтии, призыв к восстановлению границ, имевшихся перед Второй мировой войной, мог бы быть использован Польшей для поднятия вопроса о территории литовской столицы Вильнюса, а Германия или Россия могли бы в том же контексте поднять вопрос о Клайпеде (Мемеле)⁶²⁸.

В пользу сохранения статус-кво говорило и еще одно обстоятельство: тот факт, что большинство населения спорных территорий составляли этнические русские, которые, в случае референдума, вероятно не проголосовали бы за (вос)соединение с Эстонией или Латвией. Таким образом, правовой аргумент о праве народов на самоопределение мог быть использован для “нейтрализации” правопритязаний Эстонии и Латвии на восстановление границ с Россией, установленных по мирным договорам 1920 года⁶²⁹. При урегулировании территориальных споров должны приниматься во внимание интересы населения соответствующих территорий⁶³⁰. В то же время, тот же самый аргумент о праве на самоопределение русскоговорящего населения не имел бы сравнимого легитимирующего веса в пределах границ Эстонии и Латвии, например, не мог бы легитимировать требование

⁶²⁸ См. также: J. Salmon. Pays baltes // 24 RBDI 1991, p. 267.

⁶²⁹ См., впрочем, обсуждение современных пределов права народов на самоопределение в применении к пограничным проблемам в: Shaw. Peoples, Territorialism and Boundaries (1997), p. 503 et seq.

⁶³⁰ Подробнее о воздействии населения на принцип *quieta non movere* (не менять сложившегося (*лат.*) — прим. пер.) см. в: G. Zimmer. Op. cit., p. 205 et seq.

об отделении от Эстонии или Латвии⁶³¹. Какие бы сильные колебания не испытывало международное сообщество по поводу идеи изменения существующих административных границ между странами Балтии и Россией, идея об изменении границ стран Балтии по этническому принципу нашла бы еще меньшую поддержку, поскольку взрывоопасный смысл этого прецедента мог бы поднять вопросы о границах многих государств мира.

Пытаясь объяснить взаимодействие между правом и политикой, в особенности в территориальных вопросах, ученые в области международных отношений иногда использовали концепцию “мирных изменений”. Можно задаться вопросом о том, не следует ли при помощи данного термина анализировать и воспринимать трансформацию границ между Россией и странами Балтии и уступки, на которые пошли правительства Эстонии и Латвии⁶³². Вильгельм Греве, один из ученых в области международного права, определял мирные изменения как процедуру изменения статус-кво без применения силы⁶³³. Достижение перемен по соглашению отличает мирные изменения от двух других способов, которые могут приводить к изменениям в “мировой системе, управляемой политикой силы” (Греве): *fait accompli* или война⁶³⁴. Профессор Греве отмечает:

“Метод *fait accompli* тесно связан с угрозой или фактическим применением силы, исключая только формальное объявление войны. По своей сути он сводится к тому, чтобы поставить другие заинтересованные стороны перед свершившимся фактом в надежде, что они не смогут или не захотят прибегнуть к силе для изменения этой новой действительности. Этот метод явно несовместим с мирными изменениями (...) Если недовольная сторона прибегнет к односторонним действиям, то ситуация превращается в международный спор, а процедура мирных изменений становится процедурой для мирного разрешения данного спора”⁶³⁵.

⁶³¹ Ср. с ситуацией в Молдове, где русское население создало собственную политическую единицу — республику Приднестровье, которая, впрочем, не была признана международным сообществом в качестве государства.

⁶³² Трактовку международно-правовых аспектов мирных изменений см. в: D. Murawiek. *Peaceful Change. Ein Völkerrechtsprinzip?* Köln, 1998. Анализ с перспективы международных отношений см. в: А.М. Касович. *Peaceful Territorial Change*. University of South Carolina Press, 1994.

⁶³³ W. Grewe. *Peaceful Change*, in: EPIL III (1997), p. 965. См. также: Murawiek, p. 15.

⁶³⁴ W. Grewe. *Ibid.*, at 967.

⁶³⁵ W. Grewe. *Ibid.*, p. 967.

В балтийском случае именно последняя процедура (мирного разрешения споров) использовалась на российско-эстонских и российско-латвийских переговорах о границе с 1991 года и в дальнейшем. Одностороннее изменение границ Советским Союзом можно квалифицировать как *fait accompli*, а не как результат мирных изменений. Следовательно, переговоры следует рассматривать как процедуру мирного разрешения спора, а не как мирные изменения⁶³⁶. Тем не менее, на этих переговорах Эстония и Латвия политически (хотя юридически обязательный договор с Россией пока не заключен) согласились с территориальным статус-кво и, тем самым, окончательно легализовали советский *fait accompli*. Соответственно, в контексте границ между Россией и странами Балтии можно говорить о примере того, как факты создают право — *ex factis oritur ius*.

Э. Х. Карр, один из основателей классического реализма, предположил, что “любое решение проблемы политического изменения, будь то национальной или международной, должно основываться на компромиссе между моралью и силой”⁶³⁷. Нельзя отрицать, что правовые и политические решения, возникшие в процессе восстановления стран Балтии, который *был* процессом политических изменений, включали в себя как аспекты морали, так и силы.

Политические изменения — это реальность, с которой иногда приходится мириться намного более могущественным государствам, чем страны Балтии. ФРГ на протяжении многих лет рассматривала ампутацию ее территории по линии Одер-Нейсе как неправомерную, поскольку — *pacta tertiis nec nocent nec prosunt*⁶³⁸ — она никогда не давала согласия на подобную передачу территории германского рейха. Тем не менее, во время процесса объединения в 1990 году Германия предоставила (или была вынуждена предоставить) окончательное

⁶³⁶ В целом по вопросам территориальных споров и изменений см.: N. Hill. Claims to Territory in International Law and Relations. Oxford University Press: London, 1945; Б. Клименко. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. Москва: Международные Отношения, 1974, с. 125 и последующие; S.P. Sharma. Territorial Acquisition, Disputes and International Law. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1997.

⁶³⁷ E.H. Carr. The Twenty Years Crisis. An Introduction to the Study of International Relations. Macmillan: London, second ed., 1946, p. 209.

⁶³⁸ Договоры не создают прав и обязательств для третьих государств без их согласия (*лат.*) — прим. пер.

согласие со статус-кво⁶³⁹. Неофициально утверждалось, что Германия “заплатила” за объединение частью своей территории. Можно, разумеется, говорить о том, что Германия как государство-агрессор во Второй мировой войне должна была принять определенные негативные последствия войны, развязанной ее руководством, в то время как страны Балтии стали жертвами агрессии. Тем не менее, определенные территориальные изменения в контексте Второй мировой войны, например, последовавшие за войной между СССР и Финляндией, *были* проведены и признаны как следствие агрессии⁶⁴⁰.

Для специалистов в области международного права остается следующий вопрос: насколько большую долю “реализма” должна включать в себя доктрина международного права? В каких случаях согласие с допущениями и соображениями “реализма” означает отмену (автономии) международного права (“сливание грязной воды вместе с ребенком”), а в каких просто выражает здравый смысл?⁶⁴¹

⁶³⁹ Обсуждение и различные позиции см. в: С. Tomuschat. Die staatliche Einheit Deutschlands: staats- und völkerrechtliche Aspekte. Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung, 1990, p. 25 and D. Blumenwitz. What is Germany?..., 1989, p. 69–70. См. также: Н. Bethge. Das Staatsgebiet des wiedervereinigten Deutschlands, in: Josef Isensee, Paul Kirchhof (eds.). Handbuch des Staatsrechts. Band VIII, Heidelberg, 1995, pp. 603–620.

⁶⁴⁰ Об этом см. также: “ex factis ius oritur”—“ex injuria ius non oritur”, in: D. Blumenwitz and B. Meissner (eds.). Staatliche und nationale Einheit Deutschlands—ihre Effektivität. Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1984, pp. 43–56 at 48.

⁶⁴¹ Одна противоречивая попытка включить утверждения реализма в правовую дискуссию была предпринята в: A. Carry. The Decay of International Law? A Reappraisal of the Limits of Legal Imagination in International Affairs. Manchester UP, 1986. Кэрри подвергает критике то, что “юрист-международник полагается на эксплицитный, обычный запрет на применение силы с 1920-х гг. как на доказательство завершенности его правовой системы. (...) Единственная возможность двигаться вперед — это соглашение между государствами о переменах в статус-кво. Но основной недостаток правовой теории заключается в том, что государства определяют угрозы, с которыми они сталкиваются, не с точки зрения своих территориальных границ, а в свете своих представлений о себе как о государствах. (...) Организованные на идеологической основе государства чувствуют со стороны других государств острую угрозу (...)”. См.: pp. 7–8. В то же время, взятые из реализма послышки заставляют этого автора прийти к заключению, что “... для доктрины необходимо принять для себя субъективную, личностную и относительную роль, в которой ее авторитет будет определяться качеством ее аргументов, а не псевдообъективным профессионализмом. Тогда специалист в области

И наоборот: в каких случаях недопонимание учеными-юристами реальных политических обстоятельств приводит к ситуации, которую мы можем назвать политическим романтизмом? Вильгельм Греве, один из немецких юристов-международников, высказал точку зрения, очень тесно соприкасающуюся с “реализмом”:

“... в целом, у малого государства отсутствуют возможности добиться осуществления своих законных прав в отношении крупной державы. Крупным державам нетрудно найти средства, возможности и аргументы, при помощи которых отрицаются надоедливые правовые притязания малых государств. Они не допускают ни юридически обязательного разрешения спора в судебном порядке, ни принудительного исполнения решения”⁶⁴².

Также представляется, что соображения в духе реализма предостерегают от создания “фиктивных государств” в международном праве. Гаэтано Аранджио-Руиз, придерживавшийся в вопросах ответственности государств позиций идеализма, выступил против нормативистских воззрений Кристины Марек и с трезвым реализмом отнесся к созданию “фиктивных” государств. В ином случае международно-правовая доктрина только создала бы себе трудности:

“Международное право не в состоянии создать субъект там, где его нет. Для реализации такой цели международное право должно было бы иметь возможность “контролировать” отношения между субъектами. Мы установили, что это не так. Нет смысла и практической пользы в поддержании жизни исчезнувшего субъекта по сравнению с данной идеей во внутреннем праве. У международных норм, которые бы следовали тем же целям, не было бы ни исполнителей, ни бенефициариев⁶⁴³. Весьма вероятно, что правоведы из Албании или Эфиопии не согласились бы с профессором Аранджио-Руизом в вопросе о том, есть у такой нормы “бенефициарии” или нет; тем не менее, отсутствие “исполнителей” это реальная проблема, которую международно-правовая доктрина должна принять в расчет. Следо-

международного права может гордиться тем, что способен предоставить литературу активным членам международного сообщества. В Оксфордском словаре английского языка литература определяется как “произведения, ценимые за красоту или форму”. Смогут ли юристы-международники занять место в более приличной компании?” См.: p. 131.

⁶⁴² W.G. Grewe. Außenpolitik und Völkerrecht in der Praxis, in: 36 ADV 1998, p. 3.

⁶⁴³ G. Arangio-Ruiz. L'Etat dans le sens..., 1975, p. 307.

вательно, с правовой точки зрения представляется разумным согласиться с тем, что сила играет роль в применении международно-правовых норм, поскольку, по словам Вольфганга Фридманна, существует “биполярность политики, возникающая из вечного конфликта между “совестью и силой”; между “этическими и принудительными факторами””⁶⁴⁴.

Но следует ли включить в международно-правовую доктрину биполярность силы и нормативности в случае “государственного континуитета”? Далее мы коротко обсудим позиции в рамках двух направлений юридической мысли, которые в наибольшей степени интегрировали в свой правовой анализ политические аспекты.

3. Нью-хэйвенский подход и новое направление: политика в международном праве

Правоведы до сих пор полностью не залечили раны, нанесенные им реализмом. Многие ученые отошли от позитивизма и предложили новые способы осмысления международного права. Но эти новые способы зачастую оказывались в не меньшей мере спорными, чем позитивизм. Нью-хэйвенская школа, возглавляемая Майрсом МакДугалом и Харольдом Лассвелом, выдвинула свое субъективное видение и ценности в виде международного права как “авторитетного и осуществляющего контроль процесса принятия решений”. Международное право не состоит из “объективных” норм; оно должно использовать и *включать в себя* политику (неудивительно, что политика предпочитается сторонниками Нью-хэйвенской школы, а также, зачастую, и правительством США). Тем самым, подход Нью-хэйвенской школы к международному праву полностью позволяет оценить все результаты балтийского случая как “правовые”. “Человеческое достоинство”, являющееся, согласно Нью-хэйвенской школе, конечной целью международно-правового процесса, представляет собой не менее проблематичное и пригодное для манипуляций понятие, чем концепции строгого позитивизма. Несмотря на определенное влияние и интеллектуальный интерес Нью-хэйвенского подхода к междуна-

⁶⁴⁴ W. Friedmann. The Changing Structure of International Law. London: Stevens & Sons, 1964, p. 50.

родному праву, он не был признан удовлетворительным большинством ученых, по крайней мере, за пределами США⁶⁴⁵.

С точки зрения ученых постмодернистского движения Критических исследований права (“новое направление”), международное право является политикой; особой профессиональной культурой и языком, используемыми для реализации международной политики. Благодаря такому радикальному отождествлению международного права и политики ученые “нового направления”, разумеется, разошлись во мнениях с позитивистами, которые предполагают разделение права и политики, по крайней мере, на уровне своей научной программы. Мартти Коскенниemi подверг критике точку зрения, согласно которой “международное право представляет собой неполитический способ решения международных споров”⁶⁴⁶. В своей программной статье Коскенниemi доказывал, что “унаследованный нами идеал Мирового Порядка, основанного на Принципе Господства Права, способен лишь отчасти скрыть под собой тот факт, что социальный конфликт все еще должен разрешаться политическими средствами и даже если юристами-международниками может использоваться общая юридическая риторика, она должна (...) опираться на оспариваемые по своей сути — политические — принципы для того, чтобы оправдать те или иные результаты международных конфликтов”⁶⁴⁷.

Один из признанных методов “нового направления”, также используемый и для демонстрации политической природы права, это “деконструкция” существующих правовых и интеллектуальных понятий. Французский философ Жак Деррида, один из создателей “постмодернистского” метода деконструкции, утверждал, что сущностно важно “... признать, что в классическом философском противопоставлении мы сталкиваемся не с мирным сосуществованием, а с насильственной иерархией. Из двух терминов один всегда управляет другим (аксиологически, логически и т.д.) или имеет над ним превосходство. Деконструировать противопоставление означает, в первую очередь, низвергнуть иерархию в данный момент времени. Обойти

⁶⁴⁵ Недавнюю оценку см. в: S. Voos. Die Schule von New Haven: Darstellung und Kritik einer amerikanischen Völkerrechtslehre. Berlin: Duncker & Humblot, 2000.

⁶⁴⁶ M. Koskenniemi. From Apology to Utopia..., p. 50.

⁶⁴⁷ M. Koskenniemi. The Politics of International Law // I EJIL 1990, p. 7.

вниманием фазу ниспровержения означает забыть о конфликтной и подчинительной структуре противопоставления”⁶⁴⁸.

Правопреемство и континуитет государств должны быть практически идеальными концепциями для метода деконструкции: трудно отрицать существенный элемент неопределенности в обеих концепциях, а также и в том, как они применяются на практике. Мартти Коскенниemi деконструировал понятия правопреемства, континуитета и идентичности правосубъектности государства и утверждал, что концептуальное различие между “идентичностью правосубъектности/континуитетом” и “правопреемством” носит искусственный характер:

“В этом случае предполагается, что статус первичен по отношению к правовым отношениям, которые ему соответствуют. В то же время спорно, что они могут быть отделены друг от друга каким-либо представляющим смысл способом. (...) представляется, что континуитет или прерывание абстрактной государственности сами по себе намного менее важны для определения прав и обязанностей различных участников нормативной проблемы, чем совокупность существенных аспектов релевантного права. Действительно, статус и право сейчас поменялись местами: статус сводится к совокупности прав и обязанностей, закрепленных за субъектом доминирующим правовым строем. (...) С этой точки зрения, говорить об “идентичности” или “отличии” субъекта означает использовать сокращенное обозначение проблемы сохранения за определенными нормами юридической силы (в темпоральных, личностных или географических терминах) в изменившейся политической ситуации, в которой данная проблема возникла”⁶⁴⁹.

По мнению профессора Коскенниemi, абстрактный статус не представляет собой удобных для анализа рамок:

“Воззрение, согласно которому статус первичен перед отношениями, рассматривает государственность как автономное качество, которым определенные субъекты обладают *ab initio*, которое первично и независимо от участия этих субъектов в общественной жизни. В рамках такого подхода проецируется ваттелианская внутригосударственная аналогия, которая рассматривает государства как субъекты, отличные от общего понятия субъекта только размерами, а их правовые отношения как вытекающие из их государственности. (...) представление об

⁶⁴⁸ J. Derrida. *Positions*, Alan Bass trans., Chicago: University of Chicago Press, 1972, p. 41.

⁶⁴⁹ M. Koskenniemi. *The Present State of Research*. Hague Academy, 1996, p. 154.

“идентичности правосубъектности” государств как о неких данных и изначально существующих общественных отношениях видится весьма уязвимым примером политической метафизики. В нем также не уделяется достаточно внимания степени, в которой “государственность” субъекта конструируется в процессе коммуникативного взаимодействия между субъектом и внешним миром, а также той степени, в которой разговоры об идентичности правосубъектности исходят из воззрений о *правильных принципах* общественной политики. (...) Такой анализ избегает антропоморфизма, заложенного в сформулированном в материальных терминах представлении о статусе как о неотчуждаемой “душе” государства. Он прямо обращается к важному с точки зрения юристов вопросу о континуитете или прерывности в юридических правах и обязательствах, существовавших до изменений”⁶⁵⁰.

Данная критика достигает успеха в указании на “уязвимые места” в доминирующей доктрине правового статуса. Тем не менее, предположение профессора Коскенниemi о том, что права *есть* статус и что “статуса как такового” не существует, также не лишено слабых мест. При принятии решения по существенному вопросу, т.е. о судьбе юридических прав и обязательств, существовавших до изменения(-ий), только в рамках разговора о статусе можно определить, *какие* изменения и, следовательно, *какие* юридические права и обязательства следует принять в расчет. Говоря о континуитете юридических прав и обязанностей в случаях незаконной аннексии (или отрицая незаконность аннексии и/или континуитет прав и обязанностей), мы неизбежно высказываем и нашу позицию касательно “статуса”. Как иначе возможно увязать те или иные правопритязания или позиции с конкретным изменением? Если не должно существовать независимого понятия статуса, то как возможно хотя бы установление соответствующих прав и обязанностей, прерывность/континуитет которых решается?

Когда Коскенниemi утверждает, что его интерпретация основывается на теории Марек, то он упускает из виду тот аспект ее аргументации, согласно которому верно не только то, что права это и есть статус, но также и то, что восстановленное государство обладает базовой презумпцией в пользу восстановления своих прав. Один из способов увязать два различных подхода состоит в утверждении, что *презумпция* континуитета юридической силы прав и обязанностей в случаях незаконной аннексии *обозначает* статус. Но профессор

⁶⁵⁰ Koskenniemi. The Present State of Research, p. 156 and 157.

Коскенниemi, по-видимому, доказывает, что только те права, которые будут *фактически* восстановлены в практике, и никакие иные, составляют статус. В свете этого утверждения незаконно аннексированное государство, независимость которого находится в процессе восстановления, попадает в трудную ситуацию: в той или иной форме существует презумпция в пользу континуитета прав и обязанностей, имевшихся до аннексии, но в то же время неспособность восстановить (некоторые) права фактически ставит под сомнение само правопритязание на континуитет. Каким образом “совокупность существенных аспектов релевантного права”, как предположил Коскенниemi, может определить результат в случае обоюдно оспариваемых притязаний, как, к примеру, в вопросе о государственных границах? Прежние права либо будут восстановлены, либо нет. Следует ли оставить решение исключительно на волю политического процесса? По каким причинам будут восстановлены те права, которые “образуют” идентичность правосубъектности? Отсутствие в международном праве каких-либо нормативных указаний для такой ситуации означало бы его несостоятельность.

4. Доктринальный тезис: понятие статуса шире юридических прав и обязанностей

Практика государств на примере стран Балтии свидетельствует о различии между двумя уровнями признания государственного континуитета: статусом и правами. Это представляет собой отход от оснополагающего утверждения профессора Марек о “цене” за продление фикции континуитета статуса во время периода продолжительной аннексии. Германия признала идентичность правосубъектности стран Балтии и балтийских республик, существовавших до Второй мировой войны, но в то же время заявила, что предпочитает не возобновлять действие довоенных договоров с этими странами⁶⁵¹. Следовательно, делает вывод профессор Коскенниemi, в отношении с такими странами отсутствует какая-либо “идентичность правосубъектности” стран Балтии и довоенных балтийских республик.

⁶⁵¹ На подобные позиции встали также Япония, Италия и Китай. Предполагается, что это произошло ввиду фундаментальных политических изменений, происшедших, в том числе, и в этих государствах, а не только в странах Балтии.

В то же время, Германия действительно признала идентичность правосубъектности стран Балтии и довоенных балтийских республик и не признала эти государства на основании “свидетельства о рождении”, выданного в 1991 году. Это обстоятельство демонстрирует, что государства в относящейся к признанию практике учитывали нечто, выходящее за пределы прав и обязательств, и что может быть правильно названо “статусом”. Его символическую природу нельзя и не следует отрицать. Но международное право всегда включало в себя доктринальные элементы, которые удовлетворяли легитимные общественные потребности в символах, например, признание сатисфакции в виде извинения как следствия ответственности государства за международно-противоправные деяния. Признание “статуса” как выходящего за пределы прав и обязанностей выполняет аналогичные функции, по меньшей мере, функцию подтверждения незаконности. Путем признания статуса в случаях восстановления государств после незаконной аннексии признается наиболее существенное право всех государств — право на существование. Выполняющий данную функцию “статус”, будучи описанным как нечто большее, чем конкретные права и обязанности, отнюдь не обязательно является “*tû-tû*” — лишенным какого-либо смысла юридическим понятием, находчивая карикатура на которое принадлежит Элфу Россу⁶⁵². Напротив, “статус” обозначает утверждение и признание провозглашенной правосубъектности или “личности” государств (т.е. их народов, правительств или элит). Нельзя отрицать, что государства действительно выступают и, вероятно, будут выступать в обозримом будущем как “зеркала идентичности” для многих людей, как предположила Бригитта Стерн⁶⁵³.

Признание статуса государства также означает признание континуитета определяющих его элементов, исторического или национального обоснования соответствующего государства. Ваттелианское уподобление государств и индивидуумов могло устареть, но тот факт, что государства по необходимости являются абстракциями, не обязательно должен означать, что между государствами в международном праве и индивидуумами во внутригосударственном праве не может быть определенных сходств с правовой точки зрения, т.к. и те, и другие в соответствующих правовых сферах выступают в качестве основных субъектов права.

⁶⁵² A. Ross. *Tû-tû* // 70 Harvard Law Review 1956/57, pp. 812–825.

⁶⁵³ См.: B. Stern. How to Regulate Globalization?, in: M. Byers (ed.). *The Role of Law in International Politics*. Oxford UP, 2000, pp. 247–268 at 268.

Представляется, что задача правовой доктрины состоит, цитируя проведенный Паулой Эскарание анализ понятия самоопределения, в том, чтобы “найти способы избежать как окостенения, отвергая лишние эмоции концепции, так и неопределенности, отвергая принятие политических слоганов”⁶⁵⁴. Эскарание предположила, что в процессе юридической концептуализации “цели, идеалы и мечты слишком дороги для нас, чтобы их можно было отбросить, т.к. подобное отвержение означало бы отрицание наиболее существенного измерения человечности”⁶⁵⁵. Равновесие в доктрине между окостенением и неопределенностью политических слоганов можно обнаружить и в случаях восстановления государств после незаконной аннексии в виде небольшой модификации классической позиции (сформулированной Кристиной Марек). Практика в случаях восстановления государств демонстрирует, что идентичность статуса *как таковая* важна, и ее не следует полностью отождествлять с международными правами и обязанностями. Хотя Мэтью Крэйвен проводит различие между понятиями “правосубъектность” и “идентичность правосубъектности”, он верно предположил, что “идентичность правосубъектности” в основном связана с персональными или исключительными особенностями в природе субъекта⁶⁵⁶. Следовательно, возможна ситуация, когда идентичность правосубъектности государства сохраняется даже в том случае, если не были восстановлены все или даже большая часть его прав и обязанностей. В подобных случаях незаконной аннексии проблема статуса — это проблема “быть или не быть”; проблема прав и обязанностей это лишь вопрос степени и масштаба. Здесь скрыт

⁶⁵⁴ P. Escarameia. Formation of Concepts in International Law. Subsumption under Self-determination in the Case of East Timor. Lissabon, 1993, p. 106.

⁶⁵⁵ P. Escarameia. Ibid., p. 161.

⁶⁵⁶ M.C.R. Craven, The Problem of State Succession and the Identity of States under International Law // 9 EJIL 1998, pp. 142–162 at 160. (“Идентичность” предполагает, что отдельные государства, хотя и являются представителями особого класса социально-правовых субъектов, также обладают определенными особенностями, отличающими их друг от друга”). Похожие взгляды высказывал и Джеймс Лесли Брайерли: “Каждое государство уникально в смысле, отличном от уникальности индивидуума. (...) История и традиции, географическое положение в мире и физическая география территории, экономическое развитие, политические, стратегические, культурные интересы и т.д. — все эти факторы индивидуальны, а не универсальны для каждого государства”. J.L. Briery. The Outlook for International Law. Oxford: Clarendon Press, 1945, p. 41.

несомненный символизм повторного подтверждения идентичности правосубъектности государства, права и обязанности которого изменились.

Все это, разумеется, не означает, что отношение между статусом и правами должно быть полностью отменено в случаях восстановления государства после незаконной аннексии. В противном случае мы действительно столкнулись бы с ситуацией “tû-tû” и “континуитет” восстановленного государства утратил бы всякое значение кроме символического. Признание идентичности правосубъектности государства на абстрактном уровне статуса создает презумпцию в пользу восстановления прежних прав. Тем не менее, чем более длительным и всеобъемлющим впоследствии был период фактического несуществования восстановленного государства, тем большая степень правообразующего действия может быть приписана существующей действительности. Отсюда следует, что, независимо от идентичности статуса, восстановление прав и обязанностей будет предметом пересмотра на дву- и многостороннем уровнях. Таким образом, это обстоятельство представляет собой (зачастую необходимую) уступку принципу *ex factis oritur ius*, когда принимаются в расчет изменения, относящиеся к правам и обязанностям. Восстановление прежних прав не последует автоматически. Тем самым, *restitutio in integrum* останется нормативной инструкцией во время процесса пересмотра, а не абсолютной детерминантой “судьбы” всех прежних прав и обязанностей. Таким образом, отсутствие континуитета некоторых (даже наиболее существенных) прав *a priori* не поставит под сомнение правовой статус восстановленного государства.

Тем не менее, необходимо соблюдать положение, согласно которому осуществившее аннексию государство не может получить выгоды от аннексии. Например, отказ осуществившего аннексию государства признать базовый принцип своей ответственности за международно-противоправные деяния во время незаконной аннексии представлял бы собой нарушение международного права. Это очевидно *a fortiori*⁶⁵⁷ в отношении международных преступлений, совершенных в период незаконной аннексии. Применив это рассуждение к случаю аннексии стран Балтии Советским Союзом: невозможно утверждать, что СССР не нес правовой ответственности за массовые депортации гражданского населения, которые представляли собой преступления против человечества.

⁶⁵⁷ С тем большим основанием (*лат.*) — прим. пер.

Такое различие между статусом и правами позволяет сохранить больше гибкости при рассмотрении особых обстоятельств каждого случая незаконной аннексии. Например, в случае Австрии ее “правовой статус в течение периода между оккупацией нацистской Германией в 1938 году и освобождением войсками союзников в 1945 году” сосуществует с недавно основанным Фондом по общему урегулированию, деятельность которого отражает “обязательство самокритичного изучения национал-социалистического прошлого”⁶⁵⁸. Тем самым государство, незаконно аннексированное во время Второй мировой войны, приняло на себя определенную ответственность за противоправные действия, совершенные в ходе аннексии. Другими словами, правовой статус не полностью тождествен правам и обязанностям.

Ряд ученых в области права, проанализировав пример стран Балтии, предложили разделить уровень статуса и уровень прав в обсуждении идентичности правосубъектности/континуитета этих государств⁶⁵⁹. Страны Балтии могли сохранить свой “континуитет”, но из этого не обязательно следует *restitutio in integrum*. И наоборот, то обстоятельство, что *restitutio in integrum* было проведено с существенными оговорками, не означает, что следует отрицать континуитет. Разумеется, разделив статус и права в анализе идентичности правосубъектности государства, мы вновь окольным путем привносим сюда фикцию. Хотя данная теория предоставляет больше пространства политическому элементу, все же остается опасность, что абстрактные слова в пользу идентичности статуса не будут подкреплены реальным “действием”, т.е. готовностью восстановить вытекающие отсюда правовые отношения. Тем не менее, определенные отклонения от принципа *restitutio in integrum* могут являться необходимой платой за сохранение связи между правом и действительностью. Беглое сравнение с внутригосударственными аспектами континуитета в ситуации со странами Балтии показывает, что подлинное *restitutio in integrum*

⁶⁵⁸ См.: U.S.-Austria: Joint Statement and Exchange of Notes between the United States and Austria concerning the Establishment of the General Settlement Fund for Nazi-Era and World War II Claims, January 2001, 40 ILM 565 (2001), pp. 565–566.

⁶⁵⁹ См., например: M. Lehto. Succession of States in the Former Soviet Union. Arrangements Concerning the Bilateral of Finland and the USSR, in: 4 FYBIL 1993, pp. 194–228 at 208; M.N. Shaw. State Succession Revisited, in: 5 Finnish YBIL 1994, pp. 34–98 at 58 (одно дело выдвигать правоприязнания на идентичность правосубъектности государства, а другое дело “признание последствий такого восстановления”). Т. Annus. Riigiõigus (Constitutional Law). Tallinn: Juura, 2001, p. 23.

стало невозможно и внутри этих государств после столь длительного периода развития в ином направлении.

5. Внутригосударственная аналогия восстановления стран Балтии: отсутствие *restitutio in integrum*

Даже краткий анализ внутренних аспектов восстановления государства показывает, что “пуристское” применение принципа государственного континуитета было невозможно и во внутренней сфере. Точно так же, как было практически невозможно и нерационально отрицать за переселенцами советского периода право остаться в странах Балтии, восстановление существовавших до 1940 года прав собственности не могло произойти без существенных исключений и переходного периода. Несмотря на все торжественные подтверждения принципа “государственного континуитета”, правовые следствия из этого принципа оставались предметом политической борьбы.

Во время парламентских выборов в Эстонии в 1992 году лозунгом предвыборной кампании одной из победивших политических партий⁶⁶⁰ служило заявление “Эстония возвратится” (*Eesti tuleb tagasi*). Этот слоган наглядно подчеркивает страстное желание балтийских народов вернуть то положение вещей, которое существовало до установления навязанного извне советского режима. И все же с самого начала притязание на восстановление среди общественности стран Балтии не было бесспорным. В 1989–91 гг. “сторонники реставрации”, не входившие в местные коммунистические элиты, конкурировали за симпатии электората. Они вели горячие интеллектуальные и политические споры с более умеренными кругами, отстаивавшими принцип “начнем все заново”. Для тех, кто зашел дальше в своем сотрудничестве с советским режимом (и, в действительности, окончательно согласился с ним), было трудно расценить десятилетия этого режима как “оккупацию”, не создав при этом логического противоречия.

Несмотря на успех, который обычно сопутствовал “сторонникам реставрации”, становилось все более очевидно, что после 51 года существования иной реальности, иностранного доминирования и сотрудничества с режимом, страны Балтии не могли “вернуться обрат-

⁶⁶⁰ Партия национальной независимости Эстонии (*Eesti Rahvusliku Sõltumatusse Partei*).

но”, по крайней мере, в том виде, в каком они существовали до оккупации и аннексии в 1940 году.

Балтийские страны избирательно подошли к правовым системам, существовавшим в них до 1940 года, включая и конституционные нормы. Только Латвия вновь ввела в действие свою довоенную Конституцию, Эстония и Литва приняли решение в пользу совершенно новых основных законов (которые основывались на довоенных Конституциях, но были более либеральны в отношении таких ключевых вопросов, как разделение властей, основные права и т.д.)⁶⁶¹. Действие большей части других довоенных законов не могло быть автоматически восстановлено, поскольку они более не соответствовали существующей социальной, политической и экономической действительности. Поэтому восстановленные страны Балтии временно продолжали существовать на основании законов, принятых местными законодательными органами во время советской оккупации, даже если формально данные законы были, разумеется, изменены в каждой из трех республик⁶⁶². По положению на 2002 год некоторые рудиментарные “вкрапления” (бывших) советских законов все еще продолжали действовать, хотя основная часть современных законов была принята в минувшее десятилетие (а не “восстановлена” из правовых систем, существовавших до 1940 года)⁶⁶³.

⁶⁶¹ Анализ на английском языке см. в: С. Taube. *Constitutionalism in Estonia, Latvia and Lithuania. A Study in Comparative Constitutional Law*. Uppsala: Justus Förlag, 2.001, p. 46 et seq.

⁶⁶² Ср. с У. Зихеном, который объясняет рациональное поведение в обстоятельствах такой Annexionsbesetzung. *“Хотя такие меры незаконны, поскольку они нарушают запрет на аннексию в международном праве и вторгаются без законных на то оснований в сферу прав другого государства, с их последствиями примиряются в том виде, что даже после восстановления пострадавшего государства определенные предписания, меры и решения оккупационной власти рассматриваются как юридически действительные. Здесь решающую роль играет убеждение в том, что рассматривать как несуществующие систему управления и реальный расклад сил, фактически установленные правонарушителем на завоеванной территории, было бы нереалистично и практически неосуществимо ...”* pp. 95–96.

⁶⁶³ Ср. с ранее обсуждавшимся случаем Чехословакии. Президентский указ 3 августа 1944 года (ратифицированный в освобожденной Чехословакии 19 декабря 1946 года) объявил все законодательство периода германской оккупации не имеющим юридической силы с той оговоркой, что в течение переходного периода “постановления оккупационного периода могут считаться действующими, если они не противоречат демократическим

Одним из наиболее существенных и в то же время наиболее противоречивых вопросов было восстановление прав собственности, существовавших до 1940 года. Все бывшие коммунистические страны Центральной и Восточной Европы пошли по пути (повторной) приватизации государственной собственности коммунистического периода⁶⁶⁴. Различия были в способах решения ключевого вопроса о том, как именно передать государственную собственность в частные руки. Одна из основных дилемм заключалась в том, восстановить ли права собственности за ее бывшими владельцами (или их наследниками) или же предоставить преимущества тем, кто использовал данную собственность (иногда добросовестно) во время коммунистического режима. За несколькими существенными исключениями, в качестве общего принципа было принято восстановление прав собственности, существовавших до установления коммунистического режима.

В то же время, восстановление прежних прав собственности было в ряде случаев уравновешено существенными ограничениями. Это рассматривалось как необходимая мера для избежания эскалации конфликтов в обществе и как адекватный ответ на конкретную ситуацию. Например, парламенты стран Балтии временно ограничили права домовладельцев взимать арендную плату с нанимателей, живших в квартирах, построенных до 1940 года (контроль арендной платы). Вполне понятно, что такая мера вызвала недовольство владельцев собственности. Несмотря на это, данные механизмы регулирования арендной платы за пользование собственностью, права на которую были восстановлены, были приняты парламентами стран Балтии. Таким образом, в рамках существовавшего политического дискурса восстановленные государства пришли к выводу, что такие временные меры необходимы.

Подводя итог, можно сказать о том, что примеры подобной практики во внутренней сфере демонстрируют как нежелательность, так и невозможность “чистого” или безоговорочного *restitutio in*

принципам Конституции и, кроме того, не затрагивают уголовного права и процедур или семейного права”. См.: 4 F.R.U.S. 537–543 (1945).

⁶⁶⁴ Общие вопросы см. в: С. Tomuschat (ed.). *Eigentum im Umbruch. Restitution, Privatisierung und Nutzungskonflikte im Europa der Gegenwart*. Berlin: Berlin Verlag Arno Spitz und Verlag Österreich, 1996. Критику экономических последствий “реставрационной идеологии” для сельского хозяйства Эстонии см.: I. Alanen. *Eesti põllumajanduspoliitika ja võitlus kollektiivmajandite saatuse pärast* (Сельскохозяйственная политика Эстонии и борьба за судьбу коллективных хозяйств) // *Akadeemia* No. II' 2000, pp. 2159–2300.

integrum после длительного периода существования иной социальной, экономической и политической действительности. Во многих случаях “поворот колеса истории в обратном направлении” противоречил бы здравому смыслу. Происшедшие во время советского периода изменения было невозможно игнорировать. Использование данной “внутригосударственной” параллели может оказаться полезным при анализе международных аспектов государственного континуитета. Хотя безоговорочное *restitutio in integrum* и, к примеру, абсолютный отказ распространить право на гражданство в Эстонии и Латвии представляло собой юридически “чистое” решение, оно не было приемлемой альтернативой по той же самой причине, по которой было невозможно безоговорочно восстановить отношения собственности, существовавшие до 1940 года.

6. Выводы

Подобно необходимости учесть “человеческую необходимость”⁶⁶⁵ при непризнании незаконных ситуаций, при восстановлении правовой системы в незаконно аннексированном государстве невозможно игнорировать изменения, происшедшие во время аннексии, а также, в данном контексте, и человеческую необходимость. Следовательно, как демонстрирует изучение балтийского случая, принцип *ex injuria ius non oritur* во время процесса восстановления уравнивается принципом *ex factis oritur ius*. Важность последнего принципа может частично объясняться необходимостью политических изменений. Применение нормативных стандартов уравнивается обстоятельствами, созданными политикой силы. Если аннексия государства продолжалась так долго, как в случае со странами Балтии, принцип *restitutio in integrum* не может применяться в его наиболее строгом смысле. Практика государств последнего времени и высказанные в литературе взгляды свидетельствуют о том, что произошло определенное разделение между статусом и правами восстановленного государства. Идентичность правосубъектности/континуитет государства не означает идентичности прав и обязанностей, хотя правопритязания восстановленного государства на восстановление прежних юридических прав (или отсутствие таких притязаний) по-прежнему содержат в себе

⁶⁶⁵ Namibia Opinion. ICJ Reports 1971, p. 16 (56 para. 126).

важные указания для процесса пересмотра, создавая презумпцию в пользу восстановления правовых отношений. Следовательно, тот факт, что принцип *restitutio in integrum* не был применен в ситуации со странами Балтии, сам по себе не ставит под сомнение фундаментальный принцип континуитета Эстонии, Латвии и Литвы. Таким образом, континуитет незаконно аннексированных государств представляет собой “ограниченный” (Браунли) или динамический континуитет в том смысле, что он может не отражать во всей полноте континуитет правовых отношений, существовавших до аннексии.

**ЧАСТЬ III. МЕЖДУ НОРМАТИВНОСТЬЮ
И СИЛОЙ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
НА ПРИМЕРЕ СТРАН БАЛТИИ**

ГЛАВА 7. ПРИМЕР СТРАН БАЛТИИ И УРОКИ, ВЫНЕСЕННЫЕ ИЗ ДРУГИХ ПРЕЦЕДЕНТОВ

1. Введение

В первой части настоящего исследования мы подтвердили победу нормативных соображений над фактами, вызванными к жизни незаконным способом. При этом мы использовали дедуктивный подход, т.е. применили общие правовые концепции к отдельно взятому случаю. Подобно любым изолированным методам правового исследования, дедуктивный подход нуждается в дополнительных методах. Кристиан Томушат указал на риски, связанные с дедуктивными рассуждениями: они “легко могут приобрести излишне широкое толкование и даже привести к злоупотреблениям. Ученые в области международного права могут просто “изобрести” фундаментальный принцип, из которого они впоследствии станут выводить конкретные заключения”¹. *Ex injuria ius non oritur* потенциально может стать именно таким чрезвычайно широким принципом, открытым для излишне широких толкований. Изучение применения принципа *restitutio in integrum*, проведенное в предшествующих главах настоящего исследования с перспективы восстановления юридических прав, уже привело к открытию несоответствия между (спорной) общей нормой и фактами изучаемого прецедента. Проблема данной непоследовательности была решена автором путем внесения определенных модификаций в интерпретацию обсуждаемой общей нормы, выведенных на основе недавней практики государств. Следовательно, уже был применен индуктивный метод. Может оказаться небесполезным дальнейшее

¹ См.: C. Tomuschat, *Obligations Arising for States without or against their Will*, in: 241 RCADI 1993, pp. 199–374 at 303.

изучение уроков балтийского случая в этой завершающей главе при помощи индуктивного метода.

Наш основной вопрос: какие характерные идеи оформились в международном праве вместе с балтийским случаем? О чем свидетельствует этот пример с точки зрения норм и развития международного права? Что можно сказать о роли политики, которая, как была показано, имела важное значение в процессе развития данной ситуации? Каково значение той роли, которую играет международное право? Исходя из такой постановки вопросов, может оказаться полезным еще раз применить индуктивный подход и сравнить ситуацию стран Балтии с другими существенными аналогичными случаями.

Ниже мы покажем, что недавние события в практике государств развивались, по-видимому, в более нормативном направлении, подтверждая то обстоятельство, что результат в ситуации со странами Балтии не был простой случайностью или “политической” фикцией. Тем не менее, каждый раз, когда международное сообщество пытается сопротивляться давлению созданных незаконным способом ситуаций, оно также сталкивается с тем, что международное право не может полностью игнорировать силу этих фактов.

2. Незаконная аннексия и государственный континуитет

Согласно недавно оформившейся в международном обычном праве норме, международное сообщество обязано отказать в признании незаконно осуществленной аннексии. Выше обсуждались формулировки “Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами”, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 году. Обязанность непризнания была подкреплена решением Международного суда по делу Намибии, хотя этот прецедент не был связан с незаконным применением силы против государства. По данному делу Международного суда постановил, что “государства-члены ООН ... обязаны признать продолжение присутствия ЮАР в Намибии как незаконное и не имеющее под собой правовых оснований”². Международный суд

² См.: Legal Consequences for States of the Continued Presence of South Africa in Namibia (South West Africa) notwithstanding Security Council Resolution 276

постановил, что “официальные действия, предпринятые правительством ЮАР от имени Намибии после завершения действия мандата или затрагивающие ее, являются незаконными и недействительными”³. Таким образом, факту продолжающейся оккупации Намибии со стороны ЮАР не было придано преимущественное юридическое значение.

По положению на 1940 год и, по мнению ряда юристов, даже в последующие годы⁴ третьи страны в принципе имели право выбора между признанием и непризнанием новой ситуации, созданной путем агрессии. Следствием этого была неоднородная практика и ученые часто указывали, что “между теорией и практикой, касающихся непризнания приобретения территории, полученной в нарушение международного права, наблюдаются, таким образом, существенные расхождения”⁵. В современных условиях государство, признающее ситуацию, созданную нарушением запрета на угрозу силой или ее применение, само нарушает международное право⁶.

Верно то, что даже в 1970 году некоторые западные страны высказывали сомнения в отношении жизнеспособности обязанности непризнания⁷. В этой связи дискутировался вопрос о том, к каким именно ситуациям применима обязанность непризнания. Выдвигались аргументы, согласно которым обязательство отказа признавать ситуации, возникшие в результате нарушения права народов на самоопределение, еще не стало частью обычного международного права⁸. Проблема возникла в случае Восточного Тимора.

(1970) // *Advisory Opinion*, ICJ Reports 1971, p. 54 (para. 118). See also p. 56 (para 126).

³ Namibia Opinion, ICJ Rep. 1971, p. 56.

⁴ W.G. Grewe. *Epochen der Völkerrechtsgeschichte*. Baden-Baden: Nomos, 2. Aufl., 1988, p. 710: “Стал ли принцип, отраженный в доктрине Стимсона, (...) частью действующего международного права, может (...) вызывать сомнения”.

⁵ J. Verhoeven. *La reconnaissance internationale...*, 1975, p. 308.

⁶ Но см.: A. Cassese. *International Law*. Oxford: University Press, 2001, p. 304.

⁷ См.: J. Verhoeven. *La reconnaissance internationale ...*, 1975, p. 292. См. также: H. M. Blix. *Contemporary Aspects of Recognition* // RCADI 1970-II, t. 130, pp. 567–703 at 662–664.

⁸ См.: J. Crawford. *Legal Counsel for Australia, Case Concerning East Timor* // I.C.J. Reports 1995, Public Sittings, CR 95/11, 16 February 1995, p. 45 и H. Krieger. *Das Effektivitätsprinzip im Völkerrecht*, p. 197.

(А) Аннексия Восточного Тимора и моменты неопределенности в практике государств в вопросе о непризнании

30 августа 1999 года в Восточном Тиморе был проведен референдум, по результатам которого 79 процентов населения проголосовало за независимость. 25 октября 1999 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1272, по которой учреждалась Временная администрация Организации Объединенных Наций в Восточном Тиморе (ВАООНВТ) с целью “оказать поддержку в создании возможностей для самоуправления”. Период излишне насильственного правления Индонезии в Восточном Тиморе закончился.

Восточный Тимор был бывшей португальской колонией, в которую Индонезия вторглась 7 декабря 1975 года, а 17 июля 1976 года провела аннексию этой территории⁹. Аналогично ситуации СССР и стран Балтии, часть международного сообщества отвергла заявления Индонезии о том, что последняя не нарушала принципа о запрете на использование силы и была “приглашена” ввести войска. Тем не менее, опять-таки подобно ситуации СССР и стран Балтии, реакция международного сообщества на аннексию не была единообразной¹⁰. Ряд государств, включая и несколько западных стран, признал Восточный Тимор частью Индонезии, по крайней мере, де-факто.

Ученые в области международного права на двух основаниях сделали вывод о незаконности осуществленных Индонезией вторжения и аннексии: незаконность применения силы и нарушение права народа Восточного Тимора на самоопределение¹¹. В резолюции 32/34, принятой 28 ноября 1977 года, Генеральная Ассамблея ООН отвергла

⁹ См.: East Timor (Portugal v. Australia), Judgment // I.C.J. Reports 1995, p. 90. См. также: J.G. Taylor. The Indonesian Occupation of East Timor 1974–1989. A Chronology. London, 1990; Н. Криегер (ed.). East Timor and the International Community. Basic Documents. Cambridge University Press, 1997; P. Escarameia. Formation of Concepts in International Law. Subsumption under Self-determination in the Case of East Timor. Lissabon, 1993.

¹⁰ Общий обзор см. в: Krieger, p. xxiv and xxv и S. Marks. Kuwait and East Timor: a brief study in contrast, in: International Law and the Question of East Timor // CIIR/IPJET, 1995, pp. 174–180.

¹¹ См.: R.S. Clark. The “decolonisation” of East Timor and the United Nations norms on self-determination and aggression, in: International Law and the Question of East Timor // CIIR/IPJET, 1995, pp. 65–102 at 73 et seq.

“утверждение о том, что Восточный Тимор объединился с Индонезией, поскольку население Восточного Тимора не имело возможности свободно осуществить свое право на самоопределение и независимость”¹². Среди ученых-правоведов доминировала точка зрения, согласно которой Индонезия во время периода аннексии не приобрела правооснования на Восточный Тимор¹³, что право народа Восточного Тимора на создание независимого государства не претерпело изменений. В 1995 году Международный суд постановил, что территория Восточного Тимора остается самоуправляющейся территорией с населением, имеющим право на самоопределение¹⁴. Поскольку в 1975 году Восточный Тимор еще не был независимым государством, а скорее являлся самоуправляющейся территорией или, в данном контексте, “самоопределяющейся единицей”, данный прецедент касается не ситуации сохранения государственности, а сравнимого с ней положения, связанного с продолжающейся незаконной оккупацией и сохранением притязания на государственность.

В то время как практика непризнания в случае аннексии стран Балтии привела к дальнейшему укреплению нормы, согласно которой в признании аннексиям, совершенным с незаконным применением силы должно быть отказано, случай Восточного Тимора мог также подкрепить подобную норму, по которой могут не признаваться аннексии, нарушающие право народа на самоопределение. Несмотря на это, ряд ученых в области международного права, учитывая непоследовательности в практике государств, по-прежнему сохраняли осторожность и выступили с ограничительными (или апологетическими) формулировками нормы о непризнании, приводящими на память критическое замечание Мартти Коскенниemi, а именно, что “представители основного течения в науке международного права (...) обнаруживают примечательную особенность приспособляться к каждому конкретному случаю. Это подчеркивает контекстный характер каждого

¹² Приводится в: Krieger. *East Timor...*, p. 125. Анализ см. в: T.D. Grant. *East Timor, the U.N. System, and Enforcing Non-Recognition in International Law* // 33 *Vanderbilt J. of Transnational Law* 2000, pp. 273–310.

¹³ См., например: L. Hannikainen. *The Case of East Timor from the Perspective of jus cogens*, in: *International Law and the Question of East Timor, 1995*, p. 103–117 at III et seq., H. Krieger. *Das Effektivitätsprinzip*, p. 471 и С. Antonopoulos. *Effectiveness v. the Rule of Law Following the East Timor Case* // 27 *Netherlands YBIL* 1996, pp. 75–111 at 77.

¹⁴ *East Timor Case (Portugal v. Australia)*, Judgment of 30 June 1995 // *ICJ Rep.* 1995, pp. 105–106, para. 37.

результата, подрывая тем самым притязание права на универсальность и беспристрастность”¹⁵.

15 лет назад профессор Иохен Авраам Фраувеин использовал две оговорки, утверждая, что “территориальные изменения, вызванные применением силы, *обычно* рассматриваются как незаконные и, в *большинстве случаев*, не будут признаваться в современном международном праве”¹⁶. Хотя по-прежнему могут сохраняться причины проявлять осторожность в отношении носящих исключительный характер ситуаций, практика непризнания в случаях с Южной Родезией и аннексии Израилем Восточного Иерусалима и Голанских высот¹⁷ следовала духу Декларации о дружественных отношениях 1970 года. Таким образом, в практике государств присутствуют явные признаки *opinio iuris*: обязанность непризнания стала нормой обычного международного права¹⁸. Непризнание незаконных ситуаций в сообществе государств приобрело “организованный” и коллективный характер; оно используется для поддержания международного *ordre public*¹⁹. В подобных случаях коллективность действий международного сообщества представляет собой важное достижение: с точки зрения Хейке Кригер даже выступает предпосылкой для последовательного поддержания фикции “продолжения (не)существования”²⁰.

Согласно Статьям об ответственности государств Комиссии международного права²¹, принятым во втором чтении 3 августа 2001 года, государства обязаны “не признавать в качестве законной

¹⁵ См.: M. Koskenniemi (ed.). *International Law*, p. xx.

¹⁶ См.: J.A. Frowein. *Non-recognition* // *EPIL* 10, 1987, pp. 314–316 at 315. Курсив автора.

¹⁷ По вопросу о Восточном Иерусалиме см.: UN Doc. S/Res./252 of 21.5.1961, о Голанских высотах: S/Res/ 497 of 17.12.1981.

¹⁸ Ср.: V. Gowlland-Debbas. *Collective Responses to Illegal Acts in International Law*. 1990, p. 284 et seq. См., например: Judge Skubiszewski, dissenting opinion, *East Timor, Judgment* // *I.C.J. Reports* 1995, p. 224 at 261 et seq. paras. 122–133. См. также: *Conference of Yugoslavia Arbitration Commission, Opinion No. 3 of January II, 1992* // 31 *ILM* 1992 p. 1488, at pp. 1499–1500. См. также: G.Z. Capaldo. *Le situazione territoriale illegitime nel diritto internazionale*. Napoli: Editoriale Scientifica, 1977, p. 130 et seq.

¹⁹ (правопорядок (*франц.*) — прим. перев.) Ср.: J.A. Frowein. *Reactions by not Directly Affected States to Breaches of Public International Law* // 248 *RCADI* 1994, pp. 345–437 at 431.

²⁰ H. Krieger. *Das Effektivitätsprinzip im Völkerrecht*. 2000, p. 256 and 416.

²¹ См.: A/CN.4/L.602/Rev.I, 26 July 2001.

ситуацию, созданную путем серьезного нарушения статьи 40, а также не предоставлять помощь или поддержку с целью сохранения этой ситуации” (статья 41). Обязанность непризнания характеризовалась как “ранняя модель последствий нарушения обязательства *ergo omnes*”²².

(В) Государственный континуитет как обязательное следствие незаконной аннексии

Какие следствия в отношении правосубъектности незаконно аннексированного государства вытекают из непризнания? Когда Комиссия международного права кодифицировала правопреемство государств в отношении не только договоров, но и иных предметов, она также обсуждала вопрос о “восстановлении” суверенитета государств и согласилась с предложением специального докладчика Беджуи о том, что государство не утрачивает своей правосубъектности в результате потери суверенитета, происшедшей неправомерным способом²³.

В недавнем прошлом норма, согласно которой незаконная аннексия не приводит к исчезновению правосубъектности аннексированного государства, получила дальнейшее подтверждение после вторжения и последующей оккупации Кувейта Ираком в августе 1990 года²⁴. Совет Безопасности ООН призвал все государства не признавать “никакого режима, установленного оккупирующей державой” и выразил свою глубокую тревогу в связи с заявлением Ирака о “слиянии полностью и навечно” с Кувейтом. Он постановил, что “аннексия Кувейта Ираком в какой бы то ни было форме и под каким бы то ни было предлогом

²² С. Tomuschat. *General Course on...*, p. 105–6.

²³ Специальный докладчик Беджуи предложил ввести исключение в отношении даты передачи государственной собственности: “За исключением случаев, когда суверенитет восстановили или рассматривали его как продолжающийся с момента его исчезновения..., дата передачи государственной собственности это дата изменения суверенитета...” действует де-юре через ратификацию соглашения о передаче или реализуется фактически в случае, когда такое соглашение отсутствует. См.: *Annuaire de la Commission du droit international*, 1973, vol. I, pp. 149 et seq. См. также его 5-ый доклад в: *Annuaire ...*, 1972, vol. 2, doc. A/(N.4)259, p. 75.

²⁴ В целом см.: В. Stern (sous la dir. de) *Les aspects juridiques de la crise et de la guerre du Golfe*. Paris, Montchrestien, Cahier du C.E.D.I.N. no. 6, 1991.

является юридически незаконной и считается недействительной”²⁵. В последующих резолюциях Совет Безопасности постановил, что ситуация в Кувейте — это продолжение оккупации его Ираком²⁶ и подтвердил, что “положения четвертой Женевской конвенции применимы к Кувейту”²⁷.

ООН и практически все государства рассматривали попытку аннексии Кувейта Ираком как юридически недействительную *ab initio*. Поскольку иракская оккупация и аннексия были незаконными, то они не оказали влияния на статус Кувейта в международном праве. Соответственно, Инета Земеле утверждала, что кувейтский кризис служит примером того, как запрет на насильственную аннексию предотвращает прекращение существования аннексированного государства и что данная норма является обязательной *ergo omnes* на современном этапе²⁸. В то же время, аналитики школы “реализма” указывали на то обстоятельство, что быстрота и эффективность реагирования международного сообщества на кувейтский кризис были связаны, среди прочего, со стратегическим значением Кувейта и его ресурсов для Запада; что аннексия, осуществленная, к примеру, в Африке, не обязательно привела бы к столь решительному осуждению международным сообществом. Эта точка зрения вызывает, впрочем, сомнения в той мере, что даже если ни одно третье государство не вызвалось бы в Совете Безопасности ООН добровольно освобождать незаконно аннексированную страну в “стратегически менее важном регионе”, из этого еще не следует, что правовой статус такого государства остался бы без изменений.

Оставив в стороне государственный континуитет, недействительность аннексии представляет собой функцию запрета на применение силы в современном международном праве, приобретшего характер нормы *ius cogens*. Существуют свидетельства, что в качестве следствия из запрета на угрозу силой и ее применение возникла норма обычного международного права, согласно которой государство сохраняет свою правосубъектность, несмотря на незаконную аннексию, подобно классической норме, защищавшей государственный континуитет в случаях *occupatio bellica*.

²⁵ Резолюция СБ ООН № 662 (1990), 9 августа 1990 г.

²⁶ Резолюция СБ ООН № 670 (1990), 25 сентября 1990 г.

²⁷ Резолюция СБ ООН № 674 (1990), 29 октября 1990 г.

²⁸ I. Ziemele. *State Continuity and Nationality in the Baltic States*. PhD thesis. Cambridge, 1999, p. 34.

Поддерживая правопритязания на продолжение существования государства, международное право создает юридическую фикцию. Это несколько не умаляет роль права, а выступает необходимым аспектом его “проецирующей” природы. Очевидно, что существование аннексированного государства должно заметно отличаться от “нормальной” ситуации государственности, когда правительство государства осуществляет независимую власть над своим населением в пределах четко установленной территории. С реалистической точки зрения, такие страны это лишь “спящие государства”. Их “существование” представляет собой, главным образом, продолжение существования их прав и обязательств. Утверждение о продолжении существования правосубъектности такого государства также является протестом; осуждением и отрицанием фактической ситуации, созданной неправомерными средствами; функцией незаконности аннексии.

Согласно интерпретации Кристиной Марек практики государств, в случае незаконной аннексии независимого государства последнее продолжает существовать как “идеальное понятие” вплоть до восстановления его независимости:

“Суть вопроса, таким образом, состоит в подтверждении юридического существования государства как чисто идеального понятия. Важность этого соображения нельзя переоценить, поскольку вопрос заключается не в чудесном воскрешении однажды прекратившего свое существование государства, которое затем было восстановлено, в каком случае проблема относилась бы не к континуитету, а к созданию нового государства. Напротив, *punctum saliens*²⁹ это фактическое правовое существование государства *во время* фактического периода его физического подавления, поскольку только такая точка зрения позволяет подтвердить континуитет”³⁰.

Почему и на основе каких рассуждений в практике государств стали делаться подобные “уступки” критериям государственности Монтевидео? Отход от строгого применения критериев Монтевидео обычно допускался международным сообществом только в тех случаях, когда присутствовали важные соображения, относящиеся к фундаменталь-

²⁹ Наиболее существенное соображение, обстоятельство (*lat.*) — прим. пер.

³⁰ Marek. *Op. cit.*, p. 552.

ным правовым нормам³¹. Как уже отмечалось, международное сообщество, с целью осуществления своей функции по гарантированию стабильности и порядка, противостоит прекращению существования своих членов и по этой причине его законы должны защищать существующие государства³². Исходя из проанализированного выше развития, автор не может, следовательно, согласиться с точкой зрения, которая низводит продолжение существования незаконно аннексированных государств до уровня “политической фикции”³³. Они являются “политическими” в том смысле, что *все* события в правовой сфере отражают политику права. Они являются юридическими “фикциями” в смысле, анализировавшемся выше. Но они не являются фикциями, созданными политикой вопреки праву; они, скорее, отражают воздействие нового права.

В других случаях международное сообщество воздерживается от заявлений, что впавшие в состояние хаоса и анархии государства прекращают свое существование. Кристиан Томушат утверждает, что “Сомали стала фиктивным субъектом, если оценивать ее по критериям государства”, но существуют веские причины, по которым не следует *торопиться* признавать, что Сомали прекратила существование:

“Для международного сообщества значительно проще тащить за собой полумертвого члена, утверждая, что он жив и здоров, чем выдать свидетельство о смерти, которое неизбежно приведет к борьбе за наследство”³⁴.

В случае незаконной аннексии рьяный желающий получить наследство только и ждет признания своего право на это наследство. В этом случае вопрос уже не состоит в том, что было бы для международного сообщества проще или сложнее осуществить: может быть и так, что намного “проще” признать право завоевателя. Но представляется, что

³¹ См. также: H.-J. Uibopuu. Gedanken zu einem völkerrechtlichen Staatsbegriff, in: C. Schreuer (ed.). *Autorität und internationale Ordnung. Aufsätze zum Völkerrecht*. Berlin: Duncker & Humblot, 1979, pp. 87–110 at 88.

³² См., например: H. Ruiz Fabri. *État (création, succession, compétences)*. Genève et disparition de l'état à l'époque contemporaine // 38 APDI 1992, pp. 153–178 at 154–155.

³³ Но см.: H. Krieger. *Das Effektivitätsprinzip im Völkerrecht*, p. 175.

³⁴ См.: C. Tomuschat. *General Course*, p. 110–111. См. также: Y. Osinbajo. *Legality in a Collapsed State: the Somali Experience* // 45 ICLQ 1996, p. 910.

если международное сообщество не дает такого признания аннексирующему государству и предпочитает “тащить за собой полумертвого члена”, то оно просто выполняет минимальные требования международной солидарности и создает свидетельство самого существования международного сообщества, заслуживающего подобного наименования³⁵. С того момента, как агрессия поставлена вне закона, государства более не могут быть уничтожены без какой-либо нормативной реакции. Сколько раз такие государства, населенные в принципе тем же народом и носящие ту же идею государственности, должны ходатайствовать о членстве в семье государств?

(С) Иные существенные факторы помимо незаконности? Воздействие прецедентов

Тем не менее, необходимо поставить следующий вопрос: какие случаи действительно подпадают под действие нормы о продолжении существования правосубъектности государства, несмотря на аннексию? Определялся ли результат «балтийского случая» какими-либо юридическими и/или метаюридическими факторами, помимо незаконности аннексии?

Вопрос о том, может ли “результат” примера стран Балтии иметь дальнейшие прецедентные следствия зависит, в том числе, и от общей перспективы, с которой рассматривается международное право. Представляется, что возможность использования отдельного случая в качестве “прецедента” ставится под вопрос в рамках политико-ориентированного подхода к международному праву (“Нью-хэйвенский подход”). Майрс МакДугал подверг сильной критике традиционный подход к международно-правовым нормам:

“Он вносит путаницу в отношении ссылок в вероятных будущих решениях. Он не проводит различия между принятым в прошлом решением и предпочтением, отдаваемым будущему решению. Он запутывает свидетельство о прошлой тенденции при принятии решений и научное исследование переменных, повлиявших на принятие решения.

³⁵ “Члены семьи наций не могут отдать независимое свободное государство на волю международных гангстеров или пиратов, не потеряв при этом своего достоинства”. P.M. Brown. *Sovereignty in Exile* // 35 AJIL 1941, p. 667.

Придавая незаслуженное значение прошлым решениям, он сковывает изобретательность в создании новых ситуаций”³⁶.

Вкратце, МакДугал доказывает, что решения в каждом конкретном случае имеют собственный контекст, ввиду чего неверно утверждать, что общие правовые нормы предлагают предопределенные нормативные решения в отдельно взятых случаях. Эта точка зрения противоречит позитивистскому идеальному принципу господства права, в котором оно выглядит как обезличенное и носящее всеобщий характер и рассматривает “субъекты и ситуации как примеры общих типов, а не как отдельно взятые случаи, каждый из которых заслуживает рассмотрения в соответствии с его особыми обстоятельствами”³⁷. В контексте правопреемства и правосубъектности государств Конрад Бюхлер недавно поставил под вопрос “теоретическую иллюзию, согласно которой правосубъектность государства является “предметом права, который может быть установлен объективно”³⁸.

Разумеется, элементы контекста присутствуют и в случае со странами Балтии, который имеет свои исключительные особенности: к ним относятся, главным образом, удаленность во времени факта незаконного применения силы, а также то обстоятельство, что осуждение со стороны сообщества государств не было коллективным в такой степени, что ряд государств и аналитиков почти “забыли” исторические и юридические обстоятельства “присоединения” стран Балтии к СССР. Кроме того, длительность аннексии стран Балтии частично связана с тем, что сравнимые ситуации, т.е. нацистские и советские завоевания во время Второй мировой войны, не получили одинаковой или равнозначной трактовки в международном сообществе.

В то же время, автор настоящей работы ранее выдвинул предположение, что решающим элементом в ситуации со странами Балтии

³⁶ M. McDougal. Some Basic Theoretical Concepts about International Law: a Policy-Oriented Framework of Inquiry, in: R. Falk and S. Mendlovitz (eds.). *The Strategy of World Order*, vol. III—International Law. New York: World Law Fund, 1966, p. 117.

³⁷ J.L. Brierly. *The Outlook for International Law*. Oxford: Clarendon Press, 1945, p. 40.

³⁸ См.: K. Bühler. *Op. cit.*, p. 316. См. также: pp. 318–319: “... в определенных редких случаях субъективный фактор признания и принятия международным сообществом притязаний на континуитет, выдвигаемых государствами, становится последним решающим критерием идентичности правосубъектности государства”.

была незаконность аннексии, вытекающая из незаконности угрозы военной силой или ее применения. Тем не менее утверждалось, что решение в данном случае принималось в равной мере как на основе права народов этих стран на самоопределение, так и на основе незаконности применения силы Советским Союзом в 1940 году³⁹. Право народов стран Балтии на самоопределение, признанное СССР в мирных договорах 1920 года, дает дальнейшее подтверждение незаконности аннексии. Представляется, что Йорри Дуурсма обходит вниманием этот аспект, когда он доказывает, что “... непризнание аннексий 1940 года не обязательно служило основным юридическим аргументом, по которым было принято отделение стран Балтии в 1990 году”⁴⁰. Нарушение прав народов стран Балтии на самоопределение было лишь дополнительным фактором, подтверждающим незаконность аннексии⁴¹.

Благодаря праву народов на самоопределение, неприятие народами стран Балтии советского правления также играло важную роль в сохранении балтийских республик. Хотя рудиментарные остатки государственных органов этих стран функционировали в изгнании, незаконно подавленная государственность главным образом сохранялась в балтийских народах. Было бы чересчур самонадеянно утверждать, что население государства может выступать носителем государственности в международном праве, даже если отсутствует фактическое правительство⁴². Тем не менее, население государства становится все более важным фактором при решении международно-правовых вопросов, относящихся к государственности.

Дополнительным критерием правового статуса, помимо принципа *ex injuria ius non oritur*, служит самовосприятие восстановленного госу-

³⁹ Ср. данный аспект самоопределения в случае стран Балтии в: A. Cassese. *Self-determination of Peoples. A Legal Reappraisal*. Cambridge UP, 1995, p. 262.

⁴⁰ См.: J. Duursma. *Fragmentation and the International Relations of Micro-States. Self-determination and Statehood*. Cambridge UP, 1996, p. 99.

⁴¹ См., например: the U.S. Congress, House Concurrent Resolution 416, 22 October 1966 (где указывается на “на непредоставление права на самоопределение народам Эстонии, Латвии и Литвы” и призывается к “восстановлению этих прав за народами стран Балтии”).

⁴² Такое предположение выдвигалось в случае Сомали в: J.-D. Mouton, *L'État selon le Droit International: diversité et unite*, in: *L'Etat souverain a l'aube du XXIe siecle*. Colloque de Nancy, Paris, pp. 79–106 at 103.

дарства⁴³. Представляется, что настойчиво высказанное соответствующим государством правопритязание на государственный континуитет является *conditio qua non*⁴⁴ для подтверждения такого континуитета. Отметим, к примеру, что современная Молдавия (в рассматриваемый период — Бессарабия), также оккупированная и аннексированная СССР в 1940 году⁴⁵, не выдвинула притязаний на восстановление своего прежнего правового статуса как части Румынии. Соответственно, международное сообщество не предоставило ей такого статуса.

Следовательно, незаконность аннексии должна быть подкреплена убедительным правопритязанием на континуитет. Когда любой из этих аспектов выдвигается неубедительно, международное сообщество не склонно признавать государственный континуитет. Практика государств, к примеру, свидетельствует о том, что отдельно взятые правопритязания на континуитет, не будучи принятыми, не способны обеспечить претенденту правовой континуитет. Представляется, что можно провести полезное сравнение фактов ситуации стран Балтии с другим правопритязанием на государственный континуитет, выдвинутый практически одновременно с аналогичными правопритязаниями стран Балтии, но принятым в практике государств совсем по-другому — примером Грузии.

(i) Грузия в 1921–1991: непризнанное правопритязание на государственный континуитет

Грузия, независимая республика на Кавказе, заявляла с переменной настойчивостью, что ее правосубъектность идентична правосубъектности независимой Грузинской Демократической Республики, провозглашенной 26 мая 1918 года и оккупированной и аннексированной Советской Россией в 1921 году⁴⁶. Ссылаясь на договор, заключенный

⁴³ Fiedler, p. 60–61. О “самовосприятии” см. также: K. Schmid. Gedanken zu Untergang und Entstehung von Staaten in Mittel- und Osteuropa // 69 Friedens-Warte 1993, pp. 72–97 at 93 et seq.

⁴⁴ Обязательное условие (лат.) — прим. перев.

⁴⁵ См.: Graham. The Legal Status of the Bukovina and Bessarabia // 38 AJIL 1944, pp. 667–673.

⁴⁶ K. Korkelia, G. Lordkipanidze. State Succession in Respect of International Treaties in Post-Independent Soviet Union: Some Reflections on the Status of Georgia, in: International Law Journal (Tbilisi State University), Vol. III, 1998, No. I-II,

между Грузией и Советской Россией 7 мая 1920 года, Верховный Совет Грузинской ССР в указе от 9 марта 1990 года заявил, что “захват всей территории [Грузии] означал с правовой точки зрения военное вмешательство (интервенцию) и оккупацию с целью свержения существующего политического строя и с политической точки зрения привел к фактической аннексии”⁴⁷. Далее Верховный Совет заявил, что он “осуждает оккупацию и фактическую аннексию Грузии Советской Россией как международное преступление, стремится добиться признания нарушения договора от 7 мая 1920 года и восстановить права Грузии в том виде, в каком они были признаны Советской Россией по этому договору”⁴⁸. Наиболее важно то, что Верховный Совет Грузинской ССР решил “начать переговоры с целью восстановления государственной независимости Грузии, поскольку Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик от 30 декабря 1922 года является незаконным в отношении Грузии”⁴⁹. 20 июня 1990 года Верховный Совет принял указ “О создании правового механизма восстановления государственной независимости”, в котором он признал “право Грузии восстановить государственную независимость, утраченную в 1921 году в результате нарушения правительством РСФСР договора от 7 мая 1920 года, совершенного в форме интервенции, оккупации и фактической аннексии”⁵⁰.

pp. 41–50. Интересно, что после 1918 года выдвигались притязания на идентичность правосубъектности независимой Грузии с той Грузией, которая существовала до ее включения в состав царской России в 1802 г. См.: O. Nippold. *La Géorgie du point de vue du droit international*. Berne: Bureau de Presse géorgien, 1920. Критику см. в: Dörr. *Op. cit.*, pp. 48 and 226 et seq.

⁴⁷ См.: *Sakartvelos sabchota sotsialisturi respublikis uzenaesi sabchos utskebebi*/официальный печатный орган Верховного Совета Грузинской Советской Социалистической Республики, 1990, № 3 (596), March, Tbilisi, Decree of № 52 on Safeguards of the State Sovereignty of Georgia, p. 9. N 214-XI S, March 9, 1990. (Цитата и перевод Korkelia and Lordkipanidze, *ibid.*)

⁴⁸ *Ibid.*

⁴⁹ *Ibid.*

⁵⁰ *Sakartvelos sabchota sotsialisturi respublikis uzenaesi sabchos utskebebi*/официальный печатный орган Верховного Совета Грузинской Советской Социалистической Республики, 1990, № 6 (599), June, Tbilisi, Decree of the Georgian Supreme Soviet concerning Creation of Legal Mechanism of Restoration of Independent Statehood p. 12–13, N 218-XI S, June 20, 1990. Цитата и перевод Korkelia and Lordkipanidze, *ibid.*

“Акт о восстановлении государственной независимости Грузии” был принят Верховным Советом Грузии 9 апреля 1991 года. В акте была повторно подтверждена не только идентичность правосубъектности современной Грузии и Грузинской Демократической Республики 1918–1921 гг., но и идентичность правосубъектности последней с Грузией, завоеванной Россией в 1801 году⁵¹. Акт гласит, что “Государственность Грузии, ведущая свой счет из глубины веков, была утрачена грузинским народом в XIX веке в результате аннексии Грузии и уничтожения ее независимости Российской империей. Грузинский народ никогда не смирялся с потерей свободы. В Акте о независимости, принятом 26 мая 1918 года, утраченная Грузией свобода была восстановлена. (...)”

Грузия не вступала в Советский Союз добровольно и ее государственность существует по сей день, Акт о независимости и Конституция по-прежнему сохраняют силу, поскольку правительство Демократической Республики не подписало акт капитуляции и продолжало работу в эмиграции.

Верховный Совет Грузии, избранный демократически и на многопартийной основе 20 октября 1990 года, основываясь на единогласной воле населения Грузии, высказанной на референдуме 31 мая 1991 года, заявляет и официально сообщает о восстановлении независимости Грузии на основе Акта о независимости Грузии, принятого 26 мая 1918 года...”⁵²

Позднее, в январе 1992 года, Военный Совет (временное правительство Грузии) принял решение о восстановлении действительности Конституции Грузии, принятой 22 февраля 1921 года⁵³. Согласно Фердинанду Фельдбрюгге, данное решение осталось скорее “политическим жестом” правительства Гамсахурдия, чем реальным изменением Конституции⁵⁴. Хотя 24 августа 1995 года была принята новая

⁵¹ См.: Sakartvelos respublikis uzenaesi sabjos mier migebuli kanonebisa da dadgenilebesis krebuli/Laws and decrees adopted by the Supreme Council of the Republic of Georgia, Act of Restoration of the Georgian Independent Statehood, N 291, April 9, 1991. Цитата и перевод Korkelia and Lordkipanidze, *Op. cit.*, p. 47 et seq. Критический подход см. в: Dörr. *Die Inkorporation*, p. 48.

⁵² See *ibid.* (Sakartvelos...).

⁵³ См.: Korkelia and Lordkipanidze. *Op. cit.*, p. 47.

⁵⁴ См.: F.J.M. Feldbrugge. *The Law of the Republic of Georgia // 18 Review of Central and East European Law*, 1992, No. 4, p. 372.

Конституция Грузии, в ее преамбуле повторялись фундаментальные принципы Конституции 1921 года⁵⁵.

Несмотря на позицию Грузии, ее притязания на государственный континуитет не нашли сколько-нибудь заметного признания в практике государств⁵⁶. Поэтому Грузия все же рассматривалась, в общем и целом, как связанная правовыми обязательствами СССР.

Почему идентичность государственной правосубъектности была признана в случае стран Балтии и не признана в случае Грузии? Этот вопрос необходимо задать, особенно в свете того факта, что продолжительность инкорпорации стран Балтии (51 год) не отличается фундаментально от семидесятилетней аннексии Грузии. Если государство может сохранить свой статус в качестве юридической фикции в течение пятидесяти лет, почему оно не может сделать того же самого в течение семидесяти лет?

Тем не менее, представляется, что основное отличие между случаями Грузии и балтийских стран заключается в чем-то ином. Почему государства признали советское завоевание Грузии и не признали его в ситуации со странами Балтии? Наиболее существенным фактором представляется законность насильственного захвата по общему международному праву. Разумеется, современная Грузия справедливо указывала на то, что Советская Россия нарушила договор о ненападении, действовавший между Грузией и Россией в 1921 году, когда Россия оккупировала и аннексировала Грузию. До этого момента «Грузия обладала всеми необходимыми признаками государства и была признана более чем 20 государствами из общего числа государств, существовавших в начале века»⁵⁷. В то же время, на практике существенное значение имело то обстоятельство, что период независимости Грузии (1918–1921) оказался слишком коротким для признания международным сообществом континуитета. Независимость Грузии

⁵⁵ См.: Korkelia and Lordkipanidze. *Op. cit.*, p. 48.

⁵⁶ См.: С. Gray. YBEL, p. 487. Принятая в практике государств позиция состоит в том, что все бывшие республики СССР, исключая страны Балтии, стали государствами-правопреемниками СССР. Российская Федерация была признана в качестве государства-продолжателя СССР. См., например: ILA Helsinki Conference (1996), *Aspects of the Law of State Succession, Rapport preliminaire sur la succession d'etats en matiere de traites*, p. 13–15. См. также: L. Love. *International Agreement Obligations after the Soviet Union's Break-up: Current United States Practice and Its Consistency with International Law // Vanderbilt Journal of Transnational Law*, Vol. 26, 1993, pp. 394–395.

⁵⁷ Korkelia and Lordkipanidze. *Op. cit.*, p. 48.

не успела оформиться до того момента, когда страна была вновь аннексирована Советской Россией.

Самое главное же заключается в том, что когда Советская Россия повторно завоевала Грузию, она не нарушила универсальную норму, запрещающую применение силы. По этим причинам притязания независимой Грузии на континуитет как субъекта международного права во время советского периода (1921–1991) были отвергнуты международным сообществом. В то же время, практика государств пока еще не предоставила ясного ответа на вопрос о том, следует ли рассматривать Грузию в качестве классического государства-правопреемника СССР с точки зрения обязательного правопреемства в отношении всех договорных обязательств СССР⁵⁸.

Прецедент Грузии демонстрирует, что государственный континуитет в случаях аннексии никогда не сводится к чистому символизму статуса; если бы дело обстояло так, то идентичность правосубъектности Грузии была бы признана в 1991 году с той же легкостью, с какой это произошло со странами Балтии. Тот факт, что этого не произошло, свидетельствует о наличии важных условий, предполагаемых в международном праве для государственного континуитета.

(ii) Статус непризнанных правопритязаний на государственный континуитет

Очевидно, что правопритязание субъекта международного права на тождество с ранее существовавшим в истории государством не имеет никаких последствий в случае, когда сообщество государств отрицает эту идентичность на том основании, что аннексия была законной и другие государства считают прежнее государство прекратившим су-

⁵⁸ Интересно отметить, что грузинские авторы К. Коркелия и Г. Лордкипанидзе ссылаются на притязание на континуитет, высказанное в учредительных актах Грузии в 1990–1992 гг., но в то же время утверждают, что “статус Грузии в составе Советского Союза мог соответствовать определению новых независимых государств, данному в статье 16 Венской Конвенции”. На основе этих двух посылок (противоречащих друг другу, по мнению автора данной работы) они заявляют: “таким образом, можно утверждать, что статус Грузии отличается от статуса других республик Советского Союза (за исключением стран Балтии), вопреки взглядам, высказываемым рядом ученых-юристов из бывшего СССР”. См.: *Op. cit.*, p. 48.

ществование. Когда другие государства отрицают такие притязания на идентичность правосубъектности с прежним государством, то последнее с точки зрения международной правосубъектности является несуществующим, невзирая на притязания соответствующего государства. Это положение особенно верно в упомянутых исторических случаях, когда отсутствовала норма *ex injuria ius non oritur*, защищающая континуитет аннексированного государства. С точки зрения морали (третий) раздел Польши в 1795 году не менее достоин порицания, чем аннексия Кувейта Ираком, но раздел Польши не был незаконным по международному праву того времени.

Можно сделать вывод о том, что в практике государств притязания на идентичность правосубъектности также могут временами оказываться несоответствующими целям международного права. Примером этого служит, в частности, утверждение Литвы о том, что она была “оккупирована” в 1795–1918 гг. Бывший премьер-министр Литвы Казимира Прунскиене вторгается в область политической риторики, а не международного права, когда она доказывает, что “*на протяжении последних двух столетий Россия/Советский Союз оккупировали Литву дважды. Первая оккупация длилась 120 лет и завершилась в 1918 году*”⁵⁹.

В международных отношениях нередко попытки политиков придать правовым концепциям более широкое значение и неправильно использовать их для достижения политических целей. У двух субъектов международного права не может быть идентичной правосубъектности, если один из них был аннексирован без очевидного нарушения международного права соответствующего периода.

Какая же судьба ждет и какой ценностью обладает притязание на идентичность правосубъектности (и континуитет) государства, если другие государства на *правовых* основаниях отрицают его? Никакой актер в международных отношениях не может, разумеется, запретить государству рассматривать себя так, как оно само этого хочет. В данном случае стоит вспомнить о примате политического интереса в определении международно-правового статуса в случаях континуитета/правопреемства⁶⁰. Тем не менее, для приобретения притязаниями на

⁵⁹ См.: K. Prunskiene. Unabhängigkeit als Option für die Selbstbestimmung—das Beispiel Litauen, in: K. Ludwig (ed.). Perspektiven für Tibet. (...), München, 2000, pp. 91–97 at 91.

⁶⁰ См. также: P.M. Eisemann. Bilan de recherches..., in: State Succession: Codification Tested Against the Facts. Hague Academy, 1996, p. 52: “Столкнувшись с таким событием, заинтересованные государства вырабатывают юридическую

континуитет эффективного и осмысленного характера ключевое значение в международных отношениях имеет признание таких притязаний в существенной части практики государств. В действительности, такое признание становится, в конечном счете, дополнительной проверкой для идентичности правосубъектности.

Как ни достойно сожаления такое обстоятельство с точки зрения юридической ясности, мы вынуждены сделать вывод о том, что идентичность правосубъектности государства может по-разному оцениваться во внутреннем (конституционном) и международном праве⁶¹. С точки зрения внутреннего права, правосубъектность государства может быть или не быть идентичной с правосубъектностью его предшественника (единственный решающий фактор при этом — это позиция самого государства), в то время как его статус в качестве субъекта международного права может отличаться от данной позиции⁶². Коммунистическая Россия была идентична царской России как субъект международного права, но отнюдь не с точки зрения своей Конституции. Польша после 1918 года рассматривалась в своих внутрисудебных судах в контексте конституционного права как “то же самое” государство, что и Польша до 1795 года, но международное сообщество придерживалось другой позиции.

Следовательно, хотя собственная позиция государства в отношении своей правосубъектности может иметь сильное влияние на международное сообщество, она, тем не менее, не определяет идентичность субъекта международного права⁶³. В случаях, когда выдвигается непризнанное притязание на идентичность правосубъектности/ континуитет, можно говорить об историческом или политическом (но не юридическом) возрождении государства, а не о его континуитете как

стратегию, отвечающую их политическим целям. Их “юридическая стратегия” естественным образом подталкивает их к использованию международного права для достижения поставленных себе целей, чем для применения предположительно “объективных” применимых норм”.

⁶¹ См.: Fiedler. Staatskontinuität... 1970, p. 102 et seq. и Fiedler. Das Kontinuitätsproblem... 1978, pp. 38–39 and 102.

⁶² См. позиции Кельзена, Вердросса и Марека, обобщенные в: Cansacchi. Op. cit., p. 19; Ср. также с: U. Scheuner. Die Funktionsnachfolge und das Problem der staatsrechtlichen Kontinuität, in: Vom Bonner Grundgesetz zur gesamtdeutschen Verfassung, (Festschrift für Franz Nawiascky). München: Isar Verlag, 1956, p. 9 at 12 and 14.

⁶³ Ср.: Fiedler. Das Kontinuitätsproblem..., p. 69.

субъекта международного права⁶⁴. Возрождение государства как субъекта политики и истории, но не права, не представляет собой случай идентичности правосубъектности с точки зрения международного права⁶⁵.

Неудача притязаний Грузии показывает, что международное сообщество склонно поддерживать фикции государственного континуитета только в том случае, если эти фикции подкреплены такими элементами, как очевидное нарушение нормы о запрете на применение силы против государства и последующее непризнание аннексии. Существует высокая вероятность непризнания притязаний, которые не соответствуют этим критериям, даже если они возникли в ситуациях, связанных с существенной несправедливостью. К таким ситуациям применим довод о прецедентном эффекте восстановления стран Балтии при анализе ситуации в Чечне.

(iii) Чечня: пример вне рамок балтийского прецедента

В недавно опубликованной статье Томас Д. Грант исследует вопрос о том, может ли восстановление независимости стран Балтии в 1991 году служить правовой моделью для Чечни, сепаратистской республики на Северном Кавказе в составе Российской Федерации⁶⁶. Военный конфликт в республике и предпринятые там в 1990-х гг. попытки установить и укрепить независимость много обсуждались в средствах массовой информации. Грант излагает бурную историю Чечни, в особенности историю экспансии Российской империи на Кавказе в XIX веке. Существуют свидетельства, что в период с 1849 по 1856 год там существовало фактическое чеченское государство во главе с Шамилем⁶⁷. Тем не менее, это государство не было признано европейским концерном. Грант показывает, что история Чечни в составе империи и, впоследствии, СССР представляла собой историю мятежей, сопротивления и репрессий. Даже во время советского периода Чечня оставалась “нестабильной периферией зоны фактического контроля

⁶⁴ Ср: Fiedler. Ibid., p. 37.

⁶⁵ Ср.: Marek. Op. cit., p. 28 and 581.

⁶⁶ T.D. Gram. A Panel of Experts for Chechnya: Purposes and Prospects in Light of International Law // IX Finnish YBIL 1998, pp. 145–248, especially at 204 et seq.

⁶⁷ См.: Ibid., p. 174–177.

СССР” с “диархией структур”, в рамках которой официальные структуры, такие как райкомы партии, колхозы и суды, функционировали на поверхности, а “в реальности все они были ни чем иным как внешними формами традиционных исламских структур”⁶⁸.

На основе этих фактологических посылок Грант обсуждает вопрос о том, была ли Чечня когда-либо юридически приобретена Россией. Поскольку СССР юридически никогда не имел прав на страны Балтии, в силу чего их государственность была сохранена, Грант выдвигает предположение, что Чечня могла бы консолидировать свое (притязание на) независимость на основе того же самого правового принципа⁶⁹:

“Вполне может быть, что Аслан Масхадов хотел бы подтвердить обладание Чечней тем же самым статусом территории, никогда не включенной де-юре в состав Российской империи и, тем самым, территории, не нуждающейся в признании в качестве нового государства. Если есть возможность доказать, что Чечня обладает статусом, аналогичным статусу стран Балтии, то международное сообщество, рассматривая Чечню как государство, не внесло каких-либо изменений в правовые статусы”⁷⁰.

В заключение Грант высказывает мнение, что хотя “представляется правдоподобным, что Российская империя и ее продолжатели РСФСР и СССР приобрели правовой титул на Чечню по праву давности”, сама “доктрина [давности] окружена сомнениями”⁷¹. Недавние изменения в международном праве могут означать “пересмотр” вопроса о праве давности: российский титул мог не пережить этих изменений в международном праве, т.е. Россия “в какой-то момент утратила свое правооснование на Чечню”⁷².

Тем не менее, вызывает серьезные сомнения возможность использования континуитета стран Балтии как правовой “модели” для притязаний на независимость, выдвинутых чеченским повстанческим движением. Представляется весьма сомнительным, что Чечня была когда-либо признана в качестве государства и субъекта международного права. Кроме того, представляется неверным (и крайне опасным прецедентом) ставить под вопрос существование давности

⁶⁸ См.: Ibid., p. 184 and 187.

⁶⁹ См.: Ibid., p. 195.

⁷⁰ См.: Ibid., p. 204.

⁷¹ Grant. Op. cit., p. 222.

⁷² Grant. Op. cit., p. 233.

приобретения в случае завоевания Россией Чечни. Последнее произошло в XIX веке и не может быть поставлено под вопрос в соответствии с международным правом того времени. Чечня законно стала частью России. Если бы правовой титул России на Чечню был поставлен под сомнение из-за отсутствия давности приобретения, то аналогичное широкое применение данной концепции могло бы дать основание для отрицания подобных правооснований во многих других частях мира. Большинство государств рассматривали восстание в Чечне совершенно иным образом, чем случай стран Балтии в 1989–1991 гг. Фактически, они использовались как противоположные примеры с точки зрения правовых позиций. Проведение аналогии с Чечней еще раз подчеркивает важность установленной государственности и незаконной аннексии в разрешении балтийской ситуации.

Решение проблемы Чечни в рамках международного права следует искать в пределах права народов на самоопределение. Согласно современному международному праву, существование права на самоопределение поддерживает притязания на независимое государство только в исключительных обстоятельствах. В то же время, с учетом сведений о систематических и крупномасштабных нарушениях прав человека, совершаемых российской армией против гражданского населения Чечни, можно аргументировать точку зрения, согласно которой вариант “внутреннего самоопределения” исчерпал себя. Но поскольку мы отрицаем наличие прецедентных эффектов случая стран Балтии для правового статуса Чечни, то дальнейшее обсуждение правовых аспектов чеченского вопроса выходит за рамки настоящего исследования.

3. Отступления от принципа соответствия действительности и страх несбывшихся фикций

Другие параллельные изменения и прецеденты, связанные с правосубъектностью государств, указывают на то, что государственность в международном праве более не может рассматриваться просто как “социологический факт”. При столкновении с нарушениями императивных норм международного права в практике государств стали совершаться отступления от неограниченного применения доктрины соответствия действительности. Как и в вопросе о прекращении существования государств, в международной практике были сделаны

существенные оговорки по применению “теории трех элементов” в вопросе о создании государств⁷³. Субъекты, которые выдвигали притязание на государственность, но были созданы в нарушение права на самоопределение или нормы, запрещающей апартеид, не были в ряде случаев признаны “государствами” по международному праву.

Например, в Южной Родезии было фактическое правительство, но она не была признана государством, поскольку ее правительство нарушало норму о запрете апартеида и право на самоопределение⁷⁴. Никогда не ставилась под сомнение внутренняя эффективность расистского режима Яна Смита, управлявшего Родезией на протяжении более чем 14 лет. Несмотря на это, соображения действительности были проигнорированы с целью обеспечить правоприменение международной нормы, рассматривавшейся международным сообществом как фундаментальная⁷⁵.

Вера Гоуланд-Дебба утверждает, что четырнадцать лет коллективного непризнания фактической ситуации в Южной Родезии не обязательно подчеркивает бессилие законности в противовес действительности, а совсем наоборот:

“нет сомнений в том, что по причине общего непризнания фактической ситуации, созданной незаконным режимом на протяжении этих лет, случай Южной Родезии подошел ближе к своему разрешению, чем это имело бы место в иной ситуации”⁷⁶.

⁷³ См.: T. Darsow. Zum Wandel des Staatsbegriffs. Unter besonderer Berücksichtigung der Lehre und Praxis internationaler Organisationen, der Mikrostaaten und der Palästinensischen Befreiungsorganisation (PLO). Frankfurt: Peter Lang, 1984, p. 264. См. также: H. Krieger. Das Effektivitätsprinzip im Völkerrecht, 2000, p. 176.

⁷⁴ Резолюции Совета Безопасности ООН №№ 217 (1965), 277 (1970), 288 (1970), 328 (1973), 423 (1978), 445 (1979), 448 (1979). Дополнительно см.: Crawford. The Creation of States..., 1979, pp. 105–6. J. Dugard, Recognition and the United Nations. Cambridge: Grotius Publications, 1987, pp. 90–8.

⁷⁵ Дополнительно см.: V. Gowlland-Debbas. Collective Responses to Illegal Acts in International Law. United Nations Action in the Question of Southern Rhodesia. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1990, p. 182 et seq.

⁷⁶ V. Gowlland-Debbas. Collective Responses to Illegal Acts..., 1990, p. 325. См. также: V. Gowlland-Debbas. The Functions of the United Nations Security Council in the International Legal System, in: M. Byers. The Role of Law in International Politics. Oxford, 2000, pp. 277–314 at 304.

Принцип соответствия действительности все же не может полностью игнорироваться в данном случае. В интересах международного сообщества было создание ситуации, при которой Южная Родезия не осталась бы совершенно за пределами международного права во время своего существования де-факто, несмотря на незаконность последнего; скорее, ее статус мог быть охарактеризован как режим де-факто⁷⁷.

Подобным образом международное сообщество не рассматривало как государства бантустаны (созданные в ЮАР “хоумленды” Транскей, Сискей, Бопутатсвана и Венда), поскольку их создание режимом ЮАР нарушало норму о запрете апартеида⁷⁸. Их создание не имело юридической силы не из-за отсутствия фактической ситуации, а потому, что их существование нарушало императивные нормы международного права⁷⁹. Сообщество государств стало отказываться признавать в качестве государств субъекты, созданные в результате нарушений нормы о запрете на угрозу силой и ее применение. На этом основании Н.Л.Уоллес-Брюс утверждает, что:

“...если субъект появляется на международной арене в результате действий, являющихся незаконными по международному праву, то его притязания на государственность не могут быть поддержаны, независимо от того, насколько прочно его фактическое существование. Он ... не может быть облечен легитимностью международным сообществом”⁸⁰.

В то же время, специалисты по международному праву продолжают высказывать сомнения по поводу соответствия действительности таких фикций, пытающихся игнорировать “социологическую реальность”. Антонио Кассезе утверждает, что “международное право это реалистическая правовая система (...), главным образом основанная на

⁷⁷ См.: Н. Krieger. Das Effektivitätsprinzip im Völkerrecht, p. 203 and 218.

⁷⁸ См. Резолюцию Совета Безопасности ООН № 402 (1976). См. также: J. Dugard. Recognition and the United Nations. Cambridge: Grotius Publications, 1987, pp. 90–98 и E. Stabreit. Der völkerrechtliche Status der Transkei, Ciskei, Bophuthatswanas und Vendas während der Zeit ihrer formellen Unabhängigkeit von der Republik Südafrika. Frankfurt a. M., 1997.

⁷⁹ J. Dugard. Op. cit., p. 131.

⁸⁰ N.L. Wallace-Bruce. Claims to Statehood in International Law. New York: Carlton Press, 1994, p. 67.

принципе соответствия действительности”⁸¹. Луи Хенкин доказывал, что случай Родезии не означал капитального пересмотра обычных, основанных на соответствии действительности, критериев государственности, а представлял собой лишь “исключение” из этих критериев. Тем не менее, согласно профессору Хенкину, “данное исключение может не быть прагматичным или реалистичным, но оно предназначено для достижения практической цели — оказания давления на государство-нарушитель с целью прекратить незаконную ситуацию”⁸². Представляется, что наиболее существенным опасением для международного права служит ситуация, когда фикция была принята и на государство-нарушитель было оказано давление, но существующее положение все же укрепилось до такой степени, что фикция действительно начинает выглядеть несоответствующей действительности и нереалистичной. Такая ситуация, в свою очередь, может подорвать доверие к соответствующей международно-правовой норме.

Подобные опасения иногда находили подтверждение в практике государств. Примером может послужить ситуация на Северном Кипре. Турецкая армия вторглась на Кипр в 1974 году. Согласно позиции Турции, это было сделано для защиты турецкого национального меньшинства на Кипре. 15 ноября 1983 года на “турецкой” части острова была провозглашена “Турецкая Республика Северный Кипр” (ТРСК). Хотя ТРСК сегодня формально соответствует критериям государства на основе элементов территории, населения и фактического правительства, оно до настоящего момента не было признано таким международным сообществом, исключая Турцию⁸³.

В то же время, непризнание ТРСК все еще не привело к концу противоправной ситуации. Все громче раздаются голоса, требующие достижения политического компромисса между Грецией, Турцией и Кипром и, тем самым, оказания должного внимания принципу *ex factis*

⁸¹ A. Cassese. *International Law*. Oxford: University Press, 2001, p. 12.

⁸² См.: L. Henkin. *International Law: Politics, Values and Functions* // RCADI 1989-IV, t. 216, p. 32.

⁸³ См. Резолюцию Совета Безопасности ООН № 541 (1983). (Совет Безопасности “...2. *считает* вышеупомянутое заявление не имеющим юридической силы и призывает к отказу от него;... 7. *призывает* все государства не признавать никакое кипрское государство, кроме Республики Кипр;...”). Дополнительно см.: K. Chrysostomides. *The Republic of Cyprus. A Study in International Law*. The Hague: Nijhoff, 2000 и позицию Турции см. в: Y. Altug. *The Cyprus Question*, in: 21 GYBIL 1978, pp. 311–344.

oritur ius. Сделанное 28 сентября 1999 года заявление президента США Клинтона о невозможности возвращения острова к статусу, существовавшему до 1974 года, было расценено Турцией как существенный прорыв и первый шаг на пути удовлетворения в той или иной форме требований Северного Кипра на признание, исключая признание в качестве государства⁸⁴. В юридической литературе также высказывались сомнения в том, может ли первоначальная незаконность создания ТРСК препятствовать признанию ее государством *ad infinitum*⁸⁵.

Таким образом, феномен отхода от “теории трех элементов” с целью защиты незаконно аннексированных государств и против других противоправно созданных ситуаций продолжает сопровождаться ослабляющим эффектом принципа *ex factis oritur ius*. Кроме того, в развитии права не удастся полностью “изгнать” политику из вопросов признания и непризнания государств. Некоторые заявления по вопросу о признании и государственности представляются смесью политических соображений и правовых стандартов. Некоторые “не-фактические” критерии, провозглашенные в недавней практике государств, могут оставить определенное пространство для манипуляций или, возможно, даже для разновидностей современного империализма. В принятых Европейским Союзом 16 декабря 1991 года “Указаниях по поводу признания новых государств в Восточной Европе и в Советском Союзе” не упоминается соответствие действительности, но перечисляются многочисленные нормативные критерии, такие как верховенство закона, демократия и права человека⁸⁶. В то же время ЕС напомнил, что “его государства-члены не станут признавать субъекты, созданные в результате агрессии”⁸⁷. Впрочем, при других обстоятельствах, вынесенное Арбитражной Комиссией ЕС по Югославии

⁸⁴ См.: R. Dwan. Armed Conflict Prevention, Management and Resolution, in: SIPRI YB 2000. Armaments, Disarmament and International Security. Oxford UP, 2000, pp. 77–134 at 122.

⁸⁵ (*до бесконечности* (лат.) — прим. перев.). Н. Krieger. Das Effektivitätsprinzip im Völkerrecht, 2000, p. 253.

⁸⁶ Текст см., к примеру, в: 31 ILM 1992, p. 1486. См. также: J. Charpentier. Les déclarations des Douze sur la reconnaissance des nouveaux Etats // R.G.D.I.P., 1992, pp. 343–355 и R. Bieber. European Community Recognition of Eastern European States: A New Perspective for International Law?, in: ASIL Proceedings 1992, pp. 374–378.

⁸⁷ См.: Ibid.

(т.н. Комиссия Бадинтера) спорное решение (мнение номер 1)⁸⁸ все же гласило, в консервативной манере, что “существование или прекращение существования государства это вопрос факта”. Кроме того, представляется, что вопрос о современном правовом статусе Палестины также определяется главным образом политической действительностью. Несмотря на тот факт, что право палестинского народа на самоопределение было признано и что Национальный Совет Палестины в принятой в Алжире 15 ноября 1988 года декларации уже провозгласил создание палестинского государства, Палестина по-прежнему не отвечает критериям государства из-за отсутствия в действительности достаточного соответствия⁸⁹.

Процесс сложного взаимодействия международного права и политики можно также наблюдать в случае аннексии Китаем Тибета, что наиболее полно напоминает правовое положение стран Балтии во время их незаконной аннексии.

(А) Законность и действительность в Тибете

Современная политическая история Тибета имеет поразительные параллели с историей стран Балтии. Расположенный в Гималайских горах Тибет исторически всегда оставался буферной зоной между китайской и индийской цивилизациями⁹⁰. Пребывающие в изгнании лидеры Тибета и руководство Китая придерживаются противоположных точек зрения об исторических отношениях между Китаем и Тибетом. Статус Тибета в средние века трудно, если вообще возможно объяснить при помощи понятий, выработанных в Европе в позднее средневековье, таких как “суверенитет” или “государство”. Представляется, что в более ранний период Тибет был де-факто независимым субъектом, связанным лишь символическим отношением сюзеренитета с императором Китая. Выдвигалось предположение, что статус Тибета в этот период был сродни нечетко оформленному

⁸⁸ Опубликовано в: R.G.D.I.P. 1992, pp. 264–269. См. также: A. Pellet. Note sur la Commission d'arbitrage de la Conférence pour la paix en Yougoslavie // AFDI, 1991, pp. 329–348.

⁸⁹ См.: J. Crawford. Forum: The Algier Declaration on Palestine—*The Creation of the State of Palestine: Too Much Too Soon*, in: I EJIL 1990, pp. 307–313 и H. Krieger. Das Effektivitätsprinzip im Völkerrecht, p. 161.

⁹⁰ В целом см.: A.D. Hughes. Tibet, in: EPIL 4, 2000, pp. 858–861.

протекторату; в любом случае, он не был провинцией Китая⁹¹. Между 1912 и 1950 годами Тибет был де-факто независимым государством⁹². Во время периода своей независимости Тибет следовал политике изоляции; это было государство-отшельник.

Китай, впрочем, всегда отрицал точку зрения, согласно которой Тибет был независимым государством. Согласно официальной позиции Китая, Тибет всегда был частью Китая с переменным объемом автономии⁹³.

Коммунисты, пришедшие в Китае к власти под руководством Мао Цзе-Дуна, вторглись в Тибет 7 октября 1950 года. Четырнадцатый далай-лама Тензин Гьяцо обратился за помощью к другим государствам и писал, в частности, в ООН, что "... мало есть надежды на то, что посвятившее себя миру государство окажется в состоянии сопротивляться жестокому натиску людей, обученных ведению войны, но, как мы понимаем, Организация Объединенных Наций приняла решение остановить агрессию, где бы она не происходила"⁹⁴. Тем не менее, попытки посланников Тибета заручиться четкой поддержкой на Западе и в ООН не принесли успеха.

На начальном этапе китайские власти позволили лидерам Тибета формально остаться на занимаемых прежде должностях. Тем не менее, в 1951 году была проведена официальная аннексия Тибета в пользу Китая. 23 мая 1951 года китайцы заставили тибетскую делегацию в Пекине подписать "Соглашение Центрального народного правительства Тибета о мероприятиях по мирному освобождению Тибета" (также известное как Соглашение 17 пунктов). Это соглашение не было добровольным, оно было заключено под принуждением и, следовательно, далай-лама не ратифицировал и не утвердил его⁹⁵.

⁹¹ См.: International Commission of Jurists (ed.). *The Question of Tibet and the Rule of Law*. Geneva, 1959, p. 83.

⁹² См.: G. Gyaltag. *Das Recht auf Selbstbestimmung aus historischer Sicht*, in: Ludwig (ed.), pp. 49–59 at 56. См. также: С.Н. Alexandrowicz-Alexander. *The Legal Position of Tibet* // 48 AJIL 1954, pp. 265–274.

⁹³ См., например: Т.-Т. Li. *The Legal Position of Tibet* // 50 AJIL 1956, pp. 394–404.

⁹⁴ Из обращения Его святейшества далай-ламы Тибета к ООН: November II, 1950, UN Doc. A/1549, приводится в: М.С. van Walt van Praag. *The Status of Tibet*, p. 337.

⁹⁵ См.: Int. Com. Of Jurists. *The Question of Tibet*, p. 96 и М.С. van Walt van Praag. *The Status of Tibet. History, Rights, and Prospects in International Law*. Boulder: Westview Press, 1987, p. 147 and 157.

Ввиду совершенных правонарушений, руководство Тибета рассматривало Соглашение 17 пунктов как не имеющее юридической силы. Полное подчинение тибетской автономии Китаю произошло в 1959 году после антикитайского восстания в Тибете. Далай-лама и около 100 тысяч других тибетцев были вынуждены покинуть страну и нашли убежище в соседней Индии и других странах.

Под руководством четырнадцатого далай-ламы в Дармсала, Индия, был образован Кашаг — правительство Тибета в изгнании. Это правительство не было, впрочем, признано другими государствами. Напротив, практически все государства признали Тибет частью Китая, как утверждает, по “геополитическим причинам”. В то же время, отношение третьих государств к притязаниям Китая было неубедительным и уклончивым⁹⁶. Представляется, к примеру, что США с одной стороны признали суверенитет Китая над Тибетом, а с другой — осудили “агрессию” и “вторжение” Китая в Тибет⁹⁷. Несмотря на протесты Китая, президент США Джордж Буш встретился с далай-ламой в качестве “частного лица” в день, “совпавший” с пятидесятой годовщиной заключения между Китаем и Тибетом “Соглашения 17 пунктов”, которое, как утверждает Китай, утвердило суверенитет последнего над Тибетом⁹⁸. Кроме того, нарушения Китаем прав человека в Тибете несколько раз осуждались Генеральной Ассамблеей ООН⁹⁹. Далай-лама получил от западных правительств и на международных форумах политическую поддержку политическим требованиям тибетцев.

Руководство коммунистического Китая применило в Тибете репрессивные меры, которые были расценены юристами-международниками как “геноцид”¹⁰⁰. Тибет превратился в высокой степени милитаризованную территорию; тибетская культура была поставлена под угрозу в связи с массовым переселением китайцев в Тибет, осуществляемом при поддержке государства. По современным оценкам в Тибете проживает 6 миллионов тибетцев и 7 миллионов китайцев.

⁹⁶ См.: M.C. van Walt van Praag. The Status of Tibet, p. 185.

⁹⁷ Дополнительно см.: van Walt van Praag, p. 186.

⁹⁸ См.: E. Eckholm. A New Poke in the Eye: China Bristles Over Tibet // NY Times, May 73, 2001.

⁹⁹ См. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН №№ 1353 (XIV) от 21 октября 1959 г., 1723 (XV) в 1961 г. и 2079 (XX) от 18 декабря 1965 г.

¹⁰⁰ См., например: E. Klein. Die Rolle der Staatengemeinschaft beim Kampf um die Selbstbestimmung für Tibet, in: Ludwig (ed.), pp. 60–76 at 71.

Следовательно, любой референдум по реализации “права на самоопределение” уже сейчас дал бы результат в пользу Пекина. Такие неправительственные организации, как Организация непредставленных наций и народов (ЮНПО) и Международная комиссия юристов использовали для характеристики ситуации в Тибете формулировки “колония”¹⁰¹ и “народ под иностранным владычеством”¹⁰².

Каков современный статус Тибета с точки зрения международного права? Хотя этот вопрос привлек пристальное внимание ученых¹⁰³, ряд вопросов остаются открытыми. Хотя по поводу точной природы суверенитета Тибета в 1912–1950 гг. продолжаются споры, большинство западных ученых в области международного права, по-видимому, согласились с тем, что вторжение Китая в Тибет в 1950 году представляло собой нарушение имеющегося в международном праве запрета на применение силы¹⁰⁴. Майкл ван Вальт ван Прааг убедительно доказывал, что Китайская Народная Республика не могла приобрести суверенитет над Тибетом на основе военного вторжения или осуществления впоследствии фактического контроля¹⁰⁵. Он утверждает, что государство Тибет, поддерживаемое продолжающимся существованием и деятельностью правительства Тибета в изгнании, с точки зрения международного права продолжает существовать:

“Сохраняющаяся поддержка далай-ламы среди подавляющего большинства населения, активное сопротивление китайскому правлению в Тибете, успешное развитие политики Тибета в изгнании и функционирование правительства в изгнании — все эти факторы способствуют континуитету тибетского государства”¹⁰⁶.

Если допустить, что Тибет был независимым государством до китайского вторжения, то единственным возможным выводом из этого было бы применение в случае Тибета тех же правовых соображений, что и в

¹⁰¹ UNPO, China’s Tibet. The World Largest Remaining Colony. Report of a Fact-Finding Mission and Analyses of Colonialism and Chinese Rule in Tibet. August 1997.

¹⁰² Int. Com. of Jurists, Tibet: Human Rights and the Rule of Law. Geneva, 1997, p. 21.

¹⁰³ См., например: R. McCorquedale/N. Orosz (eds.). Tibet: The Position in International Law. Report of the Conference of International Lawyers on Issues relating to Self-Determination and Independence for Tibet. London, 1994; G. Schmitz. Tibet und das Selbstbestimmungsrecht der Völker. Berlin: Walter de Gruyter, 1998.

¹⁰⁴ См., например: van Walt van Praag, p. 154.

¹⁰⁵ Van Walt van Praag, p. 187.

¹⁰⁶ Van Walt van Praag, p. 187.

случае стран Балтии. Проблема тибетской ситуации сходна, впрочем, с положением в странах Балтии в 1970–1980-е гг. Можно сколько угодно настаивать на незаконности аннексии и на необходимости восстановить правовой статус без изменений, но если незаконная ситуация сохраняется в действительности на протяжении столь долгого срока... Основной задачей правительства в изгнании остается обеспечение выживания и охрана фундаментальных интересов тибетского народа. *Die normative Kraft des Faktischen* заставила лидеров Тибета осознать необходимость компромисса. До 1970-х гг. тибетское правительство в изгнании боролось за полную независимость Тибета. Позднее, далай-лама все же отступил от этого требования и согласился на подлинную автономию Тибета в составе Китая¹⁰⁷. В 1988 году далай-лама представил детали своего плана тибетской автономии Европейскому Парламенту в Страсбурге. В то же время, некоторые другие группы беженцев из Тибета продолжают настаивать на праве Тибета на независимость.

Представляется, впрочем, что большинство государств, включая и наиболее могущественные, предпочитают играть с Китаем в геополитические “кошки-мышки” и не хотят прямо осудить ситуацию в Тибете как незаконную. Такое использование “двойных стандартов” может быть объяснимо с перспективы *Realpolitik*, особенно если принять в расчет возможности Китая как постоянного члена Совета Безопасности. Малые государства в особенности рискуют заплатить высокую цену, если станут “провоцировать” конфликт с Китаем по вопросу о Тибете. В этом отношении весьма отрезвляющим выглядит пример Бывшей югославской республики Македония (БЮРМ): в феврале 1999 года Китай использовал свое право вето для того, чтобы заблокировать запрос Генерального Секретаря ООН о распространении на БЮРМ мандата первой операции превентивного развертывания ООН — Сил превентивного развертывания ООН¹⁰⁸. Большинство исследователей сочли, что поведение Китая стало ответом на официальное признание БЮРМ Тайваня, произошедшее месяцем ранее¹⁰⁹. Хорошо известно, что за этим последовала эскалация в Македонии конфликта на этнической почве.

¹⁰⁷ См.: His Holyness XIV Dalai Lama. Die Zukunft Tibets, in: Klemens Ludwig (ed.). Perspektiven für Tibet. Auf dem Weg zu einer Zukunft in Freiheit und Selbstbestimmung. München: Diamant Verlag, 2000, p. 13–23 at 13.

¹⁰⁸ UN Press Release SC/6648. 25 Feb. 1999.

¹⁰⁹ R. Dwan. SIPRI Yearbook 2000, p. 83.

Говоря реалистически, большие и более могущественные государства обладают более широкими возможностями по оказанию давления на государство, нарушающее международное право в ситуациях, подобных тибетской. Но “отсутствие” силы не уменьшает ответственности малых государств. В особенности тем государствам, которые испытали на себе незаконные аннексии и положили в основание своих притязаний международное право и справедливость, следует, по крайней мере, попытаться внести больший вклад в сохранение на повестке международного сообщества тревожных фактов иных незаконных аннексий. Принятый большинством государств осторожный и пассивный подход по отношению к факту и практике китайского правления в Тибете может противоречить современным международно-правовым нормам не только в области прав человека, но и в отношении признания правооснования на территорию.

4. Итоговые замечания

Обсуждение вопросов, связанных с правовым статусом стран Балтии после восстановления их независимости, привело нас к анализу других релевантных прецедентов в международных отношениях, таких как случай Тибета. Последний случай показывает, что юридическое изучение последствий незаконной аннексии не должно замыкаться в прошлом: история аннексии балтийских республик сегодня применима к другим прецедентам и, весьма вероятно, сохранит свое значение и в будущем.

Настоящая диссертация показывает, каким образом принципы *ex injuria ius non oritur* и *ex factis oritur ius* противоречат и дополняют друг друга в практике международного права. С одной стороны, международное право стремится быть нормативным и выполнять свое обещание проводить различие между правомерными и противоправными действиями. С другой стороны, принцип соответствия действительности всегда уравновешивал в международном праве стремление к нормативизму и справедливости. Это противоречие проявляется с наибольшей и временами тревожной очевидностью в реакции международного права на аннексии, совершенные с применением силы.

Принцип *ex injuria ius non oritur* смог выполнить свое основное обещание на примере стран Балтии. Уже к концу Второй мировой войны международное сообщество приняло правовой принцип,

согласно которому незаконно аннексированное государство не прекращает своего существования в качестве субъекта международного права. Восстановление стран Балтии вновь подтвердило данную правовую норму в значительно более проблематичных исторических условиях: вопреки тому факту, что незаконная ситуация длилась в течение полувека. Таким образом, пример балтийских стран демонстрирует, что в международном сообществе и международном праве произошел прогресс в сторону защиты существующих государств от незаконной аннексии. В обычном международном праве оформилась норма, согласно которой незаконно аннексированное государство не прекращает своего существования и, следовательно, может сохранить свою правосубъектность на протяжении целых пятидесяти лет. До установления запрета на угрозу силой и ее применение международное право реагировало на насильственный захват, признавая государство прекратившим существование с того момента, как его независимое правительство исчезало или прекращало осуществлять свой контроль над территорией государства (по любой причине). На современном этапе, противоправно аннексированное в результате незаконного применения силы государство может продолжать существовать в течение более длительного срока и вновь появиться после восстановления независимости в качестве того же самого субъекта международного права, который существовал де-факто до аннексии.

Таким образом, недавняя практика государств в вопросе о государственности подтверждает замечание сэра Роберта Дженнинга о том, что “право всегда склоняется к принципу, согласно которому противоправное деяние не должно иметь юридической силы, способной изменять или создавать юридические права”¹¹⁰. Пример балтийских стран иллюстрирует феномен, характеризуемый как упадок доктрины соответствия действительности в международном праве¹¹¹. Международное право должно основываться на соображениях соответствия действительности, но последняя не может преобладать в случаях, когда опасности подвергаются наиболее фундаментальные положения международного права, то есть, доверие к международному праву как таковому. В контексте государственности наблюдается тенденция к пересмотру строгого применения “основанных исключи-

¹¹⁰ R. Jennings. Nullity and Effectiveness in International Law, in: Cambridge Essays in International Law. Essays in Honour of Lord McNair. London, 1965, p. 64–87 at 72.

¹¹¹ См. также: O.C. Okafor. Re-Defining Legitimate Statehood (...). The Hague: Nijhoff, 2000, p. 65.

тельно на фактах” критериев государственности Монтевидео в случаях незаконных действий¹¹². Мы соглашаемся с замечанием Обиора Чинеду Окафора, согласно которому “традиционная почтительность международного права постепенно уступает место включению в процесс принятия решений нормативных критериев, определяющих легитимность государства или ее отсутствие”¹¹³.

Подлинное значение данной перемены в международном праве и его практике может быть оценено в исторической перспективе. Для осознания почти революционной природы этой трансформации международного *opinio iuris* нам нужно обратиться мысленно к тому времени, когда даже наиболее идеалистически настроенные специалисты по международному праву, такие как Вальтер Шатцель, не видели никакой возможности проявления международной солидарности с жертвами захватов:

“В первую очередь следует избегать ошибочного заключения, что другие государства и народы имеют особый интерес в отношении национальных интересов какого-либо конкретного народа. Для них важнее их собственные мир и безопасность. Типично в этом контексте звучит высказывание Прудона: “Qu’est-ce que le monde a perdu en laissant périr la Pologne?””¹¹⁴

Автор настоящей работы не намерен, разумеется, предположить наличие постепенных изменений в том, что философы называют “человеческой природой”. Но международная практика изменилась. Анализ практики государств показывает, что, наряду с практическим отсутствием даже сегодня возможности для юридически необоснованных “национальных требований” создать какие-либо права и юридические преимущества или вызвать симпатию, международное сообщество постепенно начало усматривать в защите определенных *норм и принципов*, имеющих фундаментальное значение для права и стабильности самого сообщества, свой жизненно важный интерес. Несмотря на то, что собственная выгода и безопасность государств остаются (и, наиболее вероятно, останутся) наиболее важными факторами, определяющими государственную политику (государства

¹¹² Аналогичные выводы см. в: T.D. Grant. Defining Statehood: The Montevideo Convention and its Discontents // 37 Columbia JTL 1999, pp. 403–457 at 408 and 434.

¹¹³ См.: Okafor. Ibid., p. 65.

¹¹⁴ W. Schätzel. Die Annexion im Völkerrecht. 1920, reprinted in 1959, p. 175 (цитирует Proudhon. La guerre et la paix. 1861, t. I, p. 59).

стремятся избежать сценарий “*mourir pour Dantzig*”¹¹⁵), современное международное право признает, что ему действительно может быть нанесен существенный ущерб в случае, если международное сообщество разрешает нападения на своих членов и их аннексии, не предпринимая при этом каких-либо коллективных действий.

В случае со странами Балтии также обнаруживаются факты, оказывающие свое собственное воздействие и, вместе с ними, оказывает воздействие на международное право и принцип *ex factis oritur ius*. Хотя принцип государственного континуитета был недвусмысленно поддержан в практике государств, следствия из применения данного принципа были более противоречивыми. С практической точки зрения, основной проблемой при восстановлении стран Балтии стал вопрос о том, что именно должны означать идентичность правосубъектности и континуитет данных государств с довоенными республиками. В конечном счете, попытки стран Балтии настоять на *restitutio in integrum* не увенчались успехом: правовые отношения предшествующего аннексии периода не могли быть восстановлены в полном объеме. Автор настоящей работы выдвигает предположение, что доктрине международного права следует в большей мере учитывать факты в случаях незаконной аннексии и провести различие между континуитетом правового статуса с одной стороны и континуитетом юридических прав и обязанностей с другой. Разумеется, государственный континуитет в случаях незаконной аннексии предполагает континуитет прав и обязанностей, но неспособность восстановить в полном объеме предшествующие аннексии правовые отношения не должна ставить под сомнение континуитет статуса, который отдельно выполняет откровенно символическую функцию в международной практике.

Случай правового статуса стран Балтии обладает важными политическими измерениями, понимание которых также необходимо для правильной оценки природы международного права и правоприязнаний в случаях, связанных с “жизнью и смертью” государств. Открытый конфликт существует не только между принципами *ex injuria ius non oritur* и *ex factis oritur ius* в международном праве. Еще более напряженный конфликт возникает между интерпретацией(-ями), предлагаемыми международным правом, и парадигмой реализма, в рамках которой утверждается, что результат ситуации со странами Балтии определялся в основном отношениями силы.

¹¹⁵ “Кто хочет умереть за Данциг?” — французский пацифистский слоган кануна Второй мировой войны — прим. пер.

Соображения в духе реализма часто встречаются в практике и, возможно, даже доминируют в ней. Бывший министр иностранных дел Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес выразил данную дилемму, с которой сталкиваются страны Балтии, словами американской поговорки:

“ты можешь либо остаться правым, либо получить то, что ты хочешь” (you may be right, or you may get what you want)¹¹⁶. В своих отношениях с Российской Федерацией страны Балтии все в большей мере склонялись к “неправой позиции”, выраженной, по крайней мере, в виде молчания по определенным вопросам. Будущее покажет, поможет ли это им “получить то, что они хотят”. В связи с договорами о границе Россия высказала свое желание о том, чтобы Эстония и Латвия отказались от своих прежних позиций в вопросе об оккупации. Подобным образом, правительство России в основном избегает принятия на себя тяжелого бремени *Vergangenheitsaufarbeitung* и не принесло извинений за советскую оккупацию. В недавнем прошлом возможность такого извинения перестала, по крайней мере, полностью исключаться. Константин Провалов, посол России в Эстонии с 2001 года, дал во время интервью почти примирительный ответ на вопрос, собирается ли Россия извиниться за оккупацию балтийских республик: “Давайте оставим исторические дебаты для будущего. Как говорится в восточных странах: если хочешь идти в будущее, то закрывай глаза на прошлое, но не забывая ничего”¹¹⁷.

Но даже в этом случае для международного права остаются вопросы фундаментального значения: например, может ли право ответственности государств в действительности применяться в таких сложных исторических случаях, связанных со столь различными интерпретациями истории и различными уровнями силы?

Луи Хенкин писал, что “в отношениях между государствами прогресс цивилизации можно рассматривать как движение от силы к дипломатии, от дипломатии к праву”¹¹⁸. Хотя применение силы в международном праве было запрещено с 1920-х гг., оно по-прежнему присутствует в международных отношениях. Ввиду децентрализованной природы международного права, дипломатия может и должна быть посредником между силой и правом. Анализ аннексии и

¹¹⁶ T. H. Ives. Eesti välispoliitika minevik, olevik ja tulevik...1998, p. 5.

¹¹⁷ K. Liik. Vene saadik: tulen meie suhteid parandama (Посол России: Я приехал изменить наши отношения к лучшему), Интервью с К. Проваловым, Postimees, 5.01.2001.

¹¹⁸ L. Henkin. How Nations Behave: Law and Foreign Policy. 1968, p. 3.

восстановления стран Балтии демонстрирует, что понимание воздействия международной политики на применение международно-правовых норм позволяет установить пределы и возможности таких норм. Рискуя показаться банальным, можно сделать вывод о том, что “правильная” правовая позиция не является единственным фактором, определяющим результат в практике государств.

Тем не менее, концепция государственного континуитета в случаях незаконной аннексии свидетельствует о возрастающем нежелании международного сообщества согласиться с принципом полного соответствия действительности и, тем самым, символизирует дальнейший прогресс международного права.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Директива № 02622 Наркома обороны СССР маршала С. Тимошенко и начальника Генерального Штаба маршала Б. Шапошникова командующему Краснознаменным Балтийским флотом В. Трибуцу от 9 июня 1940 года.

Источник: Центральный военно-морской архив СССР¹.

Командующему Краснознаменным Балтийским флотом было приказано:

1. Краснознаменному Балтийскому флоту (КБФ) 10 июня с. г. с 5.00 перейти в оперативное подчинение командующего Ленинградским военным округом и к 12 июня быть готовым к выполнению боевых заданий по приказанию последнего.

А. Обеспечить постоянную боевую готовность военно-морских баз и кораблей КБФ, находящихся в гаванях Таллина, Пальдиски и Либавы.

Б. Под руководством командующего Ленинградским военным округом захватить находящиеся на базах корабли эстонского и латвийского военно-морских флотов.

В. Захватить торговый флот и плавсредства.

Г. Подготовить и организовать высадку десантов в Пальдиски и Таллине, захватить таллинские гавани и батарею.

Д. Заблокировать Рижский залив.

Е. Организовать постоянное и надежное патрулирование: в Финском заливе — с направления Финляндии и в Балтийском море — с направления Швеции и с юга.

Ж. В тесном сотрудничестве с вооруженными силами оказать помощь войскам Ленинградского военного округа в их продвижении на Раквере.

¹ Central Archives of the Naval Forces of the USSR, С. R-92, г.2с, f. 672, s.171–252. Доступно в сети интернет на интернет-сайте МИД Эстонской Республики по ссылке <http://www.vm.ee/eng/estoday/2000/Directive.htm>, посещение 20 ноября 2000 г.

3. Используя военно-воздушные силы, предотвратить перелет военно-воздушного флота Эстонии и Латвии в Финляндию и Швецию.
2. Точное время начала боевых действий устанавливает командующий Ленинградским военным округом.
3. План боевых операций КБФ должен быть разработан и представлен на утверждение к 11 июня с.г.²

² Ibid. См. интернет-ссылку <http://www.vm.ee/eng/estoday/2000/Directive.htm>, посещение 20 ноября 2000 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Выдержки из доклада командующего Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирала В. Трибуца о выполнении приказов.

Лист 171. Согласно директиве Наркома обороны СССР № 02622 от 9 июня 1940 года, Краснознаменный Балтийский флот получил следующие задания:

1. Захватить все находящиеся на базах и в море корабли эстонского и латвийского военно-морских флотов, захватить корабли литовского военно-морского флота.
2. Захватить корабли торгового флота Эстонии и Латвии, чтобы прервать морское сообщение между этими странами.
3. Подготовить и организовать высадку десантов в Пальдиски и Таллине, захватить таллинские гавани и батареи на островах Нарген и Вулф, подготовиться к захвату батареи Суурупи с материка.
4. Установить блокаду Рижского залива и побережья Эстонии и Латвии на Финском заливе и Балтийском море, предотвратить эвакуацию правительств этих стран, а также войск и имущества.
5. Организовать постоянное и надежное патрулирование: в Финском заливе — с направления Финляндии и в Балтийском море — с направления Швеции и с юга.
6. В тесном сотрудничестве с вооруженными силами оказать помощь войскам Ленинградского военного округа в их продвижении на Раквере.
7. Используя военно-воздушные силы, предотвратить перелет военно-воздушного флота Эстонии и Латвии в Финляндию и Швецию.

Лист 172. В операции приняло участие 120 кораблей, включая один линкор, 1 крейсер, 2 лидера, 1 канонерскую лодку, 7 истребителей, 5 сторожевых кораблей, 7 базовых траулеров, 18 тяжелых траулеров, 17 подлодок, 10 торпедных катеров.

Военно-воздушные силы КБФ, включая:

8-я авиабаза — 7 эскадрилий “СБ” и “ДБ-3”

8-я авиабаза — 64 самолета, “МБР-2”, “СБ”

10-й военно-воздушный полк — 64 самолета “МБР-2”

73-й военно-воздушный полк — 9 самолетов “МБР-2”

61-я база истребителей целиком в обеспечении Главной военно-морской базы.

Лист 176. В период переговоров и после достижения соглашения между правительством Советского Союза и правительствами Эстонии, Латвии и Литвы, КБФ осуществил следующие задачи:

А. Морское сообщение между этими странами было прервано.

Б. Подлодки 1-й, 2-й, 3-й и 4-й бригад подводных лодок заняли позиции в Балтийском море, выполняя задачу по прерыванию морского сообщения, предотвращения прохождения кораблей и эвакуации войск и имущества.

(...) Е. Был перекрыт Рижский залив и установлена блокада эстонского и латвийского побережья с направления Финского залива и Балтийского моря. Был предотвращен перелет военно-воздушных сил Эстонии и Латвии в Финляндию и Швецию.

Лист 179б. В период блокады нашими кораблями и подлодками было всего захвачено 52 судна (латвийских, эстонских, финских и шведских).

Лист 251. Легкое соединение КБФ в составе крейсера “Киров”, лидеров “Минск” и “Ленинград”, эсминцев “Гордый” и “Ленин” захватило 7 латвийских и 2 эстонских транспортных судна.

Лист 252. Ввиду сопротивления со стороны транспортных судов, крейсер “Киров”, эсминец “Ленин” и подлодка “С-1” сделали предупредительные выстрелы, после чего транспортные суда остановились.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Докладная записка № 390 Наркома обороны СССР Тимошенко Генеральному секретарю Коммунистической партии СССР Иосифу Сталину и Наркому иностранных дел Вячеславу Молотову (совершенно секретно) — 17 июня 1940 года.

Источник: VRSA, f.4, n.19, s 71, l 238–238 об (Цит. по: М. Мэлтюхов. Нарращивание советского военного присутствия в Прибалтике в 1939–1941 гг. // Отечественная история, № 4, 1999, с. 46–70. Эстонский перевод в: J. Isotamm, 13 Akadeemia No. 10, 2001, pp. 2074–2095 at 2087–2088.)

“В целях обеспечения скорейшей подготовки Прибалтийского ТВД считаю необходимым немедленно приступить, на территории занятых республик, к осуществлению следующих мероприятий:

1. Границу с Восточной Пруссией и Прибалтийское побережье немедленно занять нашими погранвойсками для предотвращения шпионской и диверсионной деятельности со стороны западного соседа.
2. В каждую из занятых республик ввести по одному (в первую очередь) полку войск НКВД для охраны внутреннего порядка.
3. Как можно скорее решить вопрос “с правительством” занятых республик.
4. Приступить к разоружению и расформированию армий занятых республик. Разоружить население, полицию и имеющиеся военизированные организации.
5. Охрану объектов, караульную и гарнизонную службу возложить на наши войска.
6. Решительно приступить к советизации занятых республик.
7. На территории занятых республик образовать Прибалтийский военный округ со штабом в Риге. Командующим войсками округа назначить командующего САВО генерал-полковника Апанасенко. Штаб округа сформировать из штаба 8-й армии.

8. На территории округа приступить к работам по подготовке ее, как театра военных действий (строительство укреплений, перешивка железных дорог, дорожное и автодорожное строительство, склады, создание запасов и пр.).

План подготовки ТВД представлю дополнительно”.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

13 июня 2000 года Сейм (парламент) Литовской Республики принял “Закон о возмещении ущерба, причиненного оккупацией со стороны СССР” следующего содержания:

Сейм Литовской Республики,
в соответствии с:

общепризнанными нормами и принципами международного права, а также международной практикой возмещения ущерба, причиненного другим странам и их гражданам в результате оккупации в период Второй мировой войны,

Резолюцией Верховного Совета Литвы/Восстановительного Сейма от 4 июня 1991 года “О компенсации ущерба, причиненного СССР Литовской Республике и ее гражданам во время 1940–1990 гг.”,

Договором между Литовской Республикой и Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой “Об основах межгосударственных отношений” от 29 июля 1991 года, в котором стороны заявили о своей “убежденности в том, что аннулирование СССР последствий аннексии 1940 года, нарушившей суверенитет Литвы, создаст дополнительные условия для взаимного доверия между Высокими Договаривающимися Сторонами и их народами”,

волей народа, высказанной гражданами Литовской Республики на референдуме по вопросу о выводе российских войск и возмещении причиненного ущерба, состоявшегося 14 июня 1992 года, и требованием в резолюции Верховного Совета/Восстановительного Сейма от 30 июня 1992 года о том, что “ущерб, причиненный народу Литвы и литовскому государству, должен быть возмещен”,

Статьей 15 Декларации Хельсинкского саммита от 10 июля 1992 года и сопутствующим пояснительным заявлением литовской делегации, где отмечается, что возмещение понесенных Литвой потерь, а также вывод российской оккупационной армии с территории суве-

ренной Литвы являются основной предпосылкой для ликвидации последствий оккупации и аннексии;

учитывая тот факт, что по международному праву Российская Федерация является правопреемником прав и обязательств СССР, что она признала сама в Резолюции Совета глав государств-членов Содружества Независимых Государств от 21 декабря 1991 года, в письме Президента Российской Федерации Б. Ельцина Генеральному секретарю ООН от 24 декабря 1991 года, в ноте Министерства иностранных дел Российской Федерации главам дипломатических представительств от 13 января 1992 года и в других документах, а также то обстоятельство, что Европейское Сообщество и его государства-члены 23 декабря 1991 года заявили, что “Россия должна быть правопреемницей в отношении международных прав и обязательств бывшего СССР и осуществлять эти права и обязательства”;

заявляя, что хотя Россия проявила немало доброй воли и вывела свои войска в соответствии с процедурой и в пределах сроков, установленных в соглашениях от 8 сентября 1992 года, она все еще не устранила всех последствий оккупации и аннексии Литвы СССР, что она все еще занимает принадлежащие Литве землю и здания в Париже и что аналогичные проблемы в Риме также не были пока решены,

принимает настоящий закон:

Статья 1. Временные рамки ущерба, причиненного оккупацией Литвы со стороны СССР

Временные рамки ущерба, причиненного оккупацией Литвы со стороны СССР, являются следующими:

- 1) оккупация и ущерб со стороны СССР в 1940–1990 гг., включая ущерб, причиненный населению Литвы в связи с депортацией и насильственным содержанием под стражей в 1941–1945 гг., а также ущерб, причиненный вооруженными силами и репрессивными структурами СССР в этот период;
- 2) ущерб, причиненный СССР, его репрессивными структурами и вооруженными силами в 1990–1991 гг. и ущерб, причиненный вооруженными силами СССР (Российской Федерации в 1992–1993 гг.) в период между 1991 и 1993 гг.

Статья 2. Обязательства правительства Литовской Республики

Правительство Литовской Республики обязано:

- 1) в срок до 1 сентября 2000 года сформировать делегацию Литовской Республики для переговоров с Российской Федерацией в отношении возмещения ущерба, причиненного Литовской Республике в результате оккупации со стороны СССР;
- 2) в соответствии с рабочей программой, одобренной в распоряжении правительства № 242 от 13 февраля 1996 года “О рабочей программе по оценке ущерба, причиненного Литовской Республике вооруженными силами Российской Федерации в 1991–1993 гг.”, в срок до 1 октября 2000 года определить более точно и завершить подсчет ущерба, причиненного оккупацией СССР, включая выплаты гражданам Литвы за ущерб, причиненный оккупацией СССР и ее последствиями, а также расходов на возвращение домой депортированных и их потомков;
- 3) в срок до 1 ноября 2000 года обратиться к Российской Федерации по вопросам возмещения ущерба, причиненного в период оккупации СССР, представив расчеты ущерба, а также известить об этом ООН, Совет Европы и Европейский Союз и постоянно стремиться заручиться поддержкой этих организаций и их государств-членов при решении вопросов, связанных с возмещением Литве ущерба, причиненного оккупацией СССР;
- 4) начать переговоры и постоянно прилагать усилия с тем, чтобы Российская Федерация возместила народу Литвы и литовскому государству ущерб, причиненный оккупацией СССР;
- 5) накапливать средства, получаемые от Российской Федерации в виде возмещения причиненного оккупацией СССР ущерба, на специальном счете по возмещению причиненного оккупацией ущерба в министерстве финансов и в первую очередь выделять эти фонды на возмещение ущерба, причиненного литовскому народу в результате депортаций, принудительного труда, репрессий оккупационного режима и утраченной собственности.

Статья 3. Фонд для возвращения на родину лиц, депортированных СССР

Учитывая, что 25 января 1996 года Российская Федерация перед Советом Европы приняла на себя обязательство оказать помощь лицам, ранее депортированным из стран Балтии и/или их потомкам,

для возвращения в страны, из которых они были депортированы, в рамках специальных репатриационных и компенсационных программ, правительство Литовской Республики намеревается создать “Фонд для возвращения на родину лиц, депортированных СССР” и обратиться к Российской Федерации по вопросу выделения фондов для возвращения на родину лиц, депортированных из Литвы, и их потомков.

Согласно второму параграфу Статьи 71 Конституции Литовской Республики, я обнародую настоящий закон, принятый Сеймом Литовской Республики.

Спикер Сейма Литовской Республики

Витаутас Ландсбергис

БИБЛИОГРАФИЯ

Научные труды

- Abi-Saab G. *Les Nations Unies et le Droit International Humanitaire. Actes du Colloque International de l'Université de Genève.* — Paris: A. Pedone, 1996.
- Ali Khan L. *The Extinction of Nation-States. A World without Borders.* — The Hague: Kluwer, 1998.
- Allcock J.B., et al. (ed.). *Border and Territorial Disputes.* — 3rd ed., Longman Current Affairs, 1992.
- Ando N. *Surrender, Occupation, and Private Property in International Law. An Evaluation of US Practice in Japan.* — Oxford: Clarendon Press, 1991.
- Annus T. *Riigijõigus (Государственное право).* — Tallinn: Juura, 2001.
- Arangio-Ruiz G. *L'Etat dans le sens du Droit des Gens et la Notion du Droit international.* — Bologna: Cooperativa Libreria Universitaria, 1975.
- Arend A.C. *Legal Rules and International Society.* — New York: Oxford University Press, 1999.
- Arendt H. *The Origins of Totalitarianism.* — London: André Deutsch, 1986.
- Aron R. *Peace and War: A Theory of International Relations*, translated by R. Howard and A. Baker Fox. — Garden City, NY: Doubleday, 1966.
- Барсегов Ю.Г. *Территория в международном праве. Юридическая природа территориального верховенства и правовые основания распоряжения территориями.* — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1958.
- Bedjaoui M. *La Révolution algérienne et le droit.* — Bruxelles: Association internationale des juristes démocrates, 1961.
- Belgrad E.A. *The Theory and Practice of Prescriptive Acquisition in International Law // Dissertation at the Johns Hopkins University, Baltimore, 1967.*
- Benvenisti E. *The International Law of Occupation.* — Princeton: Princeton University Press, 1993.
- Biger G. *The Encyclopedia of International Boundaries.* — Jerusalem, 1995.
- Blix, H.M. *Contemporary Aspects of Recognition // 130 RCADI 1970, pp. 567–703.*
- Blumenwitz D. *What is Germany? Exploring Germany's Status after World War II.* — Bonn: Kulturstiftung der deutschen Vertriebenen, 1989.
- Bollow U. *Die baltische Frage in der internationalen Politik nach 1945.* — Berlin: Freie Universität Berlin Politikwissenschaften, 1993.
- Boyle E.A. *World Politics and International Law.* — Durham: Duke University Press, 1985.
- Борьбов П.Л. *Основные проблемы теории международного права.* — М.: Международные отношения, 1968.
- Brierly J.L. *The Outlook for International Law.* — Oxford: Clarendon Press, 1945.

- Briggs H. W. Non-recognition of Title by Conquest and Limitations of the Doctrine // 34 Am. Soc'y Int'l L. Proc. 1940, pp. 72–82.
- Brownlie I. International Law and the Use of Force by States. — Oxford: Clarendon Press, 1963.
- Brownlie I. Principles of Public International Law. — 5th ed., Oxford: Clarendon Press, 1998.
- Bühler K. State Succession and Membership in International Organizations. Legal Theories versus Political Pragmatism. — The Hague: Kluwer, 2001.
- Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. — 2nd ed., New York: Columbia University Press, 1995.
- Byers M. (ed.). The Role of Law in International Politics. Essays in International Relations and International Law. — Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Cansacchi G. Identité et continuité des sujets internationaux // 130 RCADI 1970, pp. 1–94.
- Capaldo G.Z. Le situazione territoriali illegitime nel diritto internazionale. — Napoli: Editoriale Scientifica, 1977.
- Carr E.H. The Twenty Years' Crisis. An Introduction to the Study of International Relations. — Macmillan: London, 2nd ed., 1946.
- Carty A. The Decay of International Law? A Reappraisal of the Limits of Legal Imagination in International Affairs. — Manchester: Manchester University Press, 1986.
- Cassese A. and Weiler J.H.H. (eds.). Change and Stability in International Law-Making. — Berlin: W. de Gruyter, 1988.
- Cassese A. Self-determination of Peoples. A Legal Reappraisal. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Cassese A. International Law. — Oxford: University Press, 2001.
- Castrén E.J. Aspects récents de la succession d'états // 78 RCADI 1951, pp. 379–506.
- Charpentier J. La reconnaissance internationale et revolution du droit des gens. — Paris: Pedone, 1956.
- Chen T.-C. The International Law of Recognition. With Special Reference to Practice in Great Britain and the United States. — London: Stevens & Sons, 1951.
- Chrysostomides K. The Republic of Cyprus. A Study in International Law. — The Hague: Nijhoff, 2000.
- Clute R.E. The International Legal Status of Austria, 1938–1955. — The Hague: Nijhoff, 1962.
- Crawford J. The Creation of States in International Law. — Oxford: Clarendon Press, 1979.
- Crawford J. (ed.). Commentaries on the ILC Draft Articles on State Responsibility. — Cambridge University Press (готовится к публикации; версия от июля 2001 года имеется у автора).
- Cumper P. and Wheatley S. (eds.). Minority Rights in the 'New' Europe. — The Hague: Nijhoff, 1999.
- Cuthbertson I.M. and Leibowitz J. (eds.). Minorities: The New Europe's Old Issue. — Prague etc: Open Society Press, 1993.
- Dahm G. Völkerrecht. Band I. — Stuttgart: Kohlhammer, 1958.
- Dahm G., Delbrück J., Wolfrum R. Völkerrecht. Bd. I/I. — 2. Aufl., Berlin: de Gruyter, 1989.
- Daillier P., Pellet A., Nguyen Quoc Dinh. Droit international public. — 6^e edition, Paris: L.G.D.J., 1999.

- Damrosch L.F. Enforcing International Law Through Non-Forcible Measures // 269 RCADI 1997, pp. 9–250.
- Darsow T. Zum Wandel des Staatsbegriffs. Unter besonderer Berücksichtigung der Lehre und Praxis internationaler Organisationen, der Mikrostaaten und der Palästinensischen Befreiungsorganisation (PLO). — Frankfurt: Peter Lang, 1984.
- Debbasch O. L'Occupation militaire. Pouvoirs reconnus aux forces armées hors de leur territoire national. — Paris: R. Pichon et R. Durand-Auzias, 1962.
- Degan V.-D. Création et disparition de l'État (À la lumière du démembrement de trois fédérations multiethniques en Europe) // 279 RCADI 1999, pp. 195–376.
- Derrida J. Positions, translated by Alan Bass. — Chicago: University of Chicago Press, 1972.
- Dinstein Y. War, Aggression and Self-Defence. — 2nd ed., Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Дипломатическая Академия МИД РФ и др. (соз.). Международное право. — Издание 2е, М: Международные отношения, 1998.
- Документы внешней политики СССР. Т. 1. М, 1957.
- Doehring K. Völkerrecht. Ein Lehrbuch. — Heidelberg: C.F. Müller Verlag, 1999.
- Dugard J. Recognition and the United Nations. — Cambridge: Grotius Publications, 1987.
- Dunsdorfs E. The Baltic Dilemma. The Case of the de jure Recognition by Australia of the incorporation of the Baltic States into the Soviet Union. — New York: Robert Speller & Sons, Publishers, Inc, 1975.
- Duroselle J.-B. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. — IIe édition, Paris: Duroselle, 1993.
- Duursma J. Fragmentation and the International Relations of Micro-States. Self-determination and Statehood. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Эсаян А.А. Некоторые вопросы теории и истории международного права. — Ереван: Издательство Ереванского Университета, 1977.
- Escameia P. Formation of Concepts in International Law. Subsumption under Self-determination in the Case of East Timor. — Lissabon, 1993.
- Fassbender B. UN Security Council Reform and the Right of Veto. A Constitutional Perspective. — The Hague: Kluwer, 1998.
- Fastenrath U., Schweisfurth T., Ebenroth C.T. (Referate und Thesen von), Das Recht der Staatensukzession. (Право преемства государств). — Berichte der Deutschen Gesellschaft für Völkerrecht, Bd. 35, Heidelberg: C. F. Müller Verlag, 1996.
- Фелдман Д.И. (соз.). Международная правосубъектность (некоторые вопросы теории). М: Юридическая литература, 1971.
- Fiedler W. Staatskontinuität und Verfassungsrechtsprechung. Zum Begriff der Kontinuität des deutschen Staatswesens, unter besonderer Berücksichtigung der Rechtsprechung des Bundesverfassungsgerichts. — Freiburg: K. Alber, 1970.
- Fiedler W. Das Kontinuitätsproblem im Völkerrecht. Zum funktionalen Zusammenhang zwischen Völkerrecht, Staatsrecht und Politik. — Freiburg: K. Alber, 1978.
- Fischer A. Teheran, Jalta, Potsdam. Die sowjetische Protokolle von den Kriegskonferenzen der "Großen Drei". — Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1973.
- Fischer F. Griff nach Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18. — 1. Aufl., Düsseldorf: Droste Verlag, 1961.

- Franck T.M. *Fairness in International Law and Institutions*. — Oxford: University Press, 1995.
- Friedmann W. *The Changing Structure of International Law*. — London: Stevens & Sons, 1964.
- Frowein J.A. *Reactions by not Directly Affected States to Breaches of Public International Law* // 248 RCADI 1994, pp. 345–437.
- Ginsburgs G. *Moscow's Road to Nuremberg, the Soviet Background to the Trial*. — The Hague: Martinus Nijhoff, 1996.
- Ginsburgs G. *From Soviet to Russian International Law. Studies in Continuity and Change*. — The Hague: Nijhoff, 1998.
- Glahn G. von. *The Occupation of Enemy Territory. A Commentary on the Law and Practice of Belligerent Occupation*. — Minneapolis: The University of Minnesota Press, 1957.
- Gornig G.-H. *Der Hitler-Stalin-Pakt. Eine völkerrechtliche Studie*. — Frankfurt: Peter Lang, 1990.
- Gowlland-Debbas V. *Collective Responses to Illegal Acts in International Law. United Nations Action in the Question of Southern Rhodesia*. — Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1990.
- Graber D.A. *The Development of the Law of Belligerent Occupation 1863–1914*. — New York: Columbia University Press, 1949.
- Grashoff D. *Staatusukzessionbedingter Schuldnerwechsel. Die Teilung öffentlicher Schulden unter Nachfolgestaaten im Dismembrationsfall*. — Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1995.
- Grewe W.G. *Epochen der Völkerrechtsgeschichte*. — Baden-Baden: Nomos, 2. Aufl., 1988.
- Grotius H. *De iure belli ac pacis*, reprinted in Aalen: Scientia Verlag, 1993.
- Guggenheim P. *Traité de droit international public. Avec mention de la pratique internationale et suisse*. — Avec la collaboration de D. Kappler, 2. ed., t. I. — Geneve: Georg, 1967.
- Hannikainen L. *Peremptory Norms (Jus Cogens) in International Law. Historical Development, Criteria, Present Status*. — Helsinki: Lakimiesliiton Kustannus, 1988.
- Hegel G.W.F. *Wissenschaft der Logik*. — Bd. 2, 1813. — Leipzig: Reclam, 1963.
- Hegel G.W.F. *Grundlinien der Philosophie des Rechts*. — 1821. — Frankfurt: Suhrkamp, 1967.
- Henckaerts J.-M. *Mass Expulsion in Modern International Law and Practice*. — The Hague: 1995.
- Henkin L. *How Nations Behave. Law and Foreign Policy*. — New York et al: Frederick A. Praeger, 1968.
- Henkin L. *International Law: Politics, Values and Functions. General Course on Public International Law*, in: 216 RCADI 1989, pp. 9–416.
- Hall W.E. *A Treatise on International Law*. 8th ed., ed. by A. P. Higgins. — Oxford, 1924, reprinted by Scientia Verlag (Aalen), 1979.
- Hill N. *Claims to Territory in International Law and Relations*. — London: Oxford University Press, 1945.
- Hillgruber C. *Die Aufnahme neuer Staaten in die Völkerrechtsgemeinschaft. Das völkerrechtliche Institut der Anerkennung von Neustaaten in der Praxis des 19. und 20. Jahrhunderts*. — Frankfurt a.M.: Peter Lang, 1997.

- International Commission of Jurists (ed.). *The Question of Tibet and the Rule of Law*. — Geneva, 1959.
- International Commission of Jurists (ed.). *Tibet: Human Rights and the Rule of Law*. — Geneva, 1997.
- ILA (ed.). Rapport preliminaire sur la succession d'Etats en matiere de traites (rapporteur B. Stern), in: Report of the 67th Conference held at Helsinki, Finland, 12 to 17 August 1996. — London, 1996.
- ILA (ed.). Rapport interimaire sur la succession en matiere de traites constitutifs d'organisations internationales et de traites adoptes au sein des organisations internationales (rapporteur B. Stern), in: Report of the 68th Conference held at Taipei, Republic of China, 24–30 May 1998. — London, 1998.
- Ilves T.H. Eesti välispoliitika minevik, olevik ja tulevik. Aulaloeng 30. aprillil 1998 (Прошлое, настоящее и будущее внешней политики Эстонии. Лекция в Актовом зале Тартуского университета). — Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1998.
- Ipsen K. *Völkerrecht. Ein Studienbuch*. — 4. Auflage, München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1999.
- Jaakson E. *Eestile (Для Эстонии)*. — Tallinn: SE & JS, 1995.
- Järve P. *Ethnic Democracy and Estonia: Application of Smootha's Model // ECMI Working Paper No. 7, Flensburg, 2000.*
- Jellinek G. *Allgemeine Staatslehre*. Hg. von W. Jellinek. — 3. Aufl., Berlin: Häring, 1914.
- Jellinek H. *Der automatische Erwerb und Verlust der Staatsangehörigkeit durch völkerrechtliche Vorgänge, zugleich ein Beitrag zur Lehre von der Staatensukzession*. — Berlin: Carl Heymann, 1951.
- Jennings R.Y. *The Acquisition of Territory in International Law*. — Manchester: Manchester University Press, 1963.
- Jessup P.C. *The Birth of Nations*. — New York: Columbia University Press, 1974.
- Kacowicz A.M. *Peaceful Territorial Change*. — Columbia, SC: University of South Carolina Press, 1994.
- Kahk J. (ed.). *World War II and Soviet Occupation in Estonia: A Damages Report*. — Tallinn: Periodika Publishers, 1991.
- Kaljurand M. *Some Aspects of Succession of Estonia to the International Treaties Concluded in 1918–1940 // Master's Thesis at The Fletcher School of Law and Diplomacy, 1995.*
- Kaslas B.J. *The USSR-German Aggression against Lithuania*. — New York: Robert Speller & Sons, 1973.
- Kelsen H. *Der soziologische und der juristische Staatsbegriff. Kritische Untersuchung des Verhältnisses von Staat und Recht*. — 2. Aufl., Tübingen: Mohr, 1928.
- Kelsen H. *Principles of International Law*. 2nd edn., rev. and ed. by Robert W. Tucker. — New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1967.
- Kiaupa Z., Mäesalu A., Pajur A., Sträube G. *The History of the Baltic Countries*. — Tallinn: Avita, 1999.
- Kiris A. *Restoration of the Independence of the Republic of Estonia. Selection of Legal Acts (1988–1991)*. — Tallinn: Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Estonia and Estonian Institute for Information, 1991.
- Kissinger H. *Diplomacy*. — New York: Simon & Schuster, 1994.

- Klabbers J., Koskenniemi M., Ribbelink O. and Zimmermann A. (eds.). *State Practice Regarding State Succession and Issues of Recognition: the Pilot Project of the Council of Europe*. — The Hague: Kluwer Law International, 1999.
- Klein E. *Das Selbstbestimmungsrecht der Völker und die deutsche Frage*. — Berlin: Gebr. Mann, 1990.
- Клименко Б. *Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права*. М: Международные отношения, 1974.
- Kochavi A. J. *Prelude to Nuremberg. Allied War Crimes Policy and the Question of Punishment*. — Chapel Hill, 1998.
- Korhonen O. *International Law Situated. An Analysis of the Lawyer's Stance Towards Culture, History and Community*. — The Hague: Kluwer, 2000.
- Korman S. *The Right of Conquest. The Acquisition of Territory by Force in International Law and Practice*. — Oxford: Clarendon Press, 1996.
- Koskenniemi M. *From Apology to Utopia. The Structure of International Legal Argument*. — Helsinki: Lakimiesliiton Kustannus, 1989.
- Koskenniemi M. (ed.). *International Law*. — Aldershot et al.: Dartmouth, 1992.
- Kraus H. *Das Recht der Minderheiten. Materialien zur Einführung in das Eiverständnis des modernen Minoritätenproblems*. — Berlin: Stilke, 1927.
- Krause-Ablaß W.-D. *Intertemporales Völkerrecht. Der zeitliche Anwendungsbereich von Völkerrechtsnormen*. — Hamburg: A. Metzner Verlag, 1970.
- Kreuzer C. *Staatsangehörigkeit und Staatensukzession. Die Bedeutung der Staatensukzession für die staatsangehörigkeitsrechtlichen Regelungen in de Staaten der ehemaligen Sowjetunion, Jugoslawiens und der Tschechoslowakei*. — Berlin: Duncker & Humblot, 1998.
- Krieger H. (ed.). *East Timor and the International Community. Basic Documents*. — Cambridge University Press, 1997.
- Krieger H. *Das Effektivitätsprinzip im Völkerrecht*. — Berlin: Duncker & Humblot, 2000.
- Kross J. *Professor Martens' Departure*, transl. from the Estonian by A. Hollo. — London: Harvill, 1994.
- Laar M. *War in the Woods. Estonia's Struggle for Survival 1944–1956*. — Washington, DC: The Compass Press, 1992.
- Langer R. *Seizure of Territory. The Stimson Doctrine and Related Principles in Legal Theory and Diplomatic Practice*. — Princeton: Princeton University Press, 1947.
- Laun R. *Die Haager Landkriegsordnung. (Das Übereinkommen über die Gesetze und Gebräuche des Landkrieges.)*. — 4. Aufl., Wolfenbüttel: Wolfenbütteler Verlagsanstalt G.m.b.H, 1949.
- Laun R.v. *Staat und Volk. Eine völkerrechtliche und staatsrechtliche Untersuchung auf philosophischer Grundlage*. — 2. Aufl., Aalen Scientia Verlag, 1971.
- Lauterpacht H. *Private Law Sources and Analogies of International Law*. — London: Longmans, Green & Co., 1927. — reprinted Archon Books, 1970.
- Lauterpacht H., Oppenheim L. *International Law. A Treatise*. — 5th ed., London: Longmans, Green, vol. 1–2, 1935–37.
- Lauterpacht H. *Règles générales du droit de la paix // 62 RCADI 1937*, pp. 95–422.
- Lauterpacht H. *Recognition in International Law*. Cambridge: At the University Press, 1947.
- Lauterpacht H. (ed.). *International Law. A Treatise*. — 8th ed., 1955.

- Lemkin R. *Axis Rule in Occupied Europe. Laws of Occupation. Analysis of Government. Proposals for Redress.* — Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944.
- Lenin V.I. *Collected works (Сочинения).* — t. 30, Moscow, 1959.
- Ленин В.И. *Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции.* — М: Издательство политической литературы, 1952 (ориг. 1917).
- Левин Д.Б. *Ответственность в современном международном праве.* — М: Международные отношения, 1969.
- Lettland unter sowjetischer und nationalsozialistischer Herrschaft. *Eine Darstellung des lettischen Okkupationsmuseums.* — Riga, 1998.
- Liebig A. et al (eds.). *Citizenship East and West.* — London: Kegan Paul Int'l, 1995.
- Lieven A. *The Baltic Revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence.* — New Haven and London: Yale University Press, 2nd ed., 1994.
- Machiavelli N. *Il principe.* — German edition of Parkland: Köln, 2000.
- Maim N. *Völkerbund und Staat. Ein Beitrag zur Ausarbeitung eines allgemeinen öffentlichen Rechts.* — Tartu: K. Mattiesen, 1932.
- Marek K. *Identity and Continuity of States in International Law.* — Genève: E. Dros, 1954.
- Marek K. *Identity and Continuity of States in International Law.* — 2e ed., Geneve: E. Dros, 1968.
- Martens G. von. *Précis du droit des gens moderne de l'Europe, fondé sur les traités et l'usage.* — 2e éd., Göttingen: Henri Dietrich, 1801.
- Martens F. von. *Völkerrecht. Das internationale Recht der civilisierten Nationen.* — Deutsche Ausgabe von Carl Bergbohm, Erster Teil, Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1883.
- Mattiesen E. *Searching for a Dignified Compromise. The Estonian-Russian Border 1000 Years.* — Tallinn: ILO, 1996.
- McCorquedale R., Orosz N. (eds.). *Tibet: The Position in International Law. Report of the Conference of International Lawyers on Issues relating to Self-Determination and Independence for Tibet.* — London, 1994.
- McMahon M.M. *Conquest in Modern International Law.* — Washington, DC: Catholic University of America Press, 1940.
- McNair, Sir A.D. *Legal Effects of War.* — 2nd ed., Cambridge: University Press, 1944.
- McNair A., Watts A. *The Legal Effects of War.* — 4th ed., 1966.
- Medijainen E. *Saadiku saatus. Välisministeerium ja saatkonnad 1918–1040 (Судьба посла. Министерство иностранных дел и дипломатические миссии в 1918–1940 гг.).* — Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 1997.
- Meissner B. *Sowjetunion und Haager LKO. Gutachten und Dokumentenzusammenstellung.* — Hamburg: Universität Hamburg, 1950.
- Meissner B. *Die Sowjetunion, die baltischen Staaten und das Völkerrecht.* — Köln: Verlag Politik und Wirtschaft, 1956.
- Misiunas R.A., Taagepera R. *The Baltic States. Years of Dependence 1940–1980.* — 2nd ed., Berkeley: University of California Press, 1993.
- Morré P. *Die Änderung der staatlichen Gebietshoheit nach sowjetischer Völkerrechtslehre und Völkerrechtspraxis, mit besonderer Berücksichtigung des Annexionsverbots // Dissertation, Münster, 1967.*

- Moser J.J. Versuch des neuesten Europäischen Völkerrechts in Friedens und Kriegszeiten, vornehmlich aus denen Staatshandlungen derer europäischen Mächten, auch anderen Begebenheiten, so sich seit dem Tode Kaiser Karls VI im Jahre 1740 zugetragen haben, 1777.
- Müllerson R. International Law, Rights and Politics. Developments in Eastern Europe and the CIS. — London: Routledge, 1994.
- Müllerson R. Ordering Anarchy. International Law in International Society. — The Hague: Nijhoff, 2000.
- Muralt R.W.G. De. The Problem of State Succession with Regard to Treaties. — The Hague: W.P. van Stockum & Zoon, 1954.
- Murswiek D. Peaceful Change. Ein Völkerrechtsprinzip? — Köln: Verlag Politik und Wirtschaft, 1998.
- Neuhold H., Hummer W., Schreuer C. Österreichisches Handbuch des Völkerrechts. — Band I: Textteil, 2. Auflage, Wien: Manzsche Verlags- und Universitätsbuchhandlung, 1991.
- Nippold O. La Géorgie du point de vue du droit international. — Berne: Bureau de Presse géorgien, 1920.
- O'Connell D.P. International Law. Volume One. — London: Stevens & Sons Limited, 1965.
- O'Connell D.P. State Succession. Vol. II. — Cambridge: University Press, 1967.
- Okafor O. C. Redifining Legitimate Statehood. International Law and State Fragmentation in Africa. — The Hague: Martinus Nijhoff, 2000.
- Оленев С. Международное признание СССР. М: Издательство социально-политической литературы, 1962.
- Oplatka A. Lennart Meri. Ein Leben für Estland. Dialog mit dem Präsidenten. — Zürich: Verlag Neue Zürcher Zeitung, 1999.
- Orwell G. Nineteen eighty-four. — London: Seeker & Wartburg, 1997.
- Pellet A. Human Rightism' and International Law. — Memorial Lecture in honour of Gilberto Amado on 18 July 2000 at the ILC's International Law Seminar.
- Peters A. Das Gebietsreferendum im Volkerrecht. Seine Bedeutung im Licht der Staatenpraxis nach 1980. — Baden-Baden: Nomos, 1995.
- Pictet J.S. Commentary to the I Geneva Convention. — Geneva: ICRC, 1952; Commentary to the III Geneva Convention. — Geneva: ICRC, 1951.
- Piip A. Rahvusvaheline õigus (Международное право). Tartu: Akadeemilise Kooperatiivi Kirjastus, 1936.
- Pompe C.A. Aggressive War — an International Crime. — The Hague: Martinus Nijhoff, 1953.
- Pusta K.-R. Le Statut juridique de la mer Baltique à partir du XIXe siècle // 52 RCADI 1935, pp. 105–190.
- Pustagarov V. V. Our Martens: F. F. Martens: International Lawyer and Architect of Peace. Ed. by W. E. Butler. — The Hague: Kluwer, 2000.
- Radbruch G. Rechtsphilosophie. — 4. Aufl., herausg. von E. Wolf, Stuttgart: Koehler, 1950.
- Rauch G. von. Geschichte der baltischen Staaten. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1970.
- Rauschnig D. Das Schicksal völkerrechtlicher Verträge bei der Änderung des Status ihrer Partner. — Hamburg: Hansischer Gildenverlag, 1963.

- Rei A. *Nazi-Soviet Conspiracy and The Baltic States. Diplomatic Documents and Other Evidence.* — London: Boreas, 1948.
- Reinhardt A. *Lettonie-Russie. Traités et documents de base in extenso.* — Lausanne, 1998. (Также доступно в сети интернет. См.: <http://www.tbw.ch/letton>).
- Reinisch A. and Hafner G. *Staatensukzession und Schuldübernahme beim "Zerfall" der Sowjetunion.* — Wien: Service Fachverlag, 1995.
- Repečka J. *Der gegenwärtige völkerrechtliche Status der baltischen Staaten, unter besonderer Berücksichtigung der diplomatischen Vorgeschichte der Eingliederung dieser Staaten in die Sowjetunion // Dissertation at the University of Göttingen, 1950.*
- Ress G. *Die Rechtslage Deutschlands nach dem Grundlagenvertrag vom 21. Dezember 1972.* — Berlin: Springer, 1978.
- Rifaat A.M. *International Aggression. A Study of the Legal Concept: Its Development and Definition in International Law.* — Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1979.
- Rivier A. *Principes du droit des gens. I Tome.* — Paris: Arthur Rousseau, 1896.
- Rorty R. *Objectivity, Relativism, and Truth.* — Cambridge University Press, 1996.
- Rosenbusch M., Schützler H., Striegnitz S. (Hg.). *Schauplatz Baltikum: Szenarium einer Okkupation und Angliederung: Dokumente 1939/1940.* — Berlin: Dietz Verlag, 1991.
- Rousseau C. *Le droit des conflits armés.* — Paris: A. Pedone, 1983.
- Rubin A.P. *Ethics and Authority in International Law.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Rudolf W. *Wandel des Staatsbegriffs im Völkerrecht?* — Bonn: Europa Union Verlag, 1986.
- Runes D.D. (ed.). *Dictionary of Philosophy.* — Ames, Iowa: Littlefield, Adams & Co., 1958.
- Sarv E. *Õiguse vastu ei saa ükski: Eesti taotlused ja rahvusvaheline õigus (Никто не может устоять против права: усилия Эстонии и международное право).* — Tartu: ORURK, 1997.
- Sassöli M. and Bouvier A. *How Does Law Protect in War? Cases, Documents and Teaching Materials on Contemporary Practice in International Humanitarian Law.* — Geneva: ICRC, 1999.
- Satkaukas R. *États baltes: succession ou identité? // Master's thesis at Sorbonne, 2000.*
- Schätzel W. *Völkerbund und Gebietserwerb.* — Berlin, 1919, reprinted in: Schätzel W. *Das Recht des völkerrechtlichen Gebietserwerbs.* — Bonn: Ludwig Röhrscheid Verlag, 1959.
- Schätzel W. *Die Annexion im Völkerrecht.* — Berlin, 1921, reprinted in: Schätzel W. *Das Recht des völkerrechtlichen Gebietserwerbs.* — Bonn: Ludwig Röhrscheid Verlag, 1959.
- Schmitt C. *Der Begriff des Politischen. Text von 1952 mit einem Vorwort und drei Corollarien.* — Berlin: Duncker & Humblot, 1963.
- Schmitz G. *Tibet und das Selbstbestimmungsrecht der Völker.* — Berlin: Walter de Gruyter, 1998.
- Schnitzer A.E. *Staat und Gebietshoheit.* — Zürich: Verlag für Recht und Gesellschaft, 1935.
- Schulz G. *Die Entwicklung des völkerrechtlichen Annexionsverbots, in: Jahrbuch der Albertus-Universität zu Königsberg/Preußen.* — Band XII, 1962.

- Schweisfurth T. Der internationale Vertrag in der modernen sowjetischen Völkerrechtstheorie. — Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1968.
- Scott J.B. The Proceedings of the Hague Conferences. 5 volumes incl. index. — New York: Oxford University Press, 1920.
- Seidl-Hohenveldern I., Stein T. Völkerrecht. — Köln: C. Heimann Verlag, 2000.
- Sharma S.P. Territorial Acquisition, Disputes and International Law. — The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1997.
- Silagi M. Staatsuntergang und Staatennachfolge mit besonderer Berücksichtigung des Endes der DDR. — Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1996.
- Slaughter A.-M. International Law and International Relations // 285 RCADI 2000, pp. 9–250.
- Stabreit E. Der völkerrechtliche Status der Transkei, Ciskei, Bophuthatswanas und Vendas während der Zeit ihrer formellen Unabhängigkeit von der Republik Südafrika. — Frankfurt a.M., 1997.
- Stalin J.V. Über die Grundlagen des Leninismus (Ориг.: Об основах ленинизма). Vorlesungen, gehalten an der Swerdlow-Universität Anfang im April 1924. — Berlin, 1946.
- Starke's International Law. IIth ed. I.A. Shearer, ed. — London: Butterworths, 1994.
- Stern B. (sous la dir. de) Les aspects juridiques de la crise et de la guerre du Golfe. — Paris, Montchrestien, Cahier du C.E.D.I.N. no. 6, 1991.
- Stern B. La succession d'États // 262 RCADI 1996, The Hague, 2000, pp. 9–438.
- Suy E. Les actes juridiques unilatéraux en droit international public. — Paris, Bibliothèque de droit international, Institut des hautes études de l'Université de Paris, 1962.
- Swettenham J.A. The Tragedy of the Baltic States. A Report compiled from Official Documents and Eyewitnesses' Stories. — London: Holli and Carter, 1952.
- Taagepera R. Softening without Liberation in the Soviet Union: the Case of Jüri Kukk. — University Press of America, Inc., 1984.
- Talmon S. Recognition of Governments in International Law. With Particular Reference to Governments in Exile. — Oxford: Clarendon Press, 1998.
- Taube C. Constitutionalism in Estonia, Latvia and Lithuania. A Study in Comparative Constitutional Law. — Uppsala: Iustus Förlag, 2001.
- Taylor J.G. The Indonesian Occupation of East Timor 1974–1989. A Chronology. — London: Catholic Institute for International Relations, 1990.
- The Baltic States and the Soviet Union. Reprinted from a Report of the Council of Europe, with a Preface and Supplementary Comments. — Stockholm: Estonian Information Centre, Latvian National Foundation, Supreme Committee for Liberation of Lithuania, 1962.
- The Baltic States 1940–1972. Documentary Background and Survey of Developments Presented to the European security and Cooperation Conference. — Stockholm: The Baltic Committee in Scandinavia, 1972.
- Thiele C. Selbstbestimmung und Minderheitenschutz in Estland. — Berlin: Springer, 1999.
- Thucydides. The History of the Peloponnesian War, translated by Benjamin Jowett. — 1st ed., London: Oxford University Press, 1881.
- Toman J. L'Union Soviétique et le droit des conflits armés. — Thèse, Université de Genève, Institut Universitaire de Hautes Études Internationales, Genève, 1997.

- Tomuschat C. (ed.). *Eigentum im Umbruch. Restitution, Privatisierung und Nutzungskonflikte im Europa der Gegenwart.* — Berlin: Berlin Verlag Arno Spitz und Verlag Österreich, 1996.
- Tomuschat C. *Die staatliche Einheit Deutschlands: staats- und völkerrechtliche Aspekte.* — Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung, 1990.
- Tomuschat C. *Obligations Arising for States without or against their Will*, in: 241 RCADI 1993, pp. 199–374.
- Tomuschat C. (ed.). *Modern Law of Self-Determination.* — Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1993.
- Tomuschat C. *International Law: Ensuring the Survival of Mankind on the Eve of a New Century. General Course on Public International Law // 281 RCADI 2001*, Den Haag et al.
- Touscoz J. *Le principe d'effectivité dans l'ordre international.* — Paris: R. Pichon et R. Durand-Auzias, 1964.
- Чуев Ф.И. *Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева.* — М: Терра, 1991.
- Tucker R. W. *The Inequality of Nations.* — New York: Basic Books, 1977.
- Tunkin G. *International Law in the International System // 147 RCADI 1975*, pp. 1–218.
- Uhler O.M. *Der völkerrechtliche Schutz der Bevölkerung eines besetzten Gebiets gegen Maßnahmen der Okkupationsmacht (unter besonderer Berücksichtigung der Genfer Zivilkonvention vom 12. August 1949).* — Zürich: Polygraphischer Verlag, 1950.
- Uibopuu H.-J. *Die Völkerrechtssubjektivität der Unionsrepubliken der UdSSR.* — Vienna, New York: Springer, 1975.
- UNPO. *China's Tibet. The World Largest Remaining Colony. Report of a Fact-Finding Mission and Analyses of Colonialism and Chinese Rule in Tibet.* — August 1997.
- Ушаков Н.А. *Основания международной ответственности государств. М: Международные отношения, 1983.*
- Uustalu E. *The History of Estonian People.* — London: Boreas Publishing, 1952.
- Vattel E. de. *Le droit des gens ou principes de la loi naturelle, appliqués à la conduite et aux affaires des nations et des souverains, 1758.* — Reprinted in Tübingen: Mohr, 1959.
- Verdross A. *Völkerrecht I.* — Wien: Springer, 5. Aufl., 1964.
- Verdross A., Simma B. *Universelles Völkerrecht.* — 3. Auflage, Berlin: Ducker & Humblot, 1984.
- Graf Vitzthum W. (ed.). *Völkerrecht.* — Berlin and New York: Walter de Gruyter, 1997.
- Verhoeven J. *La reconnaissance internationale dans la pratique contemporaine.* — Paris: Pedone, 1975.
- Verosta S. *Die internationale Stellung Österreichs. Eine Sammlung von Erklärungen und Verträgen aus den Jahren 1938 bis 1947.* — Wien: Manz, 1947.
- Vierdag E.W. *The Concept of Discrimination in International Law.* — The Hague: Nijhoff, 1973.
- Visscher C. de. *Les effectivités du droit international public.* — Paris: Pedone, 1967.
- Visscher C. de. *Théories et réalités en Droit international public.* — Paris: Editions A. Pedone, 4ème éd., 1970.
- Vitas R.A. *The United States and Lithuania. The Stimson Doctrine of Nonrecognition.* — New York: Praeger, 1990.

- Vizulis I.J. Nations Under Duress. The Baltic States. — Port Washington: Associated Faculty Press, Inc., 1985.
- Voos S. Die Schule von New Haven: Darstellung und Kritik einer amerikanischen Völkerrechtslehre. — Berlin: Duncker & Humblot, 2000.
- Wallace-Bruce N.L. Claims to Statehood in International Law. — New York: Carlton Press, 1994.
- Walt van Praag M.C. van. The Status of Tibet. History, Rights, and Prospects in International Law. — Boulder: Westview Press, 1987.
- We Demand Freedom for Estonia. Memoranda Presented to the Delegations at the Paris Conference (1946). — London: Boreas, 1947.
- Wehberg H. Krieg und Eroberung im Wandel des Völkerrechts. — Frankfurt a.M.: Alfred Metzner Verlag, 1953.
- Wengler W. Der Begriff des Politischen im internationalen Recht. — Tübingen: J.C.B. Mohr, 1956.
- Whiteman M.M. Digest of International Law. — Vol. 2, Washington, DC, 1963.
- Wiewióra B. Uznanie nabytków terytorjalnych w prawie mizdzynarodnowym (Признание территориальных приобретений в международном праве). — Poznan: Instytut Zachodni, 1961.
- Woodward Sir L. British Foreign Policy in the Second World War. — London: Her Majesty's Stationery Office, Vol. 1–5, 1970–1976.
- Захарова Н.В. Правопреемство государств. М: Международные отношения, 1973.
- Ziemele I. State Continuity and Nationality in the Baltic States: International and Constitutional Law Issues // PhD Dissertation, Cambridge, 1998.
- Zimmer G. Gewaltsame territoriale Veränderungen und ihre völkerrechtliche Legitimation. — Berlin: Duncker & Humblot, 1971.
- Zimmermann A. Staatennachfolge in völkerrechtliche Verträge. Zugleich ein Beitrag zu den Möglichkeiten und Grenzen völkerrechtlicher Kodifikation. — Berlin: Springer, 2000.

Статьи

- Alanen L. Eesti põllumajanduspoliitika ja võitlus kollektiivmajandite saatuse pärast (Сельскохозяйственная политика Эстонии и борьба за судьбу коллективных хозяйств) // Akadeemia No. II, 2000, p. 2259–2300.
- Alexandrowicz-Alexander C. The Legal Position of Tibet // 48 AJIL 1954, pp. 265–274.
- Alexandrowicz C.H. New and Original States. The Issue of Reversion to Sovereignty // 45 International Affairs 1969, pp. 465–480.
- Allott P. State Responsibility and the Unmaking of International Law // 29 Harvard JIL 1988, pp. 1–26.
- Altug Y. The Cyprus Question, in: 21 GYBIL 1978, pp. 311–344.
- Ammas A. Gluhhov: Eesti peab Venemaad tänama, mitte ootama vabandamist (Глухов: Эстония должна благодарить Россию, а не ждать извинений) // Eesti Päevaleht, 15.11.2000.

- Anonymus. Non-recognition: A Reconsideration // 22 *The University of Chicago Law Review* 1954–1955, pp. 261–278.
- Ansbach T. Der Rechtsstatus der nicht-estnischen Bevölkerung in Estland, in: *Recht in Ost und West*, September 1996 No. 7, pp. 217–225.
- Antonopoulos C. Effectiveness v. the Rule of Law Following the East Timor Case // 27 *Netherlands YBIL* 1996, pp. 75–111.
- Antonowicz L. The Disintegration of the USSR from the Point of View of International Law // 19 *Polish YBIL* 1991–1992, pp. 7–16.
- Avdeev A. Russian-Lithuanian Relations: An Overview // *Lithuanian Foreign Policy Review* 2000 No. 2 (6), pp. 27–33.
- Baade A. Baltische Staaten, in: Strupp K. and Schlochauer H.-J. (ed.). *Wörterbuch des Völkerrechts*. — Band I, 2. Aufl., Berlin: Springer, 1960, pp. 142–149.
- Barrington L.W. Nations, States, and Citizens: an Explanation of the Citizenship Policies in Estonia and Lithuania, in: 21 *Review of Central and East European Law* 1995 No. 2, pp. 103–148.
- Barsegov G.Y. On the Criticism of the “Inter-Temporal Law” Doctrine // 1985 *Soviet YBIL*, pp. 202–205.
- Beemelmans H. Die Staatennachfolge in Staatsvermögen in Drittstaaten, Auslandsschulden, gebietsbezogene rechtliche Regelungen und Staatsangehörigkeit — eine Problemskizze // 41 *Osteuropa Recht* 1995, pp. 73–98.
- Beemelmans H. State Succession in International Law: Remarks on Recent Theory and State Praxis // 15 *Boston University ILJ* 1997, pp. 68–85.
- Bernhardt R. Kontinuität, in: Strupp K., Schlochauer H.-J. (eds.). *Wörterbuch des Völkerrechts*. — Band 2, 1961, 2. Aufl., pp. 295–297.
- Bethge H. Das Staatsgebiet des wiedervereinigten Deutschlands, in: J. Isensee, Kirchhof P. (Hg.). *Handbuch des Staatsrechts*. — Band VIII, Heidelberg, 1995, pp. 603–620.
- Bieber R. European Community Recognition of Eastern European States: A New Perspective for International Law?, in: *ASIL Proceedings* 1992, pp. 374–378.
- Bilfinger C. Vollendete Tatsache und Völkerrecht—Eine Studie // 15 *ZaöRV* 1953/54, pp. 453–481.
- Bindschedler R. Die Anerkennung im Völkerrecht, in: *BDGV*, Band 4, Karlsruhe: C. F. Müller, 1961, pp. 1–27.
- Bindschedler R.L. Annexation, in: R. Bernhardt (ed.). *EPIL*, 1992, Inst. I, Amsterdam: North Holland, pp. 168–172.
- Blackman J.L. State Successions and Statelessness: the Emerging Right to and Effective Nationality Under International Law // 19 *Michigan JIL* 1998, pp. 1141–1194.
- Blumenwitz D. ‘ex factis ius oritur’—‘ex injuria ius non oritur’, in: Ziegler G. and Meissner B. (Hg.). *Staatliche und nationale Einheit Deutschlands—ihre Effektivität*. — Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1984, pp. 43–56.
- Bojars J. The Citizenship and Human Rights Regulation in the Republic of Latvia // 39 *Osteuropa Recht* 1993, No. 2, pp. 132–145.
- Bokor-Szegö H. Questions of State Identity and State Succession in Eastern and Central Europe, in: Mrak M. (ed.). *Succession of States*. — The Hague: Martinus Nijhoff, 1999, pp. 95–108.
- Bothe M. Occupation, Belligerent, in: Bernhardt R. (ed.). *EPIL*, Inst. III, pp. 64–67.
- Bothe M. et Schmidt C. Sur quelques questions de succession posees par la dissolution de l’URSS et celle de la Yougoslavie // 96 *RGDIP* 1992, pp. 811–841.

- Brakas M. Lithuania's International Status: Some Legal Aspects // 2, 38 *Baltic Review* (August 1971).
- Briggs H.W. Non-recognition in the Courts: the Ships of the Baltic Republics // 37 *AJIL* 1943, pp. 585–596.
- Brown P.M. Sovereignty in Exile // 35 *AJIL* 1941, pp. 666–668.
- Brownlie I. Recognition in Theory and Practice, in: 53 *BYBIL* 1982, pp. 197–211.
- Brunner G. Die rechtliche Lage der Minderheiten in Mittel-, Ost- und Südosteuropa, in: 40 *Osteuroparecht*, September 1994, pp. 157–177.
- Bungs D. Joint Political Initiatives by Estonians, Latvians, and Lithuanians as Reflected in Samizdat Materials 1967–1987, in: Loeber D.A., Vardys S.V., Kitching L.P.A. (eds.). *Regional Identity under Soviet Rule—the Case of the Baltic States.* — 1990, pp. 429–462.
- Burdeau G. Money and State Succession in Eastern Europe, in: B. Stern (ed.). *Dissolution, Continuation and Succession in Eastern Europe.* — The Hague, 1998, pp. 35–66.
- Busygina I. Russia, the Baltic states and the European Union, in: T. Jundzis (ed.). *The Baltic States at Historical Crossroads.* — Riga: Academy of Sciences of Latvia, 1998, pp. 502–519.
- Bychkov Green S. Language of Lullabies: The Russification and De-Russification of the Baltic States // 19 *Michigan Journal of International Law* 1997, pp. 217–294.
- Charpentier J. Les déclaration des Douze sur la reconnaissance des nouveaux Etats // 96 *RGDIP* 1992, pp. 343–355.
- Chemillier-Gendreau M. Origine et rôle de la fiction en droit international public, in: 32 *Archives de Philosophie du Droit* 1987, pp. 153–162.
- Chemillier-Gendreau M. Le droit international et la protection d'un peuple contre l'annexion, in: *Revue d'études Palestiniennes* No. 34, 1990, pp. 63–73.
- Chernichenko S. Ethnic Russians in the Baltics, in: 44 *International Affairs* (Moscow) 1998, pp. 118–123.
- Clark R.S. The “decolonisation” of East Timor and the United Nations norms on self-determination and aggression, in: *International Law and the Question of East Timor.* — London: CIIR/IPJET, 1995, pp. 65–102.
- Condorelli G. Ex facto jus oritur. — *Rivista internazionale di filosofia del diritto*, 1931, pp. 115–139.
- Crawford J. The Criteria for Statehood in International Law // 48 *BYBIL* 1976/77, pp. 93–182.
- Crawford J. State Practice and International Law in Relation to Secession // 69 *BYBIL* 1998, pp. 85–117.
- Crawford J. Forum: The Algier Declaration on Palestine — The Creation of the State of Palestine: Too Much Too Soon, in: 1 *EJIL* 1990, pp. 307–313.
- Crawford J. Democracy and International Law // 64 *BYBIL* 1993, pp. 113–133.
- Craven M.C.R. The Problem of State Succession and the Identity of States under International Law // 9 *EJIL* 1998, pp. 142–162.
- Cybichowski S. Das völkerrechtliche Okkupationsrecht // XVIII *Z. für VR* 1934, pp. 295–322.
- Czaplinski W. International Legal Aspects of Polish-Lithuanian Relations // 19 *Polish YB of Int'l Law* 1991–1992, pp. 31–48.

- Czaplinski W. La continuité, l'identité et la succession d'états — evaluation de cas récents // 26 RBDI 1993, pp. 374–392.
- Czaplinski W. State Succession and State Responsibility // 28 Canadian YBIL 1990, pp. 339–359.
- Dalai Lama, His Holyness XIV. Die Zukunft Tibets, in: Ludwig K. (ed.). Perspektiven für Tibet. Auf dem Weg zu einer Zukunft in Freiheit und Selbstbestimmung. — München: Diamant Verlag, 2000, pp. 13–23.
- Degan V.D. Equity in Matters of State Succession, in: Macdonald R.St.J. (ed.). Essays in Honour of Wang Tieya. — The Hague: Nijhoff, 1993, pp. 201–210.
- Doehring K. Effectiveness, in: Bernhardt R. (ed.). EPIL, Inst. 7, Amsterdam: North Holland, 1984, pp. 70–74.
- Doehring K. State, in: Bernhardt R. (ed.). EPIL 10, Amsterdam: North Holland, 1987, pp. 423–427.
- Dwan R. Armed Conflict Prevention, Management and Resolution, in: SIPRI Yearbook 2000. Armaments, Disarmament and International Security. — Oxford University Press, 2000, pp. 77–134.
- Ebenroth C.T. and Grashoff D. Öffentliche Schulden im Prozeß desintegrierender Staatensukzession — die Zuordnung von Staatsschulden auf Nachfolgestaaten // 92 ZVglR-Wiss 1993, pp. 1–28.
- Eckholm E. A New Poke in the Eye: China Bristles Over Tibet // NY Times, May 23, 2001.
- Eidintas A. The Meeting of the Lithuanian Cabinet, 15 June 1940, in: J. Hiden and Lane T. (eds.). The Baltic and the Outbreak of the Second World War. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992, pp. 165–173.
- Eisemann P.M. Bilan de recherches de la section de la langue française du Centre d'étude et de recherche de l'Académie, in: Académie de Droit international de la Haye. Centre d'étude et de recherche de droit international et de relations internationales. — 1996, pp. 17–88.
- Elagab O.Y. The Law of Belligerent Occupation versus the Law of Annexation of Territories: A Case Study of the Golan Heights // 6 Development of Peace 1985, pp. 118–128.
- Elias T.O. The Doctrine of Intertemporal Law // 74 AJIL 1980, pp. 285–307.
- Ermoshin V.V. The Right of Russia in respect to Southern Sakhalin and Kuril Islands // Russian YBIL 1993–1994, pp. 173–195.
- Ermoshin V.V. On the Russian-Japanese Controversy Over the Status Quo of Southern Sakhalin and the Kurile Islands // I Moscow JIL 1995, No. 4, pp. 63–74.
- Fastenrath U. States, Extinction, in: Bernhardt R. (ed.). EPIL 10, Amsterdam: North Holland, 1987, pp. 465–467.
- Feldbrugge F.J.M. The Law of the Republic of Georgia // 18 Review of Central and East European Law 1992, No. 4, pp. 367–375.
- Feldman D.I. Illegality of the Hallstein Doctrine // Soviet YBIL 1962, pp. 158–165.
- Ferencz B.B. Aggression, Bernhardt R. (ed.). EPIL, Vol. I, Amsterdam: North Holland, 1992, pp. 58–65.
- Fiedler W. Continuity, Bernhardt R. (ed.). EPIL I, Amsterdam: North Holland, 1992, pp. 806–809.
- Fiedler W. Entwicklungslinien im Recht der Staatensukzession, in: Hafner G. et al. (eds.). Liber Amicorum. Professor Ignaz Seidl-Hohenveldern. — The Hague: Kluwer, 1998, pp. 133–155.

- Fiedler W. Der Zeitfaktor im Recht der Staatensukzession, in: Staat und Recht. Festschrift für Günther Winkler. — Wien: Springer, 1997, pp. 217–235.
- Fleischhauer C.A. Prescription, Bernhardt R. (ed.). EPIL 10, Amsterdam: North Holland, 1987, pp. 327–330.
- Franck T. The Emerging Right to Democratic Governance // 86 AJIL 1992, pp. 46–91.
- Franck T.M. Are Human Rights Universal?, in: Foreign Affairs Jan/Feb 2001, pp. 191–204.
- Franckx E. The 1998 Estonia-Sweden Maritime Boundary Agreement: Lessons to be Learned in the Area of Continuity and/or Succession of States // 31 Ocean Development & International Law 2000, pp. 269–284.
- Franckx E. and Pauwels A. Lithuanian-Russian Boundary Agreement of October 1997: To Be or Not To Be?, in: V. Götz et al. (Hg.). Liber Amicorum Günther Jaenicke. — Berlin: Springer, 1998, pp. 63–95.
- Frowein J.A. Die Abmachung von Evian und die Entstehung des algerischen Staates, in: 23 ZaöRV 1963, pp. 20–48.
- Frowein J.A. Non-recognition, Bernhardt R. (ed.). EPIL 10, Amsterdam: North Holland, 1987, pp. 314–316.
- Fuller L.L. Legal Fictions // 25 Illinois Law Review 1930–1931, pp. 513–546.
- Gerson A. War, Conquered Territory, and Military Occupation in the Contemporary International Legal System, in: 18 Harvard ILJ 1977, pp. 525–556.
- Ginsburgs G. The Territorial Question between the USSR and Japan. The Soviet Case and a Western Aperçu, in: 15 Korea and World Affairs 1991, pp. 259–278.
- Gowlland-Debbas V. The Functions of the United Nations Security Council in the International Legal System, in: M. Byers. The Role of Law in International Politics. — Oxford, 2000, pp. 277–314.
- Graham M.W. The Legal Status of the Bukovina and Bessarabia // 38 AJIL 1944, pp. 667–673.
- Grant T.D. East Timor, the U.N. System, and Enforcing Non-Recognition in International Law // 33 Vanderbilt J. of Transnational Law 2000, pp. 273–310.
- Grant T.D. Defining Statehood: The Montevideo Convention and its Discontents // 37 Columbia Journal of Transnational Law 1999, pp. 403–457.
- Grant T.D. A Panel of Experts for Chechnya: Purposes and Prospects in Light of International Law // 9 Finnish YBIL 1998, pp. 145–248.
- Gray C. Self-Determination and the Breakup of the Soviet Union // 12 YBEL 1992, pp. 465–504.
- Greenwood C. The Administration of Occupied Territory in International Law, in: Playfair E. (ed.). International Law and the Administration of Occupied Territories. Two Decades of Israeli Occupation of the West Bank and Gaza Strip. — Oxford: Clarendon Press, 1992, pp. 241–266.
- Grewe W. Völkerrechtliche Umschau — Europa nach dem Waffenstillstand, in: 7 Monatshefte für Auswärtige Politik 1940, pp. 686–692.
- Grewe W. Peaceful Change, in: Bernhardt R. (ed.). EPIL III, Amsterdam: North Holland, 1997, pp. 965–971.
- Grewe W.G. Außenpolitik und Völkerrecht in der Praxis, in: 36 ADV 1998, pp. 1–18.
- Gureckas A. Lithuania's Boundaries and Territorial Claims Between Lithuania and Neighboring States // 12 N.Y.L. Sch.J. Int'l & Comp.L., 1991, p. 107–121.

- Gyaltag G. Das Recht auf Selbstbestimmung aus historischer Sicht, in: Ludwig (ed.). Perspektiven für Tibet. Auf dem Weg zu einer Zukunft in Freiheit und Selbstbestimmung. — München: Diamant Verlag, pp. 49–59.
- Hafner G. and Kornfeind E. The Recent Austrian Practice of State Succession: Does the Clean Slate Rule Still Exist? // I Austrian Review of International and European Law 1996, pp. 1–49.
- Hannikainen L. The Case of East Timor from the Perspective of jus cogens, in: International Law and the Question of East Timor. — London: CIPR/IPJET, 1995, pp. 103–117.
- Hazard J.N. Soviet Republics in International Law, in: Bernhardt R. (ed.). EPIL 4, Amsterdam: North Holland, 2000 (first published 1987), pp. 525–529.
- Herz H. Beiträge zum Problem der Identität des Staates // 15 ZöR 1935, pp. 241–268.
- Hough III W.J. The Annexation of the Baltic States and its effect on the Development of Law Prohibiting Forcible Seizure of Territory // 6 New York Law School Journal of International Law No. 2, 1985, pp. 301–533.
- Hughes A.D. Tibet, in: Bernhardt R. (ed.). EPIL 4, Amsterdam: North Holland, 2000, pp. 858–861.
- Hummer W. Der internationale Status und die völkerrechtliche Stellung Österreichs seit dem Ersten Weltkrieg, in: Neuhold H. et al. Österreichisches Handbuch des Völkerrechts. — 3. Aufl., Wien: Manz, 1997, pp. 452–497.
- Huntzinger J. La renaissance des Etats Baltés, in: L'État souverain à l'aube du XXI siècle. — Colloque de Nancy, Paris: A. Pedone, 1994, pp. 39–60.
- Ideon A. Eesti jätab Leedu üksi hüvitist nõudma (Эстония оставляет Литву требовать репарации в одиночестве) // Postimees, 03.07.2000.
- Ilves T.H. Eesti välispoliitika peegelmaastikul (Внешняя политика Эстонии на зеркальном ландшафте) // Postimees, 07.08.2001.
- Jakusch W. Okkupationstheorie, Annexionstheorie und das ius postliminii // 25 ÖJZ 1970, pp. 258–263.
- Jennings R. Nullity and Effectiveness in International Law, in: Cambridge Essays in International Law, Essays in Honour of Lord McNair. — London, 1965, pp. 64–87.
- Johnson D.H.N. Acquisitive Prescription in International Law // 27 BYBIL 1950, pp. 332–354.
- Juda L. United States' Non-recognition of the Soviet Union's Annexation of the Baltic States: Politics and Law // 6 Journal of Baltic Studies 1975, pp. 272–290.
- Juviler P. Are Collective Rights Anti-Human? Theories on Self-Determination and Practice in Soviet Successor States, in: II Netherlands Quarterly of Human Rights 1993, pp. 267–282.
- Kaasik N. L'Ultimatum Soviétique à l'Estonie, in: Annexation of the Baltic States. — Stockholm: Baltic Humanitarian Association, 1946.
- Kahn M. Les Russes dans les ex-républiques soviétiques, in: Le courrier des pays de l'Est No. 376, 1993, pp. 3–20.
- Kamminga M.T. State Succession in Respect of Human Rights Treaties // 7 EJIL 1996, pp. 469–484.
- Karpov V.P. The Soviet Concept of Peaceful Coexistence and its Implications for International Law, in: Baade H.W. (ed.). The Soviet Impact on International Law. — Dobbs Ferry, NY: Oceana, 1965.
- Kelly M.J. Non-Belligerent Occupation // 28 Israel YB on Human Rights 1998, pp. 17–35.

- Kelsen H. Unrecht und Unrechtsfolge im Völkerrecht // XII ZöR 1932, pp. 481–606.
- Kelsen H. The Pure Theory of Law and Analytical Jurisprudence // 55 Harvard Law Review 1941–42, pp. 44–70.
- Kelsen H. The Legal Status of Germany to be Established Immediately upon Termination of War // 38 AJIL 1944, pp. 680–694.
- Kelsen H. The Legal Status of Germany According to the Declaration of Berlin // 39 AJIL 1945, pp. 518–526.
- Kempe L., Meurs W. van. A la frontière russo-estonienne // Le Courier des pays de l'Est, No. 438 Mars 1999, pp. 54–67.
- Kennedy D. Theses about International Law Discourse // 23 GYBIL 1980, pp. 353–391.
- Kerikmäe T., Vallikivi H. State Continuity in the Light of Estonian Treaties Concluded before World War II // Juridica International V 2000, pp. 30–39.
- Kherad R. La reconnaissance internationale des Etats Baltes // 96 RGDIP 1992, pp. 843–872.
- Клапсас И. Правопреемство и континуитет в международном праве // Moscow JIL 1992, No. 4, pp. 22–35.
- Klein E. Die Rolle der Staatengemeinschaft beim Kampf um die Selbstbestimmung für Tibet, in: Ludwig K. (ed.). Perspektiven für Tibet. Auf dem Weg zu einer Zukunft in Freiheit und Selbstbestimmung. — München: Diamant Verlag, 2000, pp. 60–76.
- Клименко Б. Проблемы правопреемства на территории бывшего Союза ССР, in: Moscow JIL 1992, No. 1, pp. 3–24.
- Kohen M. Le droit international et le temps, in: Société française pour le droit international. — Colloque de Paris, Paris: Pedone, 2001, pp. 129–157.
- Kolodkin A. Russia and International Law: New Approaches // 26 RBDI 1993, No. 2, pp. 552–557.
- Kordt E. Ungleiches Vertrag und Annexion im sozialistischen Völkerrecht und in der Staatenpraxis sozialistischer Länder, in: Festschrift Hermann Jahrreiss. — Köln: Carl Heymanns V., 1964, pp. 201–220.
- Korkelia K., Lordkipanidze G. State Succession in Respect of International Treaties in Post-Independent Soviet Union: Some Reflections on the Status of Georgia, in: International Law Journal (Tbilisi State University), Vol. 3, 1998, No. I–II, pp. 41–50.
- Korovin E.A. The Second World War and International Law // 40 AJIL 1946, pp. 742–755.
- Koskenniemi M. The Normative Force of Habit: International Custom and Social Theory // I Finnish YBIL 1990, pp. 77–153.
- Koskenniemi M. The Politics of International Law // I EJIL 1990, pp. 4–32.
- Koskenniemi M. The Future of Statehood // 32 Harvard ILJ 1991, pp. 397–410.
- Koskenniemi M. and Lehto M. La succession d'états dans l'ex-URSS, en ce qui concerne particulièrement les relations avec la Finlande // 38 AFDI 1992, pp. 179–219.
- Koskenniemi M. The Wonderful Artificiality of States, in: 88 ASIL Proc. 1994, pp. 22–29.
- Koskenniemi M. The Present State of Research, in: State Succession: Codification Tested Against the Facts. — Hague Academy of International Law. Centre for Studies and Research in International Law and International Relations, 1996, pp. 89–168.
- Krassilnikow A. Die Staatsgrenzen der Republik Lettland nach dem Stand vom Sommer 1993 // 39 Osteuropa Recht 1993, No. 4, pp. 281–286.

- Krieken P. van. Estonia's Minorities and Aliens: Time for a "Yes-Campaign", in: S. Trifunovska (ed.). *Minorities in Europe. Croatia, Estonia and Slovakia*. — 1999, pp. 105–122.
- Krüger H. Das Prinzip der Effektivität, oder: Über die besondere Wirklichkeitsnähe des Völkerrechts, in: Constantopoulous D.S. et al. (Hg.). *Grundprobleme des internationalen Rechts. Festschrift für Jean Spiropoulous*. — Bonn, 1957, pp. 265–284.
- Крылов С.Б. Борьба СССР за мир в: Дурденевски В.Н., Крылов С.Б. *Международное право*. — Институт права Академии Наук СССР, М: Юридическое издательство, 1947.
- Kunig P. Postliminium, in: Bernhardt R. (ed.). *EPIL 4*, Amsterdam: North Holland, 1982, pp. 140–141.
- Kunz J.L. Identity of States Under International Law // 49 *AJIL* 1955, pp. 68–76.
- Lange F. Die baltischen Staaten und die KSZE, in: 44 *Osteuropa*, März 1994, pp. 232–241.
- Lapidoth R. The Expulsion of Civilians from Areas which came under Israeli control in 1967: Some Legal Issues // 2 *EJIL* 1990, pp. 97–109.
- Laserson M. Das Minoritätenrecht der baltischen Staaten, 2 *ZaöRV* 1931, pp. 401–429.
- Laski, P. The Prescription in International Law — Some Remarks // 23 *Polish YBIL* 1997–1998, pp. 219–227.
- Lehto M. Succession of States in the Former Soviet Union. Arrangements Concerning the Bilateral Treaties of Finland and the USSR, in: 4 *FYBIL* 1993, pp. 194–228.
- Li T.-T. The Legal Position of Tibet // 50 *AJIL* 1956, pp. 394–404.
- Liik K. Vene saadik: tulen meie suhteid parandama (Российский посол: я еду для того, чтобы улучшить наши отношения) // Интервью с К. Проваловым, *Postimees*, 5.01.2001.
- Liivak A. Soviet Responses to Western Nonrecognition of Baltic Annexation, in: Loeber/Vardys/Kitching (eds.). *Regional Identity Under Soviet Rule*. — 1990, pp. 375–394.
- Lindpere H. Evaluation of the Soviet-German Pacts of August 23 and September 28 1939 from the Standpoint of International Law // 1 *Finnish YBIL* 1990, pp. 415–439.
- Loeber D.A. Language Rights in Independent Estonia, Latvia and Lithuania, 1918–1940, in: Vilfan S. (ed.). *Ethnic Groups and Language Rights*. — Vol. 3, 1990.
- Loeber D.A. Die baltischen Staaten vor völkerrechtlichen Problemen: Kontinuität oder Staatennachfolge in bezug auf Staatsverträge, Staatseigentum und Staatsschulden, in: Meissner B., Loeber D.A., Levits E. (eds.). *Die Wirtschaft der baltischen Staaten im Umbruch*. — Köln, 1993, pp. 26–32.
- Loeber D.A. The Russian-Latvian Territorial Dispute Over Abrene. A Legacy from the Times of Soviet Rule // *The Parker School Journal of East European Law* 1995/Vol. 2, Nos. 4–5, pp. 537–559.
- Loeber D.A. Consequences of the Molotov-Ribbentrop Pact for Lithuania of Today International Law Aspects // *Lithuanian Foreign Policy Review* 1999, No. 4, pp. 95–105.
- Loeber D.A. Consequences of the Molotov-Ribbentrop Pact Continuing into Our Days: International Legal Aspects, in: *Latvia in WW II. Materials of an International Conference*. — 14–15 June 1999, Riga, pp. 67–76.
- Loeber D.A. Forced Incorporation: International Law Aspects of the Soviet Takeover of Latvia in 1940, in: Clark R., Feldbrugge F., Pomorski S. (eds.). *International and*

- National Law in Russia and Eastern Europe. — The Hague: M. Nijhoff, 2001, pp. 225–259.
- Love L. International Agreement Obligations after the Soviet Union's Break-up: Current United States Practice and Its Consistency with International Law // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*, Vol. 26, 1993, p. 394–395.
- Lukasuk I.I. Russland als Rechtsnachfolger in völkerrechtliche Verträge der UdSSR // *4 Osteuropa Recht* 1993, pp. 235–246.
- Lõhmus A. Ilves kritiseeris teravalt Venemaad (Ильвес резко критиковал Россию) // *Postimees*, 17.01.2001.
- Makarov N. Die Eingliederung der baltischen Staaten in die Sowjet-Union // *10 ZaöRV* 1941, pp. 682–707.
- Mälksoo L. Language Rights in International Law: Why the Phoenix Is Still in the Ashes // *12 Florida Journal of International Law* 2000, pp. 431–465.
- Mälksoo L. Professor Uluots, the Estonian Government in Exile and the Continuity of the Republic of Estonia // *69 Nordic Journal of International Law* 2000, pp. 289–316.
- Mälksoo L. Soviet Genocide? The Communist Mass Deportations in the Baltic States and International Law // *14 Leiden Journal of International Law* 2001, pp. 757–787.
- Mark H. Vabariigi President ja Vabariigi Valitsus Eksiilis 1988–1992 (The President of the Republic and the Government of the Republic in Exile in 1988–1992) // *Akadeemia* 1997 No. 7, p. 1443 et seq.
- Marks S. Kuwait and East Timor: a brief study in contrast, in: *International Law and the Question of East Timor*. — London: CIIR/IPJET, 1995, pp. 174–180.
- Марочкин С.Ю. Вопросы эффективности норм международного права (резюме на английском) // *Soviet YBIL* 1988, pp. 12–22.
- Мартыненко Е. Правопреемство России в отношении собственности Российской Империи на Ближнем Востоке // *Правоведение* № 1, 2000, с. 237–247.
- Mattson T., Sildam T. Venemaa välisministeerium peab Eesti presidendi ametitunnuse tagastamise küsimust praegu lahendamatuks (Министерство иностранных дел России считает вопрос о возвращении официальных регалий Президента Эстонии в настоящее время неразрешимым) // *Postimees*, 06.10.1996.
- McDougal M. Some Basic Theoretical Concepts about International Law: a Policy-Oriented Framework of Inquiry, in: Falk R. and Mendlovitz S. (eds.). *The Strategy of World Order. Vol. III — International Law*. — New York: World Law Fund, 1966.
- Meissner B. Die sowjetische Stellung zur Annexion und zur Ersitzung, in: *Int.Recht und Dipl.* 1964, pp. 96–100.
- Meissner B. Die Souveränität der baltischen Nationen (1980), in: Meissner B. *Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel. Beiträge 1954–1994*. — Hamburg: Bibliotheca Baltica, 1995, pp. 174–195.
- Meissner B. Baltic States. // *EPIL I*, 1992, pp. 328–337.
- Meissner B. Die Russische Politik gegenüber der Baltischen Region als Prüfstein für das Verhältnis Russlands zu Europa (1994), in: Meissner B. *Die baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel. Beiträge 1954–1994*. Hamburg: Bibliotheca Baltica, 1995, pp. 273–319.
- Meissner B. The Occupation of the Baltic States from a Present-Day Perspective, in: Jundzis T. (ed.). *The Baltic States at Historical Crossroads. Political, Economic, and Legal Problems in the Context of International Cooperation on the Doorstep of the 21st Century. A Collection of Scholarly Essays Published in Remembrance of Senator*

- August Loeber and the 75th Birthday of Professor Dietrich Andre Loeber. — Riga: Academy of Sciences of Latvia, 1998, pp. 473–488.
- Мэлтюхов М. Нарастание советского военного присутствия в Прибалтике в 1939–1941 гг. // Отечественная история, № 4, 2000, с. 46–70.
- Mendl W. Japan and the Soviet Union: Towards a Deal? // 47 World Today 1991 (November), p. 196 et seq.
- Miehsler H., Schreuer C. Austria, in: Bernhardt R. (ed.). EPIL 12, Amsterdam: North Holland, 1990, pp. 28–33.
- Misiunas R.J. Sovereignty Without Government: Baltic Diplomatic and Consular Representation, 1940–1990, in: Shain Y. (ed.). Governments-in-Exile in Contemporary World Politics. — New York and London: Routledge, 1991, pp. 134–144.
- Morgenthau H. Positivism, Functionalism and International Law // 34 AJIL 1940, pp. 260–284.
- Moshes A. Russia-Lithuania: Preserving Interaction // Lithuanian Foreign Policy Review 2000, No. 2(6), pp. 79–86.
- Mössner J.M. Non-Aggression Pacts, Bernhardt R. (ed.). EPIL III, Amsterdam: North Holland, 1997, pp. 596–600.
- Mouton J.-D. L'État selon le Droit International: diversité et unité, in: L'État souverain à l'aube du XXIe siècle. — Colloque de Nancy, Paris, pp. 79–106.
- Мюллерсон Р.А. Советско-Германские договоренности в аспекте международного права // Советское государство и право, № 9, 1989, с. 105–109.
- Mullerson R. New Developments in the Former USSR and Yugoslavia // 33 Va. J. Int'l L. 1993, pp. 299–322.
- Mullerson R. The Continuity and Succession of States by Reference to the Former USSR and Yugoslavia // 42 ICLQ 1993, pp. 473–493.
- Mutua M. What is TWAIL?, in: ASIL Proceedings of the 94th Annual Meeting, April 5–8, 2000, pp. 31–38.
- Niitsoo V. Rahvuslik vastupanuliikumine aastail 1955–1962 (Движение национального сопротивления в 1955–1962 гг.) // Akadeemia No. 12, 1994, pp. 2513–2539 and No. I, 1995, pp. 58–71; Eesti rahvuslik vastupanuliikumine aastail 1968–1975, No. 9–10, 1993, pp. 1819–1833 and 2905–2110.; Avalik vastupanuliikumine aastail 1977–1984, No. 9–10, 1992, pp. 1917–1933 and 2180–2194.
- Oberhammer P., Reinisch A. Restitution of Jewish Property in Austria // 60 ZaöRV 2000, pp. 737–761.
- O'Connell D.P. Recent Problems of State Succession in Relation to New States // RCADI 1971, vol. II, 1972, pp. 95–206.
- Osinbajo Y. Legality in a Collapsed State: the Somali Experience // 45 ICLQ 1996, pp. 910–923.
- Ottolenghi G. Il principio di effettività e la sua funzione nell'ordinamento internazionale // 15 Rivista di diritto internazionale 1936, pp. 3–33.
- Pellet A. Note sur la Commission d'arbitrage de la Conférence pour la paix en Yougoslavie // 37 A.F.D.I. 1991, pp. 329–348.
- Picciotti R.A. Legal Problems of Occupied Nations after the Termination of Occupation // 33 Military Law Review 1966, pp. 25–57.
- Popovski V. Citizenship and Ethno-politics in Lithuania // 33 International Politics March 1996, pp. 45–55.

- Посол Литвы Зенонас Намавичюс: Российской военной угрозы не существует // Известия, 20.02.2001 (№ 30), с. 9.
- Prunskiene K. Unabhängigkeit als Option für die Selbstbestimmung: das Beispiel Litauen, in: Ludwig K. (ed.). Perspektiven für Tibet. Auf dem Weg zu einer Zukunft in Freiheit und Selbstbestimmung. — München: Diamant Verlag, 2000, pp. 91–97.
- Pullat R. The Restauration of the Independence of Estonia // 2 Finnish YBIL 1991, pp. 512–529.
- Quigley J. Mass Displacement and the Individual Right of Return, in: 68 BYBIL 1997, pp. 65–126.
- Raestad A. La cession des Etats d'après le Droit des Gens // 66 Revue de Droit International et de législation comparée (RDI), 1939, pp. 441–449.
- Ramishvili T. Latvia and Estonia: Human Rights Violations in the Center of Europe // 44 International Affairs 1998, pp. 116–127.
- Randelzhofer A. Commentary to Article 2(4), in: Simma B. (ed.). The Charter of the United Nations. A Commentary. — Oxford: University Press, 1994, pp. 111–128.
- Rich R. Recognition of States: The Collapse of Yugoslavia and the Soviet Union // 4 EJIL 1993, pp. 36–55.
- Riismandel V. Kersten'i komisjoni töötulemusi (Результаты работы комиссии Керстена), in: Võitlev Eesti (Борющаяся Эстония), Nr. 6, 1956, pp. 35–42.
- Riismandel V.J. The Continued Legal Existence of the Baltic States // 12 Baltic Review (7 November 1957), pp. 48–68.
- Riismandel V.J. Nõukogude Liit oli agressor (Советский Союз был агрессором) in: Vaba Eesti sõna (Свободное слово Эстонии), February 26, 1998, No. 9 (2508).
- Riismandel V.J. Vaatlusi Vabadussõjast ja Tartu rahulepingust (Замечания о войне за независимость и Тартуском мирном договоре), in: Vaba Eesti sõna, December 23, 1999.
- Roberts A. What Is a Military Occupation? // 55 BYBIL 1984, pp. 249–305.
- Roberts A. Prolonged Military Occupation: the Israeli-Occupied Territories Since 1967 // 84 AJIL 1990, pp. 44–103.
- Roosaare E. Consular Relations between the United States and the Baltic States // 27 Baltic Review (June 1964), pp. 23–32.
- Ross A. Denmark's Legal Status during the Occupation, I Jus Gentium (Nordisk Tidsskrift for Folkeret og International Privatret). — 1949, Vol. I, pp. 3–21.
- Ross A. Tû-tû // 70 Harvard Law Review 1956/57, pp. 812–825.
- Rousseau C. Syrie // 33 RGDIP 1962, pp. 413–417.
- Ruiz H., Fabri. État (création, succession, compétences). Genèse et disparition de l'état à l'époque contemporaine // 38 AFDI 1992, pp. 153–178.
- Salmon J. Pays Baltes // 24 RBDI 1991, pp. 261–267.
- Saxer U.W. The Transformation of the Soviet Union: From a Socialist Federation to a Commonwealth of Independent States, in: 14 Loy. L.A. Int'l & Comp. L.J. 1992, pp. 581–715.
- Schachter O. The Decline of the Nation-State and its Implications for International Law, in: Charney J.I., Anton D.K., O'Connell M.E. (eds.). Politics, Values and Functions. International Law in the 21st Century. Essays in Honor of Professor Louis Henkin. — The Hague: Nijhoff, 1997.
- Schätzel W. Die Annexion im Völkerrecht // 2 AVR 1950, pp. 1–28.
- Schaumann W. Exilregierung, in: Strupp K. and Schlochauer H.-J. (Hg.). Wörterbuch des Völkerrechts. — Band I, 2. Aufl., Berlin: Walter de Gruyter, pp. 498–499.

- Scheuner U. Book review of K. Marek // 17 *ZaöRV* 1956/57, pp. 173–175.
- Scheuner U. Entstehung, Altersstufen und Untergang von Staaten im Lichte des Rechts, in: 4 *Kölner Zeitschrift für Soziologie* 1951/52, pp. 208–221.
- Scheuner U. Die Funktionsnachfolge und das Problem der staatsrechtlichen Kontinuität, in: Maunz T. (Hg.). *Vom Bonner Grundgesetz zur gesamtdeutschen Verfassung* (Festschrift für Franz Nawiasky). — München: Isar Verlag, 1956, pp. 9–48.
- Schmid K. Gedanken zu Untergang und Entstehung von Staaten in Mittel- und Osteuropa // 69 *Friedens-Warte* 1993, pp. 72–97.
- Schräm S.R. L'Union soviétique et les Etats Baltes, in: Jean-Baptiste Duroselle (ed.). *Les Frontières Européennes de l'U.R.S.S. 1917–1941*. — Paris: Librairie Armand Colin, 1957.
- Schreuer C. The Waning of the Sovereign State: Towards a New Paradigm for International Law? // 4 *EJIL* 1993, pp. 447–471.
- Schulz L. The Relationship of the Union to the Republics in Soviet Constitutional Law, in: Loeber D.A., Vardys S.V., Kitching L.P.A. (eds.). *Regional Identity under Soviet Rule — the Case of the Baltic States*. — 1990, pp. 351–354.
- Schweisfurth T. Germany, Occupation After World War II, in: Bernhardt R. (ed.). *EPIL* 3, Amsterdam: North Holland, 1982, pp. 191–197.
- Schweisfurth T. Ausgewählte Fragen der Staatensukzession im Kontext der Auflösung der UdSSR // 32 *AVR* 1994, pp. 99–129.
- Schweisfurth T. Vom Einheitsstaat (UdSSR) zum Staatenbund (GUS). Juristische Stationen eines Staatszerfalls und einer Staatenbundsentstehung // 52 *ZaöRV* 1992, pp. 541–702.
- Schweisfurth T. Soviet Union, Dissolution, in: Bernhardt R. (ed.). *EPIL*, Vol. 4, Amsterdam, 2000, pp. 529–547.
- Sciso E. Dissoluzione di stati e problemi di successione nei trattati, in: *XLIX La comunità internazionale* 1994, pp. 63–115.
- Scott S.V. International Law as Ideology: Theorizing the Relationship between International Law and International Politics // 5 *EJIL* 1994, pp. 313–325.
- Seidel G. Die Völkerrechtsordnung an der Schwelle zum 21. Jahrhundert // 38 *AVR* 2000, pp. 23–47.
- Senn A.E. What Happened in Lithuania in 1940?, in: *Lithuanian Foreign Policy Review* 2000, pp. 179–195.
- Shaw M.N. State Succession Revisited, in: 5 *Finnish YBIL* 1994, pp. 34–98.
- Shaw M. The Heritage of States: The Principle of *Uti Possidetis Juris* Today // 67 *BYBIL* 1996, pp. 75–154.
- Shaw M.N. Peoples, Territorialism and Boundaries // 8 *EJIL* 1997, pp. 478–507.
- Shinkaretskaya G. Succession and the Borders of the Russian Federation, in: *I Moscow JIL* 1995, No. 4, pp. 50–62.
- Sildam T. Välisminister Ilves: ajalugu pole pudupood (Министр иностранных дел Ильвес: история это не галантерейный магазин) // интервью в *Postimees*, 02.02. 2001.
- Simma B. Comments on Global Governance, the United Nations Reform and the Place of Law, in: 9 *Finnish YBIL* 1998, pp. 61–66.
- Skubiszewski K. The End of Yalta, in: Wellens K. (ed.). *International Law: Theory and Practice. Essays in Honour of Eric Suy*. — The Hague: Nijhoff, 1998, pp. 107–119.

- Slaughter A.-M. Governing the Global Economy through Government Networks, in: Byers M. (ed.). *The Role of Law in International Politics*. — 2000, pp. 177–205.
- Smirnov I.A. The Legal Qualification of the Documents on Security and Cooperation in Europe // *Soviet Journal of International Law*, No. 2, 1991, pp. 111–120.
- Smith G., Aasland A., Mole R. Statehood, Ethnic Relations and Citizenship, in: Smith G. (ed.). *The Baltic States. The National Self-Determination of Estonia, Latvia and Lithuania*. — London: Macmillan, 1994, pp. 181–205.
- Smith G. When nations challenge and nations rule: Estonia and Latvia as ethnic democracies, in: *33 International Politics*, March 1996, pp. 27–43.
- Stone J. What Price Effectiveness? // *50 ASIL Proc.* 1956, pp. 198–206.
- Stern B. How to Regulate Globalization?, in: Byers M. (ed.). *The Role of Law in International Politics*. — Oxford UP, 2000, pp. 247–268.
- Sur S. The State between Fragmentation and Globalization // *8 EJIL* 1997, pp. 421–432.
- Susi A. Mis on meie maksma läinud okupatsioon? (Во сколько нам обошлась оккупация?) // *Looming* No. 2, 1990, pp. 246–251.
- Szafarz R. The Practice of Poland as the „Other State Party” and as a Depositary — as Regards Succession of Recently Established States in Respect of Treaties (a Case Study) // *22 Polish YBIL 1995–1996*, pp. 221–235.
- Syatow J.J.G. Old and New States — a Misleading Distinction for Future International Law and International Relations, in: *Le droit international demain*. Université de Neuchatel, Série juridique No. 8. — Neuchatel: Éditions Ides et Calendes, 1974.
- Tarand K. Kasvuraskused (Трудности роста), in: *EÜSi Album XVIII*, Tartu, 2000, pp. 53–60.
- Tchernichenko S.V. State as a Personality, Subject of International Law and Bearer of Sovereignty // *Russian YBIL 1993–1994*, pp. 13–46.
- Teder L. N. Liidu agressiooniga Eesti Vabariigile tekitatud kahjude hüvitamisest (О компенсации ущерба, причиненного Эстонской Республике в результате агрессии СССР) // *Looming* No. 2, 1990, pp. 252–254.
- Teson F.R. Realism and Kantianism in International Law // *86 ASIL Proc.* 1992, pp. 113–118.
- Tichy H. Two Recent Cases of State Succession — An Austrian Perspective // *44 Austrian Journal of Public International Law* 1992, pp. 117–136.
- Tomuschat C. Ethos, Ethics and Morality in International Relations, in: Bernhardt R. (ed.). *EPIL* 9, Amsterdam: North Holland, 1986, pp. 127–134.
- Tomuschat C. Staatsvolk ohne Staat? Zum Teso-Urteil des Bundesverfassungsgerichts (BverfGE 77, 137), in: *FS Karl Doehring*. — Heidelberg: Springer, pp. 985–1008.
- Tomuschat C. International Crimes by States — an Endangered Species?, in: *International Law: Theory and Practice. Essays in Honour of Eric Suy*. — The Hague: Nijhoff, 1998, pp. 253–274.
- TorreCuadrada S. Le rôle du consentement dans la succession d'Etats aux traités // *23 Polish YBIL 1997–1998*, pp. 127–170.
- Trapans J.A. The West and the Recognition of the Baltic States: 1919 and 1991. A Study of the Politics of the Major Powers // *25 Journal of Baltic Studies*, 2, pp. 153–173.
- Uibopuu H.-J. Gedanken zu einem völkerrechtlichen Staatsbegriff, in: Schreuer C. (ed.). *Autorität und internationale Ordnung. Aufsätze zum Völkerrecht*. — Berlin: Duncker & Humblot, 1979, pp. 87–110.

- Uibopuu H.-J. Minorities and their Rights in the Baltic States, in: 35 AWR-Bulletin 1997, pp. 189–197.
- Uibopuu H.-J. Dealing with the Minorities — a Baltic Perspective, in: 48 The World Today 1992 (June), pp. 108–112.
- Ushakow A. Die Wiederherstellung Polens im Lichte des Völkerrechts, in: Meissner B., Zieger G. (Hg.). Staatliche Kontinuität unter besonderer Berücksichtigung der Rechtslage Deutschlands. — Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1983, p. 107–128.
- Vadapalas V., Zalys V. Secret Protocols to the Soviet-German Treaties of 1939 and the Problem of Prescription in International Law, in: Proceedings of the Estonian Academy of Sciences. Social Sciences, 1990, 39/2, pp. 126–134.
- Vallens D. The Law on Aliens Controversy in the Baltic States, in: The Review of the International Commission of Jurists, No. 54 June 1995, pp. 1–28.
- Varenes F. de. Non-Citizens and Minorities in Estonia and Their Economic and Social Opportunities, in: Trifunovska Snežana (ed.). Minorities in Europe. Croatia, Estonia and Slovakia. — The Hague: Asser Press, 1999, pp. 123–142.
- Verdross A. Die völkerrechtliche Identität der Staaten, in: Braun R., Verdross A., Werner L. (Hg.). Festschrift Heinrich Klang. — Wien: Springer Verlag, 1950, pp. 18–21.
- Verdross A. Untergang von Staaten, in: Strupp K., Schlochauer H.-J. (eds.). Wörterbuch des Völkerrechts. — 2. Aufl., Band III, Berlin: Springer, 1962, pp. 479–480.
- Verhoeven J. La reconnaissance internationale: déclin ou renouveau? // 39 AFDI 1993, pp. 7–40.
- Visek R.C. Creating the Ethnic Electorate through Legal Restorationism: Citizenship Rights in Estonia // 38 Harvard JIL 1997, pp. 315–376.
- Waitz von Eschen, F. Frhr. Zur internationalen Lage der baltischen Republiken nach Erlangung der Unabhängigkeit, in: 42 Osteuropa 1992, pp. 319–328.
- Whomersley C. The International Legal Status of Gdansk, Klaipeda and the Former East Prussia // 42 ICLQ 1993, pp. 919–927.
- Wright Q. The Goa Incident // 56 AJIL 1962, pp. 617–632.
- Yakemtchouk R. Les républiques Baltes en droit international. Echec d'une annexion opérée en violation du droit des gens // 37 AFDI 1991, pp. 259–289.
- Young R. The State of Syria: Old or New? // 56 ASIL 1962, pp. 482–488.
- Zakharova N.V. States as Subjects of International Law and Social Revolution (Some Problems of Succession) // Soviet YBIL 1960, pp. 157–166.
- Zakharova N. Renunciation by the Soviet State of Treaties of Tsarist Russia which Violated the Rights of the Peoples in Eastern Countries // Soviet YBIL 1962, pp. 126–136.
- Žalirnas D. Legal and Political Issues on the Continuity of the Republic of Lithuania, in: Lithuanian Foreign Policy Review 1999, No. 4, pp. 104–116.
- Ziemele I. The Application of International Law in the Baltic States // 40 GYBIL 1997, pp. 243–279.
- Ziemele I. The Role of State Continuity and Human Rights in Matters of Nationality of the Baltic States, in: Jundzis T. (ed.). The Baltic States at Historical Crossroads. Political, Economic, and Legal Problems in the Context of International Cooperation on the Doorstep of the 21st Century. A Collection of Scholarly Essays Published in Remembrance of Senator August Loeber and the 75th Birthday of Professor Dietrich Andre Loeber. — Riga: Academy of Sciences of Latvia, 1998, pp. 248–271.

